

Человек и его дом

Знатоки святого Писания, деловые люди и общественные деятели, прославившие наш город великодушием и благословенными делами.

Здесь упоминаются еврейские дома, излучавшие свет в своё время.

А.Ури

Отчий дом

Мне хочется изобразить в нескольких чертах быт отчего дома, запечатлевшийся в моей памяти. Улица, на которой мы жили, была одной из тихих улиц.¹ С обеих сторон росли деревья, возле домов располагались огороды, которые вели к полям окрестных сёл. В конце улицы к берегам Случи круто спускался переулок, и летом в нём было много гуляющих. Они шли купаться или плавать на лодках

Спереди к дому примыкал маленький фруктовый сад со сливами, вишнями, малиной и смородиной, а сзади – хорошо обработанный большой огород, кормивший весь год нашу семью овощами. В хлеву во дворе мы держали корову, у которой ежегодно появлялся на свет телёнок.

В нашем доме слышен был голос Торы и хасидское пение. Отец, шойхет и контроллёр из старой хасидской семьи шойхетов и раввинов, обычно вставал в полночь и сердечно напевал отрывок из Талмуда и псуким*. За всю свою жизнь он трижды изучил шесть частей Талмуда вместе с псуким и в четвёртый раз успел пройти их до половины. Отец не только изучал Тору, но и философскую литературу: главные книги Рамбама, средневековую поэзию, «Сэфер га-брит»*, «Седер га-дорот»* Гейльприна*, «Йесод вэ-шореш га-авода». Читал он даже новую литературу: «Морэ нэвухе га-зман»* р.Нахмана Крохмаля*, «Аль парашат-дерахим»* Ахад Гаама, «Дор дор вэ-дорэшав»*, номера «Га-Шилоах» и стихи Бялика*.

По ночам он молился в комнате, где я спал, и его напевы вызывали в моей душе приятную тоску по неизвестным мирам. Эти скрытые чувства сопровождали меня затем всю жизнь.

В нашем доме часто останавливались гости, посланцы раввинов. Особенно запомнился мне габай р.Нахман – посланец ребе из Ротмистровки. Это был роскошно одетый еврей с благородным обликом. Каждый раз он привозил с собой новую хасидскую мелодию, которую красиво напевал в хасидских дворах. В канун субботы в нашем доме собиралось на трапезу множество хасидов, слушавших рассказы р.Нахмана и распевавших вместе с ним до поздней ночи змирес*. Он был задушевым другом нашей семьи и каждый раз привозил от ребе подарки. Дни его пребывания в нашем доме были наполнены нежным пением и хасидской приверженностью. Дух хасидизма вселял также ребе р.Нухимци, внук р.Дувидла из Тального. К нам он заходил в сопровождении

1   Здесь речь идёт о Гутинской улице

большой свиты из уважаемых хасидов города. Ребе гостил постоянно в доме р.Пейсаха Кутмана.

Дух Торы усиливала также ешива, находившаяся по соседству с нашим домом. Несколько ешиботников обучались у отца ремеслу шойхета и контролёра и по несколько часов в день занимались вместе с ним Торой. Я начал тогда учиться в ешиве и был вначале одним из самых усердных, проводил в учёбе 2-3 ночные вахты в неделю. А рано утром мы, несколько учащихся, шли купаться на близлежащую Случь. Освежившись, помолившись, я бежал домой. Здесь меня ждал завтрак, приготовленный мамой из надоя коровы.

Ночные вахты были насыщены печальными мелодиями Талмуда. Тусклые ночные тени навевали на нас глубокие чувства, особенно во время прихода «Даровитого». И сейчас, пятьдесят с лишним лет спустя, эти чувства всё ещё не покидают меня. В переполненной библиотеке отца находились книги, на первый взгляд, противоположные, но в действительности дополнявшие друг друга. В их числе «Хатам софер»*, «Арба турим»* с комментариями. На одной из полок хранились «Зогар», «Магид мейшарим» р.Йосефа Каро*, а между ними – тонкие книги «Сэфер Разиэль»* и «Сэфер йецира»*, которые отец особенно берёт. Видное место занимали также произведения средневековой философии Рамбама, включая «Кузари», которую отец очень любил. Наряду с «Шней лухот га-брит»*, были также «Сэфер га-икарим»*, критические замечания РАБаДа*, хасидская литература: части из «Тания»* и «Хафец хаим»*, «Кедушат Леви»* и «Ноам Элимелех», «Маген Давид» р.Дувидла из Тального и книга учений и острот р.Аарона из Карлина*. Вместе с ними находились сидур р.Яакова Эмдена*, «Мидраш Раба»* и «Мидраш Танхума»*, книга «Йесод вэ-шореш га-авода», ТаНаХ с комментариями «Ор га-хаим»*. Благоговение витало над нашим домом во время субботней трапезы, в пятницу вечером и на следующий день в полдень. Отец увлекал нас своим пением, наполненным печалью. Затем поздно ночью, когда все спали, он просыпался и в душевном пылу читал книги, а я, лёжа в кровати около стола, за которым он сидел, внимал его мелодии, полные ликования души.

Книг казуистики у отца не было. Это означает, что он не покупал книг, в которых не испытывал нужды. Однако перед празднованием своей бар-мицвы я достал в ешиве «Шаагат арье»*, заучил оттуда одну главу и читал её во время застолья, устроенного дома по этому поводу. Проповедь, очевидно, понравилась сидящим за столом, и я получил от них много подарков.

Отец читал «Седер га-дорот», изучал «Шем га-гдолим»* ХИДА*, «Сэфер га-брит» и все серьёзные книги, которые я приносил домой вначале скрытно, и говорил мне: «Надо остерегаться старых „безбожников“, наполненных Торой как гранат зёрнами, чьи души иногда глубоко потрясены страхом перед святостью».

Много разных людей бывало в нашем доме. Продолжительное время гостил у нас учёный «литвак»*, человек большой эрудиции и один из друзей «Даровитого», но вместе с тем увлечённый духом Гаскалы. Этот высокий благородный еврей с короткой, несколько взлохмаченной бородой, блестящими ясными глазами и глубоким лбом ходил слегка согнувшись и не отрывался от чтения. Он был увлечён поэзией на иврите и идиш, очень любил произведения Переца и Бердичевского. Особенное удовольствие ему доставляли народные рассказы И.-Л.Переца, которого напечатали тогда в петербургском «Дэр фрайнд». Он читал нам «Три подарка» или «За носилками покойника», а затем «Ночью на старом базаре» и объяснял их глубокое содержание. Мы были привязаны к этому человеку, от которого веяло весенней лёгкостью. Где найдёшь сейчас еврея с такой утончённой душой? Где исчезли его следы? Кто убил его? И где сейчас наследники его духа? ...

Гаскала вызвала глубокое брожение и тоску по еврейскому творчеству. Романтический дух группы интеллигенции, сосредоточенной вокруг Фейерберга, проник в наш дом и закалил характер моей старшей сестры Суры. Она стала затем невестой одного из членов этой группы, который превратился в неверующего и готовился тогда к экзаменам на аттестат зрелости. Вначале отец упорно сопротивлялся, но её воодушевление и готовность к жертвам взяли верх. Война с группой Фейерберга была тогда в самом разгаре. Однако папа стоял в стороне. Отец Фейерберга, р.Шимон-шойхет и контролёр, был нашим родственником и часто ездил с папой на дежурство на бойню. Да и сам Фейерберг заходил к нам в дом и показывал папе свои первые произведения «Телёнок» и «Тени». Папа был близок ему по утончённости духа, хотя остро выступал против наступательной войны, начатой его друзьями. Когда сестра Сура вышла, наконец, замуж за любимого ею маскила, они поселились отдельно, и отец долгое время не ходил к ним. В их новом доме собирался цвет интеллигенции, которая старалась распространить своё учение и образ мыслей, особенно среди молодёжи. Я был тогда ещё ребёнком, и они старались повлиять на меня, подтрунивая над моей походкой, тянувшемуся до пят капотом без разреза, длинными пейзажами и трепетным отношением к соблюдению религиозных обычаев. Сначала эти шутки смущали меня, а иногда доводили до слёз.

Когда отцу стало известно об этом, он рассердился и велел мне не ходить к ним. Но сердце моё тянулось к блеску радости в их глазах, и я жаждал познать их секреты. А они стали снабжать меня маленькими книжками И.-Б.Левнера*, Ш.-Л.Бермана, «Сифрей агора»* Бен-Авигдора*, которые произвели на меня большое впечатление. За ними последовали «Агават Цион» и «Ашмат Шомрон», «Нэфеш рцуца» С.Бенциона*. Я их буквально глотал и неоднократно перечитывал. Постепенно я как новичок включался в их компанию, хотя ещё не понимал их речей и задушевных дискуссий, будораживших душу.

Вышла замуж и вторая моя сестра. Её муж приносил в наш дом «Сифрей га-шана» и толстые сборники «Асиф», а затем «Дор дор вэ-дорэшав». Талмуда и авторитетов еврейского закона перестали меня воодушевлять, и я тайно углубился в сионистскую литературу, затем в книги «Тушиа»* и «Ахисаф»* , «Лухот»* , стал читать «Га-Шилоах», пока однажды «Даровитый» не заметил во мне перемены и начал расследование.

После смерти Фейерберга его компания распалась. Некоторые члены компании покинули город. А.Ческис уехал в Одессу, где находился под покровительством Ахад-Гаама, Ш.-Ц.Зецер – в Житомир. Вскоре началось брожение первой русской революции, сбор партийных групп революционеров. Просвещённая молодёжь и массы рабочих внимали болтовню «Бунда», эсдэков всеобщих и эсеров. У каждого была своя биржа на одной из центральных улиц города. Приводили великих агитаторов. Начались манифестации и вслед за ними аресты. Моя сестра Лея была вовлечена в это движение, в кружке изучала теорию, и у неё из-за пазухи стали выпадать революционные брошюры. Она учила политическую экономию по книге А.Богданова и была увлечена пылким милым юношей, одним из первых агитаторов «Бунда». Этот кружок с большим энтузиазмом готовил к постановке «Семью Цви» Давида Пинского*, и Лея играла одну из ролей.

Эсеровская биржа находилась на нашей улице, что весьма раздражало отца, который не терпел святотатства. Он очень радовался, что я был приверженцем сионизма, увлёкся творчеством на иврите и читал вместе со мной статьи Ахад Гаама и брошюры Бердичевского. Папа очень любил и чтит Ахад-Гаама как «одного из наших», хотя не был согласен с его высказываниями о необходимости обдуманной практической реформы в иудаизме. Он был привязан к сионистским газетам на иврите и идиш, участвовал с

энтузиазмом в выборах в первую Российскую Думу и защищал сионистский блок, во главе которого на Волыни стоял Жаботинский*.

Помню, как сильно переживал я, когда однажды вечером отец пришёл подавленный из молитвенного дома и сообщил нам весть о смерти Герцля. Он сидел на полу как в трауре и излагал нам свою глубокую скорбь о большой утрате для всего народа, которая внезапно свалилась на наши головы. Этот случай произвёл на меня сильное впечатление.

Культура отчего дома

Просторный дом был окружён большим садом и огородом. К западу сад спускался к просторной реке, отделяющей город от возвышенности на противоположном берегу. Та сторона, изобиловавшая лесами и полями, скрывала в себе великолепные дворцы помещиков. Тяготение последних к городу способствовало его экономическому расцвету и поразительной чистоте. Спереди от дома, со стороны улицы, тянулся деревянный зелёный забор. Его окраска сочеталась с зеленью высоких деревьев, скрывавших значительную часть просторного двора. Плоские камни, которыми был вымощен двор, отделяли маленькие клумбы с красивыми цветами. Во дворе находились хозяйственные постройки: хлев, сарай для дров и т.д. В углу, возле ворот, стоял колодец, удовлетворявший потребности в воде не только нашей семьи, но и многих других. Колодезной водой поили корову, мыли полы, поливали огород и т.д. Другое дело – питьевая вода, которой нас снабжал, как и прежде, р.Йосиф-водовоз. Он наливал 8-10 вёдер «газировки» в бочку, стоящую в коридоре. Это воду использовали для питья и приготовления пищи.

Вода из колодца, вырытого самим владельцем дома, пользовалась спросом среди всех жителей улицы. В предвечерние часы во дворе становилось шумно от поборников колодезной воды. Жильцам дома приходилось снабжать верёвкой для привязывания ведра тех, кто не имел её при себе. Когда ведро срывалось с верёвки и тонуло, хозяин ведра просил «кошку». Чаще всего ему не удавалось найти ведро, и он обращался за помощью к кому-то из домашних.

Больше всего шума создавали пожарники, которые предпочитали поить лошадей колодезной водой, хотя их депо находилось недалеко от реки. А возвращавшийся поздно ночью извозчик стучал в двери, будил спящих и просил сжалиться над его скотиной, которая трудилась весь день и изнывает от жажды. Ему одалживали ведро с верёвкой.

Фруктовый сад круглый год – и в зимнюю пору, когда деревья укутаны белоснежным покрывалом, и во время цветения, когда они распространяют опьяняющие запахи весны, и даже осенью, когда листья опадают, и они стоят общипанные и покинутые, а ветер воет между почерневших ветвей – притягивал к себе детвору всей улицы и близлежащих переулков. Детский смех смешивался тогда с мычанием животных во дворе, утолявших жажду колодезной водой. Сам дом тоже находился под сенью толстых красивых деревьев.

В доме, который был благословен детьми, с раннего утра до поздней ночи, в субботу, праздники и будни происходило постоянное движение. Хозяин дома усыновил двух детей своих сестёр, скончавшихся в одно лето. Они росли вместе с его детьми- подростками, недостатка в хлебе не испытывали, да и подушку под голову для себя нашли. Домашняя атмосфера была приятной и успокоительной, несмотря на непрекращающийся шум от входящих и выходящих.

Поздней ночью, когда всё умолкало, ещё мерцал свет в боковых окнах, выходящих в сад. Там сидел, склонившись над книгой, отец семейства. Свет также пробивался из одной комнаты, где кому-то из сыновей или дочерей тяжело было оторваться от книги.

Мой отец – представитель поколения Гаскалы в самом её расцвете, потомок праведной

династии – был служителем культа. Шойхет и контролёр по профессии, он пребывал в тесной связи с обществом. Многие спрашивали у него совета. Его приглашали даже выразить мнение о женихе, предложенном для девушки. Всем сердцем он был верен идеалам своего поколения, увлечён национальным пробуждением, идеями «Билу»* и с энтузиазмом боролся с ассимиляцией во всех её проявлениях. С другой стороны, он сочувствовал нашей молодёжи, проявлявшей доблесть в борьбе против политического и социального угнетения. Мысли его переносились от мечтателей и строителей Сиона к тем, кто освящал славу рабочего на эшафоте. Но душа его пребывала в стране предков.

Он выписывал «Га-зман»* Бенциона Каца* с первого дня его выхода в свет и до закрытия. В доме было полно книг: ТаНаХ разных изданий, Талмуд, книги толкования и каббалы, Галахи, авторитетов еврейского закона (первых и последних), литература Гаскалы и новая литература того периода, большая коллекция научных книг на иврите (тогда назывался священным языком) по астрономии и естествознанию Х.-З.Слонимского*, Бернштейна и Цви-Гирша Рабиновича*. За недостатком места в доме на чердаке хранились подшивки «Га-Магид»*, «Га-Мабит»*, «Га-мелиц» и «Га-писга»*, одним из сотрудников которого был наш земляк Ноях Розенфельд, сын Гершла Симхи Бунимс. Там же хранились сборники «Кнэсет Исраэль»* Ш.-П.Рабиновича*, «Ган-прахим»* Йегоше Мезаха* «Бикурей га-итим»* и бесчисленное множество календарей.

Он был пламенным последователем Б.Ц.Каца. Во-первых, из-за его эрудиции: Кац проявлял дарования в Талмуде. Во-вторых, потому что тот проявил смелость в борьбе с русской бюрократией и антисемитизмом. Кац был просто «безобразником». Имея доступ в департаменты, ему даже удалось стащить оттуда экземпляр текста манифеста о конституции царя Николая II и опубликовать его в виленском «Га-зман». А приближённое к царю и его семье «Новое время» перепечатало из «Га-зман» этот манифест. Это стало тогда шумной сенсацией. Он также написал фельетон «Случай с меламедом, согрешившим с замужней женщиной», что привело к увольнению министра просвещения Кассо*, имевшего дурную репутацию антисемита. Всё, что описывалось в вышеупомянутом фельетоне, в точности соответствовало положению, в котором находились министр просвещения и жена его друга.

Подписка на «Га-зман» приносила заметную прибавку: его подписчикам в качестве подарка давали «Историю евреев с древних веков до настоящего времени» Греца*. Другие книги, в числе которых «Арух га-шалэм»* Когута*, продавались по льготной цене. Но этого было недостаточно. Маме тоже нужна была газета. Эта простая женщина хлопотала с горшками у плиты, пекла хлеб, а к субботе халу, оладьи, кихлики*, запеканки и ухаживала за коровой. Кроме того, она была также членом комитета бедных евреек-рожениц. Мама выписывала «Гайнт»*. Приятно было смотреть, как она в сумерки сидит и читает соседкам газету словно великосветская дама, в особенности занимательные романы, которыми «Гайнт» приковывал своих читателей

После приезда родственника р.Менделя Бибера* блаженной памяти, автора «Мазкерет ли-гдолей Остро»*, ей стало известно, что его племянник Шлоймэ Бибер* занимает высокий пост ночного редактора «Момент»*. С тех пор она выписывала «Момент» вместо «Гайнт» и получала большое удовольствие от политических писем «Ичелэ» (Йеушзон*).

Несколько слов о Шлоймэ Бибере, двоюродном брате отца. Ещё будучи подростком, примерно 70 лет назад, в него вселился дух созидания. Он не довольствовался

пропагандой трудящихся и сам пошёл работать. Бросил бес-медреш, поступил в профессиональную школу, спускался в угольные шахты Донбасса и стал шахтёром. Участвовал в социалистическом движении, переехал в Польшу, работал журналистом и занимал видное место в Польской социалистической партии. Сотрудничал в нелегальной и легальной прессе. Писал статьи и исторические романы о несчастьях 5408-5409 гг.¹, по истории еврейского ходатайства, деле Бейлиса и другие (см. З.Рейзен «Лексикон фун дэр идишер литератур»*, статья «Бибер»).

Старший сын входил в компанию писателя М.-З.Фейерберга, о котором в этой книге написано отдельно. Он служил проводником и инструктором своим младшим братьям и сёстрам. Хотя обстоятельства забросили его далеко от дома, он сохранял связь с родными.

Дочери, достигнув совершеннолетия, пошли работать, хотя тогда это считалось изъёмом, принимая во внимание общественное положение отца. Они выписывали еженедельник «Пробуждение»*, наподобие «Газит»*. Еженедельник «Нива»* стал духовной пищей братьев и сестёр. Ещё один ежемесячник под названием «La end Desperanto» выписывала сестра. Я не ошибусь, если скажу, что она была одной из немногих в Звягеле приверженцев эсперанто, которая совершенствовалась в этом языке и вскоре даже овладела им. А мой старший брат был подписчиком на «Вестник знания» и «Журнал для экстернов». Понятно, что в доме была и детективная литература: рассказы о Нате Пинкертоне, Нике Картере и Шерлоке Холмсе. У младшей сестры был свой журнал «Колосья»* с сионистским оттенком.

Сыновья много читали, глотали и переваривали всё, что им попадалось в руки. Рынок книг, который был переполнен благодаря «Тушиа», «Га-библиотека га-гдола» и затем «Централ»*, снабжал их в изобилии духовной пищей, и все публиковавшиеся книги охотно «поглощались» ими.

Единственной в своём роде была книга, которую написал на русском языке Давид-Аарон Гордон*, известный в своё время фабрикант, знавший толк в законах экономики. Эта книга была предназначена для человека-труженика дореволюционной Великороссии. В ней он проповедовал кооперативное движение в производстве хлопка и текстиля, а также развитие этого производства на дому. Он провозгласил библейский лозунг: «Не боится стужи для семьи своей ... Виссон и пурпур – одежда её»².

Вся семья перебралась в Эрец-Исраэль и пустила там корни, кроме одной дочери, уехавшей из дома до «потопа» и построившей семейное гнездо в горах Казахстана. Её старший сын, известный деятель сионистского подполья, был заключён в политизолятор и ликвидирован в 1937 году.

---

1 1648-49 гг.

2 Мишлей /Притчи Соломоновы/ 31:21,22

Дома на городских улицах

Дом сионистов

На одной из тихих улиц города, на которой не было ничего достойного внимания прохожего, стоял одноэтажный, простой, скромный дом с белыми стенами и гонтовой крышей. Его маленькие окна, расположенные близко друг к другу, выходили на улицу. Этот дом достоин особого упоминания в истории города, поскольку в наше время он превратился сионистский центр.

Это был дом рэба Ушера-Элика Шлаена, еврея предыдущего поколения, сына переписчика свитков Торы, знатока святого Писания и образованного человека, тальновского хасида, человека благообразного, остроумного и здравомыслящего, делового и сообразительного. Он почитал путь евреев среди народов и в соответствии с этим определял путь в воспитании своих сыновей и дочерей, контролировал их шаги навстречу будущему. Поэтому новые веяния нашли сильный отклик в этом скромном доме. Они воспринимались через номера «Га-Зман» и «Га-Цфира», чтение которых доставляло удовольствие, звучали из уст молодого зятя Аарона Ставницера в пятницу вечером, когда тот читал рассказы Шолом-Алейхема и Менделе*. Они были слышны в пылу бурных дискуссий между тремя братьями, его взрослыми сыновьями, один из которых был бундовцем, второй – членом «Паолей Цион», а третий – сионистом.

Он воспитывал их одновременно и в духе Торы, и в духе Гаскалы, что было большой редкостью для нашего города в тот период. Еврей, соблюдающий традицию, воздерживался даже от обучения сыновей ТаНаХу, ибо это считалось пустой тратой времени. А р.Ушер-Элик поплыл против течения и отдал своего старшего сына в русское городское училище. Благодаря пониманию, которое проявил отец к настроению той эпохи национального и социального брожения в начале нашего столетия, три его взрослых сына смогли проявить активность в различных движениях. Старший Ицхок, который начинал свой путь в сионистском движении, затем увлёкся «Бундом» и активно участвовал в пропаганде и организации забастовок. В Белостоке во время ареста он оказал сопротивление полиции, был ранен и заключён в тюрьму. Отец, обладавший сильным характером, воспринял это известие внешне спокойно, но внутренне был потрясён. Не полагаясь на чудо, он делал всё возможное для освобождения сына. После освобождения Ицхок вынужден был эмигрировать, чтобы избежать ссылки и прочие наказания. Через несколько лет он вернулся к рабочему сионизму и, прибыв в Эрец-Исраэль, нашёл в этой стране своё место. Через несколько лет злокачественное заболевание преждевременно сокрушило его. Второй сын, аптекарь по профессии, был активистом «Поалей Цион» и представлял эту партию в комитете общины после первой русской революции.

Третий сын Шмуль (Шмулик), самый младший из трёх братьев, унаследовал от отца простоту в общении и вежливость, преданность еврейским святыням и обдуманное отношение к своим поступкам. Он учился в ешиве вместе со своим другом Йосифом Буселом, а также в Одесском торговом училище. Сияние большого шумного города не ослепило его. Шмулик оставался верным воспитанию, которое получил в отчем доме, и вскоре нашёл своё место в среде, соответствующей его идеалам – в кругу сионистов Одессы. Это было время «Ди копикэ библиотек»*, которая была основана доктором Й.Сапиром* и должна была стать инструментом агитации и пропаганды сионистской

идеи. Ему было поручено распространять брошюры среди евреев России, Литвы, Польши и Украины. С этим заданием он успешно справился.

А.Ури (Маляр), Ш.Шлаен

В то же время он не забывал друзей в своём городе и переписывался с ними, особенно со своим самым близким другом Азрилем Ури (тогда Маляр), тоже одним из лидеров сионистского движения. Каникулы были посвящены сионистской деятельности. Уже тогда, в юности, Шмулик выступал с бимы Большого бес-медреша по субботам, на митинге памяти Герцля и на Тишебов. Вместе с ним выходили его друзья Азриль (тогда 17-летний) и Мордке Орловский, который был старше его.

Хотя эта пропаганда имела большое значение, практический результат от неё был небольшим, поскольку сионизм в то время ещё не завоевал сердца масс. Дерзость идеи о государстве Израиль была всё ещё уделом немногих. Абсолютное большинство евреев относилось к этому как к фантастической мечте. Сионистская молодёжь в своих делах наталкивалась на глухую стену, однако не отчаивалась. Шмулик сосредоточил свою работу на теории и практике сионизма. Приятны воспоминания 1911 г., года его отъезда в Эрец-Исраэль, когда устраивали собрания в домах Дувида-Аврума Шапиро и Дувида Липенгольца.

Подростками были мы тогда. Были среди нас также не достигшие бар-мицвы. Нас влекло к этим парням. Мы, местечковые подростки, следовали за ними с благоговением. Для нас эти смелые парни с приветливыми лицами, гордой выправкой и красивой походкой были люди новой эпохи, возвысившиеся над материальным миром. Мы впитывали в себя поэзию юности, которую они распространяли и которая радовала наши сердца. Велико было наше стремление войти в этот круг, во главе которого стояли Шмулик и Азриль. Со временем мы получили туда доступ.

1910 г. и часть 1911 г. (до репатриации в Эрец-Исраэль) Шмулик провёл, главным образом, в городе. Это было время подъёма сионистского движения, которое опиралось, образно говоря, на «четыре столпа»: Шмулик, Азриль, Шмуль Ингал и самый старший из них Йегоше Хижин. Эта четвёрка представляла собой главный штаб сионистской организации города. Всё свободное время они посвящали сионистской деятельности. Каждый день можно было видеть сквозь витрину часовщика Йегоше Хижина, когда тот прослеживает взглядом бой часов и прислушивается к словам двух парней, Шмуля и

Азриля, о сионизме, Эрец-Исраэль и родном городе. Их влияние было заметным. Сионизм вызывал интерес и стал темой для разговора дома и на улице, в синагоге и во всех общественных местах. Эта четвёрка создала такое настроение и сумела его использовать. Они вовлекли в движение несколько влиятельных горожан из числа торговцев и ремесленников. За ними потянулась молодёжь, ученики ешивы и городской гимназии, а также подмастерья и экстерны. Следует отметить также просветительскую работу: кружки самоусовершенствования, субботы чтения (каждый раз собирались у другого товарища) на сионистские и литературные темы. Это были здоровые семена, посеянные в нашем городе молодыми сионистами со Шмуликом во главе. Шмулик основал в 1909-11 гг. кружок говорящих на иврите. Я помню это время, особенно субботние и праздничные дни, когда на улице звучало многоголосие юношей и девушек. На иврите в том кружке говорили Шмулик Герцвольф, Мотл Ройтберг, Э.Садэ-Лаван, автор этих строк и другие. И тех самых первых мы должны благодарить за то, что они послужили для нас примером.

Вечеринка друзей со Шмулем Шлаеном перед его репатриацией в Эрец-Исраэль.
Сидят (справа налево): И.Трембовольский, М.Орловский, Ш.Шлаен, А.Ури (Маляр), Э.Садэ-Лаван. Внизу: М.Курляндчик, М.Бонэ (Бибер).
Стоят (справа налево): А.Розенфельд, Й.Хижин, Дувид Липенгольц, А.Лихт

Сионистский уголок

Улица Тамаровская начинается от середины улицы Соборной, спускается и образует ответвление налево среди жестяных строений и деревянных сараев, которые служат кузнями, жестяными, столярными и прочими мастерскими по обработке дерева и металла, усеивающими спуск к реке («ди Нидер»). А с другой стороны улицы – вход на большую площадь. В определённое время эта площадь служит местом развлечений: карусели-лошадки, деревянные человечки-марионетки, уличные представления, выступления клоунов, чародейства, цирк и т.д. Оттуда улица продолжается и поднимается в направлении Житомирской улицы.

По обе стороны Тамаровской улицы – лавки и торговые дома. На одном её участке снуёт множество людей, торговцы и торговки, подводы, скот. Торгуются, покупают и продают, разгружают товары и нагружают подводы. Галдэж несусветный, пыль стоит столбом.

Когда заходишь в дом р.Пейси Круковца у входа на Сажалку¹, напротив дома Мойше-заготовителя в углу переулка, ты как будто попадаешь в иной мир. Здесь совершенно

¹ Неофициальное название Сенной площади

другой воздух. Не воняет керосином, дёгтем и рыбой, а пахнет верёвками, производимыми сыновьями Золото и Купершмида. Здесь ты ощущаешь запахи свежих шкур из дома Мойше-заготовителя. До твоих ноздрей доносится запах шерсти, кожи и хлопка из двора Гершла Урис и запах опилок, вылетающих из-под рубанков и пил в натруженных руках плотников Золото, чья семья славилась своей преданностью сионизму. С другой стороны слышны голоса учеников Эли-чтеца Торы, ребе Боазамеламеда, Мойше Гершла Урис, Мойше Фельдмана и учителя Фридмана. Вечерами в месиво голосов вплетались также звуки молитвы из синагог коростышевских и олыкских хасидов («Коростышовэр ун Олыкэр шулхэнс»). Летними вечерами взгляд прохожих был влеком к дому, стоящему на одном из углов спуска, где через раскрытое окно видна была фигура мужчины. Его красивое, сверкающее белизной лицо было увенчано золотистой бородкой. Голова с ермолкой склонилась над книгой, лежавшей на длинном широком столе. Это была фигура раввина Шай Бару («рэб Шика дэр даен»). По вечерам к нему приходили гости, чтобы получить удовольствие от пребывания под сенью раввина-соседа и услышать из его уст слова Галахи. Несмотря на свои большие познания в Талмуде и Галахе, удивительную эрудицию и глубину, он избегал вести разговоры о Галахе с гостями, даже если обстоятельства требовали этого. Он умел повернуть разговор от вопросов Галахи к светским делам, к вопросам, стоящим на повестке дня. «О Торе поговорим днём в синагоге после молитвы, а ночь сотворена не для учёбы», – такими были его слова. Разговоры, главным образом, касались положения евреев в городе, заработка, торговли (всё это приправлялось соответствующим рассказом и притчей). Снова и снова ведутся разговоры об Эрец-Исраэль и сионистском движении. И тут будто искра зажглась в сердце раввина, и он воодушевляет словами своих слушателей.

Эти слова не были посеяны впустую. Многие из гостей, среди которых были его соседи-ремесленники, стали затем сионистами и воспитывали в таком духе своих детей. Выше мы упоминали сионистскую семью плотников Золото, Меера Хаймана, Пейси Круковца и других. На всю жизнь в памяти останутся праздник Симхас-Тойре в доме р.Мойше-заготовщика (Мойше Двериса) и вечеринки Ту-би-Шват*, которые устраивались в его доме. Сам рэб Мойше – тощий еврей с благообразным лицом, трудолюбивый, набожный, соблюдающий традиции и пламенный сионист. Каждый раз предоставлял он в распоряжение сионистского общества большой зал своего дома.

Мойше Дверис

Наверху Тамаровской улицы на мансарде одного из домов находилось жилище ребе Эли-чтеца Торы. Ребе Эли был также меламедом Торы для детей этой улицы. На первый взгляд, хедер как хедер. Но хедер ребе Эли отличался от всех хедеров, так же как и ребе Эли отличался от всех меламедов. Он был просвещённым евреем, хотя считался знатоком

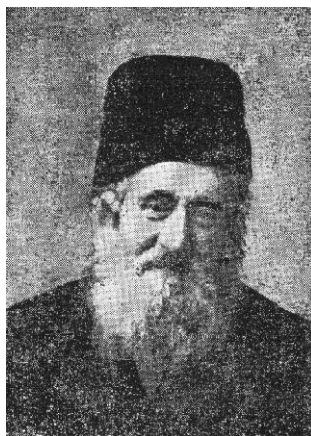
Святого писания и соблюдал Закон. В его хедере изучали также язык и грамматику по специальным книгам, ТаНаХ и литературу. Ребе Эли заботился о национальном сионистском воспитании. И действительно, его ученики потом стали сионистами и репатриировались в Эрец-Исраэле. Мы будем всегда помнить замечательного ребе Боазамеламеда, который в наше время был на склоне лет. Знаток святого Писания, соблюдавший Закон и верный традициям еврейского народа, он вместе с тем не отвергал просвещение и науку. Ребе Эли любил читать книги по математике, физике и астрономии, а также произведения еврейских мыслителей: «Элим» ЙаШаРа из Кандии*, «Айил мешулаш»* Виленского гаона, «Йесодот га-ибур» Хаима-Зелига Слонимского. В таком же духе воспитывал он своих учеников. Обучал их истории по «Диврэй йемэй олам» Калмана Шульмана*, «Харисат Троя»* Мики-Йосефа Лебенсона* и др. Также много трудился, чтобы привить своим ученикам любовь к еврейской литературе и национальной идее.

Да будет благословенна память всех тех, кто внесли вклад в подготовку нашего поколения, не дали ему раствориться, сделали стойким в испытаниях и возложили на него бремя исторической миссии.

Дом социалистов

(из моих детских воспоминаний)

Это было время пробуждения угнетённых трудящихся царской России. Отголоски этой бури проникли и в Звягель. На улицах появлялись юноши в пенсне с пышной шевелюрой в сопровождении коротко постриженных девушек. По местечку пронёсся шёпот. В синагогах и бес-медрешах находили прокламации социалистических партий, написанные мелким почерком на тонкой бумаге. У всех на лицах был страх. Родители тревожились за своих сыновей и дочерей: не увлекло ли их революционное движение? Ухо ребёнка улавливало слова, окутанные тайнами: «обыск», «забастовка», «социалист». Иногда ребёнок случайно попадал в один из «заражённых» домов и поглощал будоражащие душу «звуки свободы»: «Клятва», «Бридэр ун швэстэр»*. Бывало, что ребёнок игрался на улице со своими сверстниками. Но вот по улице торопливо идёт худой юноша, и один из мальчиков указывает на него пальцем и шепчет: «Он ... он социалист». На мальчика смотрят с завистью и благоговением, словно он владеет секретами этих загадочных людей. Худым парнем был Йоська Арон Пиня Мордкелэс (Йосиф, сын Арона, зятя Пини бен Мордке), ныне профессор математики и декан факультета в университете им.Брандайса в Бостоне.

р.Арон Ческис

Рэб Арон Пиня Мордкелэс, он же р.Арон Ческис, один из самых великолепных образов предшествующего поколения в нашем городе Звягеле, был сыном ребе Борухла – раввина и члена раввинского суда в Житомире. Эрудит, просвещённый еврей, очень усердный в Торе и знаток европейской литературы того периода, он воспитывал своих детей в духе Торы и Гаскалы. Так вышло, что все сыновья и дочери рэба Арона были вовлечены в революционное движение России, стали его активистами и лидерами. Старший сын, Аврум Ческис, начинал свою деятельность в сионистском движении, был другом и ровесником М.-З.Фейерберга и Ш.-Ц.Зецера. Он участвовал как делегат на Минском съезде и стал после этого другом семьи и секретарём Ахад-Гаама в Одессе. Затем перешёл в революционное движение и стал центральной фигурой в социал-демократической партии. Был заключён в Петропавловскую крепость, позже сбежал за границу. А когда разразилась революция 1917 г., вернулся в Россию. ЦК партии социал-демократов включил его кандидатуру на выборы в Учредительное Собрание, тогда как кандидатура его брата, Боруха Ческиса, была представлена в списке ЦК эсеров. Я хорошо помню третьего, Йосифа Ческиса, на заре его юности: он обладал острым умом, учился экстерном и учительствовал, был чутким к происходящему в местечке и особенно активным в сфере воспитания и культуры. Йосиф вызвался тогда бесплатно обучать юношей из малообеспеченных семей и опекал городскую библиотеку. Ещё будучи юношей, он смело защищал интересы подмастерьев в городе и, рискуя жизнью, боролся за улучшение их экономического положения и повышение культурного уровня. Принимал участие в революционном движении как один из руководителей социал-демократической партии в городе и отличался блестящими ораторскими способностями. Помню его выступление в первый день Рош-а-Шонэ 1905 г.¹ на берегу реки Случь в Звягеле перед бородатými евреями с пейсами, которые спустились к реке для молитвы «ташлих»*. Евреи стояли и слушали его речь. Сомневаюсь, что ему тогда исполнилось 16 лет. Находясь в странствиях, сперва во Франции, а затем в Америке, он поднялся высоко по ступеням общественной лестницы, став профессором университета им.Брандайса в Бостоне. При этом Йосиф сохранял связи со своим народом. Ему ещё выпала честь быть учеником нашего писателя-земляка той эпохи М.-З.Фейерберга.

Лишь старшая дочь р.Арона Пини Мордкелэс, Гитл, оставалась верной еврейской традиции, «кошерной дочерью Израиля». В юности, ещё до того как «разразилась буря», она вышла замуж за ребе Липенгольца, шойхета и контролёра в Звягеле. Другие дочери, Лейка, Баська и Цирл, были активистками «Бунда» и социал-демократов. Опасаясь ареста, они эмигрировали в США.

---

1 30 сентября

Отец (р.Ушер-Эли Шлаен)

Рэб Ушер-Элик (как его называли горожане) был сыном ребе Янкеля-сойфера (переписчика свитков Торы). Его отец был бедным скромным евреем, талантливым и преданным заповедям всей душой и пренебрегал излишествами этого мира, который виделся ему «коридором в салон». Бывало, приходилось работать в селе зимой, и за отсутствием миквы для омовения перед святой работой, приходилось окунался в прорубь на замёрзшей реке. Он отличался феноменальной памятью, помнил наизусть всю Тору в чтении и письме, писал «картины», не глядя на оригинал. Также занимался корректированием и выполнял эту работу чисто и образцово. Поскольку он был известен как человек честный и безгранично преданный заповедям, многие нуждались в его работе. Но как человек весьма простодушный, он не был предприимчивым. Торговцы и книгоноши, которые хорошо зарабатывали на работе деда, грабили его безжалостно. Он даже не пытался защищать свои права. Поэтому в доме деда всегда царила нужда. Бедность, которую папа отведal в родительском доме, оставила на нём следы и никогда не была забыта. Горький вкус бедности во многом определил его дальнейшую жизнь, заставил проявлять заботу семье. Папа много рассказывал нам о нищете в доме своего отца. Излишеством считалось, когда дед позволял себе кушать в будни халу, остававшуюся от субботы и размоченную в горячей подслащённой воде. Один случай показался мне характерным. По городу в карете проезжал уездный вельможа. Увидев деда, обутого в тапки, а не в сапоги, как положено (в то время запрещалось носить типичную еврейскую одежду, включая тапки), он стал упрекать его. Весь гнев барина улетучился, когда тот услышал простодушный ответ деда: он не обул сапоги, потому что у него «немае грошей».

Юность папы

Папа унаследовал от своего отца несколько превосходных качеств: силу памяти, переходящую границы обычного, поразительную аккуратность, порядок в работе, незапятнаную честность, а также здоровую логику, широкое мировоззрение

и трудолюбие в учёбе. И он использовал свои способности для приобретения знаний и навыков.

Он родился в 60-х годах прошлого столетия – начале эпохи Гаскалы в русском еврействе. В возрасте семи лет учил уже Талмуд. Однако уже в том возрасте он вставал рано утром, перед тем как идти в хедер, и при свете свечи усердствовал над ТаНаХом, который увлекал его сердце и который не учили в хедере. С тех пор его познания в ТаНаХе были поразительными. Даже много лет спустя, проверяя своих сыновей в ТаНаХе, отец поражал их своими глубокими познаниями. Ещё в нежном возрасте он стал самостоятельно учиться в Большом бес-медреше и вскоре получил известность юноши с острым ясным умом, умеющим объяснить запутанные темы, в которых затруднялись старшие. Родители надеялись увидеть его дипломированным раввином, однако папа не хотел использовать Тору «в корыстных целях», особенно после того как стал по своим взглядам в значительной степени «вольномдумцем». С точки зрения суровых требований к жизни он был похож на своего отца: довольствовался малым и не щеголял одеждой. Но его жажда знаний не прекращалась до конца жизни. Он хорошо знал грамматику иврита, изучал русский язык и, хотя его произношение оставалось типично еврейским, русский знал хорошо. На этом языке читал все книги, которые доставал, начиная с научной литературы и кончая художественной, приобрёл широкие знания в таких всеобщих науках, как геометрия, физика и химия, также помогал своим детям в этих науках, даже когда те достигли высоких ступеней. Он говорил о химии как о науке будущего, которая обеспечит человечество пищей и решит все его проблемы в других областях. После полуночи любил читать книги по астрономии, которая очаровывала его.

Его работа

Как было тогда принято, его женили в возрасте 18 лет. Вначале шурин (мамин брат) привлекал его в торговлю, но последняя очень скоро вызвала у него отвращение, и он устроился счетоводом (этой специальности он учился с особой лёгкостью). На протяжении десятков лет он работал «казначеем» на мельницах, которые арендовала у помещиков группа торговцев мукой. В этом деле участвовало свыше 30 партнёров. Благодаря доверию, которое завоевал отец у всех арендаторов, его ясному уму и безграничной способности убеждения, партнёрство существовало много лет. Бухгалтерские книги были всегда в порядке, и каждый из арендаторов мог всегда просмотреть свои личные счета. Ему дали прозвище «казначей», потому что он был ответственным за наличные деньги. Но фактически на него было возложено всё делопроизводство, так как многие партнёры занимались другими делами и, вдобавок к тому, не полагались на своих товарищей. И папа отдавал все свои силы работе и держал в своих руках руль «единоличной власти». Он также улаживал ссоры и недоразумения между партнёрами.

Его любовь к науке

Несмотря на свою известность, вёл он себя излишне просто. Одинаково любезен был и со своими работодателями, и с последним извозчиком, с которым договаривался о перевозке муки. Ко всем относился просто и честно, так как в каждом ценил человека. Чрезмерную слабость питал он к талантам, и каждой обнаруженной «искорке» радовался как большой находке. Он с удовлетворением рассказывал, как в своё время обратил внимание на одного юношу в Тальновской синагоге и разглядел в нём большой талант. И действительно, предсказания папы сбылись. Этим юношей был Ш.Ц.Зецер, который

высоко поднялся ещё при жизни папы, став известным еврейским учёным и писателем.

Сильный характер папы, его широкий кругозор, фанатичная честность и особенно успешное управление совместной аренды мельниц привели к тому, что он прославился в городе и за его пределами как специалист по улаживанию конфликтов и выдающийся «арбитр» в вопросах торговли, наследства и т.п. Поэтому многие обращались к отцу и полагались на его логику в разборе дела и вынесении справедливого приговора. Из принципа он не соглашался представлять одну сторону, опасаясь, как бы не открылось во время разбирательства, что «его сторона» не права. И поэтому папа брал на себя арбитраж только как поверенный двух сторон или как третий в арбитраже третьей стороны. Своим острым умом он находил выход даже в самых сложных случаях и улаживал конфликты, длившиеся порой много лет.

Наступил кризис. Из-за отсутствия кредита для «маленького человека» в городе распространилась эпидемия банкротств. Папа был одним из главных инициаторов еврейского банка (кооперативного ссудо-сберегательного учреждения). Этот банк был его «баловнем», и как член правления он добровольно отдавал ему много сил и времени. Отец также прилагал усилия, чтобы это учреждение было действительно демократическим, народным. Он был среди первых вкладчиков и использовал всю силу своего влияния (и успешно), чтобы и другие следовали его примеру. Папа увидел «вознаграждение за свой труд», когда банк успешно развивался и оказывал поддержку широким слоям еврейского населения во время кризиса.

В кругу семьи

Трудно представить, что этот загруженный работой и интересными общественными делами человек умел в субботные и праздничные дни «забыть» тревоги будней и предавался кругу семьи. Тогда исчезала серьёзность и напряжённость, и им овладевал добрый дух удовольствия и нежности. Трапезы были устроены согласно традиции, с приятными субботными песнопениями и прочими общепринятыми обычаями. Он напевал несколько мелодий, которые помнил. Эти мелодии по сей день связаны в нашей памяти с его образом. Об одном напеве он рассказывал, что в детстве ездил со своим отцом к ребе (из Тального?), и когда они возвращались через лес, хасиды выучили у христиан русский марш «Под Плевной». Хасиды усилили этот марш печальным душевным еврейским звучанием. Папа пел эту мелодию из трёх куплетов и повторял её своим детям. Он любил петь с чувством популярную песню о завещании Гирша Лекерта*, а также праздничные змирес. Этот культ пения накладывал отпечаток торжественности на дни отдыха. Тогда мы ощущали всю теплоту его любви к нам и желание доставить нам удовольствие.

В пятницу вечером, после трапезы к нам присоединялись сестра Двойра и её муж Арон. Как приятно было встечать субботу всей семьёй! Обычно наш зять читал всем на идиш (чтобы слушали женщины) новый рассказ из книги или газеты. Чаще всего это были рассказы Шолом-Алейхема, Менделе, Переца, стихи Фруга* и т.п. Эти вечера «субботного наслаждения», на которых присутствовал папа, доставляли нам большое удовольствие. Безграничным было благоговение и любовь, которые мы испытывали к отцу.

Преданность и верность семье проходила красной нитью через всю его жизнь. К нашей маме он относился всегда с истинным уважением, советовался с ней во всех важных семейных делах и считался с её мнением. И нас отец наставлял выполнять заповедь почитания матери. Несмотря на общепринятое мнение, что женщина не способна хранить тайну, наша мама, по его словам, является исключением из этого правила. Без сомнения, он вверял ей секреты и ни разу не был разочарован. Почти невероятно, но факт: в нашем доме родители не поднимали руку на детей. И папа проповедовал это другим. Да,

он согласен, что, не имея иного выхода, можно даже пороть ребёнка ради воспитания. Но только при условии, что это будет сделано не ради утоления гнева, а после того как гнев исчезнет, и, таким образом, дело не дойдёт до порки. Хотя папа поучал, что детей нельзя баловать, сам он гладил и целовал своих детей. Невозможно забыть, как папа будил нас утром поцелуем в лоб ...

Приготовления к репатриации в Эрец-Исраэль

Неожиданно для своих друзей и почитателей отец решил репатрироваться вместе с семьёй в Эрец-Исраэль. Многие не могли понять, как такой рассудительный человек мог решиться этот шаг. Это было в начале лета 1914 г., после того как приехал наш брат Шмуль, проживший три года в Эрец-Исраэль. Любовь отца к Эрец-Исраэль была романтической. В душе он был сионистом и ненавидел «горькое Изгнание». По его мнению, все евреи должны покинуть Россию, «кровавую страну». Немало думал он о собственном сионистском воплощении. Однако препятствием был турецкий закон. Как известно, все въезжавшие в Эрец-Исраэль получали тогда от турецких властей «красную бумажку», обязывающую их покинуть страну по истечении трёх месяцев. Это мешало репатриантам оставаться в стране, и в ход шла взятка. Но папа по своей природе был человеком законопослушным, и этот обычай был противен его духу. Вдобавок к этому, его беспокоили ответственность за семью и опасения перед неудачей. Воспоминания о жизни в нужде в родительском доме удерживали его от любого шага, способного привести к материальному краху. Закончилась внутренняя борьба в его душе только после получения достоверной информации от нашего брата Шмуля. Папа решил «сделать этот шаг». Бизнес был брошен, начались уже переговоры о продаже имущества. Но в июле 1914 г. вспыхнула мировая война и расстроила все планы. Папа так и не суждено было достичь страны своей мечты.

Первая мировая война

Первая мировая война разрушила его экономическое благополучие из-за инфляции, поскольку все сбережения отца были сосредоточены в наличных деньгах (из-за приготовлений к репатриации в Эрец-Исраэль). В начале войны арендаторы мельниц предложили ему партнёрство и гарантировали, что он разбогатеет во время войны. Папа избегал в то время спекулятивных дел и не хотел обогащаться за счёт пролитой крови. Тяжелее всего было для него пережить духовный кризис. Расшатывалось его мировоззрение. Он так верил в прогресс гуманизма, мораль, справедливость и современную науку, и вот открылось ему неожиданно, что наука (его баловень) преуспела только в совершенствовании орудий разрушения. Это привело к крушению его здоровья. Болезнь была продолжительной, и именно в это время мы открыли его возвышенные душевные свойства. Он поведал нам тогда о мечтах своей юности, стремлениях поехать для усовершенствования в Центральную Европу, как он колебался. Ведь такое перемещение из обычного круга считалось тогда принятием чужой веры. Зная, что это подорвёт здоровье родителей, он отказался от своего стремления и остался дома. Ещё папа раскрыл нам о пережитом им большой ударе, предшествовавшем кризису мировой войны. Это произошло в то время, когда в Белостоке был арестован наш самый старший брат Ицхок, который по поручению «Бунда» проводил работу среди заводских рабочих. Прискорбная весть о том, что Ицхок арестован после столкновения с полицией и лежит раненный в казённой больнице, сокрушило его дух.

От физической слабости и удручённости он не пришёл в себя и во время великой

революции 1917 г. в России. Воодушевление и радость, овладевшие жителями страны, включая и евреев, не ободрила его дух и не пробудила надежды. Наоборот, зная невежество народов России, а также историю французской революции и её последствия, он брёл словно в трауре среди радовавшихся и сдерживал себя, чтобы не мешать им веселиться. К его огорчению, сбылось мрачное предсказание. Уже в 1918 г., сразу после большевистской революции, начались погромы в Украине. Эти адские мучения сокрушили его, и в конце месяца нисан 5678 г.¹ ушёл от нас дорогой отец. Нас утешал тот факт, что папа не видел своими глазами тех бед, которые пережило еврейство Украины после 1918 г. и которые он, при всём своём предвидении, не представлял себе даже в самые пессимистические минуты.

---

1 Первая половина апреля 1918 г.

Д.Бернштейн

Мой отец р.Мойше Бернштейн

Мой отец и учитель р.Мойше Бернштейн блаженной памяти, был скромным человеком, но за свой ум, доброту и честность снискал уважение горожан. Он был торговцем, вёл дела по совести и, несмотря на большую занятость, уделял Торе даже дневные часы. Его приятный напев при чтении Торы производил на меня в детстве большое впечатление. Я просыпался рано утром, либо ложился из-за этого поздно спать ради того, чтобы послушать его напевы.

От всего сердца в случае необходимости он помогал ближнему. Я помню историю с извозчиком, который прибежал к нам домой в слезах, потому что пала его лошадь. Отец тотчас бросил свои дела, вышел из дома, собрал пожертвования, добавил львиную долю из своего кармана, купил лошадь, снова поставил его на ноги и тем самым дал возможность содержать свою семью.

Он весьма активно помогал беженцам, которых занесло в наш город во время первой мировой войны, был в дружеских отношениях с главой ешивы р.Йоэлем Сориним «Даровитым», щедро поддерживал его.

В памяти моей запечатлелся один эпизод, который я никогда не забуду. В городе происходили беспорядки, отсутствовала устойчивая власть. Еврейское население было брошено на произвол всякого рода банд, которые бушевали и грабили магазины. Это было в канун одной из суббот и на следующий день. Улицы заполнили подводы грабителей, на которые грузилась добыча – еврейское имущество. По случайности, магазин отца оставался нетронутым. Мы стояли во дворе и поражались царившей в городе разрухе. Но вот к отцу подходит жившая в нашем дворе вдова, которую отец тайно поддерживал, и говорит ему:

– Рэб Мойше, Вы помогали нам, и в час лиха Бог не дал дьяволу учинить Вам зло.

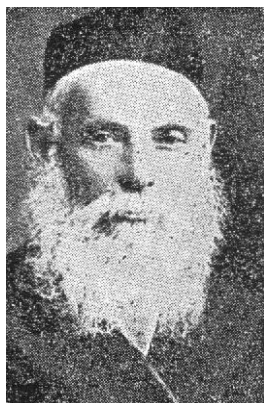
Папа поднял голову вверх и обратился к небесам:

– Господи, не нужна мне эта привилегия. Хочу разделить участь всех евреев города!

В ту же минуту сообщили, что наш магазин тоже взломан и ограблен.

Бетя Длугач

Мой отец р.Мойше Длугач

– Рэб Мойше, я пришла просить, чтобы Вы вынесли приговор по моему «вопросу».

Папа спрашивает подробности, немного задумывается и отвечает чаще всего:

– Кошерно.

Еврейки любили задавать папе свои «вопросы», и он не судил строго. Рэб Мойше старался закончить быстро с покупателем в магазине, чтобы углубиться в какую-то книгу: Талмуд или «Шулхан арух», Достоевского на русском языке или учебник английского языка. Постоянно книги. Зимними вечерами, когда я просыпалась поздно, видела папу за столом с книгой в руке. В четверг вечером он напевал приятным притягательным голосом мелодию недельного фрагмента. А вот я вижу, как папа в летний день берёт полотенце и идёт вместе со своим другом Штейнделем купаться на близлежащей реке. Оба с озорным воодушевлением плавают на спине и животе. Но интереснее всего было за столом по субботам и праздникам, когда он во время трапезы с метким юмором, вплетая притчи и истории, делал замечания и поучения о вежливости.

После русской революции в доме исчез достаток, и родители занялись тяжёлым физическим трудом в маленьком земледельческом хозяйстве. А когда пришли большевики, папа как меламед наставлял нас и соседей: режим этот долговечный, и нам придётся привыкать к новым порядкам.

Находясь уже в Эрец-Исраэль, я получила от отца письмо на талмудическом иврите, которое он просил передать в главный раввинат Эрец Исраэль. В нём папа писал, что желает послать им свои поправки к законам Торы, которые следует принять для евреев. В ответном письме из канцелярии раввина Кука отца просили прислать этот материал, который они охотно прочитают. Но русская цензура задержала письма в Эрец-Исраэль, и поправки затерялись.

Нехама Арбетман

Мой отец Айзик Арбетман

Мой отец умер 12 июня 1944 г., в возрасте 74 лет, после операции. Я всегда ценила отца. Сейчас, много лет спустя, ещё яснее видится мне его скромность, свойственная, как правило, великим людям. Отец никогда не пытался навязать кому-то свою волю или мысли, в речи умело пользовался здоровым народным юмором.

Он работал в Америке учителем иврита и вкладывал в эту профессию много сил и таланта. Был одним из основателей «Агудат га-Морим»¹ Америки. Его очень беспокоили методика преподавания иврита, а также отношением родителей и учеников к его изучению. Ведь многие считали иврит религиозным придатком для подготовки подростков к произнесению благословений во время церемонии бар-мицвы.

Поэтому он лучше всего относился к тем ученикам, которые только приступили к учёбе, разработал и использовал на уроках свой особый приём обучения. Большую помощь оказывал молодым учителям, готовившимся преподавать иврит. Многие из них применяют сейчас в разных местах Америки его методы.

В доме у него была маленькая мастерская, в которой отец работал в свободное время, придумывал всякие усовершенствования. «Только тот, кто постоянно занят ручным физическим трудом, может быть совершенным человеком», – говорил он.

Только сейчас я начинаю понимать, какие большие страдания испытывал этот человек с широким интеллектуальным диапазоном, находившийся в зависимости от ограниченного узколобого окружения и к тому же вынужденный при этом проявлять внешнее удовлетворение.

Мы были поражены, как по-философски, не показывая своих внутренних страданий, отреагировал отец на гибель евреев от рук гитлеровских нацистов. Чтобы не беспокоить нас, он молча переносил боли после операции, хотя прекрасно осознавал своё положение. Только однажды посетовал: «Не хочется умирать перед окончанием мировой войны и решением проблемы Эрец-Исраэль». Однако ему не было суждено дожить до этого.

---

1 «Союз учителей» (ивр.)

Мой брат Шмуль

Шмуль родился в 1891 г. в Звягеле. Родителей звали Меир Герцвольф и Перл (дочь р.Ханины Бриллианта). Как все еврейские мальчики в ту эпоху, сначала он учился в хедере. С раннего детства легко воспринимал знания. После хедера учился в ешиве, и «Даровитый» предсказывал ему большое будущее. Параллельно Шмуль получал общее образование у частных учителей и в этом тоже преуспел. Жажда к знаниям была у него превыше всего. Он искал более широкое поприще для деятельности и мечтал о поездке в Америку для изучения медицины.

Природа щедро одарила Шмуля красотой, хорошим темпераментом, здоровым юмором и обходительностью. Все любили его. Ещё юношей он с полной энергией предался сионистской работе. Он изучал бухгалтерию и работал по этой специальности несколько лет в магазине мануфактуры братьев Бару. Но не пришло время служить в армии, и это разрушило все его планы. Лучшие годы юности пропали впустую. К несчастью, за несколько месяцев до его увольнения вспыхнула первая мировая война. На фронте ему довелось немало пережить. Изредка из окопов на полях сражений «просачивались» письма. Помню, как дома обсуждали их содержание. Однажды пришло короткое письмо, в котором он описал в нескольких словах ужасы войны: «Нас трое: двое русских солдат и я. Тот, что справа от меня, убит, второй тяжело ранен, а я остался цел и невредим.» Примерно два года Шмуль участвовал в жестоких боях. Не получив и царапины, он попал в плен и очутился в Венгрии.

Тяжело сейчас описывать наши чувства, когда мы узнали об этом. В конце концов, он избежал опасности. Нужно было вооружиться терпением, ждать заключения мирного договора и его возвращения. Сразу после февральской революции 1917 г., после 6 лет отсутствия, Шмуль вернулся благополучно домой. Его возвращение запомнилось мне хорошо. Я постоянно я слышала о своём выдающемся брате, но ещё не знала его. Он был для меня словно из легенды. А однажды через стёкла веранды я увидела, как он приближается к нашему дому. Всю жизнь буду помнить об этом. Мама сидела в это время у подружки и говорила с ней о Шмуле, который должен был уже вернуться домой, но и медлил с возвращением. И вот мать и сын застыли в объятиях после 6 лет разлуки.

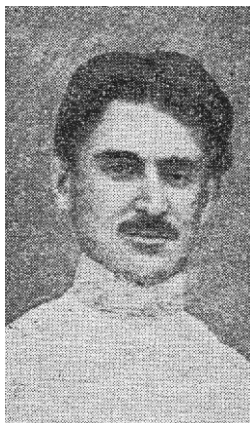
Много рассказывал он нам о пережитом, и мы заворожёно слушали его. Это было похоже на сон. Но не успел Шмуль перевести дыхание, как на Звягель хлынула волна

погромов и убийств, апогей которой пришёлся на лето 1919 г. После скитаний он прибыл в Ковель в составе маленькой группы, готовившейся репатрироваться в Эрец-Исраэль. Тем временем, нас постигло горе: умер отец. Наша семья, обременённая маленькими детьми, находилась тогда в Ровно. Шмуль не мог бросить нас на произвол судьбы и как первенец взял на себя заботы о нашем содержании. В захолустном местечке Несхизе*, возле Ковеля, он основал школу. Ему как выдающемуся педагогу удалось поднять культурный уровень детей и молодёжи в этой глуши. А через несколько лет он вернулся в Ровно и работал там учителем иврита.

Кроме преподавательской работы, он как член «Гитахадута»* участвовал в сионистском движении. Благодаря ему, все младшие члены нашей семьи смогли репатрироваться в Эрец-Исраэль. Он создал семью и готовился к репатриации, но столкнулся с огромными трудностями в Варшавском бюро репатриации. Тем временем, разразилась вторая мировая война, и мечты о репатриации безжалостно развеялись. Вместе с семьёй, остальными евреями Ковеля и 6 миллионами своих соплеменников он погиб в гитлеровской Катастрофе.

Как обидно, что этому человеку не довелось увидеть страну, очаровывавшую его с юных лет.

Ицхок Шлаен-Штерн

Он родился в 1886 г., получил традиционное воспитание, изучал, главным образом, ТаНаХ и Талмуд. С юных лет увлекался светскими науками. Был принят на учёбу в русское городское училище, несмотря на отрицательное отношение, распространённое тогда в широких кругах блюстителей традиций предков к просвещению вообще и русской школе в особенности.

Пока еврейские учащиеся были освобождены от письма по субботам, Ицхок ходил в училище, но после упразднения этого освобождения вынужден был покинуть его и продолжал учёбу экстерном. Он проявил особую склонность к геометрии и готовился поступать в реальное училище. В возрасте 17 лет уехал для продолжения учёбы в Кишинёв и, несмотря на враждебное отношение к еврейским учащимся, выдержал экзамены.

Судьба бросила его в кровавую бурю, разыгравшуюся там весной 1903 г. Проживая вдали от города, он не был настоящим свидетелем той кровавой драмы, но был потрясён до основания от увиденной картины разрушений.

Видные общественные деятели города, разглядевшие в нём вдохновенного юношу, ввели его в свой круг, что оказало решающее воздействие на дальнейшую судьбу Ицхока. Он стал членом «Бунда» и, вернувшись в Звягель, добивался вместе с другими социалистами улучшения условий жизни еврейских рабочих и простонародья.

Ицхока принимают в ряды революционной интеллигенции. К нему относятся с симпатией молодые рабочие, которые видят в нём товарища, учителя и инструктора в борьбе за улучшение их положения. Он организует группы юношей и девушек, обучает их языкам и разным наукам, поднимает их культурный уровень.

Его организационно-просветительская деятельность становилась всё более заметной. Дома хранились пропагандистские брошюры, запрещённая литература, звучали революционные песни, которые заучивались наизусть, чтобы их текст не обнаружила полиция. Мы хорошо помним первые строки песни «Шлоф, Алексей» («Спи, Алексей»), направленной против императора, и цитируем их здесь, предполагая, что эта песня является местным произведением:

«Шлоф, Алексей
Лихтикер паршойн

Шлоф, кадиш, йойреш майнэр
Шлоф, шлоф, ныт вэйн
Золн авкен ди гезетн
Шрайен ойф ди цэйн
Либералн ун кадетн
Варфн аройс а бэйн.»¹

Вскоре Ицхок стал одним из главных бундовских ораторов. Он появлялся во время публичного спора и быстро находил меткое выражение, которым приводил соперника в замешательство, подвергал его обструкции. Оценив по достоинству его организаторские способности, уездный центр «Бунда» направил Ицхока в губернский город Житомир. Под маской частного учителя, готовящего к экзаменам экстернов, он продолжал там работу среди учащейся молодёжи и широких слоёв еврейских трудящихся, старался поднять их самосознание и организовывал на борьбу за улучшение своего положения.

Из Житомира переехал в Ровно, где произвёл большое впечатление на круги революционеров. (Находясь в Ровно по пути в Эрец-Исраэль, мы были поражены, услышав от деятелей «Бунда» об Ицхоке и его организационной работе в дни борьбы за свободу в 1904 г.)

Партийная деятельность привела его к совершенному отрыву от дома. Когда стали просачиваться вести о его революционной деятельности в Ровно, родные забили тревогу. В нашем доме постоянно разворачивались идеологические дискуссии. Ицхок не признавал сионизм и «общество Израиля» и был по одну сторону баррикады. Мойше, наш средний брат, который тоже относился к левым, не отказывался от Эрец-Исраэль и считался приверженцем «Паолей Цион», а Шмуль, самый младший из братьев, проявлял в этих спорах сионистский пыл. Отец и Арон, наш зять, склонялись всей душой к сионистской идее, хотя не называли себя сионистами. Спор с Ицхоком вёл отец, который не только относился с недоверием к его идеалам, но и указывал на большую опасность, нависшую над нами. Революционная приверженность Ицхока сокрушала сильный до сих пор дух отца.

Случилось то, чего мы боялись. Открытка с текстом на русском языке синими чернилами, часть которого была стёрта цензурой, олицетворяла пришедшую в семью беду. В ней родителям сообщалось, что их сын арестован в Белостоке и лежит раненый в больнице. Каким образом он попал туда и при каких обстоятельствах был ранен, в открытке не объяснялось. Комментарии излишни.

В конце концов, Ицхок был освобождён по ходатайству отца за небольшое денежное поручительство. Следовательно, занимавшийся этим делом, прислушался к мольбам, взволнованно намекнув, что его сын из-за тлетворного влияния плохих друзей тоже впал в грех «бунта против самодержавия». Поэтому ему были хорошо понятны чувства отца.

Ицхок вернулся домой словно с перебитым крылом: не только с повреждённым суставом левой руки, но и совершенно больной (рана была преднамеренно запущена врачами). В Звягеле он отныне находился под полицейским надзором, дожидаясь суда по обвинению в оказании сопротивления полиции с огнестрельным оружием в руке.

1 «Спи, Алексей
Светлая личность,
Спи, сын, наследник мой,
Спи, спи, не плачь.
Пусть гавкают газеты,
Лязгают зубами.
Либералы и кадеты
Бросают кость.» (идиш)

Белостокское дело стало трагическим финалом блестящей политической и революционной карьеры Ицхока. Через короткое время он порывает с домом, друзьями, политикой и эмигрирует в США.

В новом мире ему пришлось нелегко. Из-за раненой руки он не был пригоден к физическому труду, а занятие бизнесом презирал до глубины души. Связи со Звягелем возобновились только после погромов в 1919-20 гг. Ицхок принимал активное участие в организации экстренной помощи жертвам погромов от земляков из Америки. Развитие событий в России заставило его обратиться к сионизму, и в 30-х годах он решил вместе с семьёй воссоединиться с родными, репатрировавшимися и пустившими корни в Эрец-Исраэль. После репатриации Ицхок заново нашёл здесь «свои корни» и занялся созидательным трудом инженера (специальность, которую приобрёл в США). Умер он в Эрец-Исраэль в 1947 г.

Бенцион Аргов

Местечко Полонное известно ещё со времён резни Хмельницкого (да сотрётся имя его) и уничтожения евреев, которые были взяты в плен в старинной крепости. Просторная река разделяет местечко на две части. В центре его расположена почти полностью разрушенная крепость, где во время раскопок обнаружили оружие эпохи Хмельницкого.

В местечке жили в отдельных районах евреи, украинцы и поляки. В окрестности находились бумажная фабрика, стекольный и фарфоровые заводы, мельница, где работали, главным образом, украинцы и поляки. Еврейское население состояло, в основном, из торговцев и лавочников, ремесленников и людей свободных профессий.

Местечко было издавна неиссякаемым источником репатриации в Эрец-Исраэль во время второй и третьей алии. Особое место среди репатриантов занимал **Бенцион Аргов**, работавший секретарём «Га-Поэль га-мизрахи»*, казначеем Тель-Авивского муниципалитета, управляющим подоходного налога и банка «Купат Ам». Это был талантливый человек, действовавший с большим размахом и инициативой.

Местечко прославилось ещё в период развития хасидизма благодаря автору «Толедот», р.Якову-Йосифу, к потомкам которого относился Бенцион Аргов. Он был типичным представителем молодёжи местечка, живших на рубеже двух эпох. Рос без отца и воспитывался у деда-раввина, от которого впитывал дух Торы. Дед стремился передать ему в наследство традиции предков, но молодой внук не находил в этом покоя для своей души. В то время когда я впервые встретила его, он уже выделялся среди ровесников, и лишь немногие из них были близки ему по духу. По натуре он был музыкально-поэтичным, играл на скрипке, музыкальную нотку искал также в книгах. Будучи ещё юношей, он знал о происходящем в Эрец-Исраэль, чувствовал, что его место среди строителей страны, и в своём воображении уже находился среди них. Бенцион испытывал отвращение к пустословию и после изучения практических проблем Эрец-Исраэль решил ехать. Начались споры с родными, особенно с матерью, которую он очень любил. Она настойчиво требовала, чтобы он оставался дома и стал раввином вместо умершего деда. Ей не хотелось уступать духовного наследия своих родителей и не верилось, как и многим тогда, что большевики продержатся много времени.

Скромный замкнутый юноша, наделённый дорогим Божественным даром, «большой любовью к ближнему», боролся тогда не только с матерью, но и, прежде всего, с самим собой и собственной совестью. Он ставил перед собой требования, которые проповедовал сионистским друзьям, и скрепя сердце всё же решил покинуть дом и ехать в Эрец-Исраэль, а позже привезти мать к себе.

Его путь в Эрец Исраэль

Сразу после нашего замужества Бенцион начал строить планы репатриации в Эрец-Исраэль. И вот наше стремление осуществилось. Договорившись с контрабандистами, мы вместе с группой халудим пересекли границу. В пути контрабандисты отняли у членов нашей группы все деньги, одежду, свидетельства о рождении и т.п., и в Ровно, которое было тогда пограничным польским городом, мы прибыли голыми и нищими.

Многие из компании из-за этого впали в уныние, но только не Бенцион. Опасаясь изгнания из пограничных районов Польши, он проявил инициативу и вскоре переехал со

своей группой в Варшаву, где с большой энергией занялся общественно-политической работой.

Ицхок Гринбойм, стоявший тогда во главе Палестинского бюро в Варшаве, сразу оценил его талант и преданность. Он готов был принять Бенциона в своё бюро постоянным сотрудником, но тот отказался принять эту должность, стремясь достичь Эрец Исраэль. Во время своего пребывания в Варшаве Бенцион успел познакомиться с видными деятелями «Мизрахи»*, которые через некоторое время стали известными в движении «Гора ва-Авода»*, и решил после приезда в Эрец-Исраэль участвовать в национально-религиозном движении.

Через год мы во главе халуцианской по пути в Эрец Исраэль прибыли в Вену. Напряжённая общественная работа и недостаточное питание ослабили Бенциона, и его поместили в еврейскую больницу. Чтобы содержать себя, я работала тогда в одной христианской семье. Жена хозяина была русской. Днём я ухаживала за детьми семьи, а ночами сидела возле кровати больного мужа. Примерно два месяца пролежал Бенцион в больнице, а когда вышел оттуда, здоровье его было ещё слабым. На помощь мне пришла христианская семья. Глава семьи был редактором немецкой газеты и, услышав от меня, что мой муж одарён литературным талантом, посоветовал ему публиковать заметки о жизни в России. Бенцион успешно выдержал это испытание, опубликовав в газете множество фельетонов и показав при этом большую силу пера. Редактор предложил ему постоянную работу в редакции, но Бенцион отказался. Мы покинули столицу Австрии и продолжили свой путь, а в январе 1922 г. на грузовом корабле добрались до Хайфы. Через короткое время переехали в Тель-Авив. Бенцион был назначен местным секретарём исполкома «Га-Поэль га-мизрахи», но не находил удовлетворения в своей работе. Через некоторое время он был принят в финансовый отдел муниципалитета и нашёл здесь широкое поприще для разносторонней общественной работы.

Бенцион с самого начала сумел завоевать авторитет среди работников финотдела, и ему доверяли наиболее сложные и ответственные поручения. В Тель-Авиве за последние десять лет выделялось несколько выдающихся людей, формировавших облик экономики Эрец-Исраэль. В их числе был Бенцион Аргов. Он приводил в действие большие планы по улучшению экономического положения не только в рамках Тель-Авивского муниципалитета, но и всей страны, выдвинул идею государственной лотереи, заранее спланировал её и даже придумал название в соответствии с отрывками из Мишны о порядке богослужения когенов по жертвоприношению и метанию жребия. Как и при воплощении других замыслов, ему пришлось вести тяжёлую борьбу с влиятельными кругами в правительстве, пока те не убедились в надобности этой лотереи.

Бенцион установил и совершенствовал порядок сбора муниципальных налогов банками и почтами на твёрдых основаниях и сэкономил таким образом процентные отчисления, предназначенные до сих пор для сборщиков налогов. Он работал в центральном финотделе «Гагана»*, комитетах хлеба, помогал создавать библиотеки в различных пригородах Тель-Авива. В своих публичных выступлениях был скромным и давал дорогу другим.

Большие усилия прилагал он для приобретения ценной коллекции старинной посуды из стекла и археологических находок из бассейна Средиземного моря, которые собрал д-р Вальтер Мозес и после утомительных переговоров с несколькими заведующими отделами муниципалитета согласился передать их в городской музей. Это был важный научный вклад в исследование культуры Восточного Средиземноморья. Нужно было проявить большой такт, чтобы переубедить заведующим отделов и особенно самому г-на Мозеса и побудить его передать свою коллекцию музею. Благодаря его стараниям, город приобрёл ориенталистскую и ассирийскую коллекции г-на Якова Фармана,

основателя квартала Неве Шаанан, на которую претендовали также муниципалитет Рамат-Гана и «Бет-Берл»*. Бенцион не успокоился до тех пор, пока эта коллекция не перешла во владение муниципалитета Тель-Авива. Будучи по натуре многосторонней личностью, он умел убеждать и строить хорошие отношения со всеми теми, кто работал рядом с ним.

С целью рационализации труда на несколько лет (1952-54) его назначили комиссаром по сбору подоходного налога Израиля. Взымание налогов не пользовалось большой популярностью в народе, и нужно было объяснить людям важность этого мероприятия. Проявленная им инициатива заметно отразилась на увеличении доходов в казне государства.

Когда его назначили управляющим банка «Купат Ам», он покинул правительство и начал основательно изучать эту специальность. Во время поездки в Америку ознакомился с банковской системой, встречался со многими управляющими банков и перенимал передовой опыт.

Каждый этап его жизни был как бы прелюдией к последующему, а по сути он шёл всю жизнь одной дорогой, которая вела его к цели – служению народу. На протяжении целого поколения Бенцион как первопроходец избрал себе путь, по которому красной нитью проходила идея формирования нации и построения государства.

Нельзя также обойти вниманием его связь с миром духа, литературы и мысли. Он покупал много книг и по ночам, после дневного отдыха, погружался в атмосферу логики и поэзии.

Айзик Гофман

Рэб Бенцион Гофман блаженной памяти

Еврейский Звягель был не только сионистским и халуцианским, бундовским и коммунистическим, национальным и ассимиляторским, но и аполитичным, традиционным, религиозным, хасидским, эрудированным и народным одновременно.

Одним из тех, кто формировал облик Звягеля «Торы и добрых дел», был р.Бенцион Гофман блаженной памяти. Его «основой» был хасидский Трискер клоиз и молившиеся в нём евреи из разных слоёв общества, проникнутые теплотой и душевной религиозной самозабвенностью не только в выполнении формальной заповеди «между человеком и Богом», но и, главным образом, в оказании материальной помощи нуждающимся в рамках заповеди «между человеком и человеком».

Несмотря на свою набожность, р.Бенцион часто цитировал вечные слова Й.-Л.Гордона*: «Если в сердце своём ты не будешь искать Господа, то вообще Его не найдёшь». Городская беднота, ремесленники и подмастерья, мелкие торговцы и лоточники приходили послушать, когда он читал прихожанам отрывок из Талмуда. По своей природе р.Бенцион был близок народу и приветлив с людьми. Поэтому его называли «учеником Гилеля».

Когда он был ещё состоятельным, рассчитывал точно размер «десятины», из которой, по законам Торы, давал людям «конструктивные» пожертвования. Например, молочнику, жившему на обеспечении «Юдише милх», жертвовал корову, а портному – швейную машину. Рэб Бенцион поступал таким образом, поскольку видел в законах Торы руководство к действию, а не «рутину», исполняемую машинально и абстрактно и необязательную в повседневной жизни. Хотя он был выдающимся эрудитом, постоянно говорил: «Главное не теория, а практика».

После первой мировой войны р.Бенцион обеднел и поселился в Кременце (на польской стороне границы), но не изменил своему обычаю и продолжал делать добро в комитете «Джойнта», где на протяжении нескольких лет (1920-23) занимал пост кассира. Проявил также инициативу в выкупе пленных. После его блестящего выступления были спасены 10 еврейских семей из России, которые пересекли границу Польши вблизи Кременца, направляясь к своим заморским родственникам.

Так р.Бенцион посвящал свою жизнь ближнему, пока не разразилась вторая мировая война. В 1942 г. он погиб вместе со своей семьёй и всеми мучениками Кременца от рук

украинских пособников нацистов. А было ему тогда 76 лет.
Да будет благословенна память о нём!

Ошер Березенбойм

Это был зять раввина р.Мойше-Шмуля Садэ-Лавана блаженной памяти, знаток Священного Писания и маскил. Уроженец Олевска, входивший в компанию М.-З.Фейерберга, он проявлял большой интерес к иудаизму и теории воспитания. Как только представилась возможность, оставил дела (у него был магазин фарфоровых и стеклянных изделий) и начал преподавать в талмуд-торе, основанной Обществом распространения просвещения. С тех пор он получил известность как хороший учитель. Опубликовал статьи и заметки в еврейских газетах Польши на темы воспитания и иудаизма (большей частью под псевдонимом АБИБ).

Он очень ценил выдающуюся эрудицию своего тестя, блаженной памяти раввина, служил ему в качестве секретаря и побуждал записывать свои нововведения. Это приносило ценные плоды в виде отредактированных им сочинений по Галахе. Сочинения сгорели, когда в городе был пожар. Осталась самая малость, которая хранилось у его шурина, раввина Мордке Нисенбойма – первого помощника р.Йоэля Сорина «Даровитого» в правлении ешивы. Уцелевшие произведения под названием «Нахлат авот»¹ были изданы после первой мировой войны в Иерусалиме дочерьми Бетей и Идой с предисловием раввина р.Мордке Нисенбойма блаженной памяти.

Ошер Березенбойм поддерживал связи с раввинами и людьми Торы, которые ценили его знания. «Даровитый» из Звягеля, р.Йоэль Сорин блаженной памяти, который перевёл свою ешиву после погрома 5679 г.² в Корец, навещал его и читал свои сочинения. Чтение иногда продолжалось почти целую ночь. Среди сочинений были также песни пламенной веры в стиле средневековой поэзии. «Даровитый» просил помощи Березенбойма в их публикации для еврейской сцены. Но так как эти песни не находили места на немногих еврейских сценах, существовавших тогда в Польше, а богословских издательств почти не было, произведения «Даровитого» оставались неопубликованными. Это очень огорчало Березенбойма. По его мнению, песни были достойны, чтобы их включили в современную поэзию.

Ошер Березенбойм мечтал всю свою жизнь репатрироваться со всей семьёй в Эрец-Исраэль. Возможно, что эта мечта осуществилось бы, если бы у него было 1000 фунтов стерлингов, которые требовало тогда мандатное правительство, и если бы не терзала мысль, что его место там, в волынской диаспоре, где почти все евреи были бедными материально и богаты духовно. И он остался ради молодого поколения, остерегался «вставлять солому в землю» и обдумывал, пока над ним и его семьёй в городе Клевани, на Волыни, не был занесён нацистский топор. Да почиет в мире его душа!

---

1 «Наследие отцов» (иврит)

2 1919 г.

М.Адир (Рудницкий)

Яков Бен-Меир (черты его облика)

Бен-Меир, выходец из хорошей семьи раввинов, был знатоком святого Писания. В молодости он отличался остроумием и в возрасте 17 лет получил диплом раввина. Однако его душа жаждала светского образования и влекла к педагогической работе, в которой видела возвышенную цель.

В юности он знал нужду и в своём местечке зарабатывал частным преподаванием. Несмотря на тяжёлое материальное положение, Бен-Меир не жалел времени и энергии для воспитательной работы и основал в местечке Эмильчине на Волыни талмуд-тору для бедных детей. Преподавал Тору и заботился о снабжении детей одеждой и прочим. В 20-летнем возрасте переехал со своей семьёй в Одессу и терпел там немалую нужду, пока не получил общее образование и удостоверение учителя. Получая плату за преподавание, он всем жаром сердца предавался педагогической работе. Преподавание было для него святой службой.

Я познакомился с дорогим Бен-Меиром на заре его жизни и работал вместе с ним примерно три года в Одесской общественной школе, основанной пламенным сионистом доктором Ландсманом блаженной памяти, известной своим национальным характером и широкой программой ивритского обучения. Эта школа была как бельмо на глазу для членов комитета распространителей просвещения в Одессе, так как служила наглядным опровержением утверждений о том, что в народных школах невозможно обучать иврит больше шести часов в неделю.

Бен-Меир укрепил школу и был её заведующим примерно 10 лет, посвятил ей лучшие свои силы и знания для внедрения идеалов движения возрождения в сионистском духе. Он вёл упорную борьбу с правительственными чиновниками снаружи и противниками из числа современных «распространителей просвещения» и идишистов изнутри, однако был настойчив и всегда выходил победителем. Кроме педагогической работы, Бен-Меир принимал активное участие во всех культурных мероприятиях, выступал с речами, которые были весьма содержательными.

Несколько лет Бен-Меир вместе с автором этих строк с большой любовью занимался изданием детских иллюстрированных книг для чтения. Издательство «Сифрей» уже примерно 40 лет выпускало для детей десятки красиво раскрашенных, привлекательных

тетрадей с огласовкой. Перед репатриацией в Эрец-Исраэль Бен-Меир трудился с большой преданностью в отделе образования и культуры Одесской еврейской общины и при первой возможности, 41 год назад, на знаменитом корабле «Руслан» достиг берегов Эрец-Исраэль, куда его всегда влекло. Несколько лет он преподавал в школе для девочек в Тель-Авиве. Профсоюз учителей признал сразу достоинства Бен-Меира в общественной активности и избрал его членом центрального комитета. По состоянию здоровья он вынужден был оставить преподавание, к которому был привязан всеми нитями души и которому оставался верным до последнего дня. И в новой профессии адвоката Бен-Меир проявил свою чистосердечность и сразу же занял видное центральное место в профсоюзе адвокатов. Тридцать лет проработал он в различных отраслях: 15 лет занимался педагогикой и 15 – правосудием. Подобно тому, как в бедных кварталах Одессы проявились его любовь и преданность как учителя и заведующего по отношению к еврейским детям, раскрылись его честность и верность в правосудии. Он не добивался популярности и не стремился к почёту, однако благородные качества возвысили его и сделали центральной личностью в кругах учителей и профсоюзе адвокатов Эрец-Исраэль. Недаром люди относились к нему с любовью. Его душа была всегда чуткой и отзывчивой ко всем общенациональным делам и ко всему происходившему в рабочем движении. По собственной инициативе он приходил на помощь и выполнял заповеди сионизма. Когда некоторое время назад был основан фонд безработицы, Бен-Меир втайне уплатил добровольный взнос ещё до того, как это потребовалось. Сердце его было открыто всем несчастным, многих из них он выручил от беды.

От Звягеля до Иерусалима

А.

Высокого роста. Элегантное лицо увенчано длинной, почти прямоугольной, седеющей, в прошлом каштанового оттенка бородой. Глаза голубые, немного мечтательные. Обходительный, с приятным голосом. Речь, изобилующая словами Торы, мудрыми изречениями и жизненной мудростью, приправлена тонким юмором. Ряды белых ровных зубов (которые не болели и не портились почти до глубокой старости) обнажались в сдержанной улыбке, улыбке знатока святого Писания. Седина появилась ещё в молодом возрасте, из-за неё он выглядел гораздо старше своих лет. На зрение не жаловался и за последние 20 лет почти не пользовался очками. Был ещё полон сил и не сгибался. Почти никогда не болел. Происходил из здорового и крепкого долголетнего ствола.

Таким помню я своего отца, р.Янкеля-Шмуля га-Леви Иш Горовица, поскольку был младшим сыном от второго брака (первая жена, от которой он овдовел, родила ему три дочери). Второй его женой была моя мама.

Это была самобытная личность – потомок раввинов и выдающихся богословов, десятое поколение р.Йешайи га-Леви Иш Горовица*, автора «ШеЛо» («Шней лухот га-брит»), главного раввина ашкеназийской* общины в Иерусалиме (родословная переходила по наследству от сына к сыну, согласно традиции, которая соблюдалась на протяжении поколений и заключалась в том, что каждый сын обязан переписывать эту родословную собственноручно и прибавлять к ней своё имя).

Б.

Папа родился в 5615 – 1855 г. в Звягеле (он же Новоград-Волынский), либо в одном из местечек этого уезда (как известно, уроженцев местечек и сёл тоже записывали в книги уездного раввината, и в его паспорте местом рождения указан Новоград-Волынский). В юности жил и учился в Звягеле. Отец упоминал раввинов Звягеля, друзей, но их имена, к сожалению, не сохранились в моей памяти. Ещё в очень молодом возрасте получил диплом раввина от выдающегося современника, знатока Торы, раввина-гаона р.Иццока-Эльханана Спектора* из Ковно, служил в раввинате только небольшое время, чтобы не

использовать Тору в корыстных целях, и начал заниматься лесоторговлей. Из-за своих дел он направился на юг к днестровским уездам и жил в разных городах по обе стороны Днестра, в Подолии и Бессарабии, а большинство лет – в Могилёве-Подольском, уездном городе на берегу Днестра (не путать с Могилёвом на Днепре, в Белоруссии). Этот очень важный город с историко-географической точки зрения, стоявший на перекрёстке дорог между Украиной и Балканами, евреи называли также «тэркиш Могилёв» (турецкий Могилёв), так как он когда-то был завоёван турками. И до сих пор в его окрестностях остались руины турецких крепостей.

В.

Сам я родился в Могилёве-Подольском (мать моя была подолянкой), но ещё в юности учился и жил в больших городах. И в Эрец-Исраэль я репатриировался молодым. На Волыни я не был никогда и не знал многочисленных родственников отца, рассеянных по нескольким местам Волыни (Житомир, Звягель-Новоград, Межиричка-Эмильчин и другие). Некоторые из них эмигрировали в Америку и спаслись в годы Катастрофы. Всё, что мне известно о Волыни, почерпнуто из книг, слухов и особенно из уст отца блаженной памяти.

От отца я узнал, что ещё при папином деде их род, ведущий своё начало из ствола р.Йешайи Иш Горовица (святого «Га-Шило») и его брата р.Яакова из Щебрешина, потомки которых вступали в брак другом, раскололся на разные фамилии: Леви, Сегал, Барман и другие. Не исключено, что даже в Эрец-Исраэль живут «второй из трёх» или «третий из трёх» из этой разветвлённой и разобщённой семьи, не догадываясь о своём родстве.

В нашем доме пребывал дух Волыни, дух Звягеля. Папу называли в городе «дэр Звилэр» (звягельский). Существовал обычай называть всех прибывших из других губерний России и укоренившихся на новом месте по месту рождения, а не по фамилиям. Приезжих выдавал их диалект идиш, обычаи, кушанья, а иногда даже одежда. Каждая губерния России, занимавшая огромную по площади, была нечто вроде государства в государстве. Когда встречался еврей из другой губернии, казалось, что прибыл какой-то инопланетянин. Евреи с севера, особенно литовские и т.д., попадали в южные губернии редко: главным образом, коммивояжёры, сборщики пожертвований, учителя из Общества распространителей просвещения, агитаторы политических и общественных движений. Все они привлекали к себе всеобщее внимание.

В Подолии идиш сочный, выразительный, несколько грубоватый, с огласовками «комац»*. Волинский диалект немного мягче и занимает как бы промежуточное положение между подольско-бессарабским и литовским диалектами. Те, кто не был сведущим в географии диалектов, мог перепутать волинский диалект с белорусским или литовским. Такие невежды в моём родном городе называли папу по его диалекту прозвищем «дэр литвак» (литовец).

Но этот «литовец» не был невозмутимым. На новое место проживания папа привёз с собой необузданный темперамент, хасидское воодушевление и страстную любовь к Эрец-Исраэль, которым отличались волинские евреи. Ещё 15-летним юношей ему выпала честь совершить поездку к цадику р.Аарону из Чернобыля*, представителю третьего поколения цадииков, сыну «чернобыльского магида» р.Мотэлэ* и внуку р.Нахума Великого, ученику Бешта. И хотя он побывал у р.Аарона лишь незадолго до его смерти (а р.Аарон умер в глубокой старости, в возрасте 85 лет), личность этого столь популярного в то время, особенно в Волинской губернии, цадика произвела на него сильное впечатление. М.-З.Фейерберг – литературное сокровище Звягеля – тоже упоминает в своих рассказах

«Старика из Чернобыля», т.е. р.Аарона. Отец оставался всю свою жизнь чернобыльским хасидом, приверженцем покойного ребе, хотя ездил затем и к его братьям-цадикам, сыновьям р.Мотэлэ, а также к ружинско-садигурским цадикам, в зоне влияния которых были приднестровские уезды.

Наш дом был местом встречи эрудитов, хасидов и сторонников заселения Эрец-Исраэль. По субботам за столом собиралось не менее десятка орхим, а на исходе суббот несколько десятков хасидов за стаканом чая приходили послушать рассказы о цадиках. Папа обладал необыкновенной памятью и увлекал своими рассказами. Он был также искусным писцом на древнееврейском, собирал и записывал беседы и поучения, которые слышал из первых уст, от самих цадиков или их приближённых. Большинство тетрадей, которые он записывал на протяжении многих лет, остались в России и, конечно, пропали. Только одна тетрадь, переданная редакторам «Решумот»* в Одессе (Друянов* и Бялик), была привезена в Эрец-Исраэль. Серия рассказов и бесед цадиков из той тетради была опубликована под названием «Ялкут Шмуэль» в книге «Сэфер Бешт», которую издало учреждение раввина Кука под редакцией раввина Й.-Л.Маймона* в 5720 г.¹, к 200-летию смерти Бешта. Отрывки были опубликованы также в других газетах и в «Решумот» (том первый, Одесса, 5679 г.²).

Г.

Папа любил книги. Не просто любил, а обожал. У него была одна из самых больших частных библиотек в городе и уезде. Среди книг находились редкие печатные издания, прежде всего, Талмуд, изданный типографией вдовы и братьев Ромм в Вильне, выпуск первый – в красном переплёте из телячьей кожи, с золотыми буквами и орнаментом на обложке. Книги были разграблены во время революции в России. Если из них не сделали бумагу для упаковки, тогда они хранятся в одной из государственных библиотек Советского Союза. Лишь немногие из них он спас и в 20-х годах привёз с собой в Эрец-Исраэль, пересекая границы и подвергаясь смертельной опасности. Папа всю жизнь мечтал и постоянно говорил о «хождении в Эрец-Исраэль», но сумел репатриироваться лишь на старости лет.

В Могилёве-Подольске он был одним из основателей большой ешивы, открытой за несколько лет до начала первой мировой войны, и других благотворительных учреждений, в том числе синагоги орхим и богадельни. Отец поставил перед собой цель: репатриироваться в Эрец-Исраэль и создание таких же учреждений в Иерусалиме (гостеприимство было наследственной традицией в нашей семье, и в детстве я слышал много рассказов и легенд о гостеприимных бабушках и дедушках). И свой обет он выполнил, по крайней мере, частично, пожертвовав на синагогу орхим и бесплатную столовую для нуждающихся в Иерусалиме часть денег, которые привёз с собой.

Д.

Проживая в Иерусалиме, папа пользовался большой симпатией среди хасидов и поддерживал дружеские отношения с цадиком чернобыльской династии р.Менахемом-Нахумом из Ротмистровки и с видным сионистским цадиком р.Ихилом из Дрогобыча, был знаком с раввинам А.-И.Куком и Й.-Л.Маймоном.

Несмотря на бойкот со стороны ультраортодоксальных евреев Иерусалима, он участвовал в выборах в собрание депутатов и сионистские учреждения, в которых

1 Вторая половина 1959 – первая половина 1960 г.

2 Вторая половина 1918 – первая половина 1919 г.

принимали участие религиозно-сионистские круги. Его письма из Эрец Исраэль друзьям (некоторые из них были опубликованы в 20-х годах за пределами страны как свидетельства хасида и раввина) были проникнуты любовью к стране и еврейскому народу, что служило хорошей пропагандой репатриации и отпором против злой клеветы на Эрец-Исраэль. Халуцим, нестрогий соблюдавший традиции, он защищал из-за их самоотверженности в созидании и обороне государства. Ещё до репатриации отец говорил со своими детьми на древнееврейском, особенно по субботам, и здесь, в Эрец-Исраэль, строго придерживался этого правила.

Следует привести отрывок из одного письма, которое он написал своим друзьям в диаспоре, религиозным евреям, людям среднего класса, намеревавшимся репатрироваться в Эрец-Исраэль, но слухи об экономической нужде в стране сдерживали их. Это письмо, проникнутое безоговорочной любовью к Эрец-Исраэль, превосходящей экономические расчёты, наивной верой и уверенностью, были опубликованы в своё время в еврейских газетах диаспоры. Отрывок приводится из газеты «Гаарец»* (Тель-Авив), в которой письмо было опубликовано в 5685 г.¹ в оригинале.

«Дорогие друзья, письмо я поучил сегодня и сразу отвечаю вам, что страна очень-очень хорошая. Очевидно, любовь к ней проникла в сердца всех евреев. Народ, наверное, благословен Господом. На кораблях прибывают люди разных категорий: стар и млад, раввины, хасиды, немцы², люди легкомысленные, бритые. Никогда бы я не подумал, что они захотят поселиться в Эрец-Исраэль. Видно, настало время еврейского кибуца. В этом году прибыло несколько тысяч человек, которые поселились в Иудее и Галилее. Покупают землю, строят жильё. И я не слышал, чтобы кто-то из них сожалел о приезде. Им хорошо в Иерусалиме, Тель-Авиве и других городах Иудеи и Галилеи, ибо во всех местах каждый нашёл для себя занятие. В страну приехало много раввинов и цадиков, в том числе 80-летний раввин-цадик р.Нухим, сын цадика р.Йоханана из Ротмистровки*, и его брат р.Вольф. Они обратились к раввину-гаону Куку, главному раввину Эрец-Исраэль, да продлятся его дни, и тот послал им приглашение с царственным одобрением. Из Варшавы прибыл сюда ребе из Яблони с несколькими сотнями хасидов. Они купили землю в окрестностях Хайфы, которую нужно обрабатывать разными орудиями. И вот сам ребе становится обычным человеком среди простых людей. Одетый в замасленную одежду, он работал на этой земле, а вместе с ним ещё несколько хасидов, подвергая себя опасности. И с Божьей помощью, им многие завидуют.

Поэтому, друзья, не нужно раздумывать. Пусть каждый поступает по своему восприятию. И кроме того, поселение евреев в Эрец-Исраэль – великое дело. Ведь согласно Талмуду каждому здесь обещано несколько футов в мире грядущем. И это основано на уверенности в том, что у тех, кто любит Эрец-Исраэль, всё будет хорошо. У каждого жизнь складывается по-своему. Здесь тоже есть везучие люди. Много зависит от удачи, но ещё больше – от веры. Нужно только верить, что Бог всемогущ. Но пока человек не знает угнетения, он может рассуждать. Одному хорошо в Иудее, другому – в Галилее. Всё это доказывает, что страна благословенна добром».

Отец был не только искусным писателем со своеобразным и точным слогом иврита, но и талантливым живописцем. Для удовольствия любил рисовать красками, которые сам же изготавливал из сока живых цветков (подлинное изобретение, заслужившее признание у профессиональных художников), «мизрахи»*, пинкасы и святые картины, особенно на библейские темы. Одни из них он дарил синагогам и родственникам, другими украшал свой дом. Писал также иллюстрации для Мегиллат Эстер* и пасхальной Агады. Все эти картины, которыми я так восторгался в детстве, остались в России.

1 Вторая половина 1924 – первая половина 1925 г.

2 Здесь имеются ввиду одетые по-европейски нерелигиозные евреи

Проживая в Иерусалиме, он ходил несколько раз в неделю к Стене Плача. Здесь, как известно, практиковалось восхождение к амвону. И он как левит считал своим долгом прислуживать когенам, веруя всей душой в то, что дождётся ещё прихода Спасителя и будет исполнять эту обязанность сверху, на Храмовой горе.

Е.

В субботу 25-го числа месяца менахем-ав* 5691 г.¹ отец, который почти не болел, умер лёгкой смертью от старости и изнеможения, и на следующий день его привезли на вечный упокой на Масличную гору, на участок кладбища «Колель Волын», выходящий на Храмовую гору.

Один из читавших надгробную речь, писатель р.Бениамин, который познакомился с ним недавно и очень ценил, почтил память об отце в газете «Гаарец» и охарактеризовал его краткими, но меткими выражениями: «Человек непорочный и чистый, верный традиции и хасидизму, скромный и человеколюбивый».

Таким был долгий чудесный путь отца блаженной памяти от Звягеля до Иерусалима.

Биографические статьи о раввине Яакове-Шмуле Иш Горовице:

- а) «Энциклопедия шель га-ционут га-датит», издание учреждения раввина Кука, Иерусалим – том II, с.52-55;
- б) «Энциклопедия ле-халуци га-ишув у-бониу», издательство «Сифриат ришоним», Тель-Авив, том VIII, с.1321-1322;
- в) «Сэфер Бешт», под редакцией раввина Й.-Л. га-Коэна Маймона, издание учреждения раввина Кука, Иерусалим, 5720 г.², с.282-284.

---

1 8 августа 1931 г.

2 Вторая половина 1959 – первая половина 1960 г.

И.Ц.

Сруль Цифанский

Родился в местечке Соколове. Отец – раввин р. Менахем-Мендель Цифанский – был из старинной раввинской династии макаровских хасидов. Религиозное воспитание получил в бес-медреше макаровского цадика, а затем в ешиве местечка Малина. Под влиянием Гаскалы занялся средним образованием и овладел профессией фармацевта. Увлёкшись сионизмом, работал с молодёжью, организовал вечерние курсы иврита и ивритскую библиотеку.

В 1910 г., после женитьбы, он поселился в Звягеле и открыл аптеку. Всю свою энергию отдавал сионизму и общественным учреждениям, особенно в годы первой мировой войны, когда по поручению ЕКоПо* занимался делами беженцев. После погрома в 1919 г. бежал в Корец и руководил там филиалом «Джойнта», который развивал широкомасштабную благотворительную деятельность. Вместе с местными общественными деятелями основал в Корце школу «Тарбут» и много лет был её заведующим. В 1928 г. был избран секретарём комитета общины, активно участвовал во многих общественных учреждениях, фондах и т.д.

Когда разразилась вторая мировая война, он голым и нищим бежал со своей семьёй в Россию. Вместе с волной беженцев они странствовали по степям России, пока не достигли территории Узбекистана. В пути часть семьи потерялась. Лишь через несколько лет они случайно нашли друг друга в Узбекистане. Но переживания и голод подорвали его слабое здоровье. В 1945 г. ему после долгих скитаний удалось поселиться в Щецине, недалеко от германской границы. Он предпринимал тогда усилия для репатриации в Эрец-Исраэль к своей дочери, которая поселилась там раньше. На руках уже были все необходимые документы и визы, билеты на дорогу. И вдруг тяжёлый сердечный приступ сломал его.

Его семья прибыла через некоторое время в Эрец-Исраэль.

Рухл Бронфшум-Маляр

Есть люди, которые своим личным очарованием завоёвывают почёт и любовь ещё при первой встрече. К ним принадлежала также Рухл Бронфшум.

Когда в Звягеле в 1917 г. активно действовали «Цеирей Цион», Рухл стала появляться на собраниях. Все наши товарищи – в большинстве своём юношество, а остальные – возмужавшая молодёжь – приняли её сразу же с теплотой и уважением, потому что Рухл в то время уже имела специальность (закончила школу зубных врачей).

Её отношения с людьми строились на взаимном доверии. Она была приятной наружности. Ясные коричневые глаза выражали смекалку и дружелюбие. Помню, при нашей первой встрече я мысленно (и не без небольшой зависти) назвала её «благородной дочерью Израиля».

Она родилась и воспитывалась в местечке Соколове, поблизости от Звягеля. Сионизм она впитывала из первоисточника (её старшая сестра репатриировалась в Эрец-Исраэль ещё до первой мировой войны). Наш город был для Рухл промежуточной станцией по пути в Эрец-Исраэль. Тем временем она работала у зубного врача и жила в маленькой комнате недалеко от работы.

Совместная деятельность в партии способствовала дружбе между нами. В своём скромном уголке она казалась ещё приятнее и интереснее. На стенах висели написанные уверенной тонкой линией, хотя и неухоженные рисунки, которые свидетельствовали о достойном внимании таланте. Плодами её пера были заметки, которые она публиковала. Поглощённые заботами той бурной поры, мы не читали эти заметки, но, слушая её насыщенные юмором рассказы, убеждались в том, что Рухл также наделена даром выражения. Она много читала, в том числе философскую и научную литературу, требующую концентрации мыслей. Во время бесед раскрывались её высокий интеллект и независимость. При этом она была скромной, непритязательной, не напускала на себя важность, внимательно слушала собеседника, и говорила со всеми как равная с равным, проявляла добросердечие, старалась помочь и поддержать человека. В те годы бурных дискуссий и межпартийных распрей Рухл проявляла терпимость даже к своим политическим оппонентам, среди которых была её младшая сестра, увлечённая коммунистическими идеями, говоря, что нельзя обвинять человека за его убеждения.

Её вера в человека была безграничной. В минуты отчаяния, когда погромщики хотели разрушить достижения революции и убивали евреев, я сказала ей, что убежала бы на необитаемый остров от отупения и грубости, овладевшей людьми. Рухл посмотрела на

меня с жалостью, и этот взгляд был как бы утешением. Мне стыдно было признаться, что на необитаемом острове я бы очень тосковала по ней.

Политическая деятельность разгоралась, и мы, молодёжь, должны были выдвигать кандидатов в комитет еврейской общины. Хотя Рухл была приезжей, её избрали туда единогласно. Правда, это учреждение просуществовало недолго. Своим серьёзным подходом к проблемам и анализу дел Рухл занимала в нём видное положение. Говорила она спокойно, не повышая голоса, и вызывала к себе доверие со стороны других партий.

Несмотря на широкие связи с обществом, в личной жизни она была одинокой, внимательно присматривалась к людям, чтобы понять их сущность. Наш старший товарищ Азриль Маляр (Ури) был удостоен её дружбы, и они поженились. Молодая чета покинула наш город и переехала в Киев. Там они жили до репатриации.

В Эрец-Исраэль я вновь встретила с Рухл. Молодая пара временно поселилась в Рош-Пине. Рухл с большим успехом работала зубным врачом и имела большую клиентуру. Дома у них бывало много друзей. Несмотря на тяжёлые условия, Рухл не жаловалась и старалась в своём скромном жилище доставить им удовольствие. Она готовилась стать матерью и ненастными вечерами той зимы шила всё необходимое для будущего младенца. Но судьба обошлась с Рухл жестоко. В городе Цфате она родила дочь Авиву¹ (известную теперь художницу, заслужившую международное признание), заболела родовой горячкой и умерла.

Немногим известно, какой чистой была душа Рухл, каким щедрым было её сердце и какие благословенные дарования утрачены во цвете лет ... А те, кому известно об этом, скорбно несут и будут всегда нести в своих сердцах память о ней.

---

1 По другим источникам, Ури Авива родилась в Тель-Авиве в 1927 г.

Бениамин Гольдман

Жестокая судьба также вырвала из наших рядов Бениамина, когда тот был ещё полным энергии членом комитета Звягельского землячества. После его безвременного ухода образовалась пустота. Нам недостаёт Бениамина, служившего образцом скромности, с его философским спокойствия в глазах и добросердечной улыбкой, которая не сходила с его уст. Нет ничего удивительного, что своими приятными манерами он завоевал наши сердца. Мы пока не перестали чувствовать боль его утраты, хотя прошёл уже год и несколько месяцев с того тяжкого дня.

Бениамин был одним из пионеров третьей алии, членом первой халуцианской группы нашего города, сумевшей выбраться из погромного хаоса и взять курс на Эрец-Исраэль. Вместе с группой идёт он пешком вслед за подводами, на которых везли сирот и учебное снаряжение. Бениамин, его сестра Шифра (блаженной памяти) и брат Мойше (да продлятся дни его) останавливаются в Корце. В Ровно Бениамин призывает своих товарищей не жить на иждивении благотворительных комитетов, таких как «Джойнт» и т.п., не питаться в бесплатной столовой, а заработать на жизнь плодами труда. И он организует группу дровосеков, которая в достаточной степени зарабатывает на пропитание и ещё приносит доход «коллективу», созданному по его инициативе.

Однако этому смелому шагу предшествовала многолетняя сионистская деятельность. Ещё в юности он был активен в халуцианской группе, которая вписала блестящую страницу в историю Звягеля, и как общественный деятель играл важную роль в воспитании трудовой и учащейся молодёжи.

Его путь в Эрец-Исраэле – это путь первопроходца и человека труда. Начинал он в звягельской группе рабочего батальона им. Трумпельдора, работал на строительстве железнодорожной ветки Петах-Тиква – Рош-га-Айин и на прокладке шоссе на Галилее на берегу озера Кинерет. После ухода из батальона столярничал, а затем по состоянию здоровья вынужден был сменить физический труд на канцелярский. К нашему большому сожалению, болезнь усилилась и вырвала его от нас.

Бениамин был из знаменитого рода, предки которого создали массовое движение в те времена, когда еврейский народ переживал материальный и душевный кризис. Это движение спасло нацию, подняло её из пучин гибели и отчаяния. Это тот самый хасидизм, созданный Бештом и его учениками, одним из которых был р.Ицхок из Дрогобыча. А Бениамин представлял пятое или шестое поколение ребе Ицхока. Нет сомнения, что и он находился под влиянием великих предков, чьё сияние согревало сердца десятков тысяч сыновей Израиля.

Й.Шлаен

Шлёмкэ Гуз

Шлёмкэ был своеобразной личностью. Уважаемого положения во всех молодёжных кругах он добился собственными силами. Вся его жизнь служит поучительным примером того, до какой степени духовные силы могут противостоять физической слабости.

Он был бледнолицым, худым, с голубыми мечтательными глазами, которые будто

Справа: Йонатан Шлаен, г-жа Сундельзон, Фаня Гольдфарб
Народная школа, основанная Сундельзон – 1916 г.

глядели на нас из иного далёкого мира. И действительно, углубившись в мир книг, он отрешался от повседневной действительности, которая не могла больше его удовлетворять.

Когда в 1906 г. деятельность «Бунда» была приостановлена, Шлёмкэ был одним из самых молодых членов этой партии. Теоретиков «Бунда», большая часть которых состояла из учащейся молодёжи («дети балэбосов») и интеллигенции, в Звягеле не было. Бундовская молодёжь оставалась, таким образом, без какого-либо руководства. Однако Шлёмкэ успел перенять нечто важное от своих учителей. Речь шла о полном избавлении от чувства покорности, которое тогда овладело еврейскими рабочими и ремесленниками, в особенности рабочей молодёжью. Сейчас он как классово сознательный рабочий видел своей жизненной целью классовую борьбу. Со своей ограниченной силой и юношеским пылом Шлёмкэ принимается за учёбу. Он стремится расширить свои знания в социологии и экономике, но, в конце концов, увлекается литературой. Он любит поэзию. Перед ним открываются новые миры. Словно заколдованный уносится он далеко от повседневной суматохи, от мастерской с грубыми столами и стуком швейных машин, не прислушивается больше к отрывкам из хазанских мелодий, напеваемых портными-подмастерьями. Свободное время у него занято чтением книг, и на их покупку книг уходит его небольшой заработок. Шлёмкэ выписывает все еврейские периодические

издания, покупает книги на идиш и русском. Прочитать книгу для него недостаточно. С нею он буквально не может расстаться. Полки книг в его комнате растут в ширь и в высь.

Его отец, р.Ошер-портной (р.Ошер Юкэс), коренастый еврей с красивой чёрной бородкой, был противоположностью сыну. Следует добавить, что в своём ремесле Шлёмкэ не блистал, и р.Ошер от этого страдал. Вот, к примеру, несмотря на всё его красноречие, воротник упрямо не хочет лежать «как вылитый». Шлёмкэ прижимает воротник к согнутой спине клиента и пытается языком исправить ошибку, сделанную своими руками. Рэб Ошер совершенно не понимал своего старшего сына. Как каждый отец, он, конечно, возлагал надежду, что его Шлёмкэ, который знает «маленькие буквочки», достигнет совершенства в своём ремесле. Чтение книг р.Ошер считал излишеством. Больше всего он был удивлён и разочарован тем, что Шлёмкэ удовлетворён положением рабочего мастерской и не хочет подниматься по служебной лестнице, а во время трудовых конфликтов был целиком на стороне портных-подмастерьев, против собственного отца. Мнение р.Ошера изменилось лишь тогда, когда он увидел, каким уважением пользуется его сын в кругах молодёжи (не только рабочей).

Мы, молодые сионисты, нуждавшиеся в помощи для изучения социальных проблем, обратились к Шлёмкэ. Ведь он из бывших бундовцев, которых инструктировали авторитеты. Большим было наше удивление, когда оказалось, что Шлёмкэ является также большим эрудитом во всеобщей литературе и со вкусом цитирует различные поэтические произведения. Мы должны были признать, что в этой области, в которой мы чувствовали себя сильными, он нас превзошёл. Очень скоро содержание наших встреч со Шлёмкэ изменилось. Вместо общественной науки мы начали учить ... литературу.

Занятия со Шлёмкэ получили у нас высокую оценку. Он, вероятно, тоже был доволен столь неожиданным кругом почитателей. Сначала даже колебался: как, дети домохозяев, «сионистики»?! Но круг любопытных слушателей привлекал его, несмотря на сомнения. Для него было также неожиданностью, что новая сионистская молодёжь так заинтересовалась всеобщими социальными науками и готовилась на собственных плечах провести в жизнь свои сионистские мечты. И в нас он стал видеть для себя «удачное сватовство». До сих пор воспоминания о Шлёмкэ связаны с интересными литературными вечерами. После работы он надевал длинный сюртук и шляпу и, опираясь на традиционную трость, шёл не спеша к назначенному месту. Мы встречались на тёмных аллеях городского сада, в лесу на той стороне реки или же на квартире у нашей подруги Рухл.

Последнее место, расположенное на окраине города, лучше всего подходило для нашей цели. Мать Рухл, единственная взрослая в доме, относилась к нам весьма лояльно. Будучи постоянно занятой, она после нашего прихода выходила из комнаты, и мы могли свободно заниматься своими делами. Появлялся Шлёмкэ. Тихо сказав «добрый вечер», он медленно вынимал из кармана тетрадку и движением опытного картёжника, бросающего удачную карту, опускал её на стол. Мы знали, что у него есть что-то новое. Вечер, кажется, будет интересным.

Молодёжь устанавливала со Шлёмкэ также личные связи. У него можно было достать все последние литературные издания и новейшие литературные произведения. Приход юношей и девушек зачастую превращался в интересную серьёзную беседу, и возникало такое ощущение, будто они отведали у Шлёмкэ какое-то новое «лакомство».

Единственным его «личным имуществом» были книги. Однако одалживал он их всегда с большим удовлетворением, всем без исключения. Трепетное отношение к книге было заметно лишь в тот момент, когда Шлёмкэ получал её назад. Нежно гладил он рукой книгу, разглаживал изгиб, и случалось, что «виновный» ощущал на себе его осуждающий взгляд. Шлёмкэ не жадный. Его огорчает только легкомысленное отношение к самому

дорогому сокровищу – книге ...

После октябрьской революции начинает он широкую партийную деятельность. Жизненное стремление Шлёмкэ находится на пороге осуществления. Он готов бороться за интересы еврейского рабочего. К несчастью, Шлёмкэ слёг в постель. Болезнь была серьёзной. Вероятно, он страдал ею уже издавна. Все хотят ему помочь. У его постели встречаются представители всех слоёв молодёжи. Шлёмкэ встречает каждого приветливой улыбкой. Своих гостей он уважает. Всё его интересует и обо всём Шлёмкэ готов говорить, кроме ... болезни. Он знает, что его песенка спета ...

Шлёмкэ умирал с большими страданиями, но с философской улыбкой на устах.

Рэб Дов Анцелевич

У этой единственной в своём роде личности было горячее отзывчивое сердце, чуткое к происходившему. Обладая даром прорицания и упорством в ожидании избавления, он всегда готов был прийти на помощь другим и незамедлительно брался за дело.

В Звягеле он оказался ещё молодым во время первой мировой войны. Это было сумасшедшее время. Неслись потоки евреев-беженцев, изгнанных военными властями из прифронтовых районов. Сотни семей в ужасе бежали из завоёванных городов. Мужчины, женщины и дети скитались по улицам города без крыши над головой, пищи и одежды. Нужно было быстро организовать помощь. Рэб Дов Анцелевич, хоть и был приезжим, энергично взялся за дело: основал комитет помощи, привлёк туда несколько общественных деятелей, воздействовал на богатых и вёл переговоры с гражданскими и военными властями. Горожане высоко ценили инициативу молодого человека и его исполнительность, возлагая на него самые трудные задания, и он ни разу не отказывался их выполнять.

Этот учёный еврей, блюститель традиции, знаток святого Писания и в то же время маскил, был сыном раввина Шнеура-Залмана из Мозыря и принадлежал к десятому поколению династии раввинов и гениев Торы. Ещё до репатриации участвовал в сионистском движении и, подвергая себя опасности, организовывал в Белоруссии при царской власти сионистские конференции учителей.

В Эрец-Исраэль с 1924 г. Начал с мелкой торговли. Одним из первых боролся за наведение порядка в этой отрасли и создал организацию мелких торговцев. Выступал в защиту еврейского производства. Через некоторое время бросил торговлю и стал земледельцем. Поселился в Магдиеле и открыл там смешанное хозяйство.

Даже в этом тихом селении бурный темперамент толкал его в общественную деятельность. Вступив в движение «Херут»*, он стал его представителем в местном совете. По свидетельствам общественных деятелей Магдиеля, он не выделялся как партийный функционер, был честным, обходительным, и к нему относились с уважением.

Время от времени из-под его пера выходили заметки на актуальные темы, которые публиковались в газетах Эрец-Исраэль. После смерти осталась целая тетрадь стихов, в

которых отражены его злоключения и стремления, желания и ожидания, и я считаю необходимым привести здесь одно из стихотворений:

«Смерть стоит за моим окном,
Чтоб положить конец моему существованью,
Погасить мой свет, закрыть глаза
И вместе с жизнью расторгнуть мой союз.

Я спокойно встречу свой конец,
Буду благословлять свою смерть и молчать,
И дьявола не буду срамить,
Ибо у меня душа, а у него бездна.

И душа моя будет печалиться,
Втайне исторгну я слезу
И плакать буду горько от того,
Что не получил утешенья.»

Этот стих он написал ещё в юности. Уже тогда был полон ожидания избавления, что выражено в стихе. Он участвовал в создании книги «Звил» и в своём очерке, опубликованном в особом разделе, подробно описал погром 5679 г.¹

Умер р.Дов Анцелевич в Магдиеле в доброй славе и глубокой старости. Много людей провожало его в последний путь.

---

1 1919 г.

Доктор Аврум-Мордке Гофман (Ман)

На кладбище Кирьят-Шауль в Тель-Авиве у главного входа с левой стороны широко возвышается братская могила жертв злонамеренного нападения на израильский самолёт, пролетавшего над Болгарией июльским утром 1955 г. Волею судьбы среди жертв нападения был также уроженец Звягеля Аврум-Мордке Гофман. Ещё в ранней юности он эмигрировал в Америку, спасаясь от ужасов, которые пережили горожане. И вот настигло его несчастье по пути в Израиль.

Аврум-Мордке (Мотл) – младший сын р.Айзика Гофмана, одного из уважаемых турийских хасидов Звягеля, и брат Бенциона Гофмана, о котором отдельно рассказывается в этой книге. Помню, как на склоне лет убелённый сединой р.Айзик удалился от будничных дел и погрузился в изучение Торы. К этому занятию он привлёк своего младшего сына Мотла, и подросток преуспевал в учёбе.

«Изучение Торы, которое сочетается с трудом – прекрасная вещь».¹ Отец, решивший оставить на старости торговлю и ввести сына в деловой мир, послал его перенимать опыт у торговца р.Арона Ставницера. Мотл одевался в чёрную капоту. Пейсы его были холёными, щёки – красными, глаза – чёрными, выражение лица – серьёзным и сосредоточенным. Он научился счетоводству и различению товаров по категориям, усовершенствовал знания в торговле и учился экстерном для получения общего образования.

После смерти отца на него как единственного в доме, хоть и очень молодого мужчину легло бремя забот о семье. Мечты достичь положения в жизни посредством просвещения развеялись и его ждало будущее «человека воздуха», что было уделом евреев черты оседлости.

Семья (он, мать и две сестры) решила эмигрировать. Мотл готовил себя к новым испытаниям и выбрал профессию наборщика в типографии своего шурина Гершонова. Это помогло ему вскоре после прибытия в Монреаль (Канада) устроиться типографом. Однако эта однообразная работа сковывала его энергию.

Он, а вслед за ним и семья, переезжает в Нью-Йорк, проявляет там инициативу и добивается значительных успехов. Начинает в торговле, затем переходит в индустрию, закупает сельскохозяйственные орудия, занимается правительственными поставками и др. В шумном Нью-Йорке как и на заре юности Аврум-Мордке предан религиозной традиции и соблюдает принципы вегетарианства. Покинув Звягель в молодости, он тем не менее остаётся верным своим землякам, с которыми его связывали множество душевных нитей. Это нашло своё выражение в организации землячества в Нью-Йорке, оказании помощи жертвам погромов 1918-1920 гг. Большой интерес проявляет Аврум-Мордке к сионизму и языку иврит, посвящает этому немало времени, участвует в конференциях, сионистских собраниях и становится членом одного из обществ в Нью-Йорке.

После образования Государства Израиль, ещё до окончания освободительной войны, он впервые приехал в страну. Радовался, что ему представился случай находиться вместе с нами в бомбоубежище во время воздушных атак на Тель-Авив, любовался страной и её жителями. Больше всего его приводили в восторг уроженцы Израиля. С ними он проводил долгие часы и сумел завоевать их симпатии. Язык иврит был привычным в его устах. На сефардском* наречии он интересно рассказывал о жизни евреев диаспоры, а дети

1 Из талмудического трактата «Пиркей Авот» 2:2

внимательно его слушали.

Через десятки лет, в течение которых мы не видели его, Аврум-Мордке раскрывается перед нами в Израиле как человек, обладающий глубокими знаниями в разных отраслях экономики. Он рассказывал нам подробно о своих планах поселиться в Эрец-Исраэль.

В Израиле он побывал три раза, а когда, полный сил и энергии, летел сюда в четвёртый раз на борту израильского самолёта «Эль-Аль», жизнь его жестоко оборвалась. Имя Аврума-Мордке Гофмана (Мана), уроженца Звягеля, где погибли многие его родственники, внесено в список праведников, погибших мученической смертью.

М.Бонэ

Сура Садэ-Лаван, старшая дочь раввина

Этому редкому по чистоте души человеку пришлось рано взять на себя заботы о доме и опекать младших (мать была болезненной женщиной). Однако это не помешало ей изучать профессию и участвовать в общественной жизни города, что было с её стороны смелым шагом. Она одной из первых вступила в сионистское молодёжное движение «Цеирей Цион» и проявила нём большую активность. Сделала много для привития молодёжи языка иврита. Была одним из организаторов вечерних курсов иврита, нашла несколько учителей-добровольцев для преподавания. Благодаря этим курсам, иврит звучал из уст юношей и девушек на улицах города. Обстоятельства заставили её после репатриации в Эрец-Исраэль уехать в США, откуда она до конца жизни поддерживала с нами связи. Безвременная смерть не позволила ей вернуться в Эрец-Исраэль, куда стремилась её праведная душа.

Бэбця Ульман

Просторный сад с плодовыми деревьями и красивыми цветами. Тропинка, украшенная кустарником и цветами, ведёт к дому в глубине сада.

Рэб Ици Ульман из села Вершницы был знатоком еврейского Закона. Его главной целью было в городе жить среди евреев. Ему хотелось жить в этом барском дворе, поскольку тот находился в непосредственной близости от синагоги на Гутинской улице. Этот состоятельный человек, наделённый жизненной мудростью, был приверженцем Торы и всеобщего просвещения. И через много лет после его кончины в городе вспоминали меткие изречения р.Ици.

Нет ничего удивительного в том, что единственная дочь Бэбця тоже обладала утончённой душой и испытывала сильную жажду знаний. Лучшие годы юности она посвятила учёбе и несколько лет изучала в Киеве высшие гуманитарные науки.

Бэбця осиротела ещё в молодости. Полученное наследство обеспечивало её существование, но не принесло ей личного счастья. Уверенное экономическое положение позволяло ей не ускорять события в создании семьи. Этот интеллигентный, благородный и последовательный человек не шёл на компромиссы, и судьба, видно, не свела её с другом жизни, который был бы, по её представлению, равнозначен ей. Хотя все оценивали её положительно, да и требования к жизни у неё были самыми скромными, нельзя всё же сказать, что Бэбця испытывала полную удовлетворённость от жизни. Вместе с тем, у неё хватало душевных сил, чтобы не вымещать злость на окружающих.

Она имела тесные связи с ассимилированной интеллигенцией, была верным членом Российской социал-демократической партии и, как было принято в тот период, игнорировала все еврейские проблемы. Но, обладая утончённой душой и приятными манерами, Бэбця сохраняла уважительные отношения с соперничающими партиями и заботилась о создании атмосферы терпимости даже в пылу острой партийной полемики.

Она была чувствительной к страданию ближнего и всегда готова взяться за любое дело, чтобы помочь нуждающимся. Когда мой брат Мойше очень опасной заболел, Бэбця тоже пришла на помощь. Это произошло после погрома, во время немецкой оккупации города. Тогда было очень трудно достать кислород – единственное средство для спасения больного. Много километров прошла тогда Бэбця по лагерям немецких войск за

пределами города в поисках военного госпиталя и благодаря своей энергии и умению убеждать сумела достать кислород.

И вот в городе наступила пора погромов, смены властей, разрушений от большого пожара, резни и убийств. Многие бежали из города. Оставалось большое число слабых и голодных, оказавшихся в большой нужде. Распространилась эпидемия тифа, которая сбивала каждый день беспрерывно сотни больных. Тогда Бэбця впервые осознала проблему брошенных на произвол судьбы евреев и поспешила им на помощь. Свой большой дом она предоставила страждущим, особенно беспризорным детям. Сюда приводят детей-сирот, чьи родные были убиты или умерли от тифа и голода. Это были облачённые в лохмотья живые скелеты, которых собрали в разрушенных опустевших домах. Бэбця всеми силами заботилась о каждом, стала одновременно их преданной матерью и отцом, неся на себе большой груз ответственности. Её дом вдруг превратился в сиротский приют для беспризорных детей.

Оказывая помощь поражённым эпидемией тифа, Бэбця сама заразилась тифом, но игнорировала нависшую над ней лично опасность и совершенно не думала о себе. С постели она с помощью своих «наполовину взрослых девочек» руководила приютом. Выздоровление Бэбци в тех ужасных условиях произошло исключительно благодаря своей крепкой силе воли. Тогда она, может быть, впервые ощутила, насколько обожают и нуждаются в ней окружающие.

С приходом в Звягель всеобъемлющей помощи «Джойнта» дом Бэбци стал одним из сиротских домов на его содержании. Только тогда она смогла оценить размах своей работы. Бэбця не могла больше разлучаться со «своими детьми» и отныне видела в них своё будущее предназначение. Когда в соответствии с соглашением о прекращении огня поляки должны были эвакуироваться из Звягеля, она вместе с детским учреждением переезжает в Ровно.

Выдающейся личностью была Бэбця Ульман, и память о ней согревает наши сердца.

Рэб Борух Трёмбовольский

Рэб Борух Трёмбовольский – один из самых великолепных и единственных в своём роде образов, которыми благословен наш город. На первый взгляд, это был человек среднего сословия, занимавшийся торговлей и стоявший у прилавка магазина среди мешков с солью и бочкой керосина. Но это место ни в коем случае не даёт о нём представления. Высокий рост, слегка наклонённая вперёд голова, широкая борода, выражение простодушной скромности и набожности в глазах – всё это придавало его облику великолепию и внушало уважение.

Среди скиний Торы и Галахи должен был поселиться рэб Борух, который много размышлял о Торе: днём, в магазине, когда не было покупателей, и ночью, у себя в доме. И он проявлял усердие в своём учении. Рэб Борух не хотел бросать торговлю и жить за счёт других, даже своих детей. Торговлю он вёл честно, по совести. Его слово – закон. Все, кто имел с ним дела, как евреи, так и неевреи, уважали р.Боруха.

Его, скромного по своей сущности и молчальника от природы, отличала нравственная чистота. Говорил он не спеша, обдуманно. Остерегался осуждать ближнего и всего того, что может оскорбить чьи-то чувства. Этот богобоязненный хасид и жертвователю Торой и молитвой служил Господу.

Звягель, как и прочие города и местечки Волыни, славился простыми, наивными и скромными евреями, пользовавшимися особым уважением в народе. Такими были известные в нашем городе р.Дувид Бецалель (Дувид-Цаль), р.Фроим Дувидлс, р.Пэйси Пиня Мордкелэс, р.Йегоше и т.д. Рэб Борух тоже принадлежал к их числу, но своей скромностью и славными делами превзошёл всех. Звягельские евреи дали ему прозвище «Малэх»¹, которого были удостоены лишь избранные.

Когда дочери репатриировались в Эрец-Исраэль, они взяли его с собой, и рэбу Боруху выпала честь завершить там свою жизнь в почёте и доброй старости.

---

1 Ангел (идиш)

Братья Пиня и Лейбиш Вайсберг

Они были бал-таксами, т.е. казёнными откупщиками налога на кошерное мясо. В царской России правительство облагало евреев налогами за покупку кошерного мяса. Еврей обязан был также платить налог за свечи, которые зажигала его жена в канун субботы с наступлением темноты. В нашем городе откуп налога на мясо находился в руках 2-3 поколений семьи Вайсберг. Рэб Эли Вайсберг, отец двух братьев, жил в предшествующем нам поколении. Сомневаюсь, жив ли ещё тот, кто помнит его. Рассказывают, что он был знатоком святого Писания, жертвователем и общительным евреем. Таксу* он передал в наследство своим сыновьям, старшему Пине и второму Лейбишу.

Пиня Вайсберг, или Пиня бал-таксэ, не был похож на людей той же профессии, которые в силу своего положения и близости к людям власти обременяли общину налогами. Он заботился о нуждах общины и упорно боролся с властями за возвращение части суммы коробочного сбора для снабжения талмуд-торы и еврейской больницы. В случае необходимости использовал своё знакомство с людьми власти, чтобы сделать добро тому или иному человеку.

Его брат, р.Лейбиш Вайсберг, кроме своего соучастия в таксе, был инициативным деловым человеком. Он был вхож к людям власти, которые делились с ним своими секретами, и стал их советником по экономическим вопросам. Гражданские и военные власти передавали ему подряд на выполнение различных работ, и он выполнял их успешно. Его честность и удача получили признание в правительственных кругах, и во время первой мировой войны ему предложили быть одним из подрядчиков при главном штабе Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Он не был общественным деятелем, но был тесно связан с обществом, и многие горожане впоследствии вспоминали оказанные им услуги: то ли это связано с освобождением от армии, то ли с освобождением из тюрьмы. Особенно спешил он на помощь беднякам.

Благодаря его большой энергии, широким связям с обществом, р.Лейбиш смог выдержать суровые испытания и тогда, когда после захвата власти большевиками в России и Украине обеднел. Он взял в руки посох странника с целью достичь надёжного убежища в Эрец-Исраэль и во время третьей алии вместе с частью родни прибыл в страну. Мы видели его в 20-х годах. Он был уже в летах, погонял осла и возил песок, а затем работал контролёром билетов в автобусной компании. Его уста расплывались в улыбке. Эрец-Исраэль не разочаровал его. Семья пустила корни в стране. Муж старшей дочери – один из первых учителей гимнастики, а муж младшей дочери – в числе главных активистов рабочего движения.

Город в тумане

Как песню детства, до конца дней
Буду я вспоминать тебя, мой город. Детские воспоминания
Неизгладимого впечатления вдеты в тебя нитью
И не сотрутся как гравюра на сердце.

И всё равно, если это каштан в городском саду
Так влечёт тебя коричневый плод в красивой оболочке терновника
Или ... Шулим Элис. Друг детства жил здесь.
Переулок в переулке. Он тоже каштан светлый.

Увы, только я буду знать эту тайну голов золотистых
Всей семьи! Яйцо намазано на ломтике хлеба
(Одно яйцо всего) – и наелись досыта!

Семь голов золотистых. Ещё угощают меня ...
Тогда я не понимал, чем возмущена моя сестра.
Она ради меня годами платила искупительную жертву.

Семья

Знатная родословная и очень скромная.
Знатоки Торы все они: деды, дяди
И другие родственники. В основном, маленькие евреи,
Худосочные и неимущие, великие сердцем и духом.
Которые трудятся днём и ночью,
Чтобы нырнуть в это море знаменитое
И вытащить из воды жемчужины.
Не на шею повесить, не для женщин в семье, Боже упаси,
Так кристально-чист и возвышен дух.
Для будущих поколений. Жемчужины как роса.
Лети с ними! Возможно, эти жемчужины
Для короны Мессии.

А женщины-праведницы ведут каждый день
Войну тела и духа.
Нужны одежда и обувь, а также дрова
И варево в горшке. И ещё дочь выдать замуж.
Жизнь требует их: «давай!» Они молчат.
Кусают губы до боли, чтоб не проронить слово.
Быть может и Боже упаси, это из-за устранения Шехины,
Из-за задержки избавления, из-за ...
Быть может и Боже упаси.

И вот сыновья и дочери идут в очищении. Их больше нет.
Счастливые! Сейчас сидят они
И связывают короны Мессии. Действительно,
Так много корон!
Каждый звук и молчание – это короны.
Вся семья вокруг.

Лишь я ещё расхаживаю по земле
И вижу. Только я.
Сирота, одинок, виноватый и маленький.
И ищу я друга, который придёт,
Поест со мной вместе.
Возможно, поговорим мы о Торе.
Даже тени жемчужин не дошли до меня
И не утешат моей скорби.

Типы старожилков Звягеля

Писатели и поэты

М.-З.Фейерберг

Я признаюсь и не постыжусь этого, что время от времени читаю произведения, которые оставил после себя этот замечательный писатель, пришедший и ушедший внезапно. В них ощущается некая притягательная сила, о которой я до сих пор не подозревал.

Я мечтаю о новой ивритской литературе, которая будет охватывать весь свет в наших тёмных коридорах и всю тьму в нашем свете, о литературе печали еврейской красоты, содержащейся в той же печали. Все эти страстные желания обозначить настроение в движении и без него, превращения прошлого и скрытые вещи в прошлом, стремления воплотить идеалы шатров Израиля и изобразить мировую скорбь – выразил в своих представлениях писатель. И сердце его преклоняется пред величием и красотой, обливается кровью от тоски.

М.Й.Бердичевский «Пришёл и ушёл» («Луах Ахисаф», 5660 г.¹)

---

¹ Вторая половина 1899 г. – первая половина 1900 г.

М.-З.Фейерберг и его эпоха (воспоминания)

Фейерберг прожил лишь 24 года. Из них он занимался творчеством всего каких-то три-четыре года. Однако за эти годы ивритская литература настолько срослась с ним, что её развитие невозможно представить без его участия. Немного написал он за свою жизнь. Все произведения составляют в итоге книжку объёмом около 150 страниц. Но этот маленький сборник обеспечил такое же «бессмертие души» в нашей литературе, которого удостоены только избранные на протяжении целых поколений. Кажется, если бы не он, в ней недоставало бы главного. Если бы не бил ключом этот чистый родник, то в ивритской литературе не расцвело бы такое количество прелестных бутонов, возникших впоследствии и впитывавших живительную влагу из этого родника чистой поэзии.

Очень может быть, что Фейерберг не относится к тем писателям, которым выделяется большое пространство в пантеоне еврейской национальной культуры. Может быть, он из числа тех, кому там выделен лишь маленький уголок. Но из этого уголка по всему пантеону постоянно распространяется благодать святости. В нём господствует сердечная набожная атмосфера. Этот уголок излучает так много душевного света.

Маленький сборник сочинений Фейерберга принадлежит к числу самых интимных книг в мире, в которых писатели воплощают часть своей души, тех считанных книг, написанных «соком мозга и кровью сердца», где каждое слово выступает перед читателем в живых образах, а в каждой строке ощущается содрогания души.

Читая эти произведения, мы задумываемся часто о том, как они обозначаются, и сомневаемся, вправе ли считать их рассказами или очерками. Во многих местах встречаются великолепные описания природы, дан глубокий психологический анализ персонажей, показаны целые фрагменты из человеческой жизни. Но в целом эти произведения весьма далеки от общепринятого типа рассказов и очерков.

Маленький сборник Фейерберга относится к тем немногим книгам, которые в силах навязать настроение читателю. Он духовно близок псалмам и обладает неким гипнотическим влиянием экзальтированной молитвы. Каждая его строка и каждое слово проникают глубоко в нашу душу. Писатель остро и полно выразил отчаяние и веру, настроения и стремления целой эпохи, целого поколения.

И поэтому, когда наше ухо воспринимает эту песнь души, начинает петь и наша душа. Вот почему столь трепетно и свято, как дети к словам горячо любимой матери, сказанным ею на смертном одре в последние дни жизни, относимся мы к наследию, которое оставил Фейерберг в ивритской литературе. Однако целью этой статьи не является подробная оценка творчества Фейерберга. Я хочу раскрыть хотя бы в общих чертах его биографию, поделиться с читателями некоторыми воспоминаниями о том времени, когда мы вместе жили, учились и вели борьбу за просвещение.

Детство

Мордехай-Зеэв Фейерберг родился 9-го дня месяца тишрей 5635 г. (8 сентября 1874 г.) в городе Новоград-Волынске Волынской губернии, в семье шойхета и контролёра Шимона Фейерберга, жившего в большой нужде.

Между прочим, этот город, который евреи именовали «Звил», в соответствии с его

старым польским названием Звягель (также Звэгил), был, наверное, самым красивым городом Волыни после губернского центра Житомира. Выделился он и своей горькой участью. Его жители во время беспорядков за последние 300 лет испили до конца горькую чашу бедствий, разрушений и резни.

Когда Мордехай-Зеэв был маленьким ребёнком, семья переселилась в близлежащее село Гильск¹ и провела там несколько лет. Жизнь вдали от городского шума, среди широких полей и далеко простирающихся лесов, беспокойная река с чистой водой, приятное одиночество этих благословенных Богом мест – всё это оказало сильное влияние на мальчика Мордехая-Зеэва, обогатило его воображение, углубило чувства и способствовало развитию таланта созерцания. Отсюда он черпал художественную силу для описания природы во всех очарованиях и красках. Когда мальчику исполнилось 11 лет, семья вернулась в родной город. Отец послал сына учиться в хедер и иногда сам обучал его.

Начало просвещения

Фейерберг ходил в хедер четыре года, после чего учился в клойзе чернобыльских хасидов, где молился его отец. С приходом в клойз в его жизни наступил новый период – период просвещения и совершенствования.

Отец, беспокоясь о будущем сына, заставлял его изучать Галаху, шхиту* и трефное. Но эта учёба была сыну в тягость, и он относится к ней недобросовестно. Поэтому его познания в Талмуде были очень скромными. Авторитетов и толкователей еврейского Закона он тоже почти не изучал. Его душа испытывала отвращение к ремеслу отца. Ещё в детстве убой скота производил на него удручающее впечатление, что он выразил потом в своём чудесном рассказе «Телёнок».

В клойзе, где учился Фейерберг, в то время находилось много учащихся, которым пришлось по вкусу ивритское просвещение. Давая читать Мордехая-Зеэву литературу Гаскалы, они приоткрыли юноше просвет размером с булавочную головку, а он расширил его до «двери зала». В книгах Гаскалы его поэтическая душа нашла для себя источник наслаждения и утончённости.

С большим воодушевлением погрузился он также в изучение ТаНаХа, Мидраша и Агады. Перед ним открылся новый мир чарующей поэзии и духовного богатства, возвышенной фантазии и глубокой мысли. Наиболее сильное воздействие на него оказали Плач Иеремии, утешения Исаяи и псалмы, наполненные печалью и горечью, верою и мольбой, фантазией и откровением. И в последние дни жизни он читал их нам наизусть.

Фейерберг почти прекратил занятия Талмудом и витал в мире очарования. С большой охотой и много часов в день занимался он изучением новой ивритской литературы, мало ел и пил. Молитва его была короткой. Первой книгой Гаскалы, которую Фейерберг прочитал на иврите, была «Авиэзер»* р.Мордехая-Аарона Гинцбурга*. Он также читал прозу Мапу*, Смоленскина, Браудеса, стихи Й.-Л.Гордона, Лебенсона-отца и сына², книги Иццока-Бэра Левинзона, статьи Лиlienблума.

Когда Фейербергу было восемнадцать лет, он был помолвлен с наивной скромной девушкой из местечка Коростышева, возле Житомира, «прекрасной как луна и ясной как солнце». Невеста была моложе его на пару лет. Её отец, тоже шойхет и контролёр, но более состоятельный, обещал 400 рублей приданого. Свою невесту Фейерберг любил всей душой, и она отвечала ему взаимностью. Особенно привязался он к ней после второй поездки.

---

1 Гульск

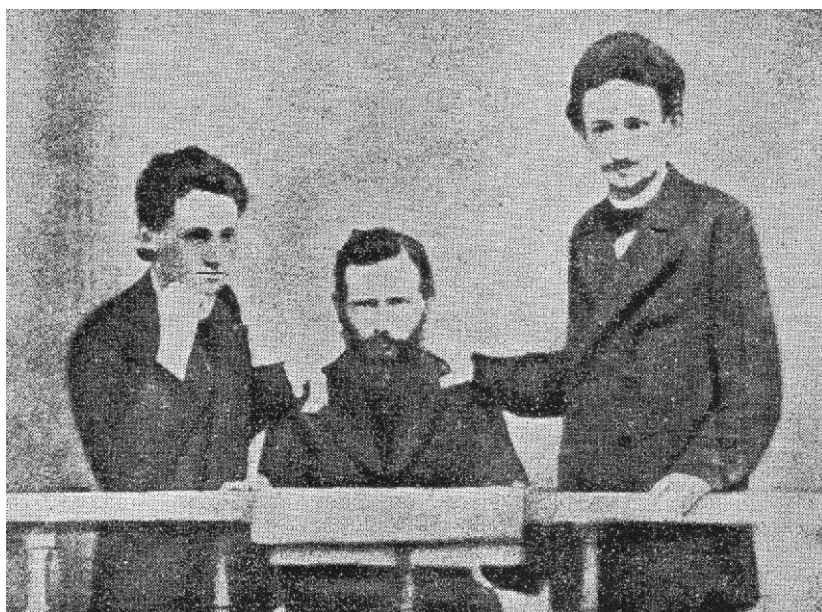
2 Авраам-Бэр Лебенсон и его сын Мика-Йосиф

Приехав с отцом в Коростышев для заключения помолвки, они остановились у одного знакомого отца. Стояла осенняя пора. Дом был ветхим, и, поспав несколько ночей возле окна, юноша простудился, стал кашлять и почувствовал боль с левой стороны. Здоровье его и до этого не было крепким. С детских лет из-за нужды в доме он плохо питался и не имел тёплой одежды. Из-за его увлечения просвещением пришлось также выдержать нападки со стороны родителей. Теперь прибавилась ещё простуда. Всё это уложило его в постель. Недуг вначале не было серьёзным, и надлежащим лечением его можно было легко устранить. Но это не было сделано, и болезнь прогрессировала. Через некоторое время она приняла фатальный характер: чахотка горла.

Даже в начале просвещения Фейербергу довелось испытать много горестей и страданий от своих родителей. Их упрёки очень тяготили его. Часто, не в силах больше терпеть, он уходил из дому и находил для себя убежище в доме жившего по соседству друга Аннопольского (его тоже нет больше в живых). Жалея своего юного потерянного друга, Аннопольский кормил и поил его, предоставлял свой дом для ночлега. Уже тогда, в начале просвещения, Фейерберг испил до конца горькую чашу.

После помолвки он увлёкся философией, прочитал книгу «Кузари» и знал её почти наизусть. Эта книга сильно повлияла на его духовное развитие. Рабби Йегуда Галеви своей кристально-чистой душой, высокой моралью, сердечностью, глубиной понимания закона и духа Израиля был для него самым светлым образом среди еврейских мудрецов и гениев. Книга «Кузари» стала для Фейерберга «святая святых». Он также корпел над книгами «Йесод га-эмуна» и «Амуд га-авода» рабби Боруха Косовера*, которые также оказали большое влияние на формирование его философских взглядов на многие важные проблемы. Фейерберг заинтересовался религиозно-философскими вопросами и с этой целью прилежно изучал прочие книги еврейских мудрецов Испании.

Видя, что единственный сын всё больше удаляется от предначертанного им пути, отец стал притеснять его, требовал бросить просвещение и вернуться к изучению Талмуда и шхиты.

М.-З.Фейерберг со своими друзьями Янкелем Аннопольским и Аврумом Ческисом.
Сфотографировано в 5657 г. – 1897 г.

Моё знакомство с Фейербергом

Я познакомился с ним примерно через год или немного более после его помолвки. Он был на несколько лет старше меня. Наше знакомство произошло при таких обстоятельствах. В то время я учился в Тальновском клойзе, где молились хасиды-приверженцы р.Дувидла из Тального, в том числе и мой отец. Поскольку в нашем городе я считался, справедливо или несправедливо, эрудированным учеником, на меня «положили глаз» несколько парней-маскилим, учившихся в Чернобыльских клойзе. Но их агитация не имела на меня никакого воздействия. Я относился к ним с некоторым презрением. На мой взгляд, они были бездельниками. И лишь Фейербергу удалось достичь цели благодаря тактике, которой он придерживался.

Прошло немного времени, и под его влиянием я начал учить ТаНаХ и читать ивритскую литературу. Вскоре между нами возникла взаимная симпатия, несмотря на то, а может быть благодаря тому, что у нас были совершенно разные характеры. Меня привлекала его мягкость, романтичность и сентиментальность. Ему, напротив, импонировали моё мужество, энергичность и решимость в отстаивании своего мнения. Мы стали верными друзьями и очень часто встречались. Каждый раз он давал мне читать книги.

Когда я вспоминаю об отпечатке, который оставил в моей душе Фейерберг в то время, то представляю его подвижным, общительным парнем. В свободное от учёбы время он любил забавляться с друзьями, смеялся и шутил. Часто ходил купаться на реку, умел хорошо плавать и со всеми вступал в водные единоборства. А какие фокусы он при этом вытворял! В зимнюю пору, когда мы всю ночь бодрствовали в клойзе, отводя много времени чтению и учёбе, вдруг звучал голос Фейерберга: «Пойдём лепить снеговиков!» Как инициатор идеи он бежал впереди нас и с удовольствием брался за дело. Да, Фейерберг любил шалости, играл с друзьями в снежки и при этом был похож на наивного семилетнего ребёнка.

Дискуссии о Спинозе

Через некоторое время после того, как я начал учиться в его клойзе, к нам присоединились ещё несколько юношей-маскилим. Мы достали номера «Га-Шахар» за несколько лет, «Дор дор вз-дорэшав», «Морэ нэвухим» и «Морэ нэвухе га-зман», «Пардэс»* и «Луах ахисаф». Фейерберг усердно изучал эти книги, особенно «Морэ нэвухим» и «Морэ нэвухе га-зман». В дневнике он писал об этом: «Я читал „Морэ нэвухе га-зман“. Это очень глубокая по содержанию книга. Думаю, очень мало тех, кто понимают её». Статьи Лилиенблюма, Смоленскина и Ахад-Гаама тоже произвели на него большое впечатление.

В его душе тогда происходила борьба между новыми и старыми идеями. Эта борьба против веры, против религиозных взглядов на окружающий мир, которая протекала до сих пор тихо, под влиянием новых книг с силой прорывалась наружу. Он потерял душевное равновесие, целыми ночами не мог заснуть. Мучительные сомнения, доводившие до отчаяния, словно тяжёлые камни давили на душу и глубоко ранили его сердце. Естественно, борьба, происходившая в душе Фейерберга, закончилась победой новых идей. Он «подорвал основы» – стал неверующим. Эта внутренняя борьба между двумя противоположными мирами изображена в его лебединой песне, последней повести «Куда?», имеющей в значительной степени автобиографический характер.

Любимыми темами для разговоров Фейерберга были развитие Устной Торы*, необходимость реформ в еврейской религии, Рамбам, рабби Йегуда Галеви и другие

мудрецы Испании, Мендельсон и Смоленский, национализм и ассимиляция. Во время встреч наши рты не умолкали. Ещё не успев поздороваться, мы оказывались в плену бурной словесной перепалки.

Одна из наших дискуссий, получившая название «Великий спор о Спинозе», продолжалась целых три месяца. У меня, тогда ещё очень молодого и несдержанного в выражении чувств, хватило дерзости заявить о себе как о самом что ни есть жёстком противнике Спинозы. Я не мог простить Спинозе его заискивания перед христианством, равнодушия к страданиям еврейского народа, непонимания внутренней жизни марранов* в Голландии, овеянных величием святых мучеников. Я не мог простить, что он, учивший других не волноваться и не злиться, а понимать, сам не мог простить херема, объявленного ему главами еврейской общины Амстердама, и до конца дней жаждал мести. Этим объясняется моё критическое отношение к философу, возведённому при жизни в святые и осквернявшему еврейство. Большое негодование вызвало у меня также презрение, с которым Спиноза отметал гиганта духа, блаженной памяти Рамбама, из чьих родников многое почерпнул. Моя неприязнь была также связана с тем, что его учение, находившееся под заметным влиянием «Зогара», сводило на нет этот колоссальный труд, наполненный ослепительной божественностью, бесподобный в своей поэтичности, фантазии и глубокой философской мысли.

Напротив, Фейерберг относился к Спинозе с большим почтением и любовью, а «любовь отступает от истины». В ней он искал отговорки на все заданные мной трудные вопросы. И я нахожу нужным добавить, что в главных чертах характера у Фейерберга было определённое душевное родство со Спинозой, который тоже рано ушёл из жизни от чахотки.

Дискуссия об Ахад-Гааме

Темой второй продолжительной дискуссии был Ахад Гаам, чья звезда ярко светила в то время на небесах ивритской публицистики. Его чтили не только молодёжь, собравшаяся под знаменем еврейской национальной идеи, но и идейные противники, например, бундовцы. С большим уважением к нему относились и в ассимиляторских кругах еврейской интеллигенции. Тот день, когда еврейский читатель получал номер «Га-Шилоах» со статьёй Ахад-Гаама, был настоящим праздником.

Наш город расположен далеко от Одессы. Тем не менее, Ахад Гаам был близок нашим сердцам. Мы постоянно ощущали, будто находимся у него в гостях и принимаем участие во всех собраниях, проходивших в его доме в пятницу вечером¹, хотя никогда там не бывали. Однако это сближение было не односторонним, а обоюдным. Некоторые из нас вели переписку с ним и другими еврейскими писателями, жившими в тот период в Одессе. А те, в свою очередь, считали нас «своими людьми» и относились к нам, как к выдающимся ученикам Ахад-Гаама. Если Ахад-Гаам писал нам всем коллективное письмо, мы были для него не просто какими-то парнями, а «дорогими сыновьями Сиона». А когда еврейская интеллигенция Одессы готовилась праздновать десятилетний юбилей литературной деятельности Ахад-Гаама, наша группа получила оттуда приглашение. Мы послали поздравление виновнику торжества.

Однако я вносил дискомфорт во всеобщую атмосферу благоговения перед Ахад Гаамом, господствовавшую в нашей группе. В моём отношении к Ахад Гааму не было того восхищения, которое испытывал к нему Фейерберг. В то время меня увлекало творчество таких писателей, как Писарев, Смоленский, Нордау. Лишь много лет спустя я смог оценить по достоинству тихий лирический пафос замечательных статей Ахад-Гаама,

---

1 В тексте на идиш – в субботу вечером

оказывающий глубокое воздействие на читателя.

Кроме того, моему духу были чужды многие взгляды Ахад-Гама, ставшие притчей во языцех. Я был единственным в компании, кто не восторгался его «духовным» сионизмом. Такой сионизм казался мне чересчур бледным, лишённым реальной основы. Меня привлекал в то время тот сионизм, который ставил перед собой всеобъемлющие социально-политические цели и считал своей задачей завоевание Эрец-Исраэль не только ради духа еврейского народа, а ради самого народа.

Не нравился мне и подход Ахад-Гаама к вопросу о реформах в религии, занимавшему важное место в ивритской публицистике. Моя душа не находила удовлетворения в его эволюционных взглядах. Гораздо больше увлекал меня революционный подход к этому вопросу Смоленскина в начале его литературной деятельности, Лиленблюма, до того как тот пошёл «путём покаяния», и Й.-Л.Гордона. Очевидно, я был в те годы очень нетерпелив и боялся полагаться всецело на объективный исторический процесс, который приведёт с течением времени к освобождению души народа, «находившейся в плену и вошедшей в еврейскую письменность».

Совершенно иной взгляд на всё это был у Фейерберга. В литературе он разбирался лучше меня, а по образу мыслей и мировоззрению был близок Ахад-Гааму и тянулся к нему всем сердцем.

Какими чудесными были годы эти, годы светлых надежд и чарующих грёз, годы безграничной веры в наши силы и ликующей жизнерадостности. Бывает, что внезапно поднимется завеса забвения, и это счастливое далёкое время раскрывается передо мной в сиянии света, которым наполняется вся моя душа

Мы нередко гуляли по 5-6 часов за городом и бурно спорили, созерцая безграничные поля и леса, полные красоты и очарования. Прекрасными летними ночами забирались в сад возле дома нашего друга Каплана. Там мы завершали наш продолжительный спор, ложились на землю и тотчас засыпали. Лишь перед рассветом просыпались и расходились по домам.

Наша борьба

С расширением нашей компании росло и противодействие недругов. Справедливости ради, нужно признать, что, стремясь распространить свои взгляды, мы сами обостряли борьбу и совсем не считались с возможными последствиями. Нередко кто-то из нас шёл на базар, когда там было многолюдно, и вёл еретические проповеди, чтобы пробудить людей от «дремоты суеверия» и превратить в вольнодумцев. Это навлекло на нас гнев многих горожан. Нас проклинали, преследовали, выгоняли из всех бес-медрешей, а найденные книги сжигали. Дело доходило даже до драк.

Всё это пагубно повлияло на слабое здоровье Фейерберга. По натуре он не был воинственным и сильно страдал от притеснений. Чтобы выбить из головы сына идеи просвещения, отец заставлял его сидеть весь день в лавке вместо своей жены. Лавка была маленькой и убогой, и это занятие причиняло Фейербергу больше всего страданий. Единственным утешением было то, что лавка вскоре стала центром Гаскалы нашего города. Там мы часто собирались и проводили много времени в беседах и дискуссиях. Помню, как однажды во время наших горячих дебатов о религиозных реформах неожиданно появился отец Фейерберга. Мы все удрали, оставив его наедине с отцом, от которого он получил хороший нагоняй. Но наши встречи продолжались. Как-то мы были с ним наедине, и Фейерберг сказал мне: «Сегодня я вновь читал “Историю евреев” Греца* и полагаю, что дух Израиля селится не в высоких дворцах, а в тесной убогой комнатухе. Помнишь лавку, твой мезонин в доме ... мою нынешнюю комнату, твою комнату,

комнату Вола?»

Литературный дебют

В тот период Фейерберг начал писать: сначала стихотворения, а затем и прозу. Он взялся за изучение русского и немецкого языков, но не имел терпения совершенствоваться в них. Его сердце и разум искали другую духовную пищу. Кроме всех бед и мучений, давала о себе знать страшная болезнь – чахотка горла. По настоянию врачей, друзья послали его лечиться в Варшаву. Эта поездка зимой 5656 г. (1896 г.) оказала большое влияние на духовное развитие Фейерберга, углубила его взгляды на жизнь и литературу.

После нескольких дней пребывания в Варшаве он зашёл в редакцию «Га-Цфира», где познакомился с Н.Соколовым* и И.-Л.Перецом. Соколов, обнаруживший в нём литературный талант, посоветовал ему бросить писать стихи и пробовать свои силы в прозе. Он также обещал напечатать его прозу в «Га-Цфира». Там Фейерберг также познакомился с Михелом Вебером* и Ш.-П.Рабиновичем*. Ему очень хотелось остаться в Варшаве, но врач велел ехать летом на дачу, и он был вынужден возвращаться. После приезда Фейерберг поселился у нашего друга Янкеля Аннопольского, о котором я уже упоминал, а затем поехал на дачу в Славуту. Хорошими манерами и кротостью духа он завоевал сердца юных маскилим местечка, которые относились к нему с большим уважением, просто обожали, оказывали денежную помощь. Находясь там, Фейерберг вынашивал замысел поехать в большой город. Но помешала болезнь, и в конце лета он вернулся назад.

В то время наш друг Аннопольский перебрался на квартиру в деревню Цмовку¹, в нескольких верстах от города, и Фейерберг гостил у него всю зиму 5657 г.² Состояние его здоровья немного улучшилось. Он давал частные уроки, сэкономил немного денег и поехал ещё раз летом 5657 г.³ в Славуту. Тем летом в «Га-Шилоах» был напечатан его рассказ «Телёнок», а перед этим, в конце зимы, в «Га-Цфира» – первый рассказ «Янкель-сторож». Возвратившись в родной город, он получил от Ахад-Гаама 6 рублей – писательский гонорар за «Телёнка» – и очень радовался этому. Светлые надежды тешили его и прибавляли силу. Он хотел тогда поехать в Одессу, и Ахад-Гаам обещал ему помочь. Но Фейерберг не осуществил свой замысел и остался в доме отца. Зимой он послал в «Га-Мелиц» фельетон под названием «Письма из Волини».

В ту зиму Фейерберг поссорился с родителями, хотя те ещё после поездки в Варшаву почти ничего не расходовали его содержание. Он совершенствовался в русском языке и читал произведения русской литературы. В конце зимы его самочувствие ухудшилось. Тем не менее, он активно занимался общественной деятельностью: основал в нашем городе сионистскую группу, в интересах сионизма ездил в Корец и Житомир. Его имя стало известным во всей округе. Но постоянные ссоры с родителями, а также упомянутая деятельность ухудшали его здоровье. Друзья обратились к Ахад Гааму, и благодаря его стараниям Фейерберг получил небольшое ежемесячное пособие и вновь поехал в Славуту, где провёл три месяца. В конце того лета в «Га-Шилоах» были напечатаны его рассказы «Вечером» и «Амулет», а в «Луах Ахиасаф» – «Тени» и «Весенняя ночь». Получив приличный гонорар, он нанял отдельную квартиру и начал писать своё последнее произведение «Куда?» Этой повестью, извлечённой из глубин души, Фейерберг поставил памятник всем стремлениям и надеждам своей короткой жизни.

---

1 Смолка

2 Конец 1896 г. – начало 1897 г.

3 Лето 1897 г.

Часами сидел он, согнувшись, отрешённый от мирской суеты, словно жил в более возвышенном и красивом мире. Его тусклые глаза выражали не только усталость, но и творческую радость.

Когда я пришёл к нему за два дня до кончины и застал его в ужасном состоянии, он сказал мне:

– Я недавно спрашивал еврейский народ: «Куда?» А кто знает, куда я сам иду сейчас?

Дрожь пробежала через всё моё тело, но я овладел собой и заверил его:

– Поверь мне, ты ещё выздоровеешь и будешь долго жить.

– Не верю, – ответил он.

Последние дни

После окончания «Куда?» состояние здоровья Фейерберга с каждым днём ухудшалось. В ту зиму была расторгнута помолвка с его невестой. Это тоже пагубно отразилось на его здоровье. Он знал, что она это сделала не по своей воле, а по принуждению родителей, и её страдания сильно его огорчали.

В то же время крепла вера в свои литературные силы. Он готовился написать два небольших очерка для «Луах Ахиасаф», повесть для «Тушиа» и произведение для «Га-Шилоах». Также собирался писать на идиш. В его планах была целая серия легенд для детей. Фейерберг вынашивал идею написать большой роман о жизнедеятельности Бешта. Но силы были на исходе, и он больше не мог писать. В то время он любил одиночество и предавался своим идеям. Ход его мыслей принимал тогда мистический характер.

Когда прибыл очередной номер «Га-Шилоах», в котором была напечатана статья Ахад Гаама о национальных этических группах, он сказал мне: «Я очень доволен, что это предложил Ахад Гаам, а не другой. Слова достойны того, кто их сказал, и поэтому окажут воздействие. У нас со временем тоже нужно будет создать такую этическую группу».

Часто Фейерберг призывал: «Мы, еврейская молодёжь, должны вести тяжёлую напряжённую борьбу. Мы должны отважно бороться со всеми препятствиями на нашем пути». А когда мы праздновали Хануку, его последними словами, с которыми он выступил на иврите, были следующие: «Давайте, братья, бороться. Опрокинем стену, ломаем изгородь».

Конец

В среду, в 19-й день месяца адар 5659 г.¹ Фейерберг не мог уже встать с постели. Кризис продолжался около 33 часов. Часа за два перед смертью он спросил меня, не остановились ли его часы. И действительно, часы стояли. Я понимал, что это может плохо повлиять на опасно больного с таким богатым воображением, и солгал ему. Минут через десять он повторил мне тот же вопрос, и я снова солгал. Каким же большим было моё изумление, когда я нашёл затем в его дневнике следующую запись: «Когда я умру, мои часы тоже остановятся». Эти слова он писал зимой 5659 г., после того как закончил «Куда?»

Всё это время он разговаривал очень мало. Очень большим было его желание жить. Я сидел возле него всю ночь. Он тоже ни на минуту не заснул и сидел на постели с поникшей на колени головой. Лишь время от времени поднимал на меня глаза, полные страданий, отчаяния и досады. Иногда он говорил мне несколько слов. За несколько минут до смерти я дал ему попить молока. Агония продолжалась какие-то мгновения. В

---

1 1 марта 1899 г.

20-й день адар шени¹ в три часа после полудня он скончался.

Многие горожане отдали ему последнюю почесть. Толпы людей потянулись за погребальными носилками. И на кладбище, расположенном в нескольких верстах от города, в тот зимний вечер было много людей, несмотря на холодный ветер и мокрый снег. Его похоронили среди людей, известных своей праведностью и богобоязненностью. Трое друзей покойника выступили на иврите с надгробными речами.

---

1 2 марта

Израэль Берман*

Фейерберг на даче в Славуте

(в конце лета 5658 г.¹)

1

Однажды, когда Фроим Добин сидел на скамейке под деревом на даче в Славуте посреди большого соснового леса и читал, перед ним проходил молодой человек лет двадцати трёх, светловолосый, с польским типом лица, на котором особенно выделялись большие мечтательные глаза. Незнакомец нёс за дом, в котором жил, какой-то свёрток в сумке из синего полотна. В первые минуты этот человек не привлекал внимания. Ведь больные люди встречались здесь на каждом шагу. Но видя, что юноша пьтится и глядит по сторонам, будто что-то ищет, Добин начал из любопытства следить за ним. Наконец, остановившись напротив тропинки между двумя деревьями и измеряя шагами расстояние между ними, он вынул из сумки гамак из грубой мешковины (не похожий на те красивые гамаки, используемые здесь большинством больных). Юноша привязал его к этим деревьям, лёг навзничь и начал читать книгу, вынутую из сумки, которую положил себе под голову.

Любопытство Добина возросло после того, как он заметил, что юноша много часов в день занят чтением или письмом, в отличие от других больных, которые проводят время в разных играх. Вид у него был нездоровый, и хотя чахотка разрушала его душу и плоть, он трудился как здоровый. Более того, незнакомец выглядел человеком, читающим не ради удовольствия и времяпровождения, а ради знания, цели и пользы. А однажды Фроим понял, что книга без переплёта, которую читал юноша, написана на иврите. Это вызвало любопытство. Давно не приходилось ему держать в руках еврейскую книгу. Юноша заметил его, улыбнулся и сказал с оттенком презрения:

– Еврейская книга ...

Он как будто имел в виду, что книга эта не того разряда, чтобы её читал человек в военной форме.

– Вижу, что это еврейская книга. Именно поэтому она вызывает у меня любопытство. Давно я не держал в руках еврейскую книгу и тоскую.

– Господин говорит на иврите? – юноша взглянул на него удивлённо.

– Да, говорю и читаю, когда есть для этого свободное время и возможность. Если я не ошибаюсь, это брошюра «Га-Шилоах».

– Да, «Га-Шилоах». Я уже заканчиваю и с большим удовольствием дам Вам почитать.

– Благодарю Вас от всей души.

– Если Вам не будет скучно, можете почитать в этой брошюре и мой рассказ «Амулет».

– Ваш рассказ? Вы писатель?... Как зовут господина?

– Мордехай-Зеев Фейерберг.

– Фейерберг? Фейерберг? Это имя мне знакомо. Если не ошибаюсь, я читал что-то из Ваших произведений ... Подождите, не подсказывайте ... Вспомнил! Не Вы ли написали рассказ «Телёнок» в одном из первых номеров «Га-Шилоах»?

– Да, я ... Незрелый плод, не так ли?

– Да что Вы говорите? Это прекрасный плод, и дай Бог, чтобы такое множилось в нашей литературе. Меня зовут Фроим Добин, артиллерист и музыкант в армии Его Величества

---

1 1898 г.

Николая Александровича. Я тоже опубликовал кое-что в газете «Га-Мелиц». Смешно, не так ли? Само собой разумеется, в этом нет никакой литературной ценности, и я не намерен состязаться с Вами.

– Сколько Вам лет? – улыбнулся Фейерберг.

– Двадцать. Какая разница?

– У Вас есть ещё три года для усовершенствования, и тогда, достигнув моего возраста, сможете, несомненно, состязаться со мной, – продолжал улыбаться Фейерберг. – А пока что мне очень приятно познакомиться с человеком, с которым у меня, по-видимому, будет общий язык.

С той поры двое юношей встречались ежедневно, прониклись друг к другу симпатией и целыми часами беседовали о Торе и литературе. Это было последнее лето, которое провёл в Славуте писатель большого таланта, больной чахоткой, который приехал сюда лечиться, но так и не выздоровел, к несчастью своему и ивритской литературы. Он чувствовал, что конец его близок, говорил об этом открыто и мужественно переносил мучения. После того, как несколько унялся ужасный приступ кашля, донимавшего его на протяжении четверти часа, он сказал с горечью:

– Этот кашель как приговор мне в этом мире: не проглотить и не вырвать ...

А когда Добин пытался его утешить, утверждая, что есть ещё надежда, что за последние дни он стал лучше выглядеть, должен беречь себя и не должен волноваться, тот его сердито прервал:

– Оставьте, господин Добин, я не младенец, которого можно убаюкать красивой колыбельной песней ... Что знает здоровый человек о состоянии души умирающего, который расстаётся с миром и разгребает как летучая мышь свою могилу? ...

Он умолк на миг, внезапно поднялся, вознёс глаза вверх, как молящийся, и продолжил:

– О Господи, Боже мой! Как прекрасен Твой мир! Как велика милость, которую излил Ты на него по воле Твоей! Как приятно жить в Твоём прекрасном мире, который Ты сотворил! Жизнь, жизнь, жизнь, Господи! Я хочу жить! Но не всем достался удел Твой, Господи. Будут сверкать звёзды и расцветать природа внутри муравейника, который Ты создал в Твоём прекрасном мире ...

Фроим Добин сидел с опущенной головой и молчал, силясь сжаться. Он как будто стеснялся своего сильного, пышущего здоровьем и жизнью тела перед новым обожаемым другом, стоящим на рубеже между жизнью и смертью. Добин чувствовал себя в ту минуту как человек, сидящий на скамье подсудимых за тяжкое преступление. Фейерберг вдруг почувствовал его смущение, улыбнулся и сказал:

– Почему вы так жались? Разве Вас я имел в виду в своей жалобе на этот несправедливый удел? Разве Вы похитили мою долю в жизни? Жизни и здоровья нет в пожертвовании и подаянии. Ведь и не было, кроме легенд и фантазий, тех 70 лет, что пожертвовал Адам для царя Давида, который мог, согласно Мидрашу, появиться на свет мёртвым. Человек в силах пожертвовать только «хлеб для гостей и милостыню для бедных» вместе с приятной беседой и словом утешения ... И не более того ... Таков он, наш мир.

Однажды под вечер, когда двое молодых людей сидели на скамейке напротив гамака Фейерберга и беседовали об ивритской литературе в связи с сионистским движением и о сопротивлении религиозных сионистов введению «Га-Тарбут»* в сионистскую программу, к ним вдруг подошла молодая дама и обратилась на иврите:

– Простите, пожалуйста, господа, что я имела наглость вмешаться без разрешения в разговор незнакомых мужчин ... Сила притяжения языка, на котором Вы говорили, овладела мной настолько, что я решила пренебречь общепринятыми правилами вежливости и даже преодолеть чувство стыда. Вот уже несколько дней я слушаю, как вы

говорите на иврите. Из отдельных слов, которые уловила из вашего разговора, конечно, нечаянно, могу предположить, что он не секретный. Разговор этот интересует меня в двух отношениях: темы, а также прекрасного иврита, на котором вы говорите. Так разрешите же мне смиренно учиться у знатоков святого Писания?

Оба юноши были поражены. Речь на иврите в устах женщины в то время ещё была большой редкостью. Тем более такой чистый иврит, приправленный речевыми оборотами из Мишны, да ещё в устах такой элегантной дамы. Женщина была одета по последней моде, а здоровое лицо свидетельствовало о том, что она приехала сюда не ради излечения от опасной болезни. Они и раньше видели, как она сидела на низкой скамейке и читала книгу, но не обращали внимания. Им не могло прийти в голову, что книга в её руках была на иврите. А сейчас оба торопливо поднялись с мест и ответили:

– Пожалуйста, госпожа, как раз наоборот, нам очень приятно.

– Нынешняя моя фамилия Розенбойм, – представилась дама, – но я всё ещё сохраняю свою девичью фамилию Шапиро. Хава Шапиро.

– Шапиро? – воскликнули оба. – Шапиро – знаменитая фамилия. Может быть, Вы являетесь потомком рода Шапиро из Славуты, печатников Талмуда, о которых рассказывают ...

– Да, – улыбнулась Хава, – я их внучка. То есть, не я, а мой отец. Я лишь их правнучка ... Но, извините меня, господа, – продолжала она улыбаться, – мне тоже хочется знать, с кем сейчас имею честь разговаривать.

– Фейерберг.

– Добин.

– Фейерберг? Не Вы ли перед Пейсах опубликовали в «Га-Мелиц» большой репортаж из Новоградволынска?

– Да, это я. Но корреспонденция в газете – ещё не литература.

– В таком случае, я имею дело с увлекательным писательским ремеслом. Очень приятно. За мной тоже водится этот грешок ...

– Шапиро? – спросил Фейерберг. – Действительно, я читал что-то, но не помню что.

– Скоро в варшавском книжном издательстве должен выйти мой сборник рассказов. Но это не сравнить с Вашим повествованием, господин Фейерберг, от которого я под большим впечатлением. По-моему, Вас как писателя ожидает большое будущее.

– Не в этом мире, конечно, – улыбнулся Фейерберг.

– Опять ты начинаешь болтать, Мордехай-Зеэв, – опроверг его Добин. – щеголяешь болезнью как женщина драгоценностями. И именно тогда, когда здоровье улучшается, лицо хорошеет.

И действительно, казалось, что за последние дни в состоянии здоровья Фейерберга наступил перелом. Он лучше выглядел и поправился на несколько килограммов. Но больной знал, что это облегчение временное, и был далёк от иллюзий.

– Это пламя разгоревшейся свечи преждевременно угаснет, – продолжал он с горькой усмешкой.

– Не накликайте беду, господин Фейерберг, – сказала Хава. – Нельзя молодому человеку падать духом! Вы должны надеяться, а не предаваться чёрным мыслям. Мы вдвоём постараемся снять с Вас злого духа. Не так ли, господин Добин? А пока я приглашаю вас обоих в наш дом на стакан чаю. Мы живём недалеко отсюда, возле бумажной фабрики. Мои родители – уважаемые знатоки святого Писания и будут очень рады познакомиться с вами. Ведь знаток святого Писания в одежде «грека» – явление редкое.

– Менее редкое, чем эрудит в женском платье, как Вы, госпожа, – усмехнулся Добин.

– Из рода Шапиро, – заметил Фейерберг. – Тора возвращается на круги своя.

С тех пор двое юношей почти каждый день гостили в доме Шапиро и проводили там

свободное время. Эти визиты в известной мере помогали улучшить настроение Фейерберга. И на Добина тоже произвели большое впечатление встречи с этой знатной культурной семьёй, в которой сочетались Тора, богатство и великодушие. Семья Шапиро и Добин настолько прониклись друг к другу симпатией, что и после его отъезда из Славуты они переписывались на протяжении нескольких лет.

Тель-Авив, 5714 г.¹

---

1 Вторая половина 1953 г. – первая половина 1954 г.

М.-З.Фейерберг как философ и прорицатель

Мы гордимся нашим земляком, писателем-мастером Мордехаем-Зеэвом Фейербергом, который ещё в конце прошлого столетия, с усилением национального движения и началом политического сионизма, как сияющая звезда проложил путь на небесах нашей литературы и покорила сразу все сердца, увлѣк нас ещё на заре своей юности – примерно в 20-летнем возрасте.

В глазах своих читателей Фейерберг раскрывается как художник-виртуоз, который умелой рукой возвысил в разнообразных оттенках образы и картины еврейского быта. С большим талантом выразил он злоключения своих современников со времени их пребывания в старом тесном хедере, а затем и в стенах местечкового бес-медреша. С удовольствием сопровождает писатель своих современников, стремящихся вырваться из пределов узкого круга, в котором они находятся, и вместе с ними призывает к переменам и обновлению.

Свыше 60 лет прошло с того времени, как Фейерберг закончил последнюю главу своей повести «Куда?» В этой главе речью на «большом собрании всей городской молодѣжи» он раскрывается своим подходом к исследованию еврейской проблемы как глубокий мыслитель и политический прорицатель. Ещё тогда видел Фейерберг еврейскую проблему как проблему мировую. Своим политическим чутьѣм он предвидел ещё тогда, свыше 60 лет назад, брожение в странах Востока, борьбу со странами Запада и предназначение еврейского народа в этой борьбе.

Ниже приведены отрывки из вышеупомянутой речи, которую Фейерберг вложил в уста героя повести сумасшедшего Нахмана:

« ... Еврейский народ всегда принимал участие во всех происходивших на земле передвижениях народов. Старинные письма свидетельствуют о том, что в доисторические времена евреи кочевали вместе со многими большими народами. **Каждый большой период в жизни еврейского народа был большим периодом во всеобщей истории ...**

... Так было в период разрушения Второго Храма ... Тогда заколебались и были повержены все языческие идолы ... Каждый искал для себя Бога. **Тогда Запад построил новое общество на фундаменте Востока, на иудаизме ...**

... Настанет время, когда на Востоке воскреснут высохшие кости миллионов покойников. Возникнут новые энергичные народы, которые заложат фундамент **нового общества** ... Тогда воспрянет Восток и после падения Запада станет властвовать над всем миром, как властвовал Запад после падения Востока. А вы, братья мои, отправляясь сейчас на Восток, **должны всегда помнить, что имеете восточные корни**. В то время, как весь Запад направляется на Восток, чтобы завладеть имуществом покойников, вы должны прийти туда для того, чтобы дать им жизнь и **построить новое общество**.

Запад – самый большой враг иудаизма, и поэтому я считаю неестественным, что евреи, **восточный народ**, будут решать судьбу Востока вместе с народами Запада.

... Европа теперь больна – все ощущают, как рушится это общество и насколько прогнил её фундамент ... Появившиеся недавно малые пророки оказывают лишь кратковременное влияние ... Но великого пророка ... который дал бы силы обществу двигаться дальше, сейчас нет, и спасение придѣт только с Востока.

... Я верю, что этот великий народ, без чьих книг и великого духа нам невозможно

вообразить нынешний мир, вновь даст жизнь обществу. Но это общество будет восточным. Великий Восток пробудится ото сна и начнёт вести нормальную жизнь, а проклятый народ станет во главе народов, во главе живого Востока ... Поэтому, братья мои, идите на Восток не как его враги, а как его друзья и преданные сыновья. Вы должны возродить его, а не умертвить ... И если действительно есть миссия у еврейского народа, пусть он исполнит свою миссию и свой Закон и несёт их на Восток ... Не только в Эрец-Исраэль, но вообще на Восток ... Да будет, братья мои, начертано на знамёнах ваших: „Вижу Его, но ныне ещё нет; зрю Его, но не близко“. На Восток! На Восток!»

(Отрывки из речи Нахмана в повести «Куда?»)

Да, он был из немногих, кто придавал нашему национальному творчеству универсальное значение, вопреки бытовавшему тогда среди еврейской интеллигенции мнению, что мы берём пример у других:

« ... Ведь никто не опровергнет, что если мы делали что-нибудь в интересах гуманности, это была наша деятельность на литературном поприще. Из своего национального круга мы озвучивали великие мысли, которые займут достойное место во всей литературе. Выражайте же в своих произведениях „последнее слово“ человеческого стремления, и тогда литература сама по себе станет всеобщей. Думается, что после этих слов излишним будет доказывать, насколько заблуждаются те писатели, которые жалуются на материальную, а фактически на творческую бедность жизни евреев».

(«Наша художественная литература и её обязанности»)

К нашему большому сожалению и огорчению многих, он был вырван от нас в цвете лет. Но сейчас, примерно через 60 лет после его кончины, ещё сохранилась память о нём в народе, который выделил ему почётное место среди своих выдающихся сыновей.

Яков Фихман*

Фейерберг

О, юноша чистейших звуков, спешно ушедший,
Когда ещё так сияла скорбь твоя,
Оборвавшаяся вместе с тобой, чьим буревестником ты был,
Которую подхватило поколение любви твоей.

Так чиста бурлящая в тебе кровь, словно цвести
Начал мир в тебе и умирать.
И бутон каждой весной в аромате ночи
Наедине с твоим преждевременно сгоревшим сердцем.

Ты был нашей преждевременной юностью,
Ты был нашей запоздавшей весной.
И пока алеют наши дни,
Будет белеть твой холм одинокий там, на чужбине.

Но мы получили опору в твоей скорби,
И боль твоя ещё будет умилять белизной своего цветения.

Элул 5714 г.¹

---

1   Сентябрь 1954 г.

Ш.-Ц.Зецер

Он рос в «компании», группе молодёжи, размышлявшей о «ивритской литературе и её обязанностях», нравственных стремлениях поколения и духовном совершенствовании. Эти чистые души свято верили в совместную деятельность и реформу этого мира, но жизнь насмеялась над этими возвышенными мечтами и разбросала их по всему свету. В тесном жилище Фейерберга они собирались каждый день и давали там выход своим бурным чувствам, шумели и волновались, по-юношески горячо спорили о новых веяниях в народе, переоценке ценностей, революциях, радующих явлениях в ивритской и мировой литературе. Из бес-медреша выходили на свет Божий и признавали своего Создателя, а в часы сомнений возвращались в бес-медреш. Ещё не удалась святость и не исчезла наивная любовь. У них были столкновения, кулачные бои с мракобесами, а по вечерам, когда друзья беседовали между собой о «тёмных» проделках, звучал громкий смех, глаза сверкали, а молодая кровь кипела.

В этой компании я встретил молодого утончённого Зецера с шёлковой шевелюрой, широким лбом, мечтательными глазами и иронической улыбкой на устах. На собраниях вначале он не принимая участия в бурных спорах. Сидел и улыбался особой улыбкой, как будто у него, остроумного талмудиста, были более глубокие и твёрдые знания, и он ждал подходящей минуты, чтобы раскрыть их остальным. И вот наступает минута. Он волнуется, забывает об окружении, друзьях и обрушивает избыток беспорядочных чувств, не считаясь с общепринятыми нормами и границами, отделяющими литературные дебаты от ссоры. Но вот успокоились сердца, просветлели сердитые лица друзей, в комнате воцарился покой. Зецер вернулся на своё место в углу, и на его устах снова воцарилась улыбка презрения, а в глазах засияло самоудовлетворение

На наших улицах происходило нравственное брожение. Начал выходить «Га-Шилоах». Литературная полемика, вызванная многими революционными писателями, привлекала молодёжь. «Гордое» требование о расширении границ, исходившее из уст главнокомандующего армии революционеров Бердичевского, нашло своих пламенных приверженцев. Все говорили о душевном надломе от Изгнания, который мы должны объединить. На наших тесных улочках было шумно. Все с лёгкостью выступали, и остроумное выражение, исходившее из уст одного из писателей, находило своего внимательного слушателя. Ивритская литература не была тогда видом спорта и развлечений, в которые она превращалась в часы душевного покоя. Она оживляла наше общество, была окружающей нас атмосферой, давала пропитание нашему духу, влияла на ход наших мыслей и скрывала внутри нас их первые зачатки, развивавшиеся длительное время и принимавшие форму целого мировоззрения. Бялик опубликовал тогда «Подвижника» – памятник нашему “fin de siècle”¹, эпохе ушедшей и исчезнувшей, сохранённой в виде исторического капитала. Фейерберг боролся с «сильным врагом» Бердичевским, отдавал ему предпочтение перед «нашими», даже впитывал мысли «противника» и добавлял их к своим литературным «приправам». Эхо этих мыслей – «Весенняя ночь» – до сих пор пленит нас силой правдивости и глубиной грусти по «переходу рубежа» ...

В такой атмосфере развивался Зецер, который читал, учился и усваивал лучшие литературные произведения. У него был особый талант мысленно впитывать в себя суть

---

1 XIX век (фр.)

новых идей, усваивать их такими, какие они есть, без надобности перелистывать целые тома и задерживаться на деталях. Поэтому особым удовольствием было наблюдать за тем, как взволнованный Зецер с лёгкостью пользовался ссылками и парадоксальными утверждениями из множества книг. Он очень любил Фейерберга, с которым его связывало воспоминания детства, но никогда не подчинялся ему и всегда высмеивал тех, кто превращал любовь к другу в культ.

Следует отметить, что Фейерберг своим характером и своеобразной отшельнической жизнью, отрешённой от греховных удовольствий и сладострастий, оказывал большое нравственное влияние на молодёжь. Всё это нагнетало дух печали на тех, кто находился в его окружении. Некоторые напускали на себя пелену меланхолии, будто скрывали «страшную тайну», которая, в случае разглашения, приведёт (Боже сохрани!) к подрыву общественных устоев, и поэтому ощущали на себе большой груз ответственности. Интересно было взглянуть на Зецера, когда тот встречался с этими «скорбящими мира». Он уставлял на них свой взор, приглаживал волосы, и на устах растягивалась улыбка презрения. Несчастные стыдились поднять головы. «Ужасный лёд» таял сам собой, скорбь исчезала, и они становились обыкновенными юношами в своём естественном простодушии и бьющей ключом жизнерадостности.

Зецер был полон жизни и энергии, талантлив, любил молодость и удовольствия, радовался яркому солнцу и наслаждался ночными звёздами. Его душу влекло к греховному и возвышенному ...

В то время уже сформировалась в его душе «великая мечта» о широкой литературной деятельности, и, как ни странно, о собственной газете. Мечта о литературной деятельности не была только уделом Зецера. Многие его друзья тешились этими мечтами и строили планы. Но все они видели, с каким-то трепетом освящал Фейербергу каждую букву и точку; как нанизанные дрожащей рукой перлы букв соединялись в строки. Строки множились и образовали целые страницы, пока не родилось «Куда?». И тогда многие поняли, как следует готовить себя к литературе, и больше не осмеливались подойти к ней близко: как бы чего не вышло? ... Между тем, умер наш друг, компания распалась, и жизнь постепенно расставила всё на свои места.

Литературная деятельность Зецера началась успешно. Его первые статьи о Максе Штирнере и Фридрихе Ницше, напечатанные в «Га-Дор», привлекли внимание. В них много неожиданного и парадоксального, излишний пафос, уместный для оратора и дефектный для писателя. Он хочет покорить вас густым облаком фраз вместо прозрачной логики. Кроме того, заметно чуждое влияние – влияние русской литературы. Однако статьи написаны с юношеским пылом и верой начинающего писателя, всё ещё не нашедшего себя. Постепенно Зецер завоёвывает место в литературе и, по меткому выражению д-ра Ш.Бернфельда, «мы видим его вооружённым логикой и ясным чувством истории». Затем следуют очерки о русских писателях, покоряющие силой и истинной любовью, статьи и фельетоны в «Га-Цфира», в которой он был членом редколлегии. Литературный талант Зецера развивается. Произведения принимают более отшлифованный вид, жизненные испытания закаляют писателя, и он уверенно идёт своей дорогой.

Но, как известно, ивритская литература, к сожалению, не кормит своих писателей, и Зецер, по собственному желанию или поневоле, обращается к идишистской литературе: работает в газетах, пишет брошюры, мечтает о книгах и странствует с места на место, пока не приезжает в Америку.

Вскоре после приезда он обратился к ивритской литературе. Осуществилась мечта юности о собственной газете: был учреждён ежемесячник «Га-Тхия». Но обстановка в коллективе была нездоровой. Вместо привычной у себя на родине литературы с

библейским правописанием Зецер встретился с личными нападками, бездельем и пустым чванством «защитников ивритской литературы», которые огорчали его, подрывали силы и привели к творческому упадку ежемесячника.

Зецер покидает ивритскую сцену, посвящает себя литературе и газетам на идиш и вкладывает в них лучшие свои силы и дарования. Он переводит на идиш статьи Ахад-Гаама, пишет книгу о Баал Шем Тове – литературную мечту Фейерберга, публикует книгу о христианстве, издаёт еженедельник, углубляется в мистику, переводит главы из «Зогар», адаптируя этот тайный язык. Всё это написано с хасидским воодушевлением, а между строк как будто видна «праведная душа моего учителя высшей квалификации Шмуля Бэра Цви га-Когена», которому Зецер посвятил книгу (на этот раз, по какой-то непонятной причине) не о Баал Шем Тове, а о христианстве ...

«Есть люди, которые тебе особенно дороги», – пишет Зецер в конце своей книги о христианстве. Есть и близкие сердцу проблемы, вызывающие в твоей душе сумятицу ...

Однажды вошёл я в бюро моего друга, чтобы повидаться с ним после долгих лет разлуки, войны, страданий и обид. Он был занят рассылкой своего еженедельника подписчикам и велел слуге поскорее упаковывать номера и наклеивать адреса. Беспорядочно разбросанные повсюду книги, номера еженедельника и куски бумаги вселяли своим видом ужас, одиночество и скуку. Глубокая боль сжимала моё сердце. С большим трудом подбирали мы слова, чтобы начать беседу. Как всегда, я разглядывал утончённые черты лица моего друга, которые были мне так дороги. Много-много черт величия стёрла беспощадная рука времени, но иногда в его больших глазах вспыхивали искорки света из далёкого прошлого ...

Да, стареют дорогие тебе люди, в душевной сумятице которых ты узнаёшь сумятицу своей души, её взлёты и падения.

Ш.Ц. Зецер – отшельник

Он у нас единственный, кто пишет и учит ради науки, не толкается в комитетах и не бежит на конференции и конгрессы. Сидит себе, изучает и пишет еврейские книги. Странные, не нынешние, но вечные книги.

У него есть свой маленький журнальчик, в котором каждый месяц появляется несколько листков – глав большого произведения. Позже он объединяет номера, и перед вами произведение.

Пишет не просто так и не бросает слова на ветер. Он пишет, когда кто-то запутывается. Приходит и распутывает проблему. Однажды д-р Исер Гинцбург* написал произведение об Иисусе из Назарета. Ш.-Ц.Зецер написал целый критический трактат об этом произведении, такой большой, как и само произведение.

Вот лежит передо мной книга, которая называется «Важные основные принципы и правила относительно гражданского вещного и уголовного права». В этом сочинении объёмом в 336 страниц он полемизирует с раввином Поратом*, Айзиком Аленом и Рав Цаиром*. Все трое обсуждали вопрос в «Бицароне»*. Здесь проветривается кусок старой еврейской юриспруденции на современный лад, но с такой серьёзностью прежних еврейских учёных, будто это было самой актуальной проблемой в нашем мире. Однако самым актуальным у этого отшельника, прежнего и современного эрудита является Тора.

И ещё книжка, составленная из 3 номеров «Дос Ворт» (о р.Хасдаи Крескасе*, Рамбаме и р.Йегуде Галеви) лежит сейчас передо мной. Здесь обсуждается отношение каждого из них к еврейской религии и философии. И это не «еврейская мудрость». Нет, это современно, поскольку Ш.-Ц.Зецер, еврейский эрудит, живущий прошлым, относится к этим проблемам так, будто они самые злободневные.

В этом заключается наша большая сила: превращать вчерашний день в сегодняшний. Сидит в одиночестве отшельник в своём бес-медреше и раскачивался над Геморой. Лишь прошлое представляет для него интерес в жизни.

Но Зецер также был современным евреем. Время от времени горячо обсуждает он в своём журнальчике актуальные проблемы. Нет перегородки между еврейским вчера и еврейским сегодня – они едины.

Он переводит «Зогар» на идиш и иврит, пишет о хасидизме, еврейской философии, еврейской юриспруденции и т.д. Перед Вами разносторонняя личность и в то же время отшельник как древнееврейские фарисеи. И всё это он делает в Большом Нью-Йорке, всецело погружённом в мирские удовольствия, в котором все расталкивают друг друга и

спешат получить эти удовольствия. Высшие силы нужны для того, чтобы удалиться от шума и суеты, которой охвачены 8-9 миллионов человек, и уединиться в своём тихом уголке. Он – величайший отшельник.

Для этого необходим твёрдый характер. До недавнего времени таким характером обладала большая часть еврейского народа, создавая для себя на чужбине уголки, куда посторонние не имели свободного доступа. Контакты евреев с окружающим миром ограничивались лишь торговлей, пропитанием, заработком. Затем они возвращались в свой уголок, к привычному образу жизни. И так 2000 лет. Народ-отшельник.

Сегодня у нас почти нет собственного духовного уголка, и мы постоянно прозябаем в чужих «духовных квартирах». Здесь я имею в виду не Изгнание, Боже упаси. Можно говорить на иврите и прозябать в чужом духовном мире. Можно иметь даже собственную землю и государство и духовно прозябать в Изгнании.

Ш.-Ц.Зецер остался верен еврейскому отшельничеству и выживает хорошо в своём уголке. Я ни разу не слышал от него жалоб на одиночество, на что жалуются как раз те, кто суетятся в двух шумных мирах – еврейском и окружающем.

Нет, он не одинок и не боится оставаться наедине с собой. Между прочим, здесь так много великих книг, что ему постоянно не хватает времени для их изучения. Он постоянно находится в обществе великих умов и высоконравственных личностей.

Зецер живёт в двух духовных мирах: в мире Рамбама, где господствует власть разума, светлая ясность, острая логика и чудесное духовное сияние, и в мире тёмной мистики «Зогара», где нет места разуму, а господствует лишь видение. И эти два крайне противоречивых мира живут у него в самой большой гармонии. Их отделяет тоненькая перегородка, через которую легко перейти из одного мира в другой. Рамбам и «Зогар» – один еврейский мир в различных аспектах.

Его полемическое произведение «Важные основные принципы и правила относительно гражданского вещного и уголовного права» довольно простое, ибо подкреплено логикой. Автор проявляет остроумие, но не за счёт ясности и логики. Эта учёная книга проникнута современностью. Зецер оперирует логикой и, разумеется, эрудицией. Но он пользуется обоими средствами, чтобы разъяснить вопрос, а не запутать его.

Главное, он живёт как отшельник в 3000-летнем еврейском мире. Старый еврейский мир не отделён от нового и всё ещё актуален для Зецера. Гражданское вещное право, Рамбам, «Зогар», р.Хасдаи Крескас, р.Нахман Брацлавский, вообще хасидизм, умерший молодым писатель Фейерберг, возникновение христианства, ибн Эзра, Фердинанд Лассаль и т.д. – всё это одинаково актуально.

Он не раввин, не профессор какого-нибудь еврейского колледжа, не имеет никаких титулов. Живёт в тихой набожной бедности. Он – отшельник в нашем суетливом материалистическом мире. Он – писатель, но совсем мало связан с писательским миром. Не произносит речей ни на похоронах, ни на банкетах. Он написал и напечатал целую полку книг, поскольку целых 50 лет трудился, учился и писал. Но у нас забывают почитать тех, кто достоин быть чтимым, и приходится открыто требовать.

Тем не менее, находятся и те, кто требуют отметить 70-летний юбилей Шолема Аша*. А мой коллега Ш.Нигер* велит, чтобы мы покаялись за большой грех, не отпраздновав юбилей Шолема Аша. Но никому, даже Нигеру, не пришло в голову потребовать празднование юбилея Зецера.

Ш.-Ц.Зецер ни разу не причинил боли евреям. Наоборот, всю свою жизнь он стоял на

страже их чести. Но шумному достаётся всё: почёт, богатство, величие, а тихому, отшельнику – ничего.

К моему большому удивлению, Луис Ламед Фонд* обратил свой взор на тихого Ш.-Ц.Зецера и наградил его премией. Это самая замечательная премия за 10 лет существования фонда. Вручением этой премии фонд полностью оправдал себя.

Наши самые тёплые приветствия Ш.-Ц.Зецеру. Пусть он ещё долго-долго пишет свои великие произведения.

Ш.-Ц.Зецер

Мировая еврейская литература, особенно на американской земле, выросла почти без связи с богатыми сокровищами еврейской духовной культуры в близком или далёком прошлом. Поэтому мы должны ценить 38-39-летнюю литературную деятельность этой творческой личности.

Очень молодым и скромным восходит Зецер как новая звезда на литературном небосклоне. В резком споре с доктором Ш.Бернфельдом о еврейской культуре он проявляет много остроумия и зрелых мыслей и побеждает. Одновременно выступает с очерком о Максе Штирнере и, главное, о Ф.Ницше и занимает видное место в литературе. Это был период, когда окружающий мир расширял перед ним горизонты, но он остался верным древним традициям. Примечательно то, что вскоре после прибытия в Америку в творчестве Зецера открылся новый источник, который ставит его в передние ряды создателей культурных ценностей.

Зецер обнаруживает, что не только в искусстве, но и в науке есть то, что называют интуицией. Он открывает и развивает ту тончайшую мистическую сущность, объединяющая весь еврейский народ, и раскрывает источники еврейских религиозных мыслей, в которых мы собрали так много ценных сокровищ для всего человечества.

Волынь, особенно его родной город Звягель, была колыбелью хасидизма и подготовила ему почву для восприимчивости к еврейской мистике, способствовала соединению рационализма с мистикой в его творчестве. Созданные им образы Баал Шема и р.Нахмана Брацлавского являются выражением и углублением его подлинного таланта.

В Каббале и хасидизме вообще видит он поэтическую философскую форму и содержание обновлённой религиозной еврейской концепции. Зецер – единственный в своём роде религиозный художественный классик.

С большой впечатлительностью перед духовными ценностями Зецер исследовал самое великое классическое произведение Каббалы «Зогар», перевёл его, переделал на идиш, обогатив еврейскую литературу ценностями, которых наше поколение сейчас всё больше чуждается. Он занимается также исследованием вопроса о снисхождении, изучает почти весь еврейский эпос и фольклор, включая «Зогар», и выносит на поверхность жемчужину еврейской этики, лежащую в основе древнееврейской культуры.

В произведении «Возникновение христианства» интуитивное мышление Зецера с особой силой раскрывается среди множества теоретических предположений, выдвигаемых по этому вопросу в каждом поколении. В книге «Фигуры» им показаны моральные и эстетические чувства культивируемого духа, который отзывается собственным эхом на каждое духовное явление нашего времени.

Но от произведения к произведению Зецера всё больше влечёт к мистике, углублению собственной сущности, которая создаёт мосты между мирами и идеями, объединяет очевидное с невидимым миром в одну цепь замкнутых явлений, подчинённых высшим законам.

Учитывая обстоятельства, в которых Зецер творит в еврейской литературе, особенно его оторванность от еврейской жизни, издание каждой его книги, даже каждого очерка является геройским поступком.

Я.-Й.Вол

После долгих лет молчания, когда в литературе прошло целое поколение, среди нас вновь оказался известный и неизвестный, близкий мне по духу Я.-Й.Вол. Впервые появляется он в конце 90-х годов прошлого столетия. Мы, представители последующего поколения, за его скептицизмом по отношению к миру видели безусловную веру в еврейский патриотизм и силы созидания. Я.-Й.Вол кажется нам одновременно новым и старым, вроде Гони га-Меагеля*, который снова открыл глаза, чтобы увидеть мир со своей точки зрения, в значительной степени отличающейся от нашей. Для еврейского читателя, нашего современника, помнящего невинную эпоху последних дней Гаскалы и первых дней нового иврита, европейского в своей основе, Я.-Й.Вол является представителем эпохи начала смутного и отчасти бурного пробуждения. В это время была натянута печальная струна в душе Фейерберга и Бердичевского в начале его страданий. Для современного еврейского читателя, более настойчивого в своих пожеланиях и задачах, который воспитывался в новой ивритской атмосфере, это близкое и далёкое прошлое, возродившееся на наших глазах в лице Я.-Й.Вола, является своеобразным открытием. Оно доказывает, что за последние 30-40 лет путаница в наших головах стала более свежей и животрепещущей. Мы ещё часто сомневаемся и ищем дорогу, хотя наша целеустремлённость в жизни достаточно определённа и ясна. Этому научили нас мучения предшественников.

Кажется, Я.-Й.Вол шагает рядом с нами и озабоченно глядит по сторонам, словно мы ему чужие. Но для нас, обретших за последние 30 лет веру и уверенность, он своей формулировкой проблем не чужой, а «новый». «Новизна» заключается в том, что мы ещё не понимаем идеи, распространившиеся за последние 90 лет в нашей литературе. В мягкой и в то же время жёсткой форме выражает он сомнения во всех наших достижениях за последние 30-40 лет, как будто мы совсем ничего не приобрели. Нечто пикантное привносится из его ощущений святости в жизни и литературе нашего, а также окружающего мира, особенно, когда скептицизм настолько велик, что скрывает саму веру. Знатное прошлое словно нащёптывает ему на ухо, что он – взрослый, а мы – юноши,

увлечённые блеском мишуры. И мы вспоминаем, что он – современник Фейерберга и юного Бердичевского. Их человечность – это его человечность. Большая любовь к подлинному в жизни, вернее, стремление к истине согревает сердце и приближает его к нам. В основе его скептицизма лежит скрытая молодая вера, непрерывное и страстное изучение кипучего мира.

Публицист и литературный критик сочетается в нём, как и в его «молодых» современниках. Эпизодические статьи, в которых Я.-Й.Вола откликается на события в жизни и литературе, отражают ход его мыслей и внутренних ощущений. Эти мысли и ощущения как будто скрыты внутри него и способны прорваться всегда в одном образе. На первый взгляд, перед тобой живой еврей, страдающий болью нашего поколения. Но обнаруживается, что этих страданий недостаточно для формирования определённого мировоззрения, подобно тому, как в своё время взгляды великих современников Я.-Й.Вола не оформились в ясное и определённое мировоззрение. Но это «нерешительное благородство» возникло в нём из бурного замешательства Фейерберга, что предшествовало творчеству «полноты мира» молодого Бердичевского, и оно обогащает нас сейчас, как и тогда гуманной, еврейской чистотой – слепой верой, необходимой в нашей жизни. Это находит выражение в сдержанной взволнованности его критики, в основе которой лежит современная европейская литература, включая духовные плоды еврейских писателей, пишущих на иностранных языках. В этой слепой вере с присущей ей некоторой строптивой жёсткостью вдохновляет особая святость, ощутимая в еврейском творчестве конца прошлого столетия, несмотря на тусклость. Эпизодические статьи Я.-И.Вола своей особой человеческой чистотой и честностью притягивают наше поколение, трезво оценивающее свои силы и уверенное в будущем.

Ицхок Бибер

И он принадлежал к числу тех, на чьё воспитание и развитие наложили отпечаток перемены, произошедшие в образе жизни в конце прошлого века. Они закалили его дух и сформировали облик.

Как все еврейские дети, Ицхок Бибер тоже вырос в строгой религиозной атмосфере с повседневным соблюдением традиций и строгими запретами в еде и одежде. Старый хедер с его внешним видом и внутренней сущностью, старый ребе и священное Писание были духовной пищей еврейского ребёнка, способствовали наследованию им традиций древности и подготовили к дальнейшей жизни.

Его чувствительная поэтическая душа стремилась к уединению. Сообразительный и остроумный от природы, он с детства долгие часы предавался чтению и учёбе. Иногда озорничал и забавлялся, когда находился в весёлом настроении. По характеру был мягким, благородным.

Он принадлежал к ограниченному кругу людей, гревшихся в лучах света Фейерберга, был самым младшим в его компании. Эта чудесная эпоха придаёт величие не только истории нашего города, но и истории борьбы нашего народа за формирование собственного облика и ценностей. Стоя «на перепутье», у гниющих порогов разрушенных храмов, молодёжь того времени искала новые тропы и спрашивала: куда? Бялик, Фейерберг и Бердичевский требовали переоценки ценностей. И вот он тоже удостоился войти в компанию «дорогих сыновей Сиона» (наименование, которое дал тогда этой компании Ахад-Гаам) и вместе с Фейербергом и другими отливать формы для грядущей эпохи.

Компания Фейерберга, проложившая дорогу своим продолжателям, как известно, была отвержена большинством горожан, видевших в ней совратителей молодёжи. Большинство родителей предпочитали как можно скорее нагрузить своих детей семейным бременем, чтобы отвлечь их от пустяков. Так поступили и его родители. Ещё в неполные 18 лет его женили, а когда ему исполнилось девятнадцать, родился сын-первенец. Но и в этих условиях он сумел найти свой путь. Ицхок изучал педагогику и в возрасте 20 лет начал преподавать в местечке Корце. Там он впервые основал ивритскую школу и воспитал учеников, многие из которых живут сейчас вместе с нами в Израиле и играют важную роль в жизни общества. Своего учителя они до сих пор почитают. Вскоре Ицхок

завоевал популярность в «Обществе распространителей просвещения» и понадобился для преподавания в других городах России.

Обстоятельства забросили его в Соединённые Штаты ещё до начала первой мировой войны. Там Ицхок закончил высшую техническую школу и тем самым обеспечил себе будущую карьеру, но решил и в Америке продолжать преподавание. В то время он увлёкся исследованием ТаНаХа. Несмотря на природную скромность, привлѣк к себе внимание «Гистадрут иврит»* в Америке. Ему поручили составление учебников для учащихся и книг по педагогике для учителей. Вскоре он получил известность как видный педагог и был назначен завучем высшей школы (теперь – «Маршалие») при бюро образования. В конце первой мировой войны был председателем подготовительного комитета конференции учителей США и некоторое время секретарѐм объединения учителей США. В тот период в газетах США было напечатано множество его публикаций на педагогические и литературные темы.

В 1933 г., после 20 лет жизни в Америке, он переселился в Эрец-Исраѐль. Был назначен учителем ТаНаХа и истории в средней школе земледелия в Ягуре. Снова занялся исследованием ТаНаХа, публиковал статьи и заметки в «Давар», приложениях к «Давар», «Гаарец», «Га-Хинух», исследования о Книгах Пророков и ТаНаХе, а также о методике преподавания ТаНаХа и на другие педагогические темы.

И вот осуществилась мечта его жизни – издание «ТаНаХ для народа». Вышли только «Йегошуа»* и «Шофетим»* в одном томе. ТаНаХ был отмечен знаками препинания, разделѐн на абзацы и стал возможным для чтения без каких-либо комментариев. Это было хорошим начинанием, принятым благосклонно во всѐм Эрец-Исраѐль. В связи с подготовкой к изданию ненапечатанных книг ТаНаХа он плыл в Америку. Здесь, на корабле, его настигла карающая рука судьбы. Он тяжело заболел и вскоре умер.

Увековечивая память об Ицхоке в этой книге, мы представляем его образ в сжатом виде. А полную оценку его личности, методику толкования и преподавания им ТаНаХа дали в своё время Даниѐл Перски* в нескольких номерах еженедельника «Га-Доар» и Пинхас Гингольд* в «Дэр идишер кемпфэр»*. О нём были также опубликованы заметки в «Давар».

При участии друзей и поддержке комитета образования Еврейского национального рабочего союза в Америке под руководством Гингольда собрание его исследований ТаНаХа, рассказов и статей по педагогике было издано в 1944 г. под редакцией Даниѐла Перски в книге «Сочинения Ицхока Бибера», 186 страниц.

Кое-что об Ицхоке Бибере

Есть люди, добивающиеся признания большими книгами, и есть те, кто добивается признания лишь одной статьёй. Не будет преувеличением, если я скажу, что Ицхок Бибер добился признания одной статьёй – «Беседа о ТаНаХе в общем и об Иеремии и его толкователях в частности», напечатанной в приложении к «Давар» в 5697 г.¹ и включённой сейчас в его книгу («Сочинения Ицхока Бибера»; Нью-Йорк, 5704 г.², сс.31-40). Мне неизвестна другая статья, в которой личность выражена в такой степени, как эта. Она могла бы украсить целую антологию. Многих из тех, кто читал эту статью, были покорены чудесным сочетанием эрудиции и юмора.

Я и со мной многие другие удивлялись: кто он такой, этот Бибер? Не скрывается ли под этим именем известный писатель? Оказалось, что он – учитель и исследователь, внимательно читающий Библию, и вместе с тем эрудит, сотворивший чудо в литературе исследования Библии на иностранных языках. И мне удивительно. Я знал, что мы, дети «народа Книги», были благословлены особым подходом к ТаНаХу, и смотрим в разноцветное зеркало далёких предков, которое заслоняет самостоятельное видение нашего поколения. А иногда мы подобны деревенскому жителю, случайно оказавшемуся в большом городе и ошеломлённому обилием света. Так на нашем пути оказалась многочисленная христианская литература исследования, и мы тянулись за ней с закрытыми глазами, восторженно. А иногда выходила пёстрая смесь, в которой особенно заметны заплатки. Усиливалось ощущение неестественности. Я знал, что обучение Библии в школах – болезненная проблема двух поколений с тех пор, как Ахад Гаам раскрыл её слабые места, а немецкое толкование вошло в школы «на голове и коленях».

Приятно видеть, что автор статьи, пишущий с ноткой юмора, болеет проблемой понимания ТаНаХа и его преподавания в школе. Конечно, христиане, исследуя Библию, обнаружили очень важные вещи, и ни один логически мыслящий человек не может этого игнорировать. Но вместе с тем, в наших руках традиция толкования. Но как оба этих аспекта смешиваются в одну органичную смесь – Бибер показал в этой статье, которая является не только главным правилом его статей и исследований, но и достойна стать главным правилом в преподавании ТаНаХа и его толковании ...

Конечно, его гнев излит не только на груды пустословия в современном толковании для школ и народа, но и на получённость, которая «лизала» что-то из мировой библиологии и ещё не успела ничего усвоить, кроме внешней шелухи. И здесь тоже много примеров. Нет надобности говорить, что Бибер, знаток иностранной литературы исследования Библии (на английском и немецком), многое знает и понимает, чтобы опровергнуть выводы этого исследования, если они не согласовываются по самым простым соображениям. Вместе с тем, он умеет прославить и превознести великие завоевания этой науки, а именно они пока не стали достоянием главных составителей популярных комментариев.

Бибер требует непосредственного возрождения библейской литературы, её языка и образа мыслей. Они должны направлять еврейского учителя в нашей стране и с ранних лет впитываться в сердца детей ...

Бибер умел не только разрушать, но и хорошо строить на этих руинах. Жаль, что ему

---

1 Вторая половина 1936 г. – первая половина 1937 г.

2 Вторая половина 1943 г. – первая половина 1944 г.

не хватило времени добиться в этой области больших достижений. Но даже немногие образцы его преподавания Библии в школах и исследования книг Библии показывают заметный контраст между ними и тем толкованием, которое он больше всего критикует. По его мнению, «целью обучения в наше время было и остаётся укоренение в сердцах детей идеалов ТаНаХа». Здесь он не увлекается фразёрством, а подробно перечисляет эти идеалы: «человеческая любовь, человеческое уважение, милосердие к угнетённым, общественная справедливость и честность, всемирное благополучие». Пока мы далеки от того, чтобы всё это стало частью нашей сущности. И нет ничего подобного Библии для верного служения этим нравственным заповедям.

Вот так учил Бибер в общем и в частности. Он начинал с критики, приводил примеры и завершал, главным образом, сущностью Библии для нас и молодого поколения. Популярные толкования, изложенные в скромном сборнике произведений Иццока Бибера, обеспечивают ему почётное место среди еврейских воспитателей, положивших Библию в основу формирования нового поколения.

Ихил Равребе

Нашему поколению, испытавшему столько удивительных перемен в общественной жизни, суждено было испытать и болезненные жестокие переживания. Трудно даже вообразить, что такое может вынести живой человек. А мы терпим не год и не десять лет, а почти целое поколение. Происходит стирание границ в сознании между действительностью и «бывшим когда-то», между бытием и, Боже упаси, небытием. После первой мировой войны и великой революции выросла гора, разрушив все мосты между нами. Мы оказались насильно оторванными от многих близких и дорогих людей, с которыми были душевно связаны. У нас начало формироваться нечто вроде второго сознания, неведомого нашим предкам и, дай Бог, чтобы о нём не знали наши дети. Это своего рода переживание, истоки которого лежат в памяти, обоснование – в предчувствии, а проявление – во взаимной тоске. Если кара заключается в том, что покойник должен быть предан забвению, то не меньшей является кара, если живой человек не должен допускать господства над собой полного забвения. И если это острое ощущение охватывает не единицы, а миллионы простых людей по обе стороны стены, и все они – очень чувствительные люди, связанные семейными узами и дружбой, и к тому же, если это ощущение скрыто глубоко внутри и не находит своего выражения, тогда оно превращается в духовную силу, почти национальную, чьё огромное влияние совершенно невозможно представить.

Поэтому сердце так тянется к каждой весточке, приходящей оттуда, и начинает колотиться от каждого признака реального бытия, перед каждым репатриантом и туристом оттуда, перед каждым листочком в клюве голубя, который возвращается к ковчегу ... И поэтому так плачет сердце, когда приходит весть о ветке, срезанной там навеки ... Ведь когда оттуда доходит до тебя весть о смерти, даже с большим запозданием (время, как будто, перестало быть фактором), ты видишь перед собой своего рода реальную перегородку в сознании между бытием-небытием и абсолютным концом. Боль расставания – нечто вроде отпечатка этой перегородки.

Вот говорят мне: в степях Сибири, в Советской Союзе, испустил дух мой друг молодости и соученик, ивритский поэт Ихил Равребе.

А я не видел его с того времени, как мы вместе вечером устроили седер Пейсах в отцовском доме в российской столице Петербурге, за несколько месяцев до начала первой

мировой войны. После этого разверзлась пропасть, и мосты сожжены по сей день.

Но все эти годы протянулась вдаль «ткань» от сердца к сердцу. Вот извещают меня: «ткань» разорвалась. На этот раз – действительно разорвалась.

Молодыми были мы, когда сидели вместе на ученической скамье и учили Тору у своих раввинов, светил еврейской мудрости в России, на первом выпуске учреждённых нашим учителем, бароном Давидом Гинцбургом блаженной памяти, высших курсов востоковедения, которые назывались тогда «академией». Маленькая горсточка съехалась на его призыв (в 1907 г.), и он, Равребе, был среди первых откликнувшихся. Когда я прибыл в Петербург после Суккот этого же года, то встретил его там. Высокого роста волынец, блондин, большой знаток грамматики иврита, немного застенчивый, готовился к экзаменам в еврейско-русскую гимназию Эйзенбета и увлекается сложением стихов на иврите.

Поэтом среди нас в действительности был не он, а его старший товарищ Давид Шимонович (Шимони*) блаженной памяти. Он уже был известен среди поэтов. В библиотеке находится книга его стихов, которая вышла в Варшаве, и любители поэзии среди нас читали её. Был ли тогда напечатан «Последний самаритянин», который мы рассматривали как стих предостережения и как символ? Возвращаясь поздно вечером от Васильевского острова, где находилось наше учебное заведение, через центр города и Французскую набережную Невы, любуясь двумя египетскими сфинксами на берегу Невы, разве знали мы, что о них сочинял стихи наш друг, поэт Шимонович, подобно тому, как русский поэт писал стихи о стоявшем неподалёку от них «Медном всаднике»? Я также знал его стихи на идиш, напечатанные в «Дэр найер вэг» сионистов-социалистов. А когда нами овладел революционный дух от песни «Вы жертвою пали», в память о героях революции, я любил петь про себя эту песню в переводе на идиш Давида Шимоновича: «Ви лейбн гефалн зэнт ир инэм шлахт».

Но Шимонович лишь гостил в «академии». Основным местом его учёбы был университет, а к нам он приходил только как вольнослушатель определённых лекций. А Равребе, входивший в основной контингент, жил вместе с нами с самого начала.

Он был самым высоким среди нас и немного сутулым. Давид Шимонович написал позже стихотворение (на иврите):

«Я иудей из страны чужих,
Хожу я согнутый».

А кто из нас мог быть таким явным иудеем, если не наш молодой поэт Ихил Равребе, и что могло быть для него более чуждым, чем Петербург, столица царской России? И его сутулость тоже была как будто сама собой разумеющейся и почти естественной.

Права на жительство в Петербурге у него, понятно, не было. Алексей Николаевич, человек барона Гинцбурга, который занимался правами жительства учащихся, зарегистрировал его как изготовителя чернил. А пока утрясался вопрос регистрации со всеми деталями, ему вместе с другими товарищами довелось не раз бродить целыми ночами по петербургским улицам при бледном сиянии луны ...

А когда был открыт наш интернат на Восьмой линии № 33, в доме, во дворе которого жил также наш учитель, историк Шимон Дубнов*, и комнаты были распределены между учащимися, по двое на комнату, Равребе был единственным среди нас, кто заслужил отдельное помещение – маленькую комнатку между жилым крылом и лекционным

залом. Это было естественно. Ведь Равребе – поэт.

Публичным полемистом он тогда не был и вступать в острые дискуссии не любил. Через год, когда приехали ученики Одесской большой ешивы, основанной Рав Цаиром и Клаузнером*, среди которых были яркие полемисты, между нами, горсточкой социалистических сионистов, и ими, чистыми сионистами, разгорелись жаркие дебаты. Неизбежное столкновение наследия Клаузнера с учением Дубнова подливало масло в огонь. Но даже когда спор бушевал и затягивался, Равребе оставался сторонним наблюдателем и не слишком интересовался общественными делами.

Однако он хранил верность «Ховевей шефат-эвер»* и часто посещал еврейское литературное общество, основанное Дубновым и Саулом Гинзбургом*. А когда разгорелся спор между гебраистами и идишистами, Равребе был однозначно на стороне гебраистов.

Только однажды он весьма бурно включился в общественную деятельность. Когда в кругах еврейского музыкального общества родилась идея об опере, Равребе на целые месяцы уединился в своей комнатухе и переводил на иврит «Самсона и Далилу» в точном стихотворном ритме и согласно нотам для постановки на сцене. После окончания работы собрал хор, мобилизовал помощь «Ховевей шефат эвер», впряг в работу нашего учителя Буки бен Йогли* и напечатал на машинке текст либретто на иврите. Он был вне себя от счастья, когда все мы пришли на этот праздник иврита. В тот торжественный вечер в школе Тенишевой всей еврейской национальной интеллигенции Петербурга была представлена опера. Это была первая ивритская опера и, кажется, единственная, которую поставили в России.

К своей поэтической легитимности он тоже имел нечто вроде особой родословной. Этот волынец был из Звягеля (Новоград-Волынска)¹, родного города Мордехая-Зеева Фейерберга. Оттуда пришла его повесть «Леан?» («Куда?»), которая была тогда для нас одним из перлов новой ивритской литературы. Духовный кризис, пережитый Нахманом, был кризисом большинства учеников «академии». Разговор старика с Нахманом о солдатском предназначении еврейской молодёжи в «святом войске», имел непосредственное отношение к собравшимся здесь, а последняя речь Нахмана о возвращении народа Израиля на Восток пылала в сердцах некоторых из нас как жизненная надежда. Таким образом, существовала некая близость судеб между тем писателем из Звягеля, который давно был нам столь дорог, и молодым звягельским поэтом, начинавшим на наших глазах свой путь в литературе.

Он не стремился к популярности. Номера «Га-Шилоах», в которых Бялик опубликовал стихи Равребе, были спрятаны в ящиках его стола. Памятен мне вечер, когда Равребе сидел передо мной на кровати в своей комнате и читал вслух со сдержанным пафосом своё стихотворение «Аль га-шахар» («На рассвете»):

«Спеши, Ариэль*, простери свои крылья,
В мире моём счастье своё развей,
Пока сияние твоё не погасло,
Небосвод мечтаний надо мной протяни.»

Вот передо мной это стихотворение в номере за месяц адар 5668 г.² Уже тогда он очень боялся «манящего солнца» и его «раскалённой красной пены» и весь льнул к сиянию «утренней мечты», которое «будет хранить до ночи»:

---

1 В действительности, И.Равребе родился в местечке Барановке

2 Февраль 1908 г.

«И на арене жизни терзающей
Будет он мне храмом Божьим».

А через несколько месяцев прибыл новый номер «Га-Шилоах» (ав 5668 г.¹) с его новым стихотворением «В речке», в котором ещё больше обозначилось волынское влияние Бялика. В этом стихотворении есть строфы, несущие на себе печать «Пруда»:

«...И днём и ночью катятся волны, гонятся,
И я не знаю, откуда пришли они и куда уносят свою тайну.
И когда тихо опустилась ночь, обёрнутая мягким очарованием,
В нежной ласке ветров, в скромном мигании звёзд,
Он отдыхает от своей игры и качает с размахом и удовольствием,
Стоя между спящих деревьев в холодных чистых водах ...»

В них также встречаются мотивы «Последнего»:

«А когда я спускался к берегу и слушал шёпот волн,
Опустилась тогда Шехина тишины, пришла как мать милосердная
И вернула покой моим лонам и надежду моей больной душе.
Вновь возникнет в сердце моём, только на короткое время появится
Мечта, золотая забытая мечта, которая уже давно не навещала меня.
И вновь она возникла тихо в сердце моём как серебряный месяц в речке;
Тихо возникла она и глядит на меня, такая же бледная и усталая, как я ...»

И действительно, сидит передо мной высокий, бледный, светловолосый и как всегда почему-то утомлённый мой друг, который сохранился в моей памяти как страж верности забытой золотой мечте.

Потом наши пути разошлись. Редкие вести прибывали от него в форме навеянных любовью стихов, напечатанных в «Га-Шилоах»:

«Над нами тогда склонилась ночь, и стало черно
Над объяснённым провидением и тайной двух сердец».

Здесь тоже сильно ощущаются мотивы Бялика:

«Тишина сияет, а сияние молчит
И беспечно, заперто на крыльях ангелов
Изысканная Шехина нежится, смеётся».

И ещё одно стихотворение:

«Жемчужина сияет на груди твоей, моя прекрасная!
Знаешь ли ты, откуда жемчужина эта?»

Говорят, что во время первой мировой войны и революции Керенского он писал ещё много стихов, а также более крупные произведения. В «Га-Ткуфа»* была опубликована

---

1 Август 1908 г.

целая поэма («Бальзам»).

И вдруг муза замолкает. Во всяком случае, его поэзия до меня больше не доходила. Либо выросла высокая гора между нами, либо муза умолкла. Напрасно искал я его имя в «Берешит»* и «Цилцелей шма»*.

Через много лет революции, крови и молчания, во время последней встречи с учителем р.Шимоном Дубновым в Берлине, когда мы, бывшие ученики, пришли поздравить его с 70-летием, он нам рассказал, что Равребе ушёл в исследователи и зарабатывает тем, что собирает материал Израилю Цинбергу* для сочинения по истории еврейской литературы. В большой неотапливаемой библиотеке Азиатского музея выуживает он цитаты из моря старинной литературы и получает паёк как научный сотрудник.

И я представил себе, как Сергей Лазаревич, он же Израиль Цинберг, человек нерешительный и скромный, инженер Путиловского завода по профессии и литературный критик и эстет по призванию, пишущий ради удовольствия о новых книгах в «Новом Восходе»* и «Свободе и равенстве»*, уважаемый писатель с тонким вкусом, горько жалуется молодым составителям российской «Еврейской Энциклопедии», что его обременяют редактированием всего литературного отдела энциклопедии. А он, недостаточно опытный в этом деле, падает от усталости под бременем ответственности. Как решился Цинберг сделать для еврейской литературы то, за что никто до него не брался? И как он мог выполнить такое колоссальное задание? Скорее всего, когда образовалась вокруг пустота и приговор судьбы был решён, созвал дорогой Цинберг оставшихся молодых знатоков Святого писания столицы, распределил среди них задания и вместе с ними создавал этот титанический труд, своего рода итог исследования российскими евреями сокровищ национального литературного наследия за последнее время ...

Стало также ясной причина отсутствия имени нашего друга Равребе в «Цилцелей шма» и «Берешит». Официальный научный сотрудник, зарабатывавший паёк, должен был вести себя осторожно и не связываться с сомнительными людьми.

А затем, когда открылся еврейский факультет при Белорусском университете в Минске, просочилась весть, что Равребе был принят туда как референт по литературе вместе с И.-Д.Марконом*, нашим бывший учителем в «академии». Маркон – профессор древней литературы, а Равребе – доцент новой литературы.

Прошло немного времени, и Национальная библиотека Иерусалима получила научный сборник из Советского Союза, посвящённый еврейской мудрости. Мне кажется, это был один-единственный сборник такого рода, вышедший там под названием «Еврейский вестник». /Моя статья об этом сборнике под названием «К свету из окошка» была напечатана в «Га-Ткуфа», том 25, Тель-Авив/ В нём есть историко-литературное исследование Ихила Равребе о «раввине, который борется против пережитков в XVII веке» – очерк о р.Аврааме Конки*, авторе «Абак соферим». Волна воспоминаний накатилась на меня, когда я увидел его статью.

Это было на историческом семинаре Шимона Дубнова в «академии». Мне было поручено прочитать доклад «Воспоминания Глюкль фон Гамельн* как источник изучения связей между общинами того времени». Эта книга вышла тогда только в двух экземплярах в оригинале на старом идиш и в немецком переводе с научным предисловием проф. Давида Койфмана. Я долго готовился к своему докладу. В работе семинара участвовало примерно восемь товарищей, в том числе Равребе. Обсуждение доклада под руководством

нашего любимого учителя Дубнова было оживлённым и продолжалось несколько вечеров. Мы остановились на её детских воспоминаниях от начала саббатианского движения (я намеревался тогда написать статью о Саббатае Цви* в российской энциклопедии) и поплыли к истокам: о распространении мессианского известия среди общин. В качестве доказательства я принёс на семинар «Абак софрим», большую книгу р. Авраама Конки, напечатанную в Амстердаме в 5471 г.¹, и зачитывал друзьям из поучительного предисловия длинный список общин, которые посетил во время путешествия этот посланец, современник и почитатель Саббатая Цви при жизни фон Глюкль. Список охватывает все центры диаспоры Европы: «Амстердам и Лондон, Гамбург, Бамберг, Айзенштадт, Прага, страну Моравию, страну Силезию и страну Марк с Берлином и Гальберштадтом ... Франкфурт и Фюрт, страну Польшу с её девятью бутонами чистого золота, Краков, Познань, Люблин, Львов, прозванный Лембергом, страну Волинь с большим божественным городом святой общины Острога, страну Литву, страну Белоруссию, Брест, Пинск, Гродно, Вильно, а также святую общину Слуцк с Минским округом, Сморгонь с округом, Оникшты с округом, Березу с округом, Кейданы, святую общину Могилёв и страну Замут* – всё в поверхностном рассмотрении». Список очень длинный. А наш учитель Ш. Дубнов комментировал эти названия подробными разъяснениями о каждой из этих общин: в каком состоянии она тогда находилась, кто стоял во главе её и как осуществлялась связь между общинами. Разговор был очень приятным, освещал многие аспекты и надолго остался в памяти слушателей.

И вот 20 с лишним лет спустя, когда «горы стали долинами», в оторванной от остального мира, заглушённой России маленькая группа исследователей сумела воспользоваться неожиданно представившейся возможностью и приняла участие в создании одного-единственного сборника, подобного вязанке досок, оставшихся от огромного корабля, погружавшегося в пучину. Тогда вспомнил Равребе свои вечера в годы учёбы, которые не вернутся, снял с полки Азиатского музея фолиант «Абак софрим» и снова углубился в него, чтобы взять оттуда материал для сборника. О саббатианском движении того посланца и его отношениях к Эрец-Исраэль в тех условиях, конечно, не стоило рассказывать. Но о его борьбе с заповедями общин и о защите интересов народных масс рассказывать стоило. Наоборот, это могло послужить «оправданием» публикации этого единственного сборника.

Сборнику эта статья, возможно, принесла пользу; но самому Равребе эта заслуга не помогла во время расправы. Вскоре его друг-недруг из того же университета, который лучше приспособился к политике Евсекции, заклеил публично тяжкие грехи Равребе: цитируя студентам на лекциях историка Дубнова, он не обращал должного внимания на его «реакционный буржуазно-шовинистический характер» и не ругал как следует.

Он потерпел неудачу. Прошло немного времени, и оба, учитель, профессор И.-Д. Маркон, и его ученик, доцент Ихил Равребе, были сняты со своих должностей. Маркон ещё успел добраться до Центральной Европы и стать библиотекарем в Гамбурге, а Равребе исчез с горизонта ...

Через много лет, в самом разгаре британского мандата и ограничения репатриации, ко мне пришёл светловолосый, высокорослый, немного сутулый молодой человек и

1 Вторая половина 1710 г. – первая половина 1711 г.

говорит: «Я – сын сестры твоего друга юности Ихила Равребе». Он владел небольшой цитрусовой плантацией в Ришон-ле-Ционе. И вот до него дошла весть, что Ихил находится в Сибири. Может быть, если бы для него достали сертификат и выслали деньги, то ссылку заменили бы репатриацией в Эрец-Исраэль?

Началась долгая хлопота. Сертификат выдали, племянник отправил его. А в ответ – ни слуху ни духу. То ли адрес оказался неверным, то ли план обмена расстроился? По мнению племянника, Ихил вообще не осмеливался требовать разрешения на выезд.

Сейчас говорят мне звягельчане: в степях Сибири угасла свеча моего друга Ихила Равребе. «Ткань» между нашими сердцами, то ли протянувшаяся, то ли не протянувшаяся вдаль за десятилетия, совершенно разорвалась. С дерева упала под забор обрубленная веточка и замерла ...

И пробуждаясь от острой боли окончательного разрыва, вижу я будто в свете молнии образ дорогого друга, в испытаниях которого отобразились судьбы нашего поколения.

Га-Кармель, 20-е элула 5715 г.¹

---

1 7 сентября 1955 г.

Ихил Равребе

Ихил Равребе родился в 1882 или 1883 г. в местечке Барановке, Волынь. Его родителей звали Сруль и Бэйла. Отец был шойхетом и контролёром, и дома он воспитывался в религиозном духе. До 10 лет ходил в хедер, а затем учился в бес-медреше. У него был дар быстрого восприятия и исключительной памяти. Дед рассказывал, что в пятницу вечером, лёжа в постели, Ихил читал наизусть всю недельную главу, включая большую часть из перевода «Онкелос». И в бес-медреше он выделялся среди ровесников, служил для них и даже для более старших вроде энциклопедии. Во всех затруднениях они обращались к нему и находили полное удовлетворение.

Приблизительно до 18 лет Ихил проводил целые дни в бес-медреше, прославился как «даровитый», и никакие важные события не интересовали его. Поля страниц Талмуда и авторитетов Закона, которые он учил, были исписаны небольшими стихами, удачными мыслями и пословицами. Однажды Ихил и двое самых близких его друзей, которые, очевидно, тоже пробовали свои силы в стихосложении и «образном слоге», решили, что каждый из них напишет что-нибудь на одну общую тему и пошлёт сочинения в редакцию газеты. Таким образом можно проверить, кто из них достоин звания писателя. Я был тогда 8-летним мальчиком и помню это хорошо. Все трое выбрали тему «Дарование Торы» и послали свои сочинения в редакцию «Га-Цофэ», редактором которой был А.Людвиполь. К большому удивлению и радости, сразу после Швуэс было получено праздничное литературное приложение к «Га-Цофэ» со статьёй И.Равребе и письмо от редактора, который похвально отзывался о статье и просил её автора продолжать посылать произведения. Это дало ему первый толчок, так как до сих пор он был прикован к скамье бес-медреша. Действительно, его считали выдающимся эрудитом и «даровитым», но всё это в своей узкой хасидской, мелкобуржуазной среде. Благодаря «писательской короне», он вышел за пределы этого узкого круга и сблизился с более широкой, наполненной жизнью средой, а точнее – с двумя отличающимися друг от друга средами. Первой была представлена провинциальной интеллигенцией, бывшими учениками бес-медреша, которые начали ухаживать за ним. Вторая среда – социалистическое движение – обладала большей притягательной силой и почитала интеллект. В Барановке был большой завод, выпускавший изысканную фарфоровую посуду. Её расписывали красками и золотом живописцы, приезжавшие отовсюду. Среди них были социалисты, принимавшие активное участие в классовой борьбе и организовавшие забастовки по всем правилам. Оба этих круга влекли его на свою сторону. Провинциальная интеллигенция, разумеется, не могла дать ничего, и Ихил был брошен в бурлящий социалистический котёл. Он начал усердно читать социалистическую литературу, а я, мальчик, неоднократно прятал запрещённую литературу и ускользал от полицейских, приходивших к нам с обыском.

В то время он отправил своё первое стихотворение на идиш в газету «Дэр фрайнд», которая выходила в Петербурге. Стихотворение называлось «Ди вэбэр» («Ткачи»). Всё это время он продолжал посылать стихи в эту газету и ещё несколько издательств. Ихил жил в Барановке до 21 года. Его тогда освободили от армии как единственного сына, помолвленного с девушкой из Барановки Эстер Левинзон. С помощью её родителей ему предоставилась возможность покинуть местечко и ухать в Вильно на учёбу. Там он прожил 2-3 года и за этот короткий период успел получить аттестат зрелости, а также

смиху* от виленских раввинов. Оказавшись здесь в совершенно другой среде, пересмотрел свои социалистические взгляды, был вхож в дома раввина из Вильно д-ра Й.-Л. Кантора*, Ш.Страшуна* и др.

Из Вильно Ихил поехал учиться в Петербург на семинар гуманитарных наук¹, основанный бароном Давидом Гинцбургом блаженной памяти. В это время он перевёл оперу «Самсон и Далила», показанную в постановке г-на Голинкина*. Им также были переведены оперы «Маккавеи» и «Юдифь». Но мне неизвестно, чем это закончилось. После первой мировой войны я покинул Россию и репатриировался в Эрец-Исраэль. Но мы переписывались друг с другом. В то время его пригласили лектором средневековой литературы и археологического исследования в Минский еврейский университет². В одном из писем, которое находится у меня, он рассказывает, что написал много статей на русском языке о средневековье, которые я смогу найти в Национальной библиотеке Иерусалима, куда, по международному соглашению, посылают всю научную прессу.

В 30-х годах я предпринимал усилия, чтобы добиться для него разрешения на репатриацию. Ведь он так хотел приехать в Эрец-Исраэль. Помогал в этом престарелый г-н Закс из Петрограда блаженной памяти – управляющий банка «Ашрай» в Тель-Авиве, который знал его лично и очень любил. Мы получили также рекомендательное письмо для Еврейского агенства от Бялика блаженной памяти. Много делал писатель А.Бараш* от имени Союза писателей, а г-н Залман Шазар (да будет долгим его век), его соученик, сделал больше, чем мог, чтобы ускорить получение сертификата. И вот, наконец, пришла весть из Еврейского агенства, что сертификат выслали британскому консулу в Москве. Но никакого ответа от него мы не получили.

Приблизительно в это же время я получил от своего брата вырезку из американской еврейской газеты (она находится у меня), которую тот послал для него. Это статья Мойше Штаркмана* об Ихиле Равребе. В статье рассказывается, что он расшифровал надпись на ханаанской плите, которая была найдена во время раскопок в Сирии. Плите было, по оценке исследователей, до 5 тысяч лет, и надпись на ней сделана на забытом языке. Никто из исследователей не знал решения этой загадки. Вот цитата из статьи: «Шесть непрерывных лет трудились известные археологи, востоковеды и исследователи ТаНаХа, чтобы расшифровать древний финикийский документ. Германский учёный сумел даже установить алфавит этой письменности, но это был предел достигнутого. Однако то, что не удалось найти христианским учёным мира, сделал еврейский поэт и писатель, советский учёный Ихил Равребе».

В этой статье был представлен образ Ихила.

---

1 Высшие курсы востоковедения

2 Заведующий кафедрой семитологии Белорусского университета

Менахем Рибалов

Менахем Рибалов был тесно связан с ивритской литературой, особенно с ивритской литературой Нового Света. Две эпохи пережил он в Америке. Приехал в эту страну «в те самые дни», в добрую весеннюю пору, когда мир ещё казался совершенным, и влюбился в неё. Она подходила по всем параметрам, обладая размахом пространства, взгляда и сердца. Но старый читатель ивритской Америки, сочетавший в себе богобоязненность «Га-Цфира» и «Га-Цофэ», исчез, а новый ещё не пришёл. И Рибалов сформулировал в своей «Книге очерков» (5688 г.¹) вопрос по-другому: «А может быть, это вина нового ивритского писателя? Нашей родиной, – разъясняет он, – была Россия. И духовная родина – тоже огромная Россия, включавшая Украину и Белоруссию, Литву и Польшу. Она была сосудом, придававшим нам форму жизни и соединявшим наши души. Еврейский писатель всё ещё жил в том маленьком местечке, которое уже было разрушено и больше не существовало». И это понятно. Он прибыл в Америку совсем или почти совсем взрослым, и русская культура близка ему своей серьёзностью, беспредельностью, поисками божественного. Ему ближе патриархальное дореволюционное местечко, чем огромный размах американской жизни. Здесь всё казалось ему чужим и холодным. И всё же велика сейчас наша доля в строительстве Америки, в создании стали, небоскрёбов, ремесле, прессе и изобретениях. Мы пустили корни в стране перемен и обновлений. Но где эта Америка в нашей ивритской литературе?

Рибалов, уроженец Украины, тоже любил наше маленькое местечко, наше прошлое и писателей предыдущего поколения – Менделе, Черниховского* и других. Но при всей своей любви к прошлому Рибалов ещё больше любил новую жизнь вокруг. Если наша литература откроет Америку, откроет и Америка её. Она найдёт для себя читателей среди сотен и тысяч молодых людей, изучающих иврит и желающих реформ в литературе.

Рибалов умел бороться. Дела нужны были для его здоровья, а здоровье требовало дел. Но и у него, мечтавшего и боровшегося за нашу литературу в Америке, были минуты усталости. Помню, как мы шли из бюро «Га-Доар» вниз по 5-й Авеню в «Юнион Сквер». В тумане выделяется обтянутая обручами металла вершина «Эмпайр Стэйт» словно вздыбленная сигара бизнесмена. Множество людей поднимается и спускается на эскалаторах. Все спешат. Нет времени! Рибалов стоит. У него в руке чёрный портфель, заполненный книгами, рукописями и газетами. Он говорит о состоянии «Га-Доар», нехватке писателей и средств, страшном одиночестве. Туман сгущается в капли. Дождь усиливается. Мы спускаемся. Поезда, пронзающие подземный Нью-Йорк, везут нас по разным направлениям.

1 Вторая половина 1927 г. – первая половина 1928 г.

Вторая эпоха в его жизни начинается с образования Государства Израиль. Наши ивритские писатели в Америке как будто ожили. Сколько жизненности в этом маленьком бедном государстве. По словам одного из наших дорогих друзей Гилель Бавли*, «молодая Америка», несомненно, дала что-то всей ивритской литературе – и поэзии, и прозе – несмотря на тяжёлые условия. Но у меня такое впечатление, что наши писатели здесь способны на большее. Были видные писатели и исчезли. Кто же придёт после них, после нас? Какое лицо будет у еврейства Америки без ивритской литературы? Может быть, это наша вина? Мы не растили, не поддерживали молодых и должны сейчас заполнить эту недостачу, обеспечить будущее ивритской литературе в этой стране.

Рибалов больше других стремился культивировать в Америке ивритскую литературу. Своей критикой он не только разяснял писателям, но и прививал к ним любовь читателя. В своих докладах Рибалов смотрел с воодушевлением на ивритскую литературу и как бы согревал сердца. Но где же продолжение – новые, молодые американские силы? А какое отношение там, в Эрец-Исраэль? Не пишет ли он в своём произведении «Скрытый поэт» об Аароне Цейтлине* по сути дела о самом себе? И если мало ему рокового одиночества здесь, внутри своего народа, который его не знает и не ценит, к этому добавилась отчуждённость Эрец-Исраэль – центра еврейского творчества нашего времени. Ивритский писатель Америки хочет во всём своём сиянии стать органичной частью ткани еврейской жизни в Израиле. Но даже те, кто создают подлинные литературные ценности, не имеют удела в нашем национальном творчестве, будто из изгнанных колен, из далёкого-далёкого Изгнания. И он мечтает о мосте и в последние месяцы жизни создаёт «источник». Стоял ли Рибалов на пороге нового периода своей жизни?

Я вижу его молодым, широкоплечим, с непокрытой головой, густой шевелюрой ниспадающих на лоб волос ещё с украинского периода жизни. Он улыбался и торопил: «Прорубайте окна в нашу литературу, расширяйте её горизонты, выводите на простор!»

Рибалов родился 59 лет назад в местечке Любар¹, возле города Звягеля. Его родители были нищими и за последние гроши посылали своего сына в хедер и ешиву. В 14 лет он покидает своё местечко и едет на учёбу в Одессу. У юноши, приехавшего в большой незнакомый город, было такое чувство, будто ему внезапно выбили молочный зуб. Чёрное море: временами синее, а временами цвета сплава серебра со свинцом. Экстерны. Бывало, что у Рибалова не было пристанища. Он отведал вкус грязного подвала, голодал. Но ведом был ему и другой голод. Он увлёкся чтением и счастлив был находиться поблизости от Бялика и других великих людей Одессы.

В 19 лет Рибалов публикует первый рассказ «На берегу моря», в котором описывает свою тяжёлую борьбу с голодом. Первая мировая война, революция. Кажется, вся Россия живёт не естественной, а экспериментальной жизнью. Рибалов учится в столице России и пишет. Скитается из одного города в другой. В 1921 г. он приезжает в Америку и преподаёт в талмуд-горе в Нью-Йорке. Каким убогим было тогда положение «хибру тичер»² – вспомните «Хибру» у Опатошу*. Но Рибалов верит в ивритскую литературу и в Америку. Ивритская литература в его глазах – это сила. «Наше поколение было удостоено великого дара Государства Израиль, – пишет он в 5709 г.³ – А чтобы понять и оценить как следует секрет его создания, мы должны исследовать основательно корни и ощутить глубину души. Для этого нам нужен источник, язык иврит. Вся новая ивритская литература родилась и росла в чистоте идеи об освобождении народа и страны. Тот самый трепет очарования и та самая тоска по родине, вызвавшие создание сионистского движения, создали также Государство Израиль».

1 По другим данным, он родился в местечке Чуднове

2 Вторая половина 1948 г. – первая половина 1949 г.

3 Учитель иврита (англ.)

Разве не является литература огромной силой в жизни Америки? Есть книги, которые определили в значительной мере её исторический ход. А разве нельзя создать в Америке ивритскую литературу? Конечно, на первый взгляд, этот плавильный котёл стирает все краски. Ведь Америка – гигант, состоящий из множества частей и разнообразных групп. Ивритская литература тоже найдёт себе место. 34 года назад Рибалов основал еженедельник «Га-Доар». Он был отличным журналистом. Его увлекали, главным образом, не абстрактные темы, а проблемы современности: еврейская конфедерация, молодёжные лагеря, еврейский театр, новые книги. Он находился до самой смерти в гуще жизни, действовал и творил. Как недостаёт сейчас в Америке его веры, пыла и огромной энергии!

Некоронованный посол (к портрету Менахема Риболова)

Среди великолепных образов достойных людей, которыми благословлены наш город и окрестности, самое видное место занял Менахем Риболов, уроженец Любара.

В Любаре, маленьком местечке с бедным населением, существовала маленькая компания вдохновенной образованной молодёжи. Во главе её стоял голубоглазый юноша с покрытым угрями лицом, озорник Менахем Риболов. Избыток юношеской энергии, которой он был одарён, выплёскивался далеко за пределы местечка. По его инициативе и под его руководством во многих соседних местечках были созданы общества по изучению иврита и еврейской истории. Нет никакого сомнения в том, что в них были подготовлены личности, ставшие в годы революции деятелями общины и сионистского движения.

Юноша вырос и стал мужчиной, впитывал Тору и просвещение. В Одессе он получал удовольствие от близости Бялика и многих одесских писателей, начал писать критику и пробовать силы в поэзии. Первым обнаружил имя поэта А.Гамаири* (тогда Файерштейн) и сделал его популярным для широкого круга читателей. В революционном водовороте был вовлечён в политическую деятельность и стал одним из главных вождей «Цеирей Цион». Но ему были противны межпартийные споры. Для себя он предпочёл работу в области культуры и образования, чтобы и в дальнейшем иметь возможность писать. Он бежит от шума больших городов Одессы и Киева и возвращается в провинциальные города, сначала в Любар и Звягель, а затем в Ровно, действует и увлекает других.

Помнится мне прощальная вечеринка, устроенная в Ровно по случаю его отъезда в Америку в доме нашего друга Мойше Кипера, тогда директора гимназии «Тарбут» в Ровно, а ныне учителя математики в гимназии «Герцлия». Охваченный скорбью и трепетом, раскрывал он сидящим за столом свою растерзанную душу. Это было, по его выражению, пение птицы с перебитыми крыльями. Таким было его настроение перед разлукой с нами.

В память об Ицхоке Ламдане

Йоханан Тверский

Ицхок Ламдан

В последнем году XIX столетия в сумасшедшем доме умер Фридрих Ницше, «противоположный Толстому полюс» (Георг Брандес*). За несколько месяцев до этого в Париж из эмиграции в Англии вернулся Эмиль Золя, и лицо его светилось: писатель обладает силой пера, которой нет равных. Альфред Дрейфус будет судиться во второй раз!

А в одном местечке на Волыни в заезжем дворе радость заповеди. Маленький Млынов «застроен деревянными домами с черепичными крышами. Улицы расходятся в виде пятиугольника вокруг круглой базарной площади. Он отдалён от железной дороги и шоссе дорог. Его огибает большая река Иква, вокруг расположены зеленеющие холмы, дубовые и берёзовые рощи. Он благословен честными евреями, почитающими Тору и торгующими зерном, которое распространяется отсюда как из рога изобилия» (Моше Тамари «Его приближённый в Млынове»; „Гильйонот“*, брошюра 12, том 31, 5715 г.¹).

В Млынове впервые увидел свет Ици-Йегуда Лэйбс, он же Ицхок Ламдан. Есть правда в словах Бялика: «Человек видит и постигает только раз: в детстве. Первые видения ... Именно они являются главной сутью дел, а всё последующее – второстепенно, слабые их намёки». Ламдан в своём стихотворении «Перед сумерками» тоже возвращается к своим первым впечатлениям.

Сад – это прирученный, порабощённый лес. Это сад Божий. Лес – это свобода, тень и тайна. В одном из своих лучших стихотворений «В отражённом свете» пишет Ламдан об этом далёком лесе, в котором мир загадывает ему свои первые загадки:

---

1 Вторая половина 1954 г. – первая половина 1955 г.

«Этот лес с чудесами и тайнами
Уже пришёл в упадок, но пока ещё
Запах его, запах камеди
Придёт ещё ко мне откуда-то
И опьянит меня до слёз».

И Ламдан не может забыть до конца жизни:

«Тот же каштан, старейшина сада в отчем доме
Высокая ветвистая крона, широкие тени,
Привычный к тишине и буре ...
И стоя лицом к лицу, поражённый и испуганный,
Увидит он то, что выше его понимания,
И что во многом содержит в себе:
Бесконечность вечного ...
Тише ... Он испугался и отпрянул ...
Разве я помешал ему?
Вот наблюдает он за мной с высоты,
Будто чужой разрушает внезапно святость его.
Так глядит он на меня, а я на него ...
Боже! Ведь я – это он! ...»

Да, в «Мальчике, видящем сон с открытыми глазами» есть многое из того старого каштана: он также, «привычный к тишине и буре», переносится ветром и наблюдателем в бесконечность. И корни его, Ицхока Ламдана – это отец, хозяин заезжего двора, еврей-богослов, который может отдалиться от шума мирского и облачиться в талес.

Нет сомнения, что Ламдан слышал в детстве об одном из великих людей своего местечка – докторе Шлоймэ Манделькорне*, авторе прославленного алфавитного указателя «Гейхал Шломо»¹. Одни выступают в его защиту, другие отзываются о нём плохо. «Миндальным орехом» называет его Адам Гакоэн*, а Йегуда-Лейб Гордон его «увенчал тремя коронами: раввина, быстрого на суждение и исследователя древности». Кроме того, по мнению второго, «душа его была нечиста», и он скончался в больнице для душевнобольных. Автор «Гейхал Шломо» необыкновенно усердный, а сердце растерзанно. Так стремится Ламдан к совершенству.

Кипучие, жаркие годы. Первая мировая война. В 1916 г. в Млынове пытаются устроить погром. Семья р.Лэйба Ламдана переезжает в Звягель, он же Новоградволыньск. Ицхоку тогда было лет 18-19. Пять лет, которые он провёл в этом городе, были решающими в его жизни.

Г-н И.-Л.Йонатан пишет в своей книге воспоминаний «Листва и ствол»: «Было много городов и местечек. В Меджибоже и Межириче зародился хасидизм. При одном упоминании Бердичева пробуждается милость и любовь к Израилю. Житомир связан с Бяликом, Кременец – с Гаскалой, Острог – с учёностью, Судилков и Славута – с еврейской типографией, Дубно – с магидом р.Яаковом, народным баснописцем. А Звягель – это время блуждания и смятения поколения, расспрашивавшего дороги: «Куда?»

Этот город, лежащий на скалистых берегах реки Случь, давно считался важным стратегическим пунктом, и в нём всегда стояли войска. Близок он к Корцу (блаженной памяти р.Пинхас), Полонному и Межиричу. Именно в Звягеле, расположенном на перекрёстке дорог, Мордехай-Зеэв Фейерберг задал нашему обществу знаменитый вопрос,

---

1 «Храм Соломона» (ивр.)

который до сих пор актуален: Восток или Запад?

Красиво пишет Шмуэль Вильнаи в своей статье «Мир исследования в творчестве М.-З.Фейерберга»: «Образ Нахмана (герой „Куда?“ – Й.Т.), стоящего на вершине скалы, повторяется в конце с символическим напряжением. Нет ничего бессмысленного в том, поскольку „его, стоящего на вершине скалы и глядящего вдаль вокруг себя, охватывают сильный дух и мужество“ ... Нам становится понятной излишняя детализация «вершины скалы», если учесть напряжённость ситуации, когда „острая скала с одной стороны и острая скала с другой“ («Шмуэль I»¹, 14:4). Это место служит отправной точкой для нападения героя-одиночки на армию филистимлян. Да, здесь возникают ассоциации с некоторыми источниками ... Это символическое положение на вершине скалы (27-28, 39) напоминает описание орла, „пребывающего на вершине скалы и крепости“» („Гильйонот“, брошюра 3, том 30).

Разве не превратила со временем алхимия творчества эту «вершину скалы и крепости» в «Массаду» Ламдана?

Здесь влияние не только Фейерберга, но и всего его круга. Первыми членами этой компании были Аврум Ческис, который некоторое время был секретарём Ахад-Гаама, Йойна Корецкий, также умерший во цвете лет от чахотки горла за год до кончины Фейерберга, писатель Яаков-Йосиф Вол, родившийся в Ковеле и после женитьбы переехавший в Звягель, Ицхок Бибер, Аврум-Гирш Каплан, Аврум-Шулим Степанский, А.Людвиполь, Ш.-Ц.Зецер, а в самые последние годы жизни Фейерберга – младшие по возрасту Эзра Брахман и Йегоше Эйдельман (Ш.-Ц.Зецер «Дос ворт библиотек», номер 160). Упоминается здесь среди молодёжи Звягеля также Мойше Бирштейн*, подписывавший свои стихи псевдонимом «Сирота». Этот приветливый и щедрый человек, который тоже много перенёс в своей жизни, редактировал некоторое время «Форвертс» в Бостоне.

Молодёжь Звягеля находилась под влиянием Фейерберга. Ицхок Ламдан тоже не был исключением. Не раз читал он в местечке и близких к нему селениях доклад о мотивах творчества Фейрберга в ивритской литературе.

Годы развития Ламдана – это годы войны и революции. Всё горит и рушится. С середины лета 1919 г. до конца лета 1920 г. звягельская земля пропитана еврейской кровью (читай «Решумот», 3, с.456, а также М.Ошерович «Штэт ун штэтлэх ин Украинэ», т.1, с.289). В 1919 г. Ламдан мобилизован в народную милицию. Именно здесь, в Звягеле, по словам Азриля Ури, начинает он писать «Массаду».

Ламдан идёт пешком в Одессу «с тяжёлым армейским ранцем на плечах». Позади него разрушенные, сожжённые в огне погромов местечки. Позади «печальный взгляд» убитого петлюровцами брата, который тоже мечтал о репатриации в Эрец-Исраэль.

Революция.

«Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир как пёс паршивый,
Провались – поколочу!»

(Александр Блок «Двенадцать»)

Но Ламдан мечтает о другой революции:

---

1 I Книга Царств

«Было сказано мне:
Между стен Массады расхаживают пророки,
Предвещают избавление».

В большом дворе, обнесённом стеной и возвышающемся на холме возле гор Порийя и Ябнеель, сосредоточились различные общественные корпуса. В передней части двора, обращённой к озеру Кинерет и Голанским высотам, находится институт земледелия по подготовке работниц под управлением Ханы Майзель. На северо-востоке ещё стоят большие покои караван-сарая – старые постройки Кинерет. В них в тесноте проживала часть рабочих-«единоличников», которые пришли к Кинерету искать опору в вызванной велением времени общественной работе по обработке почвы и осушению болот. Во внутреннем дворе, обращённом на юг и запад, в основном, сосредоточилась жизнь квуцы*. «В центре большого двора и возле ограждения с обитыми железом воротами сосредоточены орудия труда, плуги и телеги. Со стороны гор – коровник, конюшня и склады. Жилые помещения членов квуцы и «единоличников» были смешанными. В первые недели в Кинерете был убит Йосиф Зальцман, возвращавшийся под вечер с пахоты» (Шимон Кушнир «Первенец отечества», 5716 г.¹).

Здесь работал и продолжал писать «Массаду» Ламдан. За год до его репатриации в «Га-Адама»* под редакцией Бренера была опубликована поэма Блока «Двенадцать». В этой же брошюре мы читаем «Поэму на полях листов»: «Поэт изображает реальные картины, олицетворяющие положение в столице, настроение её жителей, сотрясение основ, беспорядок и, главным образом, беззаконие, анархию, слепые инстинкты, расхожие мнения и ... животно-революционную религиозность ... „Двенадцати“ – не обязательно 12 личных характеров, а число колен Израиля и первых апостолов (число глав тоже 12)» /«Га-Адама», том 2, с.366, 5680 г.²/

В «Массаде» 6 глав, и обращается он ко всем коленам Израиля. О большем Ламдан и не мечтает. Он видит вещи такими, как они есть: всё плохое, всё шаткое, все жертвы, которым нет конца, все страдания. И всё-таки ...

«Душа веселится, – пишет Перец в „Веселье в нашем доме“, – только тогда, когда побеждает тело, когда жизнь одолевает смерть, а сущее берёт верх над потерянним, ибо нет большей радости, кроме радости победы». И действительно, всякая большая положительная радость – это по существу радость достижения.

«Массада» – это гимн халуцианства, т.е. еврейской активности, волонтаризма молодёжи.

«Мы завершили писания всех способов ...
Отныне новая книга «Берешит» открылась на стене.
И как наши праотцы, завершив чтение свитка Торы,
Прежде чем снова начать –
В новом и последнем крике сначала прорычим мы:
Крепись и мужайся!»

Новое и продолжение: его письма в Россию, Польшу и Америку, написанные рассудительно, ровным почерком. Буквы зажигают сердца. Двадцать один год.

«Я не знаю, – пишет он в своих заметках „Из записной книжки еврейского редактора“, – как обстоят дела у других цивилизованных народов. На основе всего известного не осмеливаюсь делать выводы. Но одно мне ясно: положение ивритского

1 Вторая половина 1955 г. – первая половина 1956 г.

2 Вторая половина 1919 г. – первая половина 1920 г.

редактора в Израиле особое. Сомневаюсь, есть ли для него пример у других ... Редактор должен быть верным совести и выполнять свои обязанности, даже если его окружают со всех сторон враги и завистники, подозрительные и злопамятные люди. Его неблагодарный труд находит понимание у немногих. Это может выдержать только тот, кто выполняет свою работу на совесть, кто закалён изнутри силой правды. Тот, у кого нет этих качеств, потерпит неудачу».

Ламдан не провалился в своём деле. Но был ли он всегда во всём согласен с «Гильйонот»? Ежемесячник стремился стать очагом всех наших сил. И действительно, в первые годы в нём принимали участие не только писатели Эрец-Исраэль, но и еврейские писатели Советского Союза, Польши и Америки. Но как сузился круг иврита после Катастрофы! Иногда возникало опасение: не превратится ли также «Гильйонот» в некое подобие «клайзл»?

Тем не менее, в последнее время ежемесячник снова расширяется. Больше, чем когда бы то ни было, больше, чем кто-то другой, Ламдан чувствует, что без деполитизации нашей жизни, без продолжения поколений и, главное, «без органических взаимоотношений, без сильных духовных связей и союза сердец между нами и еврейским миром (особенно, еврейством великой Америки) из наших рук выпадет один из самых главных ключей к воротам, ведущим к укреплению нашей независимости».

За несколько дней до решающего приступа Ламдан стоит на сцене дома сионистов Америки. Его голова поседела. На нём простой серый костюм. Человек прямой по внешнему виду и в словах, он говорит о связи между «здесь» и «там», смотрит иногда в бумагу. А через день или два после этого в маленькой комнате дома «Двир»* , где мы встречались каждое утро, Ламдан показывает мне письмо: его назначили членом делегации Всемирного еврейского союза в Америку. Поездки ему по душе. Приехав в страну, он любил путешествовать целыми ночами. Как приятно путешествие само по себе, без всякой цели, в ночном сиянии. Но эта поездка ... Шум Америки пугает его: банкеты, «спичи», сенсации, преувеличения и, главное, тяжело бросать свою работу. – Нет, я не полечу, – говорит он. – Жена говорит, чтобы я не летел самолётом. На корабле смогу отдохнуть и подготовиться как следует.

Он добивается не покоя, а немного покоя, хочет вернуться к главному для себя и к самому себе. За год до смерти пишет одно из самых лучших своих исповедальных стихотворений:

«Ангел-попечитель дома моего,
Назначенный охранять врата моей сокровищницы ...
Ещё стоит там на месте одиноко
И ждёт моего возвращения
День за днём ...
Но работа очень тяжёлая и долгая.
И чем продолжительнее она, тем дальше её конец.
И я тоже узнаю:
Кто под покровительством этого труда ставил свой шатёр.
Больше он не будет предаваться грёзам,
Даже если упадёт
Усталый до бездыханности
На пороге багрового зарева».

Разве не было в этом стихотворении своего рода предчувствия?

Авраам Бройдес* рассказывает в своей заметке «Последняя встреча» о том, как в

последний раз пришёл к Ламдану в больницу: «Я взглянул на его страждущее лицо, пытался успокоить, отвлечь. А он, словно пробудившись, взволнованно изрёк: „Я был преступником ... Я совершил преступление против самого себя ... “»

Разве изменил бы он свой образ жизни, если бы продолжал жить? Кто, подобно ему, знал и чувствовал, что великое и возвышенное «даётся нам лишь ценой ожесточённой борьбы за судьбу человека, ценой вечных страданий, ценой стойкости одного против всех»?

Ицхок Ламдан

«О, путник вдали порой имеет другое счастье, много света
Если ты раз без умысла пройдёшь мой лес
(А он позабыт-позаброшен, в конце жизни поник)
И лист опавший будет тихо шелестеть –
Не спеши уходить, остановись немного.
Это душа позабытого леса шелестит из своих глубин.»

(«Только бы это выразить», «Путём скорпионов наверх»)

Покинул он нас неожиданно. Незадолго до кончины обещал принять участие в окончательном редактировании мемориальной книги о Звягеле и округе, просил меня достать для него книгу Фейерберга для завершения очерка, который начал писать для этой книги в честь 80-летия со дня рождения нашего писателя-земляка. Мы совсем не знали о его страданиях в последние дни, пока не было опубликовано сообщение о его внезапной кончине. Разорвалась цепочка совместных переживаний, продолжавшихся десятки лет, с тех пор как он появился в нашем городе летом 5675 г.¹ вместе со своими родными – беженцами приграничного местечка Млынова. Моё знакомство с ним началось в конце 5677 г.², когда я вернулся в наш город через несколько месяцев после начала великой русской революции.

Шла первая мировая война. Пламя пожирало земли Украины. Еврейские общины истекали кровью. Тени погромов окутали города и местечки. Банды погромщиков и убийц устрашали всех. Отряд солдат-тарашанцев, бежавших с фронта, учинил грабёж центра города. Огромным было уныние, хотя беспомощными мы себя не ощущали.

Внутри этой бури как будто возникло новое движение. Сионистская агитация способствовала формированию новых кругов молодёжи, возмужавшей за годы войны и искавшей выход из создавшегося положения. Эта молодёжь участвовала в организации самообороны, оказании помощи пострадавшим от погромов и создании новой еврейской общины. Но в глубине души она горела желанием вырваться отсюда и репатрироваться в Эрец-Исраэль.

В этих кругах выделялся высокий, стройный, худощавый парень с мечтательными глазами, выражавшими глубокую скорбь. Он любил уединение и вместе с тем призывал нас углублять культурную работу. Как радовалась его душа, когда мы попросили его прочитать лекцию о литераторах и сокровищах еврейской культуры. Он с удовольствием выполнил нашу просьбу и ездил читать лекции в близкие местечки.

В нём ощущалась какая-то большая тайна. Некоторые из нас полагали, что причиной глубокой скорби, охватившей его душу и не дававшей ему покоя, были пережитые им на Волыни ужасы. Позже мы поняли, что это уединение было необходимо ему для накопления духовного багажа, который рос в нём, пока не нашёл выход в стихотворении «Массада». Иногда, когда ему было грустно, он читал нам отрывки из своих стихотворений, и все мы увлечённо слушали свежие певучие звуки.

В те годы в нашем городе оказался поэт Й.Карни, принимавший вместе с нами

1 Вторая половина 1914 г. – первая половина 1915 г.

2 Лето 1917 г.

участие в нескольких культурных мероприятиях. Это были «одного поля ягоды». Угрюмый Й.Карни встретил Иццока Ламдана и обрадовался.

Во время гражданской войны, когда советские войска приближались к нашему краю, компания расстроилась, и он исчез. Вернувшись снова в наш город через полтора года, я его уже не застал. Мы, первая халуцианская группа, успели уйти из города вместе с сиротами, пересечь русско-польскую границу и через некоторое время репатриировались в Эрец-Исраэль. Здесь мы снова встретились с ним в Тель-Авиве, после того, как он покинул Шарон*, где закончил стихотворение «Массада».

Здесь открылся перед нами другой Ламдан, в своём духе. Внешне он был сдержан, но в голосе ощущалась буря и внутреннее напряжение. Голова приподнята, лицо загорелое, а руки огрубели, в мозолях от изнурённой работы в Галилее. Он нашёл уже своё выражение в бурной поэзии. В беседах со мной много говорил о встречах с Карни и о его помощи писателям. Ламдан вместе с А.Барашем и Яковом Рабиновичем* начал тогда издавать сборники «Гедим»*, которые занимали особое место в нашей периодической печати и стали новым источником самобытного творчества, расцветавшего в Эрец-Исраэль. Позднее он приступил к созданию «Гильйонот». Многие считали, что это издание Ламдан основал специально для себя, и обвиняли его в стремлении к обособленности. Но уже тогда он ощущал в глубине души своё предназначение оглашать нечто особенное. В течение 21 года Ламдан настойчиво трудился над этим: в атмосфере уединённости формировал облик, открывал молодые таланты (некоторые из них обрели сейчас большую известность), складывал номер за номером и построил высокое сооружение. Он боролся в одиночку за укрепление своего положения, в то время, как многие сильные падали и не поднимались. После его внезапного ухода не осталось преемника, который продолжал бы охранять алтарь. Ведь нельзя представить продолжение выпуска «Гильйонот» без его создателя.

Он сразу откликнулся на наш призыв и прибыл на первый израильский съезд выходцев из нашего города, хотя сначала ограничился словами о тенденциях описания быта местечек диаспоры в светлых красках. Увлечение этими красками, утверждал Ламдан, способно отвлечь наше внимание от основной обязанности укрепления страны, сосредоточения в ней всех евреев и их слияния в один народ. Но вместе с тем он также отметил нашу обязанность увековечить память о предыдущих поколениях, раскрывать исторические источники, показать остроумие выдающихся личностей и нравственность скромных простых людей, чьё сияние ярко освещает глубины нашей души и откуда мы черпали силы и энергию для противостояния злодеям и достижения независимости Израиля. Он призывал нас исполнить этот долг, обещал свою помощь в издании книги, интересовался проделанной работой по сбору материала. Но ему не суждено было выполнить это обещание и заняться окончательным редактированием сборника.

2-е ияра 5715 г.¹

---

1 24 апреля 1955 г.

Слева: Ицхок Ламдан, Шмуль Каплан, Йонатан Шлаен. (1918 г.)

В отражённом свете
(«Из моих стихов на обороте листа»)

Ах, поднимись опять, поникший лес, вот я!
Всё, что из твоего дара, во мне осталось,
Теперь тебе я принесу!
Открой бурдюки твоей камеди сохранённой.
Я весь – чаша,
И если треснул – ничего,
Наклонись-ка и налей!
Ах, арфы-кроны, играющие, качающиеся
Струн буря и затишье,
Вновь пропитывает меня вино текущей камеди –
Играйте! Я готов снова слушать
До томления сердца!

Тот же каштан, старейшина сада в отчем доме
Высокая ветвистая крона, широкие тени,
Привычный к тишине и буре –
Там он больше не стоит,
Нет его уже давно:
Он был истреблён, как были уничтожены там
Той проклятой рукой
Все деревья жизни, любимые и дорогие,
Все плантации веры и страдания.
Был вырублен каштан или вырван?
Так или иначе –
Мне ясно, что нет его.
Но вот, во всей его высоте и зелени
Снова вижу я его таким,
Каким он был в те дни:
Принц царства-сада и его величество
Несущий высоко великолепие кроны,
Украшенный позолоченной жемчужной росой,
Он будет трести тяжёлой гривой листвы.
Увижу я также:
В гуще листвы, как глубине небес,
Тайное укрытие, где прячущийся мальчик
Секретничает с Божьими и мирскими чудесами,
Прислушивается к биению сердца в тишине,
К порханию бабочек и их танцу,
К прыжку невидимых пальцев
Лёгкой руки ветра, листающей
В глубине веток
И трогаящей растянутые паутинки света,

И стоя лицом к лицу, поражённый и испуганный,
Увидит он то, что выше его понимания,
И что во многом содержит в себе:
Бесконечность вечного ...
Тише ... Он испугался и отпрянул ...
Разве я помешал ему?
Вот наблюдает он за мной с высоты,
Будто чужой разрушает внезапно святость его.
Так глядит он на меня, а я на него –
Боже! Ведь я – это он! ...

Д-р Яаков Леви блаженной памяти

Никому из нас не пришло в голову выделить в этой книге среди людей прошлого, завершивших свою песню жизни и завещавших наследие для будущих поколений, особое место Яакову-Меиру, который консультировал нас во время редактирования и издания книги.

Конечно, его здоровье ослабло после болезни, обрушившейся на него несколько лет назад. Но он держался и работал в полную силу (а сила размаха была у него колоссальной) и до последних мгновений был живым духом, приводившим в движение колесо в деле обучения и воспитания: от инструктажа учителей низших и высших групп, консультирования, инспектирования и подготовки к изданию учебников по всем предметам до редактирования органа печати учителей «Га-Хинух». Кроме этого, занимался составлением учебников по истории еврейского народа для начальных и средних школ «Евреи среди народов», 5 томов которых уже изданы и с большой радостью приняты учителями и учениками. Как видный учёный и признанный знаток средств и методов воспитания, он участвовал также в редактировании педагогической энциклопедии. А массы учителей и воспитательниц детсадов видели в нём консультанта и хорошего товарища и с раннего утра стояли у его дверей с вопросами и просьбами. Двери его дома были открыты для всех. Он внимательно слушал, задавал вопросы, советовал и ободрял. Любил пунктуальность. Многие удивлялись его прилежанию и исполнительности в работе. Больше всего поражало то, что, несмотря на большие нагрузки, мы ни разу не замечали в нём признаков усталости. Он встречал всех приветливой улыбкой, говорил спокойно, доброжелательно. Ни разу не замечали в нём желания, чтобы его оставили в покое. Наоборот, он сам задерживал собеседника, пока тот не изливал ему всю свою душу, и давал какие-то советы.

Из какого же источника черпались силы для такой напряжённой работы? Откуда были унаследованы возвышенные черты его души?

Ответ заключается в нём самом. Он был человеком честным, скромным,

обходительным с людьми, уравновешенным в разговоре и обдуманном в деле, остроумным, стремившимся освободиться от комплексов неполноценности. Подобно одному из сыновей Иссахара*, знал тайну времени. Часто смотрел на часы и считал необходимым обратить на это внимание других. Некто показал ему рукописи по исследованию Библии. Яков-Меир стал торопить автора, которому уже было около шестидесяти лет, чтобы тот продолжал писать и начинал публиковать их. Но автор не спешил. Тогда Яков-Меир сказал ему: «Почему Вы откладываете на потом и не готовите свой труд к печати? Вы будете вечно жить? Вам тридцать? Или сорок?» Кончалось тем, что автор умирал, и весьма важное дело его жизни так не увидело свет. Так зачем же отвергать заветы?

Торопил он и нас с изданием книги «Звил». «Нужно спешить, – говорил он. – Кто знает, что день грядущий нам готовит».

Это была заповедь. Он чувствовал, что его часы отбивают время «на исходе дня». Настало время собирать приобретения и подводить итоги. Здесь мы немного остановимся на его биографии, чтобы понять, каким образом Яков-Меир Неселинер стал доктором Яковом Леви.

Одно из ответвлений главного шоссе Звягель-Житомир пересекает село Крапивню и поднимается по рыхлой песчаной дороге в направлении местечек Соколова и Пулина. Возле дороги расположены украинские сёла и немецкие колонии, и среди них село Несолонь. На окраине села стоит белый деревянный дом. Большой ухоженный двор засажен фруктовыми и дикорастущими деревьями. Посреди двора, под густой тенью дерева, находится колодец, сбоку от него – корыто и скамейки. Узкие извилистые тропинки ведут от колодца к разбросанным по краям двора постройкам: коровнику, конюшне и разным сараям для заготовки фруктов и овощей, дров, орудий труда и т.д.

Это дом рэба Мойше Неселинера, знатока святого Писания и хасида, приверженца макаровского ребе, потомка земледельцев, поселившихся столетия назад в Подлубах, Середах, Кублах и Хмерине. Эти высокие благообразные люди отличались отменным здоровьем и доживали до глубокой старости. А один из предков его отца, рэб Пинхас-Меир, прожил 109 лет.

В этой породистой семье р.Мойше из Несолони родился Яков-Меир. В этом селе были заложены основы его воспитания. Отец был зажиточным человеком и мог держать в своём доме хороших меламедов и учителей. Оказалось, что мальчик не по возрасту смекалистый и любознательный. В отличие от других детей, он был увлечён учёбой и относился к ней как к игре. Учёба не наводила на него скуку и не утомляла мозг. Научившись читать, он увлёкся книгами.

Сельский пейзаж влиял на его развитие, расширял кругозор и утончал дух. Его не одолевали сомнения, в плену которых находились многие дети еврейского местечка, подобно Хофни-«фантазёру»¹. Он, единственный в селе еврейский ребёнок, развивался в нормальных условиях. В доме отца закалялся его дух, росло собственное самосознание. Подобно отцу, ставшему советчиком среди мужиков, он заслужил признание среди своих ровесников-иноверцев.

Ещё в то время Яков-Меир заинтересовался проблемой положения евреев среди народов, которую ощутил на собственной шкуре. В статье «Звягель и его дети», опубликованной в этой книге, эта проблема получила удачное выражение благодаря его искусству повествования.

В 12 лет он стал учеником Звягельской ешивы. Сидел за «вторым столом» («стол» – класс), слушал уроки главы ешивы, раввина Йоэля Сорина блаженной памяти и был

---

1 Герой рассказов М.-З.Фейерберга

одним из трёх, не достигших совершеннолетия¹ и относившихся к группе учащихся от 16 лет и старше, среди которых были и женатые. Соученикам нравились его эрудиция, остроумие и весёлый характер. Он имел приятный голос и сценические дарования. Играл в «Голиаф-шпиле» – традиционной инсценировке, которую ешиботникам разрешалось выставлять на Пурим. Я упоминаю здесь именно эту игру, поскольку в памяти сохранились имена актёров. Роль Голиафа исполнял Хелемер, Давид – Лейбишке Межиричер, Саул – Шлоймэ Норинскер, пророк Самуил – Авраам Ровнер (он же Авраам БаРЛ, который репатрировался в Эрец-Исраэль, нёс охрану в Седжере² и был убит; упоминается в «Изкоре»), Ангел Преисподней – Мотл Несхизер и паяц – Яков-Меир.

Конечно, эта деталь является не штрихом к его портрету, а примером присущей ему бодрости и жизнерадостности. Нет сомнения, что эти важные мотивы проложили ему дорогу в будущее.

Это были годы столыпинской реакции и правления министра просвещения Кассо. Всякое общественное движение было парализовано. Молодёжь находилась на грани отчаяния. Ворота средних и высших учебных заведений закрывались перед еврейским юношей. Увеличилось число экстернов. Усилилось желание изучать иврит как в Западной Европе. Яков-Меир, который к тому времени возмужал и получил обширные знания, преуспел также в изучении иностранных языков, особенно французского, и решился на отчаянно-смелый поступок – репатрироваться в Эрец-Исраэль и поступить в гимназию «Герция». Тогда ему было 16 лет. Сказано – сделано. Жизнь в Эрец-Исраэль он прекрасно отразил в своих письмах, которые опьяняли нас. В гимназии в Яффе он тоже выделился как один из лучших учащихся и редактор их печатного органа.

Война 5674-5679 гг.³ круто изменила его жизнь. Но даже эти годы не были истрачены напрасно. Он принял турецкое подданство, был мобилизован в армию и стал офицером. Дезертировав из армии, нашёл убежище в Стамбуле и занялся национальным воспитанием. По его инициативе, в Стамбуле и других городах Турции со значительным еврейским населением были основаны еврейские школы.

Тем временем закончилась война. В России разразилась революция, за которой последовали беспорядки и опустошения еврейских поселений черты оседлости – городов Украины. Евреи спасались бегством. Часть из них прибыла в Турцию и оттуда направилась в Эрец-Исраэль. Это было начало третьей алии.

Его общественная работа в области просвещения и по оказанию помощи халуцианской репатриации была тихой и скромной. Он не любил афишировать свою деятельность. Мы знали, что по окончании первой мировой войны, в начале 20-х годов нынешнего столетия, Комитет делегатов назначил его инспектором еврейских школ в Болгарии. Читали мы его статьи о воспитании на страницах «Га-Олам», знали также о его пребывании в Париже и учёбе в Сорбонне. Во время встреч с нами после возвращения в 1932 г. в Эрец-Исраэль и до последнего дня жизни он много рассказывал о своих скитаниях и невзгодах, метаморфозах и переживаниях. Но одна очень важная подробность была скрыта от нас. И мы не узнали бы об этом, если бы известный писатель и библиограф Гецель Кресель не обнаружил, что в 1920-х гг. Яков-Меир под псевдонимом А.Аарони публиковал свои рассказы и критические произведения в «Га-Шилоах», а также в «Мабарот»*, органе «Га-поэль га-цаир» и «Ахдут га-Авода»*. До такой степени скромным был Яков-Меир ещё тогда, на 23-м году жизни.

---

1 13 лет

2 Арабское название израильского с/х поселения Илани на востоке Нижней Галилеи

3 1914-19 гг.

М.Бонэ и Я.Леви

Расширились его познания в литературе, науке и искусстве. Благодаря публикациям по исследованию методов воспитания и обучения, он занял видное положение в обществе и почётное место среди людей науки (был также членом жюри по присуждению литературных премий). Но ему чуждо было высокомерие. Нельзя сказать, что он не знал себе цены, но не придавал этому значения и вёл себя естественно.

В компании людей, стоявших ниже его, Яаков-Меир чувствовал себя смущенно, будто был виноват в том, что по интеллектуальному уровню поднялся высоко над ними. Его стремлением было стереть эту самобытность, чтобы уравнять себя с компанией. С другой стороны, он всеми силами старался поднять человека на более высокий уровень, если убеждался в его определённой одарённости, и не отставал от него до тех пор, пока тот не добивался успеха.

После его ухода остался большой по количеству и качеству литературный капитал. Из этого капитала будет извлекать пользу нынешнее и будущие поколения. В доброй славе простился он преждевременно с этим миром, и с его смертью многие утратили своего учителя, советчика и инструктора.

В память о Шмуле Шлаене (Высказывания друзей записал Мордехай Бонэ)

Летом 5671 г.¹ Шмулик репатриировался в Эрец-Исраэль и стал для всех нас хорошим примером. Он сохранял переписку с друзьями, в том числе с автором этих строк. Открытки прибывали из основанного недавно поселения Дегании, в которой Шмулик начинал работать. Сколько очарования было в его словах об этом поселении на берегу Иордана. Его письма оказывали большое влияние на нашу молодёжь и усиливали их стремление репатриироваться в Эрец-Исраэль. Шмуль Шлаен активно внедрял сионистские идеи среди молодёжи, а также домохозяев и интеллигенции Звягеля. К нашему большому сожалению, он преждевременно покинул нас на 62-м году жизни, после 41 года, проведённого в Эрец-Исраэль.

Шмуль репатриировался в Эрец-Исраэль в возрасте 21 года. Благодаря личным качествам и образованию, он мог бы занять высокое положение в обществе, которое было ещё бедным на интеллектуальные силы, но предпочёл простой образ жизни «подёнщика, выполняющего свою работу по совести», и жертвовал своим временем, главным образом, для местных интересов. Любил порядок. Работая в Галилее секретарём комитета, беспокоился о крестьянской реформе, во время службы в администрации комитета делегатов заботился о служащих и был одним из основателей профсоюза служащих.

На первый взгляд, он занимался «мелочами», но эти мелочи потом стали очень ценным достоянием общества. Длинная череда «мелочей» выражалась в постройке и обороне поселений, организации общества. Всё это он делал скромно и не стремился к почёту. В память о нём ниже приводятся слова признания, сказанные и написанные в разное время.

«От нас ушёл один из родоначальников профсоюза служащих и его опор. Представитель второй алии, он трудился над формированием нового типа еврейского служащего на возрождающейся родине. Шмуль Шлаен не только умел требовать, но и выполнять свои обязанности, доказывал это своими делами, поведением и образом жизни.

В конце первой мировой войны его пригласили на должность главного служащего Комитета делегатов (отдел заселения) в Иерусалиме. Здесь перед ним открылись большие возможности для широкой общественной работы. Началом его деятельности была организация еврейских служащих и создание их профсоюза.

Но он не мог довольствоваться лишь профессиональной деятельностью. По своей природе Шлаен был халуцем и стремился к конструктивным делам для блага народа. Ему пришла в голову мысль построить в Западном Иерусалиме среди скал еврейский квартал. Это мероприятие он считал делом своей жизни. Шлаен основал Бейт-га-Керем как обособленный еврейский квартал, не связанный с муниципалитетом Иерусалима и его главой Нашашиби, и много лет был руководителем квартала.

Был верным членом партии «Га-Поэль га-цаир» (примерно два года работал в редакции «Га-Поэль га-цаир»), затем в Рабочей партии Эрец-Исраэль.

Поработав служащим, он стал независимым адвокатом, но не прекратил своей общественной деятельности и оставался верным членом организации.

Йегоше Леви

---

1 1911 г.

Приехав в Эрец-Исраэль, Шлаен хотел работать в Галилее. В маленьком еврейском поселении Явнеэль ему выпала честь в течение несколько лет занимать пост секретаря еврейских поселений Галилеи и вместе с другими уважаемыми товарищами способствовать возрождению еврейских поселений этого края. Во время первой мировой войны, когда население нищало, Явнеэль стал местом интеграции беженцев, и маленький комитет, в котором работал Шлаен, заботился об облегчении их участи. Когда его пригласили на работу в высшее сионистское учреждение, он постоянно заботился о заселении страны. Велика его заслуга в создании Бейт-га-Керем. Вся длинная дорога, по которой он шёл, была дорогой созидания.

Йосеф Рабинович

Когда я приехал в Эрец-Исраэль, Шлаен находился в Нижней Галилее и работал в Явнеэле секретарём колонии. Еврейское поселение окружали враги, замышлявшие против него зло. Чтобы поселение продолжало существовать, его жители должны были объединиться. Став независимым секретарём и координатором бюро, Шлаен воплотил эту идею.

Несколько лет, с 5675 г.¹ до 5678 г.², мы вместе выполняли общественную работу. В этой компании были неразлучные друзья Йосиф Бусел и Бенцион Исраэли*. Нас связывала крепкая дружба. По окончании войны, когда ярким светом засияла декларация Бальфура, он вместе со мной покинул Галилею. Все силы и энергию мы сосредоточили на сионистской работе.

Ещё больше связала нас работа по освоению Бейт-га-Керем. Хочу отметить один момент: семья Шлаена первой вселилась в Бейт-га-Керем. Этот человек испытывал особую радость и удовольствие в выполнении заповеди, которая, на его взгляд, была заповедью добровольного участия.

Йосеф Вейц*

Я видел его в работе в течение нескольких лет. В комитете общины он был главой комиссии по расследованию событий 1936-39 гг. В его лице я увидел представителя известного общественного движения, преданного и беспристрастного работника. Комиссия должна была решить проблему переселения жителей Старого города. В те трагические дни он конфисковал дом Гистадрут* и поместил там беженцев.

В этом проявились лучшие качества этого общественного деятеля. Он не пренебрегал мелочами, хотя готов был выполнить поручения государственной важности.

Моше Брем

Я был другом Шлаена и работал с ним 6 лет в комитете общины. Его имя было известно в Иерусалиме. Он любил рассказывать о Менахемии*. Был избран членом комитета общины Иерусалима и вёл себя очень скромно. Почти не принимал участия в

1 Вторая половина 1914 г. – первая половина 1915 г.

2 Вторая половина 1917 г. – первая половина 1918 г.

острых дискуссиях. От всех типов общественных деятелей, которых мы знали, он отличался, прежде всего, серьезным подходом к делу. Одной из его главных задач было создание в Иерусалиме религиозных учреждений и их объединение в общину. 27-й день месяца кислев* 5695 г.¹, когда он показал нам согласие бюро раввината, был для него настоящим праздником.

Шлаен заботился о служащих и финансовом положении муниципалитета. Являясь членом комиссии по Иерусалиму, был всегда спокоен и обладал силой убеждения. Ему выпала честь увидеть, как создавался новый муниципалитет. И так странно было в 1938 г., что Шлаен исчез.

У меня такое ощущение, что мы не знали Шлаена. Когда обнаружатся протоколы муниципалитета, люди узнают о том, кто в течение шести лет боролся за прекрасный здоровый Иерусалим, столицу на веки веков.

Д-р Каценельсон (Нисан)»

---

1 4 декабря 1934 г.

Шмуль Миллер (штрихи биографии)

Шмуль¹ Миллер родился 25 октября 1895 г. в селе Дубровке, возле Звягеля. До 8-9 лет учился у меламеда в хедере, после чего поступил в Звягельскую ешиву. Учился там несколько лет, пока в руки не попала грамматика Кирпичникова. Он начал учить русский экстерном и давал уроки, чтобы содержать себя.

В 1912 г. приехал к своему дяде в Америку, который жил где-то в штате Дакота. Дядя, преуспевающий коммерсант, тоже хотел сделать своего племянника «человеком», т.е. коммерсантом. Но племянник, которому была не по душе торговля, поблагодарил его и уехал в Питтсбург. Как все эмигранты того времени, работал он где приходилось, но больше всего с сигаретами (именно по этой причине стал заядлым курильщиком и таковым оставался до последнего дня). Эта работа ему надоела и к тому же наносила вред здоровью. Он покинул Питтсбург и переехал в Ист-Ливерпуль (штат Огайо), где работал короткое время.

В 1914 г. прибыл в Кливленд. Учил английский язык, начав с Шекспира, и другие дисциплины. Там Миллер познакомился с редактором ежедневной газеты «Идише вэлт»* и работал в ней в течение нескольких лет. Принимал также активное участие в общественной жизни: был членом правления «Пипл рилиф», создавал народные школы на идиш.

В 1922 г. из-за слабого здоровья Миллер покинул Кливленд и по совету врачей переехал в Лос-Анджелес (штат Калифорния), в котором постоянно проживал до кончины в 1958 г. Здесь он занялся литературной деятельностью и за этот период издал 13 больших содержательных книг на идиш. По мнению видных писателей и литературных критиков, Миллер считался одним из выдающихся писателей в идишистской литературе Америки. Из печати вышли следующие книги:

- 1.«Дэрсэйлунген»² – издательство «Фрайнд», Кливленд, 1921 г., 312 с.
- 2.«Блэтэр фалн»³ – Лос-Анджелес, 1926 г., 289 с.
- 3.«Ди шмалц-груб»⁴ – Вильно, изд. Б.Клецкин, 1933 г., 415 с.

---

1 В других источниках: Шая (или Исая)
2 «Рассказы» (идиш)
3 «Падают листья» (идиш)
4 «Яма жира» (идиш)

- 4.«А бляск ойф а тог»¹ – Вильно, изд. Б.Клецкин, 1935 г., 274 с.
- 5.«Мотивн»² – Лос-Анджелес, 1940 г., 284 с.
- 6.«Ройт ун шварц»³ – Лос-Анджелес – 1945 г., 319 с.
- 7.«Дор га-флоге»⁴ – Лос-Анджелес, 1946 г., 335 с.
- 8.«Штойб»⁵ – Лос-Анджелес, 1948 г., 349 с.
- 9.«Дор га-мидбор»⁶ – Лос-Анджелес – 1951 г., 535 с.
- 10.«Ин ди шварцэ пинтэлэх»⁷ – Лос-Анджелес, 1953 г., 383 с.
- 11.«Нэхтн»⁸ – Лос-Анджелес, 1956 г., 384 с.
- 12.«Хай-гелэбт»⁹ – Лос-Анджелес, 1959 г., 346 с.
- 13.«Скептише махшовэс»¹⁰ – Лос-Анджелес – 1959 г., 331 с.

Кроме вышеупомянутых книг, он публиковался в большинстве ежемесячных и еженедельных изданий на идиш, выходивших в тот период в США, Канаде и Аргентине, а также в «Ди голдэнэ кэйт»* в Израиле.

Более 200 заметок и больших статей на идиш и английском, в которых дана оценка его произведениям, появились до сего времени, согласно подробному библиографическому списку, составленному г-ном Ишуриным* в конце книги «Скептише махшовэс». В числе их авторов такие видные литературные критики, как Ш.Бикел*, Яков Ботошанский*, Яков Глатштейн*, А.Голомб*, Йоэл Энтин*, Ефим Ишурич, Мордехай Йоффе*, Ш.Лещинский, д-р А.Мукдони, Н.-Б.Минков*, Нахман Майзель*, Ш.Нигер, Мейлах Равич*, Э.Шрайер и др.

-
- 1 «На рассвете» (идиш)
  - 2 «Мотивы» (идиш)
  - 3 «Красное и чёрное» (идиш)
  - 4 «Разобщённое поколение» (иврит)
  - 5 «Пыль» (идиш)
  - 6 «Поколение пустыни» (иврит)
  - 7 «В мире букв» (идиш)
  - 8 «Вчера» (идиш)
  - 9 «Жил-был» (идиш)
  - 10 «Скептические мысли» (идиш)

Шмуль Миллер

... Строки, написанные Ш.Миллером, певучие сами по себе, являются произведениями музыкального искусства. Он как будто бьёт в камертон, прислушивается к звукам и на их основе создаёт музыкальную Библию. Кроме искусного прозаика, мы видим в нём современного музыканта, весёлого и ликующего. Он строит диалог аккуратно и ритмично, не переходя черты и не пользуясь слишком длинными выражениями, чтобы диалог не превратился в монолог. Своих героев он заставляет говорить таким монотонным языком, который не вызывает скуку.

Ш.Миллера как писателя мы не видели наряженным в праздничную одежду. Даже на праздничные дни смотрел он как на будни, но как художник был далёк от рутины и выходил за пределы близкого и видимого. Миллер обрёл свой собственный духовный мир. В этом мире живут праведники, подобные ему, вместе со злодеями. Весь этот духовный мир – собственность автора. Он сам планировал и описал его по своим критериям.

Миллер сосредоточил вокруг себя широкий круг читателей, хотя вкусы не у всех одинаковы. Путь его был особенным. Он вдыхал в себя в полном объёме аромат Америки. Американское дыхание, американский размах. Он знал американских мастеров прозы, учился у них и стоял у истоков их творчества, хотя не был их последователем. Поддавался их влиянию, но берёг собственную независимость, нуждаясь в ней ради своих героев.

Всё, что Миллер успел создать, борясь из последних сил за свою жизнь, является ценным литературным наследием, которому найдётся достойное место в храме нового еврейского творчества Америки.

Проза Миллера будет читаться и перечитываться. И каждый раз, когда мы возвращаемся к ней, она поражает нас новыми художественными проявлениями. Мы ещё будем удивляться, когда захотим проследить истоки этих чудесных произведений искусства. Эти произведения ковались и закалялись в его творческой кузнице, где он занимался ремеслом в предсмертной агонии ...

Э.Шрайер

«Дор га-мидбор» Ш.Милера (Штрихи звягельской жизни)

«Дор га-мидбор» – биографическое повествование, охватывающее драматические испытания трёх поколений евреев рассеяния.

Главный герой, вокруг которого разворачивается действие, Аврум Эфрос, выходец из бедной еврейской семьи, воспитывался матерью, вдовой Этель, и дедом Янкелем из села Березовки (Дубровки), недалеко от Звягеля. Тяжёлая жизнь семьи Эфрос накладывает отпечаток на дальнейшую судьбу Аврума. Красочно рисует Миллер сельскую панораму Волыни, мелодичность тихих вечеров и церковный звон колоколов. Он описывает евреев и неевреев. Мы находимся в плену дремлющих внутри нас настроений и ассоциаций, мелодии детства и родного дома.

Аврум, к удовольствию деда, учится в Звягельской ешиве, вдали от материнской ласки, сестры Рухл, приятелей-иноверцев. Ночлег в ешиве на жёсткой скамье, обед за чужим столом, время от времени письмо и посылка от мамы. Внутреннее беспокойство всё больше врзается в его душу. Священные книги, божественность, сомнения и раздумья заполняют его узкий духовный мир. Привлекательность первого любопытства исчезает. Священные книги теряют для него ценность. Атмосфера ешивы становится для него чуждой. Страдания углубляют в нём желание убежать от действительности и искать нечто, ещё чужое для него и не имеющее своего названия. Неясные мысли, бессонные ночи определяют его новый путь.

Учиться, просвещаться, поменять Талмуд на Сократа становится его новым идеалом. Он покидает ешиву и уезжает в Житомир, знакомится там с новыми людьми: студентами, рабочими и интеллигенцией. Его увлекает водоворот бурных социально-политических волнений. На это уходят лучшие юные годы. Он знакомится с бундовцем Лурье, на квартире у пекарши Леи впитывает в себя новые мечты. Переводит с русского языка революционную брошюру и пишет прокламацию к забастовке девушек-портних. Товарищ Лурье им доволен, взгляды Эстер ласкают душу. Он ощущает её близость. Её спальня – первый университет Аврума. В лабиринте сомнений и конфликтов Аврум становится пессимистом.

Постепенно начинает он разбираться в понятиях: мир и страна, еврей и человек, сионизм и социализм, политическая борьба и т.д. Сомнения и шатания принимают в нём всё более острые формы. Погромы становятся повседневным явлением. Почему учиняют погром только против евреев? В нём ещё сильнее углубляется внутренние противоречия. Однажды он видит, как пьяные люди убивают чистокровного русского за то, что тот помогает евреям, и ему непонятен последний возглас жертвы: «Я же не еврей!!»

Аврум увлечён потоком. В тюрьме он разделит судьбу своих товарищей. Страдания ещё больше облагораживают его чувства. Он ещё больше любит людей и сильнее ощущает ответственность за их судьбы.

Но как горько он разочарован, когда после двух лет заключения возвращается в Житомир и застаёт своих близких, включая прежнего кумира, учителя Лурье, сломленными. Аврум чувствует себя глубоко оскорблённым. Он видит вокруг себя руины. Семья его разрушена. Сестра Рухэлэ умерла от чахотки – отцовского наследия. Его гложет тоска по родному дому, матери и детству. Приехав в последний раз в село, он ищет следы вчерашних дней, которые уже стёрлись. Аврум уезжает в Америку к родственникам.

Сразу же начинается конфликт с окружением. Он не выносит их «олрайтизма»¹, не хочет быть торговцем вразнос, становится рабочим и хочет удалиться от семейного круга.

---

1 От англ. allright («хорошо»); выражение обретения благополучия у еврейских эмигрантов Америки

Звягель и окрестности (Отрывок из «Дор га-мидбор»)

1. Первый выезд¹

Только три сезона был в селе гемора-меламед*. Шлэймэ-Мордкэ больше не хотел быть компаньоном. Старшего он берёт в село. Всё равно Йосэлэ уже в люди не выбьется. И для Симхэ (один Бог знает правду) дардаки-меламеда* тоже достаточно. Шлэймэ-Мордкэ, конечно, хотел бы, однако ... А старый Янкель воевал со своей дочерью: в город она должна повезти его!

- Как так можно? – сетует она. – Взять крошечного ребёнка и увезти на чужбину?
- Парень-талмудист у неё крошечный ребёнок.
- Но где он будет кушать, спать, кто за ним присмотрит?
- Отдай его в ешиву. Будет у него и еда, и постель, и человеком он станет.
- В ешиве станет человеком? Он же завшивеет!

Тут уж старый Янкель разозлился:

- Так отдай его Ивану в свинопасы ...
- Несчастье моё! – ответила на это Этл. Она знала, что отец прав. Действительно, что Аврум будет делать без меламеда? Она принялась залатывать рубашки, заштопала чулки Аврума, сшила ещё несколько талес-котн* для смены ... и готовилась увезти своего ребёнка в ешиву. Хотел старик его повезти, но тут уже дочь заупрямилась: она поедет. Заодно уже привезёт немного товаров для лавки, с позволения сказать. Старик вынужден был уступить.

Когда Корней подъехал к дому, Этл уже шла в чёрном платье, на голове парик, на парике вязаная карданка. Аврум, наряженный в новый пасхальный костюм, был готов к поездке. Мать ещё наставляла Рухл, кто должен принести долг, кому нельзя давать в долг, даже если тот опухнет, велела присмотреть за коровой и потянула Авримэлэ*:

- Пошли, сынок. Попрощайся, пора уже ехать.
- Фур гизынт², – берёт его за руку дед, – будь хорошим мальчиком, учись хорошо и оставайся евреем.

Дед наклоняется, борода и усы касаются лица Авримэлэ. Впервые в жизни поцелуй деда. Руки вьются вокруг шеи деда, не отпускают его.

- Ну, ну, фур гизынт, – ворчит дед, освобождается от объятий внука и отворачивается. Застенчиво приближается Рухэлэ, держит наготове свою ручку, чтобы подать её брату.
- Ну, прощайся, – подгоняет его мать. Авримэлэ делает шаг навстречу сестре. Дети смотрят изподлобья и вдруг падают друг на друга. Слышится плач.
- Ну, тише, майн кинд³, я тебе привезу подарок.

Стоит Рухэлэ возле подводы, на которой уже сидит её брат, и тихо, судорожно плачет. Чем больше силится она не плакать, тем сильнее дрожит её тело.

- Зайт гизынт!⁴ Зайт гизынт! – воскликнула мать, скривив лицо, и губы Авримэлэ тоже шевелятся. Повозка тронулась. Слёзы полились из глаз Рухэлэ. Разразился плач. Старый Янкель сдвинулся с места и взял её за ручку.

1 В романе эта глава под номером 8

2 Езжай здоровым, счастливого пути (идиш)

3 Моё дитя (идиш)

4 Будьбе здоровы! (идиш)

– Ну, тише, не плачь, глупышка. Чего ты плачешь? Он же едет учиться.
Всклипывая, пошла она с дедом домой. У порога оглянулась. Нет повозки.

Миновав последний крест на краю села, Корней перекрестился, хлестанул лошадей ... Молчит Авримэлэ, смотрит на поля с обеих сторон. Столько полей, конца им не видно. Кто знает, долго ли ещё ехать. Вот лес, густой лес. Наверное, ещё нападут разбойники.

– Когда мы приедем в город?

– Скоро.

– Скоро?

– Да, ещё часа два.

Подвода стала подпрыгивать, сильно стучать. Лошади пошли быстрее. Корней получше уместился на соломенной сидушке, поправил меховую шапку. Мама тоже потянула карданку с обеих сторон лица. Это уже шоссе. До города ещё несколько вёрст. Аврум видит столбы с проводами и белыми чашками, сверху висят провода. В селе нет никаких проводов.

– Что это за провода?

– По проводам отбивают телеграммы.

– Как это отбивают телеграммы?

– Чего прицепился? Сиди, раз сидишь.

Сидит Аврум, и взгляд его блуждает от проводов к подводе, к людям на подводах, которые едут навстечу. Всё не так, как в селе. Мужики носят другие шляпы. Повозки тоже другие. Ему кажется, что каждый мужик, проезжающий мимо, смотрит с улыбкой на их подводу ... Появляются крыши. Красные, зелёные. Вот уже они в городе ... Такие красивые дома, а главное, крыши. Ни одной соломенной. И так много церквей! Уже миновали три церкви.

– Где ешива?

– В Нидере.

– А где Нидер?

– Увидишь.

.....

– Это ешива?

– Это заезжий двор, – бросила мать. Затем, обратившись к Корнею, сказала, куда тот должен ехать, что должен брать, и взяла Авримэлэ за руку:

– Пошли!

Он шёл за мамой, вертя головой, вытягивая шею по сторонам, оглядываясь или вовсе останавливаясь:

– Смотри, мама, смотри!

Мама взглянула и сердито потянула:

– Пошли!

Он начал вприпрыжку спускаться по ступенькам. Так много ступенек! Смотрит вверх. Ему хочется подняться и опять спуститься. Кто-то его толкнул. Он оглянулся и увидел лицо сердитого еврея. Мама потянула его:

– Что ты стоишь как истукан?

– Куда идут по этим ступенькам?

– Ты же видишь! В Нидер.

– Это Нидер?

– Разве не видишь?

– А сверху?

– Господи! Что этот ребёнок от меня хочет? Пошли, вот ешива.

Длинная узкая комната. По обеим сторонам большие столы, длинные скамьи. Сидя за столами, стоя возле стендеров, парни раскачивались, читали нараспев. Один из них расхаживал с раскрытой Геморой в руках, другой шёл ему навстречу и завивал пейс. Оба не смотрели, куда идут, однако не сталкивались.

Несколько учеников подняли глаза с Геморы, посмотрели на вошедшую женщину с ребёнком и опять принялись за учёбу. Этл стояла, глядела на один стол, второй, поправила карданку на голове и приблизилась к краю стола.

– Вы не скажете, где глава ешивы?

Ученик молча показал рукой. Когда Этл с Аврумом направились туда, он глянул им вслед.

Маленький еврейчик с тёмным лоснящимся лицом, чёрными, как смоль волосами, глубоко сидящими голубыми глазами и красноватыми ресницами. Из-под штраймл выглядывала синяя бархатная ермолка, доходя до затылка. На нём была широкая и такая длинная капота, что носки башмаков едва виднелись. Он подозвал Аврума.

– Как зовут тебя, бóхэрл?

Это «о» напугало Авримэлэ: бóхэрл?!¹

– Аврум, – ответила мать.

– А сколько тебе лет?

– Десять лет, чтоб он мне был здоров, – снова ответила мать.

Глава ешивы, маленький чёрный еврейчик, взял Авримэлэ за подбородок и приподнял его лицо.

– Ты что-нибудь знаешь?

Авримэлэ завертел головой и, освободив подбородок от пальцев еврея, кивнул.

– Что ты учил? – спрашивает строго глава ешивы.

– Почему ты не отвечаешь? Тебя же спрашивают!

– Бава Мециа*, – тяжесть спала с уст Аврума.

– Вместе с ребе?

Аврум кивает головой.

– А прочитать сможешь?

Авримэлэ смотрит на главу ешивы и не знает, что ответить. Глава ешивы делает несколько шагов. Авримэлэ замечает, что тот прихрамывает, вернее, волочит ногу. У него нет времени для обдумывания этого недуга. Мать использовала возможность, чтобы поправить ему фуражку на голове, и он слышит, как она шепчет на ухо: «Почему ты не отвечаешь, когда тебя спрашивают? Это же глава ешивы». Авримл чуть было не сказал, что этот глава ешивы – хромым, но увидел его с двумя книгами Геморы. Вот он разыскивает страницу ...

– «Шнаим охазин бэ-галит ...»²

Глава ешивы перелистывает.

– Достаточно! – прервал он посередине. Авримэлэ посмотрел испуганно.

– Это ты знаешь, – улыбнулся глава ешивы. – А это?

Он открыл вторую книгу. Это он не изучал с ребе.

– Попробуй сам.

Наверное, он имел в виду чтение?

– «Арбаа авот незикин, га-шор вэ га-бор, вэ ...»³

– Сколько времени ты учишь Гемору?

1 Парнишка (идиш); на волынском диалекте произносится: «бóхэрл»

2 «Двое держатся за края талеса ...» – из талмудического трактата «Бава Мециа», лист 2а

3 «Четыре основные категории нанесения ущерба: бык, яма ...» – из талмудического трактата Бава Кама, лист 2

- Три «сезона»¹, – ответила мать.
- Слишком маленький, слишком маленький, – глава ешивы закрыл глаза, начал гладить пейс и закончил смоляной бородкой.
- Ребе ...
- Тебе нужен будет хавэр, – сказал глава ешивы Авримэлэ. – С хавэром ты, наверное, сможешь учиться.
- Хавэр? – спросила Этл.
- Да, хавэр от «старшего стола»*, который будет переучивать урок.
- Пусть будет так, если нужно.

Глава ешивы подозвал Гершелэ Прицкера:

- Будешь его хавэром.
- Как Вам угодно, – сказал хавэр.
- Я думаю ..., – стала заикаться Этл, обращаясь к хавэру и главе ешивы, – это должно что-то стоить?
- Пять рублей за сезон.
- С глубоким почтением. Но, ребе, я имела в виду, я хотела спросить, как насчёт еды, постели?
- Это уже габэ обеспечит.

Волоча ногу, глава ешивы удалился танцующей походкой.

- Идёмте, я вам покажу, – предложил хавэр.

Хавэр, Гершл Прицкер, низенький коренастый парень с тёмными, табачного цвета волосами, лицом цвета меди с веснушками, редкой рыжеватой бородкой, в длинной капоте, из-под которой виднелись сапоги с широкими разъезженными голенищами, взял Этл и Аврума под свой надзор.

- Им нужны «дни»* и ночлег, – сказал он габэ Шае-Ушеру², указывая на Этл с ребёнком. Шая-Ушер рассеянно взглянул.
- Ну, хорошо, получите «дни», ночлег, а сегодня он переночует в ешиве.
- Нет, сегодня он ещё будет спать со мной.
- Хорошо. Завтра закажем «дни», ночлег, всё закажем. Пять пятиалтынных* за «дни» и полрубля за ночлег.

Этл направилась к двери и, заслонившись в простенке, достала завязанный узелками платок. Из одного узелка вынула серебрянные монеты и дала Шае-Ушеру, из другого вынула пять золотых рублей и дала Гершелэ Прицкеру.

- Присматривайте, чтобы он учился.
- А как же, а как же! – он провёл их до дверей.

Угоревшим вышел Авримэлэ из ешивы, пошёл назад в заезжий двор. Там он поужинал ... Одно слово занимало его: ешива, ешива. С этой мыслью он и уснул.

Мама разбудила его.

- Позавтракай, пойдём в ешиву. Мне нужно ещё сделать покупки и ехать домой.

Свежие городские бублики. Он разломал с любопытством один бублик, надкусил, жевал с удовольствием. Мать, перекладывая тем временем его вещи, сказала:

- Ты должен каждую неделю менять рубашку, слышишь? И мыть голову ...

Авримл застыл с непроглоченным куском во рту. Полились слёзы, он разревелся.

- Чего ты плачешь? Что за плач ни с того ни с сего?
- Я не хочу! Не уезжай!
- Дурачок! Что значит: не уезжай? А Рухэлэ? А дед? Шая-Ушер даст тебе кушать, позаботится о ночлеге. Будешь хорошим мальчиком, выучишься, вырастешь, с Божьей

1 Полтора года

2 В романе: Мойше-Ушер

помощью, станешь раввином. Ешь, нам пора идти.

– Не хочу!

– Что ты не хочешь? Если будешь так безобразничать, тебя вышвырнут. Ну, тише, майн кинд! Видишь? – она взяла пять гривенников, завязала в конец платочка. – На, это тебе будет, чтобы купить бублик, яблоко, грушу. Смотри, не потеряй.

Она вытерла ему глаза другим концом платочка, поправила шапочку на голове, застегнула курточку.

– Пошли, сынок.

Она повела его в ешиву, разыскала там хавэра, передала ему вещи сына:

– Присматривайте за ним, прошу Вас. Он у меня один-единственный.

Гершл Прицкер взял узелок, ждал. Мама нагнулась, чтобы поцеловать ребёнка:

– Будь хорошим мальчиком, слушай ребе, хавэра и не бегай. Зай гизынт, сынок!

И вновь поцелуй, продолжительнее прежнего. Она оторвалась от него, вытащила платочек, но больше не оборачивалась. Авримэлэ видел удаляющуюся мамину спину и не мог сдвинуться с места, идти за ней, бежать вслед. Он не мог открыть рот и выкрикнуть: «Мама!!» Что-то застряло у него в горле.

– Пошли! – потянул его за руку хавэр Гершл.

2. Дни и ночи

Семь дней – семь столов. Шая-Ушер завёл Авримэлэ в дом:

– Это ешиботник. Он будет у Вас кушать по вторникам.

Несколькими словами перемолвился с хозяйкой и ушёл. Хозяйка разглядывала Аврума:

– Ну, иди мойся.

Аврум не знал, куда идти, и не мог сдвинуться с места.

– Кружка там.

Она указала ему на сени. Он умылся, вытер руки влажной тряпкой. Хозяйка тем временем наполовину накрыла кухонный стол, положила нож, вилку, хлеб, поставила блюдце с солью. Аврум произнёс благословение над хлебом.

Пар поднимался над мисочкой кулеша*, которую хозяйка выставила перед ним ... Запах говяжьего жира ударил Авруму в нос. Ему стало нехорошо. Он зачерпнул полложки, хлебнул, положил ложку, глянул, не видит ли хозяйка, снова взял ложку, черпал понемногу, съел много хлеба, чтобы перебить вкус жира в кулеше, и, в конце концов, отложил ложку.

– Почему ты не кушаешь?

– Я не голодный, – промямлил Авримл.

... Хозяйка быстро забрала мисочку, поставила на топчан*, что-то пробубнила и подала кусочек мяса с фасолью. Аврум порезал мясо на маленькие кусочки ... Прибежала девочка. Увидев чужого за столом, подошла к маме, взяла её за юбку и тихо спросила:

– Мама, кто это?

– Ешиботник. Отстань!

Она выдернула юбку из ручек ребёнка, подошла к столу, ловко отрезала две горбушки от целого хлеба, откуда-то из заднего кармана вытащила 4 гроша*:

– На! У меня нечем намазать. Купишь что-нибудь на базаре.

... На обратном пути Аврум глядел во все стороны, определяя по домам и лавкам, верно ли идёт в ешиву. В начале он сбился с пути¹... Глазами и ногами искал, почуял и

---

1 В романе иначе

нащупал дорогу в ешиву.

Когда Аврум пришёл, хавэр Гершл Прицкер спросил, чем он был так долго занят. Где его «день», на какой улице?

– На какой улице? Не знаю.

– Тогда как ты попал?

– Нужно идти вдоль телеграфных столбов до поворота.

... Первый стол должен был только что начать «Кидушин»*. Утром ученикам давал урок раввин Тэвье. Он стоял, опираясь на стендер, и говорил тихо, мелодично, как бы самому себе. Однако ученики прекрасно слышали. Аврум тоже слушал урок. Но он слышал только звуки. Слова не проникали в сознание. Он был сильно поглощён внешностью ребе. Такой красивый еврей. Седые волосы. Из-под ермолки выступал высокий лоб с буграми. А пейсы словно рожки. Вот ребе погружает палец в пейс, завивает его, не прекращая обучения. У кого-то упала Гемора. Ребе отрывает глаза от стендера, обводит взглядом лица учеников, ловит взгляд Аврума и внимательно смотрит на него. Аврум опустил глаза в Гемору. После урока ребе подозвал его:

– Как тебя зовут, мальчик?

– Аврум, – так легко звучит ответ. Не то, что у главы ешивы. Тот сказал: «бохэрл». Ему больше нравился ребе.

– У тебя есть хавэр? – спрашивает ребе. – Я ему скажу, чтобы он с тобой начинал с начала. А если у тебя будут трудности, что-то не будешь знать, не стесняйся, подходи ко мне и спрашивай.

Ребе ущипнул его за щёчку и принялся за стакан чаю. Аврум исподлобья поглядывал на ребе, видел его щёки. На скулах, сразу под глазами, проступали красные, вернее розовые, похожие на клубнику пятна. А лоб белый, синеватый, словно снятое молоко. Такой красивый лоб, такие большие бугры! Нужно хорошо учиться. Ему нравился ребе. Он говорит так тихо, так ... хорошо ...

Аврум почувствовал вдруг, как у него под грудью что-то выхолостилось и тянет, так тянет, словно клещами. Он закрыл Гемору, стоял у края стола ... Мимо проходил Здолбуновер, и у него Аврум купил кусок селёдки.¹

– Захочешь чай, – сказал Здолбуновер, – зайдёшь к Суре здесь во дворе. У тебя есть чайничек? Можешь купить кипяток и сам заварить чай. Нет? Будешь там пить. стакан чая с сахаром стоит 1 копейку.

Аврум ел хлеб с селёдкой, пил чай. Селёдка была вкусной, чай обжигал губы, горло, но он пил с удовольствием. Вырос уже, ест и пьёт в чайной, как все, как взрослые ... Но где же спать? Он стал искать Шаю-Ушера. Засуетившись, еле его нашёл. Шая-Ушер остановился и поднял плетёную трость с круглым набалдашником. Аврум аж испугался.

– Ах, это ты, Мизыныкл²! У меня ещё нет для тебя ночлега. Пока будешь спать в ешиве.

Аврум стал искать место для ночлега. Нигде не было никаких признаков постели. Позже он увидел, как парни тащили откуда-то со двора мешки с соломой, одеяла с выпирающей ватой, старые пальто. Всё это сваливали на столы, выгребали Геморы, стелили и раздевались ... Аврум ничего уже во дворе не нашёл, что подстелить или чем укрыться. Он снял курточку, жилет и сделал из них изголовье на скамье. Брюки снять постеснялся и улёгся в них на скамью, накрыл полголовы шапкой и пытался заснуть. В бедре начало давить. Он перевернулся на другой бок. И в **этом** бедре тоже давило. Он лёг на спину и накрыл лицо³ ... Сна ни в одном глазу. Перед закрытыми глазами мелькают дед, Рухэлэ, мама, дом, улица ... Вот стоит он возле дома. На улице тепло, светло ... Здесь

1 В романе иначе

2 Младшенький (идиш)

3 В романе иначе

так холодно, так жёстко, так ...

Аврум уснул весь в слезах. Вот сидит он на завалинке с дедом. Девушки идут с поля, поют, увидели его и говорят: «Пошли, Аврамко, дадим тебе семечек». Он хочет подняться. Дед держит его за руку: «Куда?» – и сажает обратно. Он проснулся, глазами ощупывал пространство, желал понять, где находится. Уже сообразил, что находится в ешиве, спит на скамье, но ему казалось, что вся комната перевернулась. Он не знал, где входная дверь. До него доносился напев: «Вэ-им тимци ломар ... Ай, вэ-им тимци ломар ...»¹

Городокер нёс вахту. Мелодия проникала в уши, раскрывала глаза. Он уселся на скамью. Перед глазами колыхался дрожащий свет свечи, качалась тень. «Вопрос не разрешён, остаётся затруднение», – пропела тень, выпрямилась, развела руки назад.

Аврум снова лёг. Целую ночь учит Городокер. А когда он спит? Учит днём и ночью. Нужно много учить. Он ещё так мало учил ... Нужно учиться, пока не будешь знать всё.² Он ощупал себя возле груди. Там лежат пять гривенников, которые оставила ему мама. Вот они. Он будет их беречь, никто их у него не украдёт ... Аврум уснул.

3. Привет из села

В дверях ешивы стоял Корней, держа под рукой набитый до отказа мешочек. Второй рукой снял шапку. Если бы у него была третья рука, он бы ею перекрестился, заходя в святой дом: жидовский, но всё же святой. С почтением к жидовскому святому дому ... кланяется он перед первым ешиботником и спрашивает:

– Где здесь Аврамко?

Ешиботник уставился на него, пожал плечами, подозвал ещё одного ... Завязался разговор. Из смеси украинских и еврейских слов выяснилось, наконец, что этот необрезанный ищет Мизыныкла – так называли Авримэлэ ... Раздались крики: «Мизыныкл! Мизыныкл!»

... Увидев Корнея среди ешиботников, подбежал Аврум, прижался к нему и, насколько доставали руки, обнял. Его лицо тёрлось о свитку Корнея. Тот погладил Аврума по шапке. – Мама гостинец прислала, – тут Корней опустил мешочек, обхватил руками лицо Авримэлэ, стал разглядывать. – Ну и вырос ты, Аврамко! Большим хлопцем стал. Скоро будешь раввином, а?

Аврум крутил узел мешочка, стеснялся открывать, посмотреть, что там. Его смущало, что Корней, гой*, пришёл к нему в ешиву. А так хотелось увидеть, что прислала мама, поговорить с Корнеем, посидеть у него на коленях, как бывало зимой дома.

– Как поживают мама, дед, Рухэлэ?

– Все они здоровы. Лыса отелилась, родила красивую тёлочку. Похожи друг на друга как две капли воды. Мамка говорит, что будет её выращивать.

– А когда Вы едете назад?

– Сегодня. Приехал на ярмарку. Мама просила привезти письмецо.

Аврум разглядывал длинную комнату. Не найдя уголка для себя с Корнеем, вывел его во двор и посадил за кладовкой. Затем открыл мешочек, вытащил оттуда круглый кусок масла, завернутый в мокрую тряпку. Под тряпкой – зелёные листья. Масло твёрдое, насечено ложечкой, почти завитками. От треугольного куса творога сразу же отломил кусочек, положил в рот, закрыл глаза, жевал зубами и губами. Лот* чаю, кулёк сахара, кихлики, коржики. Он предложил Корнею кихлик.

– Боже упаси! Это мама послала тебе.

1 И если сказать главное ... Ай, и если сказать главное ... (ивр.)

2 В романе иначе

– Ну а стакан чаю вприкуску?

– Это другое дело. От стакана чая русский человек не откажется.

Аврум завёл Корнея к Суре в чайную, взял большой жестяной чайник с кипятком, заварил чай, который прислала мама, выложил кирпичики сахара, несколько кихликов. Корней налил чай в блюдце, дул, пока чай не пришёл в волнение, кусал мелкие кусочки сахара и пил.

– У тебя гость? – сказал, посмеиваясь, Шимшен Колкер, ешиботник, который просиживал больше у Суры в чайной, нежели за Геморой.

– Да, мама с ним прислала мне кихлики, ещё кое-что. Хочешь кихлик?

Шимшен Колкер держал кихлик возле рта кончиками пальцев, разглядывал, убеждаясь, что это настоящий еврейский кихлик, с сахаром и корицей ... и проглотил большой кусок. Глаза его шарили по мешочку: что ещё там лежит? Когда Аврум удалился за чернилами и пером, он стал украдкой лезть в мешочек. Корней как раз выхлебал блюдце чая, поднял голову, чтобы налить второе, и в это время увидел Шимшена возле мешочка.

– А ты що?

Шимшен вздрогнул, оторвал от мешочка обе руки, заносчиво сказал: «А гой, а хазэр»¹ – и ушёл обиженный.

... Когда подошёл Аврум, Корней указал ему на мешочек:

– Спрячь, сынок!

– А что?

– Так, – ответил Корней.

Аврум посмотрел на парней, понял, что случилось нечто, но больше не спрашивал.

Впервые в жизни пишет он письмо. И не одно, а два. Первое – маме:

«Моя дорогая милая мама! Во-первых, должен тебе сообщить, что я, слава Богу, здоров. Дай Боже, то же самое слышать от тебя. Аминь. Во-вторых, даю тебе знать, что мешочек с маслом, творогом, кихликами, коржиками, чаем и сахаром я действительно получил и очень благодарен тебе за это. Но больше не посылай мне, ибо я обеспечен всеми “днями”. Есть у меня и хороший ночлег. Мне всего хватает. А как поживает Рухэлэ? Корней говорит, что Лыса родила тёлочку. Не продавайте её, я хочу посмотреть. Твой верный сын Аврум».

И деду:

«Кавод зкени га-якар га-нихбад кавод шем тиферето мори га-рав Яаков наро яир.² Во-первых, должен тебе сообщить, что я, слава Богу, жив-здоров. Дай Боже, то же самое слышать от тебя. Аминь. Во-вторых, знай, что я уже выучил почти весь “Кидушин”. Скоро мы начнём “Гитин”*, и никакой хавэр мне уже больше не нужен будет. Я уже читаю. Учю наизусть десять листов Геморы в неделю. Каждый четверг несую вахту, и ребе говорит, что, с Божьей помощью, в следующем сезоне я, может быть, перейду ко второму “столу” и буду учить Гемору с комментариями.

Твой внук Аврум.»

Старый Янкель разглядывал письмо внука. Надел очки, посмотрел сквозь них сверху вниз, поднял голову, держа письмо далеко от глаз, вертел в одну сторону, другую. Затем медленно сложил его, спрятал во внутренний карман жилета, туда, где раньше лежал большой кошелёк, взял палку и пошёл к Мэйше-шойхету, чтобы тот прочитал.

Когда внук приехал домой на йомим нойроим и, как обычно, помогал ему снять перед сном сапоги, старик пытался его оттолкнуть: «Пусти, я сам», – однако сильно не

1 Мужик, свинья (идиш)

2 Дорогому уважаемому деду, почёт его славному имени, моему наставнику Янкелю, да светит его свеча (ивр.)

противился. Хорошо быть дедом, когда внук, знаток святого Писания, изучающий Талмуд с комментариями, разуваает ему сапоги. Так должно быть. В субботу, во время прослушивания, он сидел и слушал, как внук красиво читал нараспев Талмуд, произносил так ровно, без запинки. Он переводил свой взгляд от внука к Мэйше-шойхету: «Ну, что скажете, умеет?»

– Молодец, – вынес суждение Мэйше-шойхет, – светлая головушка. Вырастит, с Божьей помощью, большим человеком, – и, как обычно, велел дать шабэс-ойпс*...

Во время шалэшудес голос деда звучал так печально, но так мягко и сладко: «Бней гейхала дихсифин лемехезей зив бизеэр анпин, йегон гаха бегай така девэ малька бэгилуфин. И, цву лахада ...¹ Ой, Отец Небесный ...»

Старый Янкель не понимал того, что говорит. Закат человеческой жизни, однако, сливался с субботним вечером. Жизнь – на исходе, и этот печальный напев выражал сердечную мольбу: Господи, подари мне ещё немного суббот! Дай мне дожить и увидеть его евреем, прежде чем отворятся врата рая или, Боже упаси, ада, прежде чем зажгут свечи ... позволь мне быть среди евреев ... Ах, Отец Небесный!

Тяжело было в этот раз старому Янкелю уезжать на йомим нойроим. Когда она разрешит ему взять с собой ребёнка, пойти с ним в бес-медреш? Но она как ни как мать. Старик сам уехал в город, а мать смотрела на сына, слушала, как он учит. Вырос, не сглазить бы, вытянулся. Уже такой высокий, как Рухэлэ. И кудри начали виться. От неё унаследовал. Тоже потемнели, но выцвели немного. Подносит она ему стакан молока:

– На, сынок, попей. Только что из-под коровы, ещё тёплое. Там ты этого не имел.

Сынок делает маме одолжение, тянет молоко из стакана, еле разомкнув губы.

– На здоровье, – желает ему мама. – Может, ещё стакан?

– А я не хочу молока! – раздражается теперь сынок.

– Ну, тише-тише, – умоляет мать.

Для мамы – сын, для сестры – большой брат. Она-то старше его, но большой – он. Стоит сестра, смотрит на него, умоляет взглядом: «Пошли! Не играть, для этого ты уже большой. Расскажешь мне о большом городе».

И большой брат рассказывает о большом городе. Какие там удивительные вещи! ... Смотрит Рухэлэ с почтением на своего большого брата. Но у неё есть село. Она покажет ему своё село. Может быть, пойти нарвать осенних грушек? Она позовёт также Йосэлэ, сына Шлэймэ-Мордкэ ... И Аврум вместе с Рухэлэ и Йосэлэ рвал осенние грушки и ложил гнить в сено. Познакомился с Юзиком ... целовал телочку и, тем не менее, учил каждый день лист Геморы. Три раза молился, произносил благословения и читал «Шма». А в канун Рош-а-Шонэ, когда он мамой и сестрой пошёл в синагогу в доме Мэйше-шойхета, молил маленький еврейчик Бога, чтобы Он простил его за грехи, выпрашивал хорошего года ... У мамы на глазах появились слёзы. Но она не плакала, лишь сердце млело от удовольствия. В этот праздник она не испытывала недостаток мужчины в доме, её сын вёл застолье.

– На Йом Кипур буду поститься.

– Ты же не накладываешь тфилин.

– Это ничего.

– Брось, глупенький, ты ещё очень маленький.

– Я не маленький.

Улыбается мама:

– Постись, постись.

– Вот увидишь, я буду целый день поститься.

1 «Обитатели дворца, жаждущие лицезреть сияние “малого лика”, пусть соберутся здесь на трапезе, отмеченной печатью Владыки. Ой, ликуют они ...» (ивр.)

Рухэлэ он доверил тайну: он даже не пойдёт спать домой, будет ночевать в синагоге.

Зал Мэйше-шойхета, большая длинная комната, служившая по субботам и праздникам сельской синагогой, нисколько не была похожа на синагогу, хотя там молилась вся Дубровка¹. Но как только пол устилали сеном, а на столы, стулья, окна ставили ящички и горшочки с большими восковыми свечами, зал становился молитвенным домом. Не только пол, но и стены с потолком обрели покров. Правда, не из сена, а из дымчато-мягких теней зелёных ковров, отчего в синагоге стоял лёгкий сумрак. Качаются бурые огоньки восковых свеч. Несмотря на их сияние, сумрак становится глубже, плотнее, ужаснее. Ни одна соломинка не пошевелится. Свеча боится трещать. «Господь всех миров, Отче милосердный и прощающий ...» Из женского отделения синагоги, второй комнаты с открытой дверью к мужчинам, уже слышен плач, всхлипывание. Дети серьёзные. Перестают двигаться талесы ... В женском отделении тоже умолкает. Одна женщина заходится в тихом плаче. Когда она вытерла глаза, ещё слышен проходящий плач, а затем – тишина.

Тишина вызывает дрожь. Качается пламя свечей. «С согласия Господа ... и с согласия общества ...» Снова сдержанная тишина, приглушённый плач, скупые слова, вздохи, только шойхет, он же хазан, говорит «Кол Нидрэй». У него нет голоса, молитвы он произносит навзрыд. Но мелодия «Кол-Нидрэй» усиливается, и хазан тянет: «А-а а-а а-а». Молящиеся не могут отделаться слушанием, они подпевают. Во второй раз говорит также народ, а в третий раз хазан уже совсем лишний. Во второй раз говорит также народ, а в третий раз хазан уже совсем лишний. Во время майрив* все преграды сняты. Оживлённо, с охотой молятся мужчины: «Ой, увэхэн тэн пахдэха ...»² Громко плачут женщины. Вырывается: «Ой, татэ зисэр»³, – и слышен не только «ал хет»*, но и удары кулаков по груди. Зато перед «Ялот»* молятся уже нежно, душевно. Просят, но у Отца доброго, Бога милосердного и любимого ...

Ужас, страх, страдание, покаяние, сожаление, благоговение, жалобы, надежда – на этих волнах качается народ. Хорошо не только надеяться, сладостно просить. Хорошо даже чувствовать себя грешным, бить себя «ал хет».

Авримэлэ было так хорошо во время молитвы, что он даже забыл о том, что находится один в синагоге, без деда, без мамы. Лишь когда она, заплаканная, просунула голову в мужское отделение и принялась искать своего ребёнка, он спохватился. Она как ни как мать, хочет, чтобы сын шёл домой. А он желает остаться, произносить «Шир га-Ихуд»*, Псалмы.

– Глупенький, ведь все идут домой.

– Не все, я хочу остаться.

– Пошли, сынок, будешь произносить дома.

Рухэлэ крутится возле него, трётся об него как котёнок. Недовольный идёт он домой.

После теплоты синагоги дома так холодно, так тяжело. Тишина. Лишь одна горящая свеча, которая будет светить целые сутки, распространяет вокруг себя немного света и тепла. При свете этой свечи Аврум сидя произносил Псалмы, «Шир га-Ихуд». Всю ночь он будет сидеть, нести вахту ... «Я стал бы петь и воспевать пред Господом ... Радуюсь я слову Твоему ... Всё семя Яакова, прославь Его! ... А свечи на светильниках ...»⁴

– Ой, вэй из мир, винт из мир! Ой, а цурэ из мир, а шлак из мир! Ой, вэй из мир, винт из мир ...⁵

1 В романе: Березовка

2 «Ой, итак, внуши страх перед Тобою ...» (ивр.)

3 Соответствует русскому выражению «Отец Небесный» (идиш)

4 Цитаты из Тегилим (Псалмов) 27:6, 119:162, 22:24 и «Шир га-Ихуд»

5 Соответствует русскому выражению «Горе мне!» (идиш)

Мучительные причитания извивались, качались, приближались. Авримэлэ умолк, прислушался. Рука нашупывала щеколду снаружи.

– Мама! – крикнул он.

Этл босая прибежала из спальни. Рухэлэ держалась за неё.

Дверь открылась. Человеческая фигура, закутанная в шаль, упала возле порога.

– Фрима-Лея! Фрима-Лея! Господь с Вами! Что? Что такое? Аврум, Рухэлэ! Воды!

– Вэй из мир, винт из мир! Нет! – она оттолкнула от губ стакан с водой. – Ой, а цурэ из мир! Она всё-таки убежала с шейгецом! – этим выкриком было сломлено её последнее сопротивление. Она упала. Этл еле подхватила её. Ввалился Гидале-сапожник, муж Фримы-Леи, застыл с открытым ртом, смотрел на свою жену и медленно опускал голову.

К Кол-Нидрэй их единственная дочь Гитл, девятнадцатилетняя девушка, убежала с Миколой из Липовки. Этл пыталась утешить:

– Откуда Вы знаете? Может быть ... может ...

– Она убежала! Вист ын финцтэр занэн майнэ юр!¹ – Фрима-Лея больше стонала, чем говорила. – Забрала всё из дому, постель, до последней нитки. Что же делать? С чего начать? ... Спасайте моего ребёнка! Гидале, что ты стоишь? Почему ... – не закончив, она зашлась плачем.

– Пойди, Аврум, позови Зейделя! – приказала мать.

Аврум встрепенулся. На него напал страх. Он не только боялся выйти за порог, но даже боялся сказать маме о своём страхе. Бросился наружу, не глядя, бежал, как только ноги несли, и изо всех сил постучался в дверь Зейделя.

Зейдель запряг лошадь в телегу (Мэйше-шойхет разрешил), Фрима-Лея села, и поздно ночью они поехали к попу в Липовку вызволять дочь.

Авримэлэ уже больше не произносил «Шир га-Ихуд». Он лёг в кровать деда, накрылся с головой, но уснуть не мог. В ушах звучали крики Фримы-Леи.² Сейчас она едет. На Йом-Кипур. Выкрестили. Что значит выкрещенная?

К «У-нэтане токэф ...»^{*} в синагоге вдруг раздалось всхлипывание, рёв, который заглушал все другие рыдания. Все оглянулись: Гидале-сапожник. Лица не видно. Но чувствовали, что это Гидале-сапожник.

– Ну и ну, – сказал кто-то. Гидале умолк. Тело под талесом металось, двигалось. С талесом поверх глаз направился он к двери. Сел возле двери, прислонился спиной к стене, опустил голову, не проронив ни слова. Лишь к началу «неила», когда хазан произнёс: «Ой, вэй, птах лану шаар»³, – раздалось крики: «Он в обмороке! Он в обмороке!» Кто-то поднёс к носу Гидале пузырёк. Он скривился, открыл глаза, оглядел всех, махнул рукой, поднялся и, не сняв талес, направился через всё село домой.

Поздно вечером, когда ... все уже спали крепким сном, выпросив «хорошей подписи», вернулась Фрима-Лея.

– Ты? – спросил Гидале, услышав, что кто-то открывает дверь, и быстро встал.

– В потёмках?

Голоса супругов, родные, долгие годы знакомые, зловеще сталкивались во мраке. Фрима-Лея зажгла пятилинейную лампу*. Тени стали прыгать, и Гидале вонзил в них свой взгляд. По лицу жены он хотел узнать, какую весть она привезла. Фрима-Лея молча взяла ящичек с песком из-под выгоревшей поминальной свечи, и Гидале казалось, что она делает это нарочно медленно, ему назло.

– Ну, говори уже! Ты что, онемела?

Фрима-Лея застыла с ящичком в руке.

1 Соответствует русскому выражению «Какая я несчастная!» (идиш)

2 В романе иначе

3 «Отверзны нам врата ...» (ивр.)

– Что я тебе должна сказать?

– Видела?

Фрима-Лея сделала шаг, поставила ящичек с песком на пол. Глаза Гидале следили за её движением.

– Не пустили! – словно в ящичек с песком промолвила Фрима-Лея и, выпрямишись, уже сказала мужу: – Возле ворот стояли с топорами, травили собак ... Еле пробилась к попу, упала ему в ноги ... А он ... «Ты, грешная жидовка, должна благодарить Бога за то, что спасена одна душа ...»

– Язву ему в кишки! Чёрт бы его побрал! ...

Оцепенение, в котором пребывал Гидале с тех пор, как вернулся из синагоги, внезапно прошло. Всё его тело содрогалось. Руки судорожно вцепились в край стола. Одна рука потянулась и рванула воротник. Но легче не стало. Наоборот, в горле так пересохло, что он буквально ощущал кожу изнутри. Шагнув к бочонку с водой, зачерпнул кружку, выпил до дна и быстро поставил. Его прошиб пот, всё тело размякло. Вот-вот он свалится.

– Мойся. Идём кушать.

Руки тряслись. Тем не менее, Фрима-Лея положила выпеченную накануне Йом-Кипур халу, поставила тарелку с холодной капорэ-индл*. Когда начала кушать, кусок застрял в горле. Кашель смешался со всхлипыванием. Она не могла ни проглотить кусок, ни издать звук, хрипела с открытым ртом и кистями рук сотрясала воздух. Гидале поднёс кружку с водой.

– Возьми!

Фрима-Лея взяла кружку обеими руками, но не могла донести до рта. Когда Гидале взял кружку и прислонил её ко рту Фримы-Леи, зубы её стучали о кружку.

– Пей! Пей!

Голос Гидале звучал резко, повелительно. Его рука гладила её спину, просила: пей. Фрима-Лея овладела собой, сделала сначала маленький глоток, потом стала жадно пить и, в конце концов, оттолкнула от себя кружку ... Гидале сел.

Муж и жена молча сидели и ели. Было так тихо, что они слышали не только движения своих челюстей, но и полыхание пятилинейной лампы на столе. Перед глазами прыгали тени, а по дому ползала зелёная змея и шипела: «Шмад! Шмад! Гешмадт!»¹

4. Скользящий лёд

Жидкая грязь Нидера, блестящая, серая и скользкая как слизь, задрипавшая у всех брюки, платья, верхние и нижние юбки, была скована морозом. На твёрдых комьях стелился мягкий, мелкий как мука снег. Зимние холодные дни, пронизывающие насквозь суровые ночи.

Летом Аврум ночей не ощущал. Когда темнело, ложился спать, учил лишь во время ночной вахты. Зимой вечера большие, учатся допоздна. На улице жгучий мороз или вовсе пурга. В ешиве тепло от печки, ламп и свечей, учащих. Так тепло учиться. «Говорит Абайе, говорит Рабба, школа Шамая запрещает, школа Гилеля разрешает. То есть ... И если сказать главное, и нужно разрешить спорный вопрос». Как раз наоборот, под конец вопрос не решён, и остаётся затруднение. Аврум учился плавать в море Талмуда. Большие, тяжёлые, сильные волны заливают его, не под силу ему, но он не поддаётся, плывёт. Идёт огромная волна. Он окунулся с головой, сморщил лоб и всплыл.

Аврум – пловец. Из-за купания в субботу ему на том свете придётся плавать в огненной реке. Так сказал магид. Но йецер-оро* одолевало его. Находясь вблизи реки, он

---

1 «Вероотступничество! Выкрещена!» (идиш)

спускался, шёл только окунуться и плыл. И так всё лето, даже в те девять дней. Купался возле Красного Камня, Мёртвого Камня, Малой Ядыки и Большой Ядыки, возле купален. Где его только ни носило! Грешил, тяжело грешил. Зато сейчас, зимой, плавает он в море Талмуда. Учит с охотой, с огоньком. Проучил день и вечер, идёт «домой», в Чернобыльский клоиз, и садится за печкой. Там он каждый раз встречается евреев, которые сидят, учат и рассказывают истории.

... Язычок неугасимого огня* погружается в темноту. Капли воды из умывальника измеряют время, нарушая ночную тишину. Шорох, движение. Это должно быть в женском отделении синагоги. Аврум лежит. Вся синагога качается с каждым его сердцебиением. Он дрожит от рассказов, которых наслушался,¹ и беззвучно молит Бога: «Сжался, оберегай меня, я буду каяться, учить, молиться сосредоточенно».

Он молится с первым миньяном. На улице светает. Замёрзшие, заспанные евреи жмутся к кафельной печке, греют руки, спину, трутся, зевают, молятся спереди, перебрасываются словами: “Жгучий мороз! Кусает!” А Шимон-шойхет, Фейерберг² ... не стоит возле печки, не греется, не говорит о морозе. Вошёл с палкой в руке и талесом под мышкой, поцеловал мезузу* и пускается в город походкой, которая не говорит о сне, холоде или тепле, о том, что он встал с постели и вышел из дома. Он в Чернобыльском клоизе, у себя в городе, наследовал от своего отца, деда. От него никто не унаследует. У него йорцайт* по сыну, Мордехаю-Зеэву.³ На похороны сына он не ходил, а йорцайт справляет. Пьют «тикун»*, желают: «Да вознесётся душа». Рэб Шимон молчит.

По дороге в ешиву видит Аврум мальчиков в мундирчиках из серого сукна. На спине чёрный ранец с книгами. Некоторые несут стальные коньки, переброшенные через плечо, другие же катаются на коньках, направляются в школу. Как они гоняют! Ногой вправо, влево, разгоняются, становятся прямо, навытяжку, и едут. Если бы он умел кататься! Ещё научится ...

«Если встретился тебе этот мерзавец, тащи его в бес-медреш».⁴ Аврум опомнился: он грешит. Дурные мысли. Ведь он же обещал покаяться? Идти в ешиву и ... кататься на коньках. Он ускоряет шаг. Учиться, учиться.

Рэб Тэвье уже провёл урок, ходит по ешиве, завивает пейс, глядит вокруг себя и ловит взгляд Аврума:

– Хочешь что-то спросить?

– Здесь у меня затруднение.

Рэб Тэвье наклоняется, объясняет, смотрит на него. Авримэлэ спохватывается:

– Ребе ... – густая краска заливает его лицо.

– Что, дитя моё?

– Ребе ... кататься на коньках можно?

– Кататься на коньках, – начал р.Тэвье мелодично, – это для иноверцев. В Торе написано: «И по установлениям их не ходите».⁵ Еврейские дети должны учиться. Кататься на коньках грешно. Увы, многие еврейские дети катаются, да к тому же в субботу. Но это грешные души, заблудшие овечки. Они не ведают, что творят. Пусть сжалится над ними Всевышний. Ты же, дитя моё, кошерный еврейский мальчик, должен сидеть над Торой и служить Господу. А если придёт йецер-оро и будет подговаривать тебя сделать худо, делай так, как сказано в Геморе: «... Учили в школе танна* р.Ишмаэля: сын мой, если встретился тебе этот мерзавец, тащи его в бес-медреш». Учи, дитя моё. Видишь? – он

---

1 В романе иначе

2 В романе иначе

3 В романе иначе

4 Из талмудического трактата «Кидушин» 30b

5 Ваикра (Левит) 18:3

открыл титульный лист. – «Переворачивай её постоянно»¹. Здесь ты найдёшь всё, только учи.

После этого рэб Тэвье ущипнул его слегка за щёчку и отошёл от стола. Аврум посмотрел вслед ребе. Как тихо тот говорит и как хорошо. Хороший ребе. Он будет его слушаться, учить, много учить. После полудня он со вкусом учил ...

– ... Большим эрудитом он был, остроумным! Рос даровитым. К пятнадцати годам был знатоком Талмуда и псуким. Но пусть будет Бог стражем и спасителем, когда вкрадывается клипа*.

– О ком Вы это говорите? – спрашивает только что вошедший еврей. Одну руку он держал возле кафельной печки, другой разматывал шарф на шее.

Рассказчик недовольно глянул:

– О рэба Шимона ... «Ахэре»*. Жалко смотреть. Он произносил кадиш, я имел в виду, что ... Эх, что тут поделаешь? Упаси Боже, если такое суждено ...

– От чего он умер, и по сей день неизвестно, – сказал вновь вошедший, присел одной ягодицей на скамью возле печки и медленно ёрзал, вынуждая других подвинуться.

– Что значит: неизвестно? Вот тебе на! Дети в колыбелях об этом знают. Была зимняя ночь. Вот как сегодня. Он сидел в клойзе, таки вот здесь, будто бы держал открытой «Йоре Деа»*, а под «Йоре Деа» лежала порочная книга (не приведи Господь!). Уже был уличён в этом. Вместе с ним сидели ещё примерно двое таких как он безбожников и спорили о бессмертии души. Острый ум был у него. Он им доказывал аргументами своего Аристотеля и даже Рамбама. «Вы же знаете: Тора подобна молоту (можно упростить что хочешь). Нет бессмертия души. Умер, похоронили и конец». – «Тело – ладно, но душа?» – «Душа ... – стал он философствовать. – Душа здесь во всём, но всё на **этом** свете. Того света нет». Те откликаются: «Знаешь что. Если ты так уверен, что нет бессмертия души, что мертвецы не выходят из могил, докажи нам. Вот тебе коробок спичек. Иди и положи его прямо сейчас на могилу рэба Мейшелэ². Если вернёшься, мы тебе поверим». – «Откуда же мы будем знать, что он там был?» – спросил второй. «Не бойтесь, я вас не обману», – ответил он, взял коробок спичек и ушёл. Они сидят и ждут час, два. Кладбище находится за городом, но чтобы так долго! Ну, что вам сказать, ждали его до утра, а он не приходит. Они поняли: что-то здесь не то. Пошли на кладбище, подошли к могиле рэба Мейшелэ, нашли коробок спичек. А немного дальше лежит он. Стали его тормошить, растирать снегом, всякие средства испробовали, еле привели в чувство. «Что такое?» Он молчит. Привели его домой. Отец узнал об этой истории и выгнал его из дома. Короче говоря, протянул он около месяца, впал в хандру, не вымолвил ни слова и примерно на Пурим умер. Мучился таки как злодей до смерти. Когда его обмывали, на ноге внизу нашли следы пальцев. Понимаете? Он собирался уходить, а его схватили за ногу, и готово. Вот тебе Аристотель с твоей ересью и отрицанием бессмертия души ...

– Что Вам ещё нужно? У нас одному балбесу захотелось закурить папиросу как раз в субботу в усыпальнице рэба Пинхасла. Остался с папиросой на месте, даже и шага не мог сделать, на месте остался!

Кладбищенские истории, чудеса и знамения. Однако, Аврум по-настоящему слушал только первый рассказ, о Мордехае-Зеве³, сыне Шимона-шойхета. Лишь сегодня он увидел его, рэба Шимона. Такой строгий еврей. А его сын? Не побоялся и от этого умер ... Жаль, что он его не видел, когда тот жил. Безбожник, не верил в бессмертие души, тот свет ... В ешиве учат только Гемору, даже псуким нельзя ... Но в Геморе не указано, выходят ли мертвецы из могил ... Наоборот, в «Галеле»* сказано определённо: «Не

1 Из талмудического трактата «Авот» 5:25

2 В романе: р.Морджелэ

3 В романе: Мордже-Вольф

мёртвые славят Бога»¹ ... Спросить рэба Тэвье?

Ребе подтвердил. Есть рай, ад ... Аврум не довольствовался ответом ребе. Он копался в книжных шкафах Чернобыльского клойза, не в большом Талмуде, а в маленьких книжках: «Мидраш Танхума», «Ялкут Шимони»*, «Решит Хахма»*, «Ховот га-левавот»*. В его воображении возник ад ... Но почему мальчики в мундирчиках не боятся? ... А Гитл-выкрестка? Почему не умерла она в церкви во время крещения?

Жар. Время, когда Аврум учился с охотой, пылом, устраивал ночные вахты и читал Гемору, как читают «Ашрей»*. В субботу было совсем плохо. В ешиву он не ходил, молился в клойзе. Во время молитвы видел мальчиков, игравших на улице. После молитвы, после еды – ещё больше мальчиков, все играют. Всем мальчикам можно, а ему нельзя²... Ешиботник! Он решил уехать домой на Пейсах и больше не возвращаться.³

Сестра рассказала ему все сельские новости. Йосл, сын Шлэймэ-Мордке, уже начал накладывать тфилин. Шифрэ-Хана, дочь Кейлы, болела. И таинственным тоном: выкрестка Гитл здесь в селе вместе с Миколой, «в положении», скоро будет «лопаться». А у Фримы-Леи чахотка. Фельдшер говорит, что она долго не протянет. Аврум не расквитался с ней новостями из своего большого города. Он молчит. Видит мама, как исхудал сын, и хочет его откормить. Ему нужно лучше кушать, а он не хочет⁴ ... Назло не будет есть, назло уедет! Назад в ешиву.

В ешиве шумно. Киселинера с Лугинером поймали ... На чём поймали – Аврум не знает. Он слышит лишь, что Киселинера глава ешивы больше не допустил к чтению Торы, а Лугинера спрашивают, на каком он сейчас месяце ...

Откуда взялся этот глава ешивы?

– Иди сюда ты, шейгец! – глава ешивы держит Аврума за подбородок и маленькой ручкой даёт пощёчины: в правую щеку шесть и в левую тоже шесть ... Покончив с Аврумом, зовёт Лугинера. Ему он не даёт пощёчин. Больше его Аврум не видел. Не оставили, исключили из ешивы. Киселинер постился и получил обратно свои «дни». Так рассказывают ешиботники ... И он не получил ответ на вопросы о нём.⁵ А рэб Тэвье, такой хороший ребе, умер ... Нет больше ребе. Некого спросить. Он больше не будет здесь учиться. Он убежит. Городокеру отказали «дни». Ешиботники шептались. Аврум ловил обрывки разговоров: «... уже должен был получить смиху ... поймали с порочной книгой ... под Геморой ...»

Аврум видит перед собой Городокера. Вот стоит он возле стендера. Вахты нёс больше всех. И его поймали с порочной книгой, точно, как того, Мордехая-Зеэва, сына шойхета. Где он? Отказали «дни», выгнали. Его он хотел бы видеть, спросить, есть ли тот свет ... Бог. Но где его увидишь?

Аврум учился без желания. Урок он знал, но не от усердной учёбы. Что для него десять листов Геморы в неделю? За два часа заучивает он два листа Геморы. Эти длинные летние дни. Возвращаясь в ешиву с обеда, он останавливается ... Куда спешить?⁶ Пока можно зайти в молельню рэба Михелэ, где живёт сумасшедший Шмуликл. Шмуликл бегает по улицам, а молельня рэба Михелэ – его дом. Говорят, когда-то он хорошо учился. – Шмуликл! Я дам тебе конфету. Скажи мне мишну.

– Маргарита! Ты меня не любишь, – пропел Шмуликл, скривив лицо в улыбке, растопырил расхристанную рубашку и заглянул вовнутрь. Пинает его Аврум.

1 Тегилим (Псалмы) 115:17

2 В романе иначе

3 В романе иначе

4 В романе иначе

5 В романе иначе

6 В романе иначе

– Шмуликл! На тебе конфету, на!

Шмуликл хватает пальцами конфету, кидает в рот вместе с обёрткой и жуёт. Нагибается к нему Аврум.

– Шмуликл, скажи, тот свет есть?

– Мар-га-рита, ты ме-ня не любишь ...

– Провались ты сквозь землю!

Уж лучше пойти искупаться. Река тянет. В будни и в субботу он купается. Аврум плывёт. Его цель – та сторона реки. Переплыть. Он начинает кролем, тяжело работает ногами, зато знает: виднеется половина спины. Пусть видят, что он плавает! А бедро в лежачем положении сухое, ни одного брызга ... Он переходит на «рака», но остерегается плыть тихо, не болтая ногами. До берега ещё далеко. Кто-то плывёт ему навстречу.

– Мизыныкл! В субботу!

Поднимает голову, смотрит. Это же ... Городокер!

Аврум корчится в своей наготе, дрожит, как бы тот на него не донёс¹ ... тем не менее, смотрит на Городокера. Совершенно по-другому выглядит он голым, без одежды и без ... пейс. Аврум дрожит², но не одевается.

– Не бойся, не донесу. Одевайся, тебе холодно.

Аврум берёт рубашку, но как её не крутит, она выворачивается наизнанку или голова застревает в рукаве. И он дрожит. Дрожит от холода и боится, что Городокер исчезнет. Городокер сидит, просеивает песок сквозь пальцы, поднимает глаза и разглядывает Аврума.

– Ходишь ещё в ешиву?

Аврум в ответ кивает головой.

– Как тебя зовут? Какое твоё имя?

Около двух лет под одной крышей ... и не осмеливался спросить его: «Какое твоё ... Ваше имя?»

– Моё имя – Меер. Меер Берман, – говорит Городокер и подаёт руку.

Аврум ... заикаясь и краснея, едва вымолвил:

– Почему Вас ... ?

– Потому что я купался в субботу.

Обиженно смотрит одним глазом Аврум снизу вверх на Меера:

– Смеёшься?

– Я шучу, – оправдывался Меер. – Меня выгнали, потому что ... ты всё равно не поймёшь.

– Я пойму! Я знаю ... я ...

– Что ты знаешь?

– Я знаю, я хочу знать, я хочу ... Скажите мне, в книгах, которые Вы читали ... Скажите, есть Бог или нет?

Меер Берман перестал мерить песок. Он посмотрел на Мизыныкла: как тот вырос. Ребёнок, а уже спрашивает такое. Аврум едва сдерживался от волнения.

– И нужно тебе это знать? – спросил Меер и тронул его. – Одевайся! Пошли!

5. Ледоход

Элул. «Еврейское» село подавлено. Фрима-Лея, жена Гидале-сапожника, при смерти. Фельдшер сделал всё, что мог. Привезли доктора Цейтлина. Тот злился:

– Чего вы меня привезли к мертвецу? – взял 15 рублей (рубли за версту) и уехал, оставив Фриму-Лею на попечение мужа, соседки Этл, соседа Зейделя и всех остальных евреев

1 В романе иначе

2 В романе иначе

села.

Сидит Этл, заходят Зейдель, Шлэймэ-Мордке, говорят шёпотом, возмущаются:
– Что она бродит вокруг дома? С мамзером* на руках! Чтоб она сгорела!

Лицо Фримы-Леи пылает последним огнём жизни. Она смачивает языком губы цвета отбитого железа, косит глаза к двери, закрывает их, вертит головой по подушке, проваливается. Вдруг больная села, дико глянула, и, прохрипев: «Прочь! Прочь от меня!» – вновь упала на подушку.

Её не впустили. Лишь поздно вечером, когда Фрима-Лея уже лежала ногами к двери, с двумя свечами у изголовья, дверь распахнулась, и в дом ввалилась выкрестка Гитл. На плечах шаль, платок сполз с головы. Ветер дунул на горящие свечи. Язычки пламени качнулись. Прежде чем кто-то успел вымолвить слово, Гитл припала к мёртвой матери:
– Ма-а-а-мэ!

– Вон! Вон из дома! Выкре ...

Слово застряло в гортани. Пальцы вцепились в густые длинные волосы, рвали, тянули. Мёртвое тело потянулось, зацепило подсвечник, опрокинуло его. Зейдель поднял подсвечник, зажгёт свечи, обнял Гидале ... взял Гитл за руку, сдал так, что она встрепенулась, другой рукой взял её за загривок, толкнул к двери, открыл дверь и вытолкнул Гитл наружу. Дверь он поспешно захлопнул. За дверью были слышны рыдания: «Ма-мэ! Ма-мэ-ню!»

– Прогоните её! Пр-р-рогоните её! – хрипел Гидале. – Я её ...

Снаружи стало тихо, никаких человеческих рыданий. Но зато отчётливо раздавался собачий вой, длинный протяжный вой.

– Ну и ночь! Господи! – сказала себе Этл.

– Ты иди домой, – тихо говорит ей Зейдель, – а я уж здесь с ним пересажу эту ночь. Закажите, чтобы Корней был завтра на рассвете.

На лестницу, застеленную соломой, положили мёртвую Фриму-Лею, накрыли её. Гидале-сапожник сел рядом с Корнеем. Люди молчали. Корней потянул вожжи, даже не издав ни звука лошадям. Подвода тронулась, повезла еврейского мертвеца на погребение.

Проезжая мимо креста, Корней снял шапку и перекрестился. Рядом шла селянка с двумя пустыми вёдрами на коромысле. Корней сплюнул и погнал лошадей. Переехав мост, увидел бегущую женщину, опять сплюнул, пробурчал: «Тьфу, холера, две бабы ...», – и хлестанул лошадей.

Церковные колокола стали бить в набат. Пожар с самого утра? На берегу реки нашли шаль с платком. Кто-то утонул. Селяне побежали к реке. Микола узнал шаль с платком. Берут крышку от кадки, кладут на неё хлеб, в хлеб втыкают зажжённую свечу и пускают в плавь. Крышка остановилась. Там лежит она. Ныряют в воду мужчины, всплывают с пустыми руками ... Тянут сеть. Человеческий клубок¹ подняла сеть. Распрямили клубок – выкрестка Гитл ... Все евреи, стоявшие возле берега, сразу удалились. Никто в тот день не ходил в село ... Боялись, что её будут вскрывать.² Её не вскрывали, даже и три дня не дали лежать. В следующий полдень, когда Гидале-сапожник въезжал в село после погребения, он встретился с похоронной процессией. Корней остановил лошадей, снял шапку, перекрестился. Гидале тоже снял шапку, смотрел на «тряпки», больше ничего не видел.

... Старик своего добился. Этл распродала лавку. Продавать было немного. Полмешочка муки, начатый бутыль керосина, немного сушёной тарани, несколько фунтов сахара, весы – и нет лавки. Старый Янкель продал корчму и всё в доме³ ... Часы с

---

1 В романе иначе

2 В романе иначе

3 В романе иначе

пожелтевшим циферблатом, цепями и гирями он не продавал: «Пригодятся». А священные книги отдал в бес-медреш ... И вот Янкель из Дубровки вместе с дочерью и внуками стали городскими, звягельскими.

Центром города для старого Янкеля была синагога. Сняли комнату поблизости от синагоги, Чернобыльского клойза. Больше семидесяти лет жил старый Янкель в селе, разливал водку по четвертушкам, торговал ... Но всё это было не более чем прелюдией. Настоящая жизнь начинается лишь сейчас, в Чернобыльском клойзе. Хасиды, для которых он до сих пор был сельским евреем, принимали его сейчас как равного. Его подарок, несколько книг, приняли с почётом. В честь подарка и поселения в городе выпили за здоровье, пожелали долголетия. Даже Аврума ущипнули за щёчку ... Хороший мальчик, славный внук у него, рэба Янкеля.

Однако, славный внук не находил себе места. Ему стало тесно. Он уже не ест «дни», спит дома, в одной кровати с дедом. Кровать мягче скамьи бес-медреша, но уж лучше бы он спал в Чернобыльском клойзе, чем с дедом в одной постели. Только что он обманул деда, а теперь должен лежать с ним в одной постели.

.... Три поколения, два мира лежали в одной постели. Аврум завернулся в одеяло, старик остерегался трогать ребёнка. Всё-таки тесно вдвоём. Утром старик не нашёл ни капли воды. Он вздохнул, помылся и ушёл молиться, все глаза проглядел, не пришёл ли Аврум. Тот не приходил. Перед обедом старик спросил:

– Где Авримл?

– Что это значит? – удивилась мать. – Он не был в синагоге?

– Он говорил, что идёт в синагогу? ...

– Ходит каждый день. Дожились. Только что была бар-мицва, и уже гой. Эх, Господи ...

– Где он?¹ Такой выродок! Иди, делай что-то. Я буду его истязать. Истязать я буду его.

Его истязали, сначала мама, потом дед, пока мама не сжалилась над ним, еле вырвала из рук деда.

– Вон из дома! – закричал старик, трясась от злости ...

Аврум не испугался криков деда, тем не менее, выбежал из дому, побежал к Городокеру, Берману, рассказал ему обо всём, но не о побоях²... Думал, что убежал «насовсем» и уже больше никогда не увидит деда, маму. Он уедет далеко-далеко. Только Рухэлэ вышлет билет, чтобы она к нему приехала ...

«Покинутый всеми», Аврум вернулся домой. Он молча съел то, что подала мама, спал опять в кровати с дедом, но на следующий день не ходил в клойз. Дед больше не кричал и не бил, он молчал. Его округлившаяся спина стала ещё выше,³ голова сама по себе опустилась ниже. Он ещё сильнее согнулся. Вечером не приходил спать домой, оставался в клойзе. На обед ещё приходил домой, был задумчив, затем наскоро произносил благословления и сразу шёл назад в бес-медреш. В будни он больше не приходил домой. Рухэлэ приносила ему в клойз горшочек с варевом, ждала, пока тот поест. Подав ей назад горшочек с ложкой, дед однажды погладил её ... В субботу он ел дома. Аврум ходил с ним в синагогу. Дед молчал.

Старость надвинулась на него, словно густая туча. Он стал меньше, руки дрожали, еле доносил ложку до рта. Однажды, после Пурим, вообще отослал еду назад.

– Дед не хочет кушать, – передала Рухэлэ.

Этл накинула шаль, побежала в клойз. Он сидел и дремал.

– Тебе нездоровится? Иди домой, полежи. Может, вызвать врача?

– Разве я посылал за тобой?

---

1 В романе иначе

2 В романе иначе

3 В романе иначе

Этл стояла и смотрела на него. Он даже не оглянулся. Она закутала шаль на груди, вздохнула и удручённая пошла назад в лавку.

В пятницу он пришёл, взял рубашку и ушёл в баню. В субботу ходил в клоиз. За столом не притронулся к еде, лишь произнёс благословение над хлебом и сразу после гавдалы лёг в постель. В воскресенье утром надел талес и тфилин. Во время молитвы ему стало нехорошо. Он лёг в постель.

– Позвать доктора?

– Иди позови Хаима-шамеса.

Произнеся видуй*, он велел Этл вынуть «одежду», разглядывал её.

– Ну, слава Богу, хоть умру в собственных тахрихим*. Да и роды скорые ... Иди сюда, Авримэню! Иди сюда, майн кинд! Вынь тфилин из мешочка. Видишь? Этот тфилин я получил по наследству от отца (мир праху его), а он его тоже получил по наследству. Честные евреи молились в этом тфилине. Я оставляю его тебе, но обещаю тебе, дай мне руку, что будешь в нём молиться, будешь евреем.

У умирающего старика на глазах появились слёзы, к горлу подступил комок. Аврум обливался слезами. Он чувствовал, как слабеет рука деда. Старик выпустил руку Аврума, посмотрел на дочь. Мать обняла Аврума за шею, второй рукой потянула Рухэлэ к себе, к своему отцу. Рухэлэ вырывалась, стала реветь. Старик махнул рукой: отпусти её, отпусти ... и отвернулся лицом к стене.

Аврум видел, как деда сняли с кровати и положили на пол. Тот стал таким маленьким, таким тощим ... Хевра кадиша выгнала его из дому:

– Иди, тебе нельзя здесь быть. Ты – коген.

Он сидел снаружи, смотрел на дорогу, на людей едущих и идущих, но никого не видел. Перед глазами был мёртвый дед, когда его ложили на пол. Смерть. А ведь час назад он разговаривал с ним, просил молиться в тфилине. Теперь мёртвый ... Куда же девается жизнь, душа? Бессмертие души. То, что было уже ему вполне ясно – нет никакой души, нет того света – сейчас, при виде смерти, первой смерти, которую он наблюдал так близко, так спокойно, снова стало непонятным. Занавес опустился перед глазами. А что за занавесом? После похорон хевра кадиша пила водку: «Лехаим, лехаим! Да вознесётся душа!» Смерть и «лехаим». Предание земле и вознесение души ... Нет никакой души. Однако он говорит кадиш по той самой душе. Прошёл день, два. Ему надоело ходить в синагогу, говорить кадиш.

– Почему ты не идёшь говорить кадиш? – напомнила мать.

– Уже говорил.

– Уже говорил ... Уже говорил. Стоит батрачить на детей, гробить своё здоровье. Умрёшь, и не скажут даже кадиш.

– Я сегодня был в синагоге! Что ты от меня хочешь?

– Чтоб ты так с носом был, как ты ходил в синагогу. Иди, Иванце, иди, не стой хоть у меня перед глазами.

Уходит Аврум с маминых глаз долой к железному мосту, простаивает там часами. Он слышит и видит, как раскалывается лёд и вскрывается река. Вот откололся один кусок льда, треугольный. Широкая сторона с двумя концами ... ложится, взламывает лёд. Взломщик погружается и исчезает. Синяя тяжёлая вода мчится, струится. Новый кусок льда голубой, светлый, аж прозрачный останавливается, размышляет. Прибывают ещё куски ... Один взбирается на другого. Эти куски льда – больше не холодные замёрзшие куски, а белые медведи ледовитого моря ... А вода – хлещущие плети, которые подгоняют: пошевеливайтесь! ...

Весь день стоял Аврум, следил за ледоходом, и ему было так хорошо. Кусок льда взобрался ему на сердце и застыл в немом боязливом ожидании. Этот кусок упал, и сердце

встрепенулось, стало стучать быстрее. Ему хотелось сесть на большую льдину, плывущую спокойно и размашисто. Кажется, такая льдина гонит воду. Вот пуститься бы на ней по рекам и морям куда-нибудь в большой мир.

6. Нить рвётся

... Изо дня в день Аврум ссорился с мамой. Она кричала:

– Какой сапожник! Что ты навязался на мою голову?

Он отвечал назло:

– Рухэлэ ты же отдала в портнихи. Почему не отдаёшь меня в сапожники?

Она плакала, жаловалась на свою горькую долю:

– Ради чего я тружусь, ради чего надрываюсь, если ребёнок вырастает гоем, перечит мне? Ой, какая я несчастная!

– Уже расплакалась, – бурчит Аврум и уходит. Её плач он не может вынести ... Чего она плачет? Её проклятия он может вынести, а плач – нет. Он ...

Каждый день Аврум решал, что поедет в Житомир, Киев, будет кушать хлеб с водой, учить, выдержит экзамен, поступит в университет, станет студентом. Он уже видел себя в студенческой фуражке, ощущал себя студентом ...

Каждый день Аврум накладывал тфилин. Сидя в тфилине, читал книжку столько времени, сколько должна была продолжаться молитва, а после молитвы получал завтрак. Так он «молился» примерно год, отмолился таким образом за «целого» Толстого. Однажды утром, на йомим нойроим, когда «рыба дрожит в воде», мама была строже, чем в остальные дни года ... Аврум потянул ниточки: рвётся. Рецуэ вдруг стала простым кожаным ремнём, словно шлеи у лошади. А тфилин? Две коробочки. Что же внутри? Повязав тфилин на мышце левой руки, он взял ножичек и перерезал жилы. Сердце стучало как в тот день, когда он полез в карман висевшего маминого платья. Открыл, вынул кусочек пергамента: «И люби Господа, Всесильного твоего, всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем существом своим ... И повяжи их как знак на руку свою, и будут они знаками между глазами твоими ...»¹

... Ход мыслей зацепился за это слово. Филактерии. Что это? Мысль прервалась ...

Вошла мама. Он вздрогнул, стал заталкивать кусочек пергамента назад в полости, совать в карман открытый ножичек.

– Это ты так молишься? – спросила мама и, подойдя ближе, увидела открытую головную филактерию.

– Что это? Что ты делаешь? – испуганно спросила она.

– Я проверяю, годен ли текст.

Мама смотрела на него с такой лютой злостью, что, казалось, вот-вот отхлещет его по морде. Он выдержал её взгляд, видел, как её глаза тускнеют, увлажняются. Руки её стали дрожать. Она повернулась и, не вымолвив ни слова, вышла из комнаты.

Аврум застыл на месте. Собственная наглость парализовала его. Лицо горело. Он сложил тфилин и, не съев приготовленный завтрак, вышел на улицу.

Целый день Аврум бродил. Был возле реки. Вода тёмно-синяя, холодная, тяжёлая и такая чистая, прозрачная. Он бросает камешек, видит, как тот погружается. Нет желания бросать камешки, пускать «уточки». Холодная злая река. Поднялся вверх по ступенькам и направился на базар. За единственные четыре гроша в кармане купил яблоки у торговки, ел посреди улицы ... Увидев издали ешиботника в капоте, с пейсами, он свернул на боковую улицу, пошёл в городской сад. Шёл, не поднимая ног, загребал листья, сидел на одной скамье, другой, пока не зажгли лампы. Мама не спрашивала, где он был весь день,

1 «Дварим (Второзаконие)» 6: 6,8

дала кушать, и Аврум жадно глотал. Еда не успокоила внутреннего кипения. Рухэлэ что-то спросила. Он ударил её. В ответ она ущипнула его и крикнула: «Мама!»

– Не связывайся с ним! – сказала мама. И это «с ним» вышло таким суровым, что Рухэлэ глянула на него и умолкла.

... Безмолвными стояли ясные осенние дни, загадочными были сумерки, молчаливо-строгими – вечера. Звёзды, огоньки в окнах перемигивались. Однако в этих огоньках нет теплоты. Холодно, меланхолично.

Он пытается завести с ней разговор об отъезде, но никак не мог начать¹... А время шло. Он чувствовал, что каждый день что-то теряет. Ведь если бы захотел уехать ещё в прошлом году, уже бы до сих пор ...

Его взгляд упал на маленький ящичек от чая. Красивый ящичек. Лёгкий и крепкий. К крышке приспособлен замочек: как будто специально для него. Все его вещи, книжки туда войдут.

– Мама, тебе этот ящичек нужен?

– Нет, а что?

Сейчас сказать.

– Ничего, – отвечает он.

На следующий день он где-то выскоблил ключ, прибавал, покалечил несколько пальцев. Когда мама не видела, пробовал укладывать вещи: снизу – книжки, сверху – рубашки, и наоборот ... Пока мама не спросила наперекор:

– Что ты вертишься возле ящичка как курица на насесте? Что у тебя там?

Она направилась к ящичку. Он загородил его.

– Я уезжаю!

Мама посмотрела на него:

– Куда, сыночек?

Её насмешливый тон злил его, злость придала храбрости.

– В Житомир. Хорошо?

– Передавай привет тёте Фрадл.

– Я не еду к тёте Фрадл.

– К кому же ты едешь? К губернатору?

– Ни к кому, – пока что она сильнее, и он поддается. – Я еду учиться.

– Разве здесь для тебя нет Торы?

– Ай, ты не знаешь ...

Этот меняющийся надтреснутый голос, этот взмах рукой, это сморщенное лицо, когда он говорил: «Ай, ты не знаешь» – раскрыли ей глаза. Как он изменился! ... Каким похожим становится на ... отца своего ...

– Конечно, я не знаю. Что мама может знать? Мама только знает, как трудиться, пахать носом землю, отдавать все силы. И для кого? Для чего?

Больше уже она не язвила ... Мама уступает, он выиграл. Она залатала все рубашки, заштопала чулки, велела не выбрасывать порванных чулок, а прислать домой – она починит. Перед отъездом спекла кихлики, коржи. Он кривился, не хотел. Она упаковала и пророчески сказала:

– Ещё захочешь мамин кихлик, а не будет.

Кажется, всё уже упаковано. Можно запирать на замок. Мама протягивает тфилин.

– Возьми с собой.

Он посмотрел на неё. Она стала умолять:

– Сынок, сделай ради меня. Вот так. Помни, майн кинд: як їдиш, то поїдиш і заїдиш. А

---

1 В оригинале иначе

будешь гоем, тогда ... – она не заочила.

Перед самым отъездом она объясняла ему в который раз, как попасть к тётё Фрадл, велела стеречь ящичек и пять рублей, которые зашила ему во внутренний карман жилета, и, ради Бога, написать письмо. Возле дилижанса обняла его, целовала в щёки, глаза и губы. Её “фур гизынт” уже размокло в слезах. Рухэлэ тоже безмолвно хлопала глазами. Заплаканными глазами мать наблюдала, как её ребёнок садился в дилижанс. Согнутая, постаревшая, ведя за руку Рухэлэ словно пятилетнего ребёнка, она направилась домой, в свою опустевшую комнату.

7. Окно в мир

Дилижанс для Аврума – новый вид повозки ... Странная повозка. Такие высокие колёса, такие тучные лошади. А повозка эта – будка с крышей. Сидят не поперёк, а вдоль, колено против колена. На потолке кабины висит лампа. От лампы светло ... Некто внимательно всматривается в своего соседа и лишь потом восклицает:

– Что, Вы тоже едете?

Узнают друг друга и знакомятся, вмешиваясь в разговор.

– ... А я Вам говорю: дилижанс ещё никогда не останавливали.

– Мало что не останавливали. Не забывайте, что теперь не то, что было когда-то.

– Что теперь, что? Мир перевернулся?

– Если бы. Я говорю это не зря. Дувида Лэйбци Вы же знаете? Ехал из Соколова с ярмарки. Всю дорогу – ничего, а за Лубчицей – ага! Остановили, забрали до последнего гроша. Ещё чудо, что остался жив. Он знает даже кто. А если и знает, так что, пойти донести? Только этого не хватает.

– Станный Вы человек. Дувид Лэйбци ехал дилижансом?

– Нет.

– Так что же Вы говорите? А я Вам скажу: дилижанс не останавливали. Подвинься немного!

Аврум переместился в длину, «стал тоньше» и ещё сильнее прислонился к стенке, чтобы оставить пространство между собой и тем евреем, который велел ему немного подвинуться. Он испытыва ненависть к попутчику за его голос. Дай Бог, чтобы на дилижанс напали разбойники, тому еврею назло.

– Куда едешь? ...

– Не твоё дело, – сказал Аврум.

– Что-о? Ах, ты, шейгец! У меня уже такие внуки, как ты.

«Не твоё дело» разбушевался, и Аврум был так доволен произведённым эффектом, что сердце его заколотилось. Когда попутчик подобрал полу и немного отодвинулся от него, Аврум чуть не рассмеялся.

– Дожились! – обратился тот еврей ко второму соседу. – Такой щенок уже каждому встречному тыкает. Кто он такой? Вы его знаете?

Сосед наклонился к «каждому»:

– Кто их знает?

Тот еврей хмыкнул, расстегнул сюртук, вынул табак, папиросную бумагу и закурил. Затем закурил другой, третий. В клубах дыма кружился страх: а что, если остановят дилижанс? И этот страх заговаривали страшными историями ...

Дилижанс остановился. Аврум вздрогнул, протёр глаза. Пассажиры стояли согнувшись в кабине, по одному, кряхтя, громко зевая, слезали с дилижанса и стали шуметь, тащить мешки. Аврум тоже слез. Большой двор, вымощенный крупным булыжником, был заставлен дилижансными повозками без лошадей ... Евреи в коротких

полушубках, подпоясанные зелёными и красными кушаками, в меховых шапках и длинных сапогах перекликались хрипло, но громко, проклинали и ругались на идиш и по-русски. Пассажиры суетились, несли сумки, чемоданы, мешочки ... Аврум стал искать свой ящичек и увидел, как тот летит вниз с крыши дилижанса. Ящичек не рассыпался, лишь остался лежать в стороне ... Аврум поднял глаза на человека, который так швырнул его ящичек ... Подняв ящичек, он стал нести его перед собой как охапку дров. Почувствовал, что очень тяжело, опустил, остановился, задумался. Подошёл погонщик, потянул ящичек:

– Куда тебе?

– Никуда, – сердито ответил Аврум, взял ящичек пошёл искать тётю Фрадл¹ ...

Поставив ящичек, вытер пот, осматривал дверь. Наконец, потянул колокольчик и тут же пожалел об этом. Если бы не ящичек, он бы убежал. Послышались шаги ... Дверь открылась. Он увидел человеческую фигуру ...

– Здесь живёт, Вы ... Фрадл?

– Я Фрадл, а ты кто? Ой, кажется, это Аврума мальчик! ...

И не успел Аврум подтвердить, как ... она держала уже его голову в своих руках, целовала. Такого узнавания он не ожидал. Смущённый стоял он, не зная, куда глаза девать, и не смея пошевелиться.

– Ну, что стоишь? Заходи! ... Как поживает мама, как поживает ... Как зовут твою сестру? Рухэлэ. Да, Рухэлэ, забыла, уже столько времени прошло. А как тебя зовут? Аврум? Даже до обрезания не дожил, вэй из мир. Ты, наверняка, голодный, Авримэню? Ничего не ел. Покушаешь или сначала помолишься? Слышала, ты растёшь раввином.

– Так что, – продолжала допытываться тётя, – покончено с раввином, а? Врач? Ну, садись за стол, не стесняйся, кушай.

Он ел свежие бублики с маслом и чаем, и злость к тётю Фрадл за её «раввина», враждебность вообще к тётям расходилась в теплоте еды и питья. Аврум насытился, и язык его развязался. Рассказывает он ей, что приехал учиться.

– В гимназии?

– Нет, так, у учителя.

– Ну, а еда, ночлег, обувь, одежда? Я бы тебя взяла к себе, но ты же видишь: это вся наша квартира.

Квартира тёти Фрадл – кухонька с комнатой, похожей на мамину комнату – вызвала у Аврума странную мысль: в селе избушки снаружи маленькие, зато внутри просторные, а в городе снаружи дома большие, внутри – тесные. Чем больше город и чем больше дома, тем теснее внутри ...

Аврум поднял глаза на тётю, желая прочитать на её лице, сколько их всех. Он даже не знал, насколько велика тётин семья.

– Днём ещё терпимо. Зэлдэ и Эстэркэ уходят на работу. Аз ох ын вэй из цы мир!² Модистки они. Но вечером – хоть разбирай стены ...

Тётя показала рукой, и Аврум увидел не только то, что в ней есть, но и чего нет: ночлега для него.

– Я получу часы.

– Думаешь давать уроки?

Тётин взгляд как бы говорил: вот такой говорит уже о даче уроков.

– Сколько тебе лет, Авримэню?

– Пятнадцать, – сказал он ...

– Пятнадцать лет?! – повторила тётя с удивлением и вздохнула. Уже пятнадцать лет

1 В романе иначе

2 Идиоматическое выражение страданий на идиш

прошло после смети её брата.

– Скажи-ка мне, Авримэню, ты уже достаточно знаешь? Еврейские науки – без сомнения. Дай Бог, чтобы все еврейские дети так знали. А на русском?

Когда она услышала, что племянник сдаёт уже за четыре класса, лицо её засияло. Её брата сын, хороший ребёнок.

– Знаешь что, Авримэню, один урок я тебе могу предложить. Дети ... хотят учиться. Зэлдэ не так, но Эстэркэ, чтоб она у меня была здорова, просто падает в обморок – так хочет учиться. У неё голова на плечах. Но что же: нанимать учителя? Велики заработки, с позволения сказать? Теперь свой ...

«Уже есть один урок, кажется, бесплатный», – усмехнулся про себя Аврум. Так он понял тётины слова. Сейчас ему не хватает лишь квартиры, какого-нибудь угла. Там он сможет спать, учить. Аврум поднялся ...

Никаких знакомых он не имел. У него был адрес некоего Фельдмана, экстерна ... Обеспечит ли его Фельдман на самом деле, он не был уверен, но был рад вырваться из тётино дома ... Аврум почувствовал себя ещё старше, чем был склонен думать о себе, и впервые остро ощутил, как в его жизни повторяются вещи. Однако он крепился. Ешива – это прошлое, теперь будет ... по-другому. Учиться, учиться ... «Один урок уже есть», – мысленно пошутил он...

8. Кровь зовёт

Лурье остановился посреди комнаты, глянул на вошедшего и спросил:

– Ну, что, срезали?

Тон последнего слова резал Авруму слух. Он посмотрел на своего учителя, увидел улыбку. Эта улыбка, этот тон укололи ещё острее, чем провал на экзамене. Он не мог произнести ни слова.

– Ну, что Вы так опустили голову? Мир перевернулся?

Аврум присел на краешек стула.

– Мир не перевернулся, но ... Вы, почему Вы смеётесь надо мной?

Лурье аж завертел головой после этого вопроса. Его взгляд остановился на Авруме.

– Я смеюсь не над Вами. Но все вы выглядите смешно, с вашей учёбой и провалами.

Скажите мне, пожалуйста, – он уселся верхом на стуле, грудью к спинке, и подвинул его ближе к Авруму, – ради чего Вы учитесь?

Аврум удивлённо посмотрел на него. Ради чего он учится? Этот вопрос он никогда не задавал себе так открыто. Что значит: ради чего? Он начал учиться, когда ему было три года. Ну да, молитвы, хумеш, пуским, Гемора – всё учил. Забросив Гемору, он не забросил учёбу, а только перешёл от одного обучения к другому. Конечно, думал о том, чтобы стать студентом, поступить в университет ...

– Хотите стать врачом?

«Врачом». Ирония в тоне Лурье утопает в ненависти к слову «врач», вскипающей в сознании Аврума. Слово «врач» вызвало у него ассоциацию со словом «раввин». Мама и дед хотели, чтобы он стал раввином. Потом она уже была согласна на врача. Раввин или врач – оба были ему ненавистны.

– Нет, не врачом, – отвечает он упрямо.

– Ах, так? Не врачом? – на этот раз изумлён Лурье. Большой палец задерживается возле усов, глаза смотрят вопросительно, но не строго. – Кем же?

– Учёным, – отвечает Аврум отрывисто. Разве может он сейчас передать Лурье смысл своей учёбы ... всей своей предыдущей жизни? Он может лишь посмотреть на своего учителя и сказать ему: «Легко смеяться, когда знаешь, но как тяжело мне ...»

Учитель не смеётся. Морщина, тянущаяся вдоль лба от переносицы к волосам, врезается глубже, густые брови насуплены.

– Ну, вот Вы говорите: учёный. Просто учёный. Это хорошо. Но если так, скажите мне, пожалуйста, почему Вы так упали духом из-за провала на экзамене? Знаете Вы сегодня меньше, чем ровно неделю назад? Кстати, на каком предмете Вы провалились? На географии? ... Что именно Вы не знали по географии? Что Вас спрашивали?

– На каком градусе находится Житомир?

– На каком градусе Житомир? Житомир! – Лурье аж вскочил со стула, рассмеялся ...

– Я бы тоже провалился. Честное слово, я не знаю, на каком градусе находится Житомир. Здесь, – он показал на стену, где висела большая карта ... Лурье водил пальцем из точки Житомира к градусной сети, показывал. – Видите? Вот так! – и улыбнулся.

Аврум мог бы ему рассказать, как во время экзамена, когда ему задали этот вопрос, глаза его буквально лезли к настенной карте, хотели выкрасть Житомир, градус. Но учитель уже отвернулся от карты и сказал себе: «Ловко! Сукины сыны! Идея!», – а затем Авруму:

– И что Вы думаете сейчас делать?

– Сейчас пока что поеду домой, – ответил подавленно Аврум.

– Домой? – слово это звучало так не по-домашнему. – Где Вы живёте?

– Я ... Мама моя живёт в Дубровке. Я получил письмо: сестра заболела.

– Сестра заболела?

Вопрос этот вышел таким тревожным, таким домашним. Авруму хотелось спросить: есть у Вас сестра? мать? Ваша мать ... выходила во второй раз замуж?

Мама ... Зейдель ... Он получил письмо: «Дорогой сынок ... знай, что захворала Рухэлэ. Она очень больная. Один Бог да сжалится над нами. Поэтому прошу тебя, сынок: приезжай немедленно ...» Письмо это писал Зейдель. Зейдель, его ...

– Я не поеду! – воскликнул Аврум самому себе, когда в первый раз прочитал письмо. Затем читал второй раз, третий ... «Очень больная. Один Бог да сжалится над нами». Нужно ехать.

Эта смесь чувств и мыслей теперь нахлынула вновь, давила на глаза. Едва сдерживая слёзы, тянет он зубами верхнюю губу.

– Пришёл попрощаться, отдать Ваши книги и попросить, если можно, ещё несколько. Возьму их с собой туда почитать. Я их верну.

– Книги? – переспросил Лурье, будто о какой-то чужой вещи, бросил взгляд на книжный шкаф в углу, на диван, направился туда. – Вот Вам несколько книг. Читайте.

Он посмотрел на Аврума, который читал имена писателей – Белинский, Михайловский, Лавров – и добавил:

– На каком градусе находится Житомир, Вы здесь не найдёте, однако найдёте другие вещи. Может быть, важно как раз это, – он улыбнулся. – Возьмите это тоже. Бельтов*. Но как Вы их понесёте, как будете везти? Вот что, будьте добры, засуньте за пазуху, под блузу. Пояс хорошо затянут? А вот эти можете носить открыто, только несите их так, как будто идёте в гимназию. Понятно? Когда будете читать там, в селе, смотрите, чтобы они не попали в чужие руки. А когда приедете назад ...

– Я все их верну, – поспешил заверить Аврум.

– Ну, хорошо, – сказал Лурье таким тоном, словно хотел сказать: «Ты меня перебил. Не о возврате книг я хотел тебе сказать, но ладно».

Он протянул руку, внимательно посмотрел на Аврума:

– До свидания!

Возле дверей Аврум ощутил прикосновение пальцев учителя к его плечу и спине. Что-то отеческое было в этом прикосновении. Авруму стало от этого теплее и ...

печальнее. На улице он уложил книги, чтобы их было лучше нести, посмотрел, не следит ли кто-то за ним, вспомнил, что должен идти «гимназической» походкой. Локтем ощупал книгу под блузой и пошёл с высоко поднятой головой. Вскоре шаг замедлился, стал более вялым, голова опустилась. Рухэлэ больная. Мама ... Зейдель ... Он не поедет. Эстэр принесла ему письмо от мамы, смотрела на него, когда он читал, спросила, поедет ли домой. Нужно попрощаться с ней ... сходить к тётё Фрадл ... Он не поедет! Аврум поехал.

Крест у въезда в село, фартушок на кресте говорили: это уже Дубровка. Здесь ты родился, вырос. Вот улица ... хаты с соломенными крышами ... Здесь мостик. Как обычно, одна доска сломана ... Вот корчма. Дед ... Мама, Рухэлэ ... Зейдель ...¹ Вот дом Зейделя, здесь ...

Мама обняла его, поцеловала, заплакала, отпустила и ещё раз обняла. Поцелуи, объятия были такими печальными, что он испугался. Не так плача, как объятий. Рухэлэ, ради которой он поехал домой, выпала из памяти. Что случилось с мамой? Это родная мама, которая его проклинала, била? Когда мама так его целовала? Плакала она часто. Сейчас её плач тоже другой. Мама отпустила его. Он хочет внимательно посмотреть на неё, но Зейдель уже держит его за руку, улыбается:

– Вырос, не сглазить бы! Парнем стал! У тебя уже растёт борода!

Этот Зейдель, у которого он часто сидел на коленях, грёб его бородку цвета меди, тот самый Зейдель теперь его ... Как он должен его называть? Взгляд его стал блуждать по Зейделю, маме, комнате.

– Рухэлэ в спальне, – ответила мама на его ищущий взгляд и направилась туда. Аврум шёл за ней, и с каждым шагом ускорялось его сердцебиение. Когда он вошёл в спальню, его поразили волосы на голове Рухэлэ. Какая-то копна, целый стог волос! Он догадался: лицо её стало меньше.

Рухэлэ подняла руку, протянула ладонь и сказала:

– Авримэню!

Он взял её ладонь, хотел нагнуться, поцеловать, но сдержался. Почувствовав, что глаза забегали, опустил голову ей на руку. Он ощущал её пальцы в своих волосах, а затем и всю ладонь, лежавшую на его голове. Остаться бы в таком положении, не поднимать голову, не видеть её, не ... плакать. Он сдержал слёзы, поднял голову, взглянул на Рухэлэ. Какая она бледная, почти прозрачная. А взгляд такой пристальный, такой острый. Бледность лица пугала, блеск глаз колот. Мягкая улыбка освещала лицо, словно свеча за тонкой фарфоровой вазочкой. Эта улыбка также смягчала взгляд.

– Как поживаешь? – спросила она хриплым голосом.

Эта хрипота резала ему слух. Не её голос. Однако она спросила. Она спросила его, как он поживает.

– Я? Как видишь. А как ты поживаешь?

– Как видишь ...

Улыбка при этом – уже не та прежняя мягкая улыбка. Иронично звучит «как видишь». Улыбка жалкая, а слабый взмах рукой – совсем беспомощный.

– Сядь! – говорит она и поворачивает голову, как бы ища стул.

– Авримэню пойдёт покушает. Ты, наверняка, хорошо проголодался.

Аврум улавливает мамин тон, её взгляд, соглашается с тем, что голоден, и начинает удаляться от кровати. Он видит, как мама вытирает лоб Рухэлэ, как Рухэлэ провожает его глазами. Такой пронзительный взгляд, и в то же время такой молящий. Он хотел бы остаться здесь с ней, сидеть, смотреть на неё, говорить с ней и ... хотел уже выйти из спальни.

---

1 В романе иначе

Зейделя не было в передней, когда Аврум с мамой вышли из спальни. И как только его глаза встретились с мамиными, она начала шёпотом:

– Такое наказание! Такое наказание! Кто мог этого ожидать? Кажется, был здоровый ребёнок. Сказал бы ты, что она когда-нибудь кашляла? Но если суждено несчастье ...

Аврум вопросительно посмотрел:

– Что случилось?

– Простыла. Это было осенью, вскоре после твоего отъезда. Начала чихать, кашлять. Уложила её в постель, давала малину, чтобы пропотела, касторку. Полежала несколько дней, стало лучше. Она снова пошла на работу, но кашель остался. Сухой кашель. Пошла к врачу. Он дал немного какой-то микстуры. Стало как будто лучше. Но стоило пойти дождю, снегу, и она снова начинала кашлять. И я видела: ребёнок погибает, превратился в развалину. Пошла я с ней к Торговцу. Он её внимательно выслушал, стал расспрашивать: чем занимается она, чем занимаюсь я, что делал отец, от чего он умер? От чего он умер! Угас как свеча. Был на ногах до последней минуты ...

Что-то таинственное было в маминой речи, её тихих слезах. Он часто слышал мамины рассказы о его детских болезнях, как она намучалась, когда он болел корью, оспой. Однако ни разу она не вспоминала о папиной болезни и смерти. Только когда, бывало, била его, кричала и приговаривала: «Вылитый папочка». В её словах он ощущал ненависть к «папочке», которого никогда не видел и даже понятия не имел, как тот выглядел. Этого «папочку» Аврум любил, а она ненавидела. Сейчас он слышит, как мама говорит об отце с такой мягкостью, с такой грустью, что сердце его смягчилось. Ему хотелось прижаться к ней и наедине с нею тихо плакать.

– «Может быть, она это унаследовала», – сказал мне Торговец. Он не уверен. Здоровы ли я? Дай Бог, чтобы о ней было сказано. Как бы то ни было, портняжное дело ей нужно бросить и выбираться из города. Я ему рассказываю, что все годы мы жили в селе, недавно перебрались в город. Он аж вскочил. Из села приехали сюда! Попробуй объясни, что меня погнало в город. «Возвращайтесь немедленно в село!» Велел хорошо питаться, пить молоко и много отдыхать. После твоего отъезда приехал Зейдель. Рассказала ему. Ну, и перебралась сюда. Помнила, что здесь свежий воздух, молока – хоть купайся в нём, яйца, масло ... И таки первые пару месяцев ребёнок стал совершенно другим. Щёки пополнели, цвет лица стал здоровее, всё как у людей. Думала, уже избавилась. Мало что когда-то доктор напугал. Но если суждено несчастье. Перед Пейсах она снова простудилась. Я делала всё, что нужно. Малину давала, для желудка, думала, что пройдёт. Через день-два вижу: ребёнок горит. Позвала фельдшера. Ну, что знает мужик, фельдшер? Зейдель запряг лошадь в телегу и поехал к Торговцу. Тот приехал, посмотрел, сразу сказал, что это воспаление лёгких, и стал ухаживать за ней, как за собственной дочерью. Ты слышишь, это добрейший человек, ангел, а не доктор. Сначала он собирался сразу ехать назад, потом передумал и сказал, что останется ночевать. «Я пересплю вот здесь, возле её кровати», – показал он и не позволил, чтобы для него приготовили постель. Хотел присматривать. Так он просидел целую ночь. Утром позвал фельдшера, дал ему указания, что тот должен делать, и мне велел беречь её. Она очень больная, и если, Боже упаси, опять станет плохо, нужно послать за ним подводу, он приедет. И ты думаешь, он взял деньги? Не хотел брать ни гроша. Совала ему в руку – не хотел брать, разозлился: «Не надо мне платить. Спрячьте, пригодятся. Присматривайте за ней». Уехал. Фельдшер приходил каждый день, жар отступил. Она стала поправляться, уже потихоньку вставала. Думала: прошло! Только три недели назад. Три? Да, вчера было три недели. Три недели назад, в четверг, у неё внезапно был приступ, пошла кровь. Слышишь, сынок, злейшему врагу не пожелаю я видеть это. Думала, она захлебнётся. А Зейдель в селе, никого нет в доме. Оставить её одну боюсь. Ладно, побежала я к Явдохе, послала её за фельдшером. Он

её сразу послал к пану во двор за льдом из погреба. Тем временем я лежала мокрые полотенца. Пока Явдоха вернулась со льдом, пока Зейдель пришёл, думала, что вместе с ней скончаюсь. Пришёл Зейдель и сразу поехал за Торговцем. Ночью привёз его. Тот просидел всю ночь, до самого утра. Перед отъездом говорит он мне: «Хорошо смотрите за ней. Она очень больная!» Я поняла, однако спросила его: «Как с ней быть? Что же делать?» Он говорит: «Сделать ничего нельзя, можно только надеяться. Присматривайте, следите за ней и, главное, угождайте ей во всём, что она захочет ...»

– Вот так лежит уже четвёртую неделю. Она стала просить, чтобы тебе написали. Не хотела тебе писать, сообщать эту «добрую» весть. Но она всё спрашивала: «Написала? Почему его ещё нет? Напиши ещё раз!» Я сказала Зейделю: «Напиши уже». У меня был выбор? Чтоб ей стало ещё хуже? Ой, сынок, что я испытала, как настрадалась! Но ничего, лишь бы она ... Но ... вот Зейдель. Пойду накрывать стол. Мы все идём кушать. Можешь зайти к ней на минуту. Подожди, я гляну. Может, она немного вздремнула.

Мама на цыпочках подошла к спальне, заглянула, прошептала: «Кажется, она вздремнула», – и направилась на кухню. Аврум не мог сдержаться. Кошачьими шагами вошёл к сестре в спальню, увидел её спящей. Обтянутые веки, длинные ресницы. Его охватил страх: она мертва! Он подошёл ближе, хотел схватить её, встряхнуть, закричать! Услыхала она крик его души? Рухэлэ открыла глаза, растерянно посмотрела и, как будто только что узнав его, с улыбкой спросила:

– Уже поел?

– Мама накрывает стол.

– Иди кушать, – посоветовала она как старшая сестра, однако потянула его за руку. Он сел на кровать возле неё.

– А ты?

– Я?

– Ты ведь тоже будешь кушать.

– Ах, кушать? Мама подаст. Как у тебя там дела? Учился?

Он хотел ей ответить, рассказать, но не мог оторвать глаз от её лица. Мысли следовали за глазами. Слова оставали. Вместо того, чтобы рассказать о себе, об учёбе, он стал передавать привет от тёти и её дочерей. При упоминании дочерей в воображении появилась Эстер. Он совсем запутался и умолк.

– Я тебе помешала в учёбе? – виновато спросила она.

– Ты? Мне помешала?

– Это я просила маму написать, чтобы ты приехал. Хотела тебя видеть.

Влага затуманила блеск её глаз. Рука слабо сжала его руку. Он положил сверху свою вторую руку.

– Ты мне не помешала, Рухэлэ.

Аврум опустил глаза, замолчал. Не будет же он ей рассказывать о своём провале на экзамене. Нужно говорить с ней о чём-то хорошем, весёлом, да, о чём-то весёлом.

– Я тебя тоже хотел видеть. Должен был приехать ещё на Пейсах. Помнишь, как мы в канун Пейсах шли мыть корыта. Я влез, набрал полные сапожки воды. Ты их сняла, положила сушить на солнце. Сапожки с чулками, помнишь?

Рухэлэ улыбается. Её глаза говорили: «Конечно, помню».

– А как пекли мацу. Я мял кусок теста, а ты мне раскатала маленькую мацу, крохотную.

Улыбка Рухэлэ становится веселей, ободряет его.

– А помнишь, когда Лыса отелилась зимой? Был такой маленький телёночек, не мог стоять на ножках. Мы его держали в доме, помнишь?

И это помнит Рухэлэ. Это видит он по её глазам, улыбке. Она не только помнит, но и получает удовольствие ... Вот они, двое детишек, играют в папу-маму. Она даёт ему

распоряжения: «Дай ребёнку немножко “мони”!» Ей не нравится, как он это делает, отталкивает его. Он злится, раскидывает „ребёнка”, дёргает её за волосы ... Послышались мамины шаги. Она принесла еду для Рухэлэ и сказала ему:

– Иди, майн кинд, еда на столе.

Растроганным вышел он из спальни сестры.

9. Го-тэ-ню

– Го-тэ-ню! За что ты меня так покарал? Готэню!¹ За что ты меня так покарал? – этот горький вопрос мать повторяла ... в который раз, после того как её мёртвую дочь вынесли из дома, когда уже не было больше сил плакать.

На рассвете Аврума разбудил мамин визг. Он спрыгнул с постели, вбежал к Рухэлэ в спальню, увидел мамину спину над кроватью и Рухэлэ ... мёртвую. Оцепенелое лицо воскового цвета, заострённый нос кричали ему в лицо: смерть! Однако это не укладывалось в голове. Разве это смерть? Такое спокойствие, такое глубокое спокойствие на её лице. А он ведь совсем недавно разговаривал с ней! Целый вечер сидел возле её кровати. Вырезал из бумаги нечто вроде абажура для стекла маленькой лампы и при тусклом свете сидел, рассказывал о своей жизни, учёбе, городе, говорил пустяки, глупости. Но Аврум видел, ощущал по прикосновению её руки: она хочет, чтобы он говорил, хочет его слушать. И он всё говорил и говорил, пока не почувствовал, что она задремала. Посидел ещё немного, подошёл к ней, увидел, что она действительно заснула, и тихо вышел из спальни. Заснула она тогда? ... «Угас как свеча», – в голове у него звучал мамин рассказ о смерти отца. Угас как свеча. Что здесь выгорело? Вот лежит его сестра. Лишь когда её сняли с кровати, он увидел, как мало осталось от сестры. Тело как у ребёнка, хоть возьми на руки и вынеси.

Настало время выносить, класть на воз и везти в город на погребение. Мама вцепилась в двери:

– Не дам! Не отдам её! Майн кинд! Майн кинд! – и припала к трупу.

Прежние неистовые крики задохнулись в тупом рёве: «Майн кинд, майн кинд ...» Всё тело ревело вместе с ней, билось в конвульсиях.

Зейдель оторвал маму от трупа, взял за плечи, отвёл на несколько шагов в сторону и, сказав Авруму: «Присматривай за мамой», – быстро вскочил на подводу. Воз тронулся с места. Шлэймэ-Мордкэ, ещё несколько евреев, плачущие жёны тихо расходились. Дом остался пустым, и в этой пустоте разносились мамины рыдания. Он подвёл её к кровати, усадил, взял голову обеими руками. Вехняя половина её тела качалась из стороны в сторону. Плач без слёз, без звука. Это проложилось недолго. Руки разомкнулись, голова упала на спинку кровати, и это падение стало повторяться. Очень быстро голова отделялась от спинки и западала, отделялась и западала. Аврум просунул руку между спинкой кровати и маминой головой. Голова ударялась о его руку. Второй рукой он прижал голову, не давал ей больше отделяться. Голова лежала у него на груди. Ухо его внимало: «Майн кинд! Майн кинд!» ... Это зовёт она Рухэлэ или говорит ему? Никогда ещё не сидел он так близко к маме, не держал её голову на своей груди, не ощущал такой близости к ней. Его рука стала гладить мамины волосы. Почувствовав, что вздрагивание её плеч утихает, он медленно перевёл её голову со своей груди на подушку. Полагая, что она задремала, отошёл от кровати.

Мама не задремала. Уткнув голову в подушку, она всё вздыхала и приглушённо причитала: «Готэню! За что ты меня так покарал?»

---

1   Боженька (идиш)

... Готэню. Бог. Он уже тогда не верил в Бога. Не хотел говорить кадиш по деду, тфилин деда лишь примеривал. Нет, Аврум уже не верил в Бога, того Бога, который карает за катание на коньках, за купание в субботу, за то, что не молился. Он спрашивал Бермана, Городокера, есть ли Бог. Тот сначала рассмеялся, затем стал ему объяснять: Бога нет. Земля, Солнце, звёзды – всё вертится разумно, в определённом порядке. Он слушал Бермана и поражался. После этого читал книги, «знал», как были созданы Земля и звёзды, и больше не удивлялся разуму, господствующему на небесах, на звёздах. Всё идёт как часы. А кто завёл эти часы? Этого он не знал, но уж наверняка знал, что не Бог. Через пару лет, когда Лурье спросил его: «Вы невысокого мнения о богах?» – он с уверенностью ответил: «Бога нет». – «Но в чёрную кошку Вы же верите?» Вот этот вопрос огорчал его и пошатнул уверенность. Лурье тоже дал ему почитать: книги о верованиях, суеверии. Он узнал не только о еврейском Боге, но и о других богах и народах, узнал про иные обычаи, не похожие на те, что учил в ТаНаХе и Геморе ... Много учил, многое узнал. Но знает ли он сегодня больше, чем прежде?

– Готэню! За что ты меня так покарал?

Как может ещё Бог, забирающий у матери 18-летнюю дочь, называться «Готэню»? Когда умер дед, Аврум задавал себе вопрос: что такое смерть? Теперь, слушая мамины причитания Богу: «За что?» – он тоже спрашивал: «За что? Где смысл в этой смерти?» ... Нет никакого смысла, нет!¹ Готэню!

... Может быть, он виноват в смерти Рухэлэ? Не дед, а он, Аврум. Ради него ведь дед гнал в город. Возможно, если бы не он, Рухэлэ осталась бы в селе ... Врач говорил же ... Он также сказал, что это, возможно, перешло по наследству. Что это за болезнь, которая передаётся по наследству? ... Каким человеком он был? Человек не должен видеть ... своего отца, даже его портрета! Он никогда не тосковал по нему, однако это досадно. Сказал раввин Йоханан: «Счастлив тот, кто не видел своих родителей»². Он никогда не понимал это изречение. Какое благо от этого? Мама. Разве мама, которая лежит сейчас на кровати, плачет и жалуется Богу – та же самая, которую он знал до сих пор, за две недели до этого? Раньше мама тоже плакала. Почти каждая ссора с дедом сопровождалась слезами. Те слёзы не только его не волновали, они раздражали его. Мама из его раннего детства кричала ... била и плакала. Затем мама стала родным домом, в котором он спал, ел. Когда уехал в ешиву, недоставало родного дома, мамы-кормилицы ... С того времени, как он приехал сюда, у кровати Рухэлэ, и сегодня, когда Рухэлэ умерла, мама стала совершенно другой ... Одна боль, одна любовь между ним, ею и Рухэлэ.

... Зейдель вернулся поздно, однако успел забежать к нескольким евреям и привести их на миньян. Пришёл Шлэймэ-Мордке, ещё несколько соседей.³ В полумраке звучало печально: «Ашрей йошвей вэйтэха ...»⁴ Мама сидела и тихо качалась, как будто тоже молилась. Аврум слушал молитву, видел силуэты молящихся. Ему казалось, что он видел всё это издали. Какое ему дело до этой молитвы, этих евреев? Какое это отношение имеет к нему, к Рухэлэ? Когда настало время говорить кадиш, и несколько глаз призывали его: «Ну, говори кадиш!» – Аврум почувствовал, как эти люди ... хотят его заставить сделать то, чего он не желает. Зачем говорить кадиш? Его колебание длилось какое-то мгновение, но в это мгновение дом погрузился в молчание, ожидание. Он увидел обращённые к нему мамины глаза, шагнул к «омеду» – стулу на диване – и услышал свой голос: «Исгадал ве-искадаш ...»⁵ Мама снова разрыдалась. Еврейский миньян умолк. Эта тишина давила

1 В романе иначе

2 Из талмудического тактата «Кидушин» 31б

3 В романе иначе

4 «Счастливы пребывающие в Храме Твоём ...» – Тегилим (Псалмы) 84:5

5 «Да возвеличится и святится ...» (древнеевр.)

Авруму на уши. Мамины рыдания стали клокотать у него в горле. Скорее, скорее произнести кадиш, не расплакаться. Он закончил кадиш. Когда отошёл от омеда, его осенила мысль: уехать! Снова кадиш, снова ... Уехать! Прочь отсюда!

Я.-И.Сигал
(Поэт волынской глубинки)

Я не знаю ещё какого-то еврейского писателя, чей мир творчества имел бы такие глубокие и живые корни на Волыни.

Любовь к родному городу, которую Я.-И.Сигал* вызывает своим стихотворением «Бэнкшафт»¹ («Цфат в глубине Волыни»), является редкостью не только у нас. Трудно найти и у других народов писателя с такими глубокими и мощными корнями, достигающими подземных источников.

И ещё одно чудо. Покинув родину в юности, он через всю жизнь пронёс удивительно-поэтическое видение Волыни. Я.-И.Сигал – еврейский поэт бедных полужаснеженных хижин, откуда слышна тихая речь на идиш. Он – поэт сельских евреев, светлых и чистых, как дух небес. Уже перед уходом Я.-И.Сигал пел о своей родине:

«Есть ещё там глубокие живые корни
Из нашей старой жизни поколений».

Он внёс в еврейскую литературу простые серые будни, вечер волынских местечек, отсвет первых звёзд, которые зажигаются для балагул, водовозов, странствующих торговцев и сельских евреев.

Его поэзия ясна, проста, как жизнь волынских еврейских местечек «долины Цфата». Лишь в названиях упоминается еврейский закон. «Барух адошем»² – так называется его последнее стихотворение, написанное перед смертью:

«Слава Господу день за днём,
Хвали Бога за каждый день».

Или вот стих «Ашрей тмими дэрэх»³, подобный пению псалмов:

«Блеклое страдание над насупленными бровями:
Откуда придёт мне помощь?»

Глубоко трогателен его призыв к простым изнурённым работой евреям, несущим ярмо на своих плечах:

«Чего стоите вы, евреи, и грустите?
Скажите мужикам вокруг вас,
Что пробил уже час великой субботы,
Вы, межиричские и брацлавские,
Звягельские и корецкие евреи.
Да, пришла великая суббота».

---

1 «Госка» (идиш)

2 «Слава Господу» (идиш)

3 «Счастливы те, кто благонравны» (ивр.)

Поэт эту субботу принял в своём доме по ту сторону моря, и свет субботы восходит в его пении.

Еврейская Волынь дала нам творца новой ивритской поэзии Х.-Н.Бялика, эпика украинского еврейства Дер Нистера, прозаика Звягельского края Ш.Миллера. Я.-И.Сигал раскрыл нам красоту и чистоту серых печальных будней волынского еврея.

ЗВОН

В Эрец-Исраэль я репатрируюсь
И тосковать буду по Шехине в Изгнании,
По золотому колодцу Бешта,
По простой могиле Брацлавского ребе,
По всему народу в его яме праха,
Искалеченному.

По всем старым могильным камням,
Разбитым вдребезги немецкой солдатнёй,
По всем домам в волынской долине
С продырявленными стёклами.

В Эрец-Исраэль я состарюсь
И снова напишу книгу мыслей,
Книгу Изгнания в память о себе.
А память будет об Изгнании.

Кто знает, хватит ли мне времени,
В ней три главы написаны,
Когда так трепещут потерянные годы,
Боятся грядущего.

Ещё продолжит после меня кто-нибудь другой
И третий ... Следующие придут на помощь.
Продолжение, возможно, такое длинное, как Изгнание,
От Корца и Звягеля до Цфата и Бет-Лехема.

Резня 1919 года

Кто воскресит тех братьев и сестёр, отцов и сыновей,
Чьей кровью напилась земля словно вином (и не стошнило развратницу)?
Нет, невозможно! И возопит пустое и немое пространство.
Суша, море, небеса соединили нас немногих,
И все божества и дьяволы на этом сговоре подписались,
Нашей кровью подписались.
К Богу одному устремляет взор Израиль, скорбящий о потере –
К отмщению!

И.Ламдан

Пинхас Медведик

Звягель в 1918-19 гг.

(Отрывок из архивных материалов Института YIVO в Нью-Йорке)

Наш город имел большое еврейское население, состоявшее из торговцев и ремесленников. Христианское население было представлено чиновниками, торговцами и ремесленниками. До января 1918 г. было спокойно. Это был период демобилизации из русской армии и развития украинского национального движения. У нас тогда стоял 27-й украинский полк.

19 января 1918 г., в пятницу утром, начали сходитьсь крестьяне из пригородов. При поддержке 27-го полка они стали грабить лавки. Было разграблено 800 лавок, а также часть домов. Погром произошёл неожиданно, все лавки были полностью разрушены. Грабёж продолжался с 19-го до 21-го, воскресенья. Русский офицер, который мешал грабить, был застрелен солдатом полка. Городской совет пытался принять меры, но ничем не помог. Грабёж прекратился после прибытия броневедомств. Согласно принятому решению, Азриль Ури (тогда Маляр) сумел прорваться в Житомир и вернулся в субботу вечером с отрядом еврейской самообороны, которая обстреляла погромщиков и прогнала их.

После этого было спокойно. Пришли немцы. Они были с февраля до ноября, $\frac{3}{4}$ года. Во время германской оккупации город ожил экономически и культурно.

В декабре 1918 г., на смену немцам, власть на Украине перешла к Петлюре. В нашем городе петлюровцы находились до 20 апреля 1919 г. В течение трёх месяцев мы не спали из-за страха за жизнь и имущество. Тогда не было ни одного погрома благодаря энергичному коменданту Падалко. Он дал разрешение евреям носить оружие и создать самооборону из 80 мужчин. За это время происходили единичные случаи злодеяний и грабежей.

Семья Лурье, убитая во время седера Пейсах 5679 г. (1919)

Самое большое злодеяние произошло во время первого седера 1919 г.¹ Когда семья Лурье праздновала Пейсах, пришли несколько хулиганов и убили всю семью вместе с 4 рабочими, 2 ешиботниками и 3 христианскими стражниками: всего 14 человек. Резню осуществили солдаты.

20 апреля пришла советская власть. До июля 1919 г. было совершенно спокойно. В первые дни июля на Волыни начались крестьянские восстания против советской власти. Беспорядки начались в Житомирском уезде: Горошках, Пулине. Это были очаги восстания. Во вторник, 8 июля, крестьяне из окрестностей Звягеля направились в город для изгнания советской власти. Советские войска насчитывали 500 человек караульного патруля. Из них 300 христиан перешли на сторону повстанцев, а остальные 200 состояли из евреев, китайцев и около 50 «красных» христиан, не надеявшихся на сострадание повстанцев. Они вели борьбу с 3 часов ночи до 10 часов утра с 10 тысячами крестьян. Крестьяне победили. Около 160 красноармейцев прорвались и убежали из города, остальные были убиты. Став властелинами, крестьяне вывели за город сотни евреев – молодых, стариков, детей, исключительно мужского пола, от 12 до 80 лет – и убили их. Часть из них зарыли живьём. Многих раздели догола и по ним учились стрелять в цель. Среди убитых в тот день были мой отец Хаим Медведик, Аврум Овруцкий и Зеэв Вейценгойз.

Крестьяне сразу же создали свой орган власти, который возглавил полковник Селиванов, человек довольно симпатичный. Остальных евреев, порядка 2000 мужчин, арестовали. В тот день были убиты от 700 до 800 евреев, которых закопали в неизвестных местах. Многие трупы пожирала свиньи и собаки.

Через 7-8 дней после погрома были собраны расчленённые останки и погребены на еврейском кладбище. Из Житомирской улицы позволили убрать несколько сотен убитых, которых захоронили в братской могиле. Кроме того, выкопали несколько сотен единичных могил. Крестьяне не разрешали убирать убитых с Рогачевского шоссе. Только благодаря протекции городского и сельского совета была создана санитарная комиссия, собравшая остальные трупы, которые тоже захоронили. Это удалось лишь с четвёртой попытки (крестьяне три раза не разрешали трогать трупы).

Второй погром произошёл 20 августа 1919 г. Его устроили большевики во время

---

1 14 апреля вечером

отступления. До этого власть переходила поочерёдно от «красных» к местным повстанцам. Во время этого погрома были ограблены и убиты 42 еврея. 18 августа большевики сожгли 800 еврейских домов. Услышав, что горожане музыкой встречают банды петлюровцев, они обстреляли город зажигательными снарядами.

В понедельник, 25 августа, опять был погром, продолжавшийся до 1 сентября. Его совершили часть большевиков вместе с крестьянами. Они переправились через реку, убивали и грабили. Евреи убежали тогда к полякам. Оставшиеся 100 евреев были убиты, все дома ограблены.

В первые дни сентября было спокойно. Власти известили евреев, чтобы те похоронили своих мертвецов. Меньшая часть евреев вернулась назад, а остальные испытывали страх. Власть Петлюры продолжалась две недели, после чего опять пришла советская власть, и еврейское население вновь убежало. На Рош-а-Шонэ ночью¹ город опять был ограблен большевиками. Было несколько случаев изнасилования женщин. В тот месяц проводилась мобилизация, и вся молодёжь бежала к полякам. 1 октября 1919 г. пришли поляки. Город ожил. 60% беженцев вернулось в город, остальные разъехались.

Варшава, 10 августа 1921 г.

---

1 Конец первого дня Рош-а-Шонэ – 25 сентября вечером

Зельман бен Ошер Сафьян

События в Звягеле

(Отрывок из архивных материалов Института YIVO в Нью-Йорке)

Первый погром во время Центральной Рады произошёл 20-23 января 1918 г. Разграблены все еврейские магазины.

При гетмане в городе происшествий не было. 12 декабря 1918 г. город мирно перешёл к Директории. Когда в Киеве находилась Директория, в Звягеле было сравнительно спокойно, несмотря на антисемитскую агитацию, которую вели мещане-христиане и петлюровские офицеры. Когда местные большевики заняли в январе 1919 г. Житомир, помощник коменданта Звягеля Палий выпустил заявление, в котором объявил это «делом рук евреев». К нему тут же направилась делегация еврейских общественных деятелей, просивших его выступить с опровержением. Однако Палий насмехался над ними, сказав, что его не волнует, произойдёт ли погром против евреев, и арестовал двух евреев, у которых якобы нашли большевистские прокламации. Делегация обратилась к высшей уездной власти, и через два дня было расклеено заявление о том, что первое заявление о житомирском погроме выпущено без всяких оснований. Другое заявление было напечатано комендантом Падалко (или комиссаром Выговским).

Когда Директория отступила из Киева, в Звягеле началось настоящая беда. Военнослужащие грабили, избивали и убивали любого встречного еврея. Заходили в магазины и просто забирали без денег различные товары, врываются в дома и убивали евреев. Только если им давали выкуп, они уходили. На измученное еврейское население была возложена контрибуция на общую сумму свыше ½ миллиона рублей. Повседневный террор и неуверенность устрашающе действовали на еврейское население, которое пряталось в домах и каждую минуту ожидало смерти. Как только наступал вечер, закрывали двери и окна на крючок и, не шелохнувшись, с ужасом прислушивались к частым ночным выстрелам на пустых улицах.

В конце февраля, когда большевики заняли Коростень, в Звягеле была паника. Петлюровцы в спешке бежали из города. Комендант Падалко тоже убежал, и это ничего хорошего не предвещало. Вскоре было создано смешанное (из евреев и христиан) рабочее отделение, которое поддерживало порядок в городе. Однако через два дня Падалко вернулся. Хотя все прекрасно знали о его бегстве, он выпустил обращение «Долой провокаторов», в котором объяснял, что слухи о его бегстве являются провокационными, и задал вопрос звягельской интеллигенции (т.е., евреям): с кем она – с Директорией или с её противниками? Падалко требовал вступать в армию Директории, угрожая «жестокими наказаниями» от сечевиков, которые находились возле города. Вся интеллигенция, включая еврейских социалистических деятелей, бежала из города, в который вошёл тогда полк петлюровцев с красными колпаками. Атаман полка 3 марта 1919 г. наложил контрибуцию на еврейское население (сумму я не помню, кажется, 100.000 рублей), угрожая высечь всех евреев шомполами, если контрибуция не будет внесена вовремя. Он также устроил заочный суд над сбежавшими еврейскими социалистами и вынес им всем смертный приговор.

Схватили какого-то Каца, человека, который не имеет никакого отношения к политике, и хотели его убить, поскольку он был однофамильцем одного из еврейских социалистов (объединённых). Еле-еле удалось уговорить этих убийц и спасти его жизнь.

9 марта вечером прибыл эшелон пьяных петлюровцев, которые небольшими группами

направились в город. Самооборона (остатки смешанного рабочего отделения, которое образовалось несколько недель назад во время бегства Падалко) была разоружена группой солдат. А на следующий день начали искать оружие. На Житомирской улице, где произошло разоружение, арестовали около 30 евреев и повели их на вокзал. Там их раздели, избили, мучили и, в конце концов, отпустили, кроме нескольких арестованных.

В начале апреля в город пришли сечевики и хотели учинить погром. Евреи собрались в бес-медреше, чтобы обсудить положение. В бес-медреш пришёл комендант Падалко и торжественно объявил, что погрома не допустит. Для этого приняты все меры. Он ходил к сечевикам и заявил им, что в город они войдут только через его труп. И Падалко сделал всё возможное, чтобы не впускать их в город. Перед Пейсах в городе и окрестности распространилось антисемитское воззвание православной церкви. В Звягеле тогда проходил уездный рабочий съезд, на котором также принимали участие два еврейских делегата – бундовцы Розенблат и Купершмид. Розенблат обратил внимание съезда на погромную листовку и предложил вынести резолюцию протеста против еврейских погромов. 15 апреля съезд единогласно принял эту резолюцию и решил расклеить её текст в городе и уезде.

Местный раввин получил телеграмму от еврейского министра Красного* из Ровно. В ней говорилось о том, что правительство против погромов, происходящих вопреки его воле, и что полная ответственность за погромы будет лежать на местных комиссарах. Телеграмму сразу же распространили по городу. Евреи горько смеялись: «Послали телеграмму раввину, чтобы он не делал погромы. Уж лучше бы эту телеграмму послали самому Петлюре». И действительно, как могло еврейское население серьёзно относиться к телеграмме Красного, если в официальном органе Директории «Вільна Україна», вышедшем в Ровно 15 апреля 1919 г., одновременно с декларацией Рады и рабочего съезда против погромов была напечатана корреспонденция из Киева, в которой рассказывалось, что евреи захватили всю власть и что Красная Армия состоит из одних евреев и нанятых ими китайцев и т.п.

Накануне христианской Пасхи среди христианского населения распространились слухи, что евреи приняли решение взорвать в пасхальную ночь церковь со всеми прихожанами, которые будут присутствовать на ночной службе. По этой причине многие христиане совсем не пришли в церковь, а пришедшие постепенно расходились. В первый день христианской Пасхи, 20 апреля 1919 г., город заняли большевики.

Погром в Звягеле в июле 1919 г.

20 апреля 1919 г. большевики вошли в Звягель, сразу же организовали ревком и стали проводить свою политику. Была создана чрезвычайная комиссия, начали создаваться коммуны вопреки воле крестьян, которых облагали налогами и т.п. По отношению к евреям никаких специальных распоряжений не было. И евреи излишне не бросались в глаза в советских учреждениях. Однако антисемитская агитация всё это время не прекращалась. Видно, действовала организация, преимущественно из местных поляков, которая вела агитацию против советской власти.

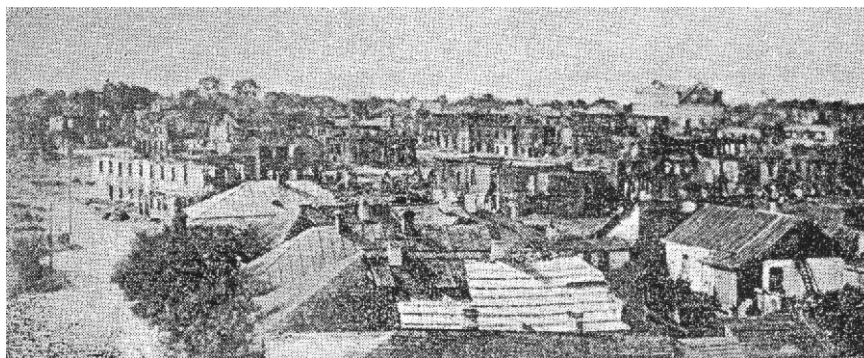
В начале июля в уезде появились банды Соколовского, которые 6 июля подошли к городу. Им навстречу вышел смешанный отряд из местных коммунистов, членов «Идишер комуништишер фарбанд»*, чрезвычайной комиссии и еврейские солдаты караульной роты. Милиция разбежалась уже при первом упоминании о бандах. После короткого сражения возле города коммунисты были разбиты и вынуждены были отступить. Отступая через город, они были обстреляны из домов, главным образом, польских. По дороге их встретили войска крестьян из окрестности, которые шли в город с

целью «повесить коммунистов и расстрелять жидов». 7 июля начался погром, который продолжался до 11 июля. К бандитам также примкнули местные бандиты, служащие, гимназисты, сёстры милосердия и городской врач Петрулевич (поляк), который ходил с бандитами и указывал им на тех, кто, по его мнению, имеет отношение к советской власти. Бандиты выпустили воззвание: они не против евреев, а против коммунистов, которых энергично разыскивают. Было достаточно малейшего указания христианина на еврея, чтобы того схватили и повели в тюрьму. Арестовывали только мужчин, молодых и старых. По дороге многих убивали и топили в реке, почти всех избивали. Особых грабежей не было.

Погромы в Звягеле в 1919 г.

(Отрывок из архивных материалов Института YIVO в Нью-Йорке)

Город расположен на реке Случь. В 1917 г. в нём насчитывалось примерно 20-23 тысячи евреев и около 15 тысяч христиан.¹ Ближайшей железнодорожной станцией было Полонное, в 60 верстах от Звягеля. Железную дорогу провели в 1914 г. До 1917 г. город не страдал от оккупаций и переворотов. Население жило сравнительно хорошо. Большая часть евреев занималась торговлей зерном и маслом, которые экспортировались за границу. Приблизительно 1500 рабочих было занято на металлообрабатывающих и кожевенных заводах. Было также некоторое число швейных и сапожных мастерских, на каждой из них трудилось 15-20 человек.

Варшавская улица и соседние улицы после пожара 1919 г.

В городском совете² из 40 советников³ был 21 еврей. Правление еврейской общины состояло из 26 членов, представлявших все политические фракции. Вскоре после революции 1917 г. руководителем городской милиции был Я.Свитковский (социал-демократ, меньшевик). Являясь по натуре очень деликатным человеком, он не был в состоянии надлежащим образом руководить милицией и ушёл в отставку. На его место нужен был человек с сильной рукой. Таким был бывший царский воинский начальник Бакон, который в немалой степени виноват в первом погроме, произошедшем в Звягеле в 1918 г. и продолжавшемся два дня.

Положение в Звягеле, обострившиеся отношения

В июле 1917 г., в пятницу днём в город вошёл 27-й полк, который был здесь расквартирован. Именно с ним связаны произошедшие впоследствии трагические события. Часть его, а также кавалерия разместились в сёлах. Украинские националистические элементы города тотчас же начали вести антисемитскую агитацию.

После октябрьского переворота (большевистской революции) всё больше стал ощущаться антагонизм между еврейским и украинским населением. В конце 1917 г.

---

1 Численность евреев и христиан, а также приводимое ниже количество рабочих сильно завышены

2 Дума

3 Гласные

Звягель находился не более чем в 120 верстах от фронта. В русской армии, начавшей разваливаться ещё до заключения мира, дезертирство приняло массовый характер. Тёмные голодные солдаты, не чувствуя над собой никакой власти, совершали налёты на города и местечки, грабили всё, что только могли. При этом бывали также единичные случаи убийств. На помощь солдатам приходили местные крестьяне, извлекавшие пользу из воровства и грабежей.

Первый погром

19 и 20 января 1918 г. Звягель пережил первый погром. Он начался в пятницу, 19-го, под вечер¹. Множество солдат, а за ними ещё большее полчище крестьян с мешками и корзинами в руках двигалось от магазина к магазину. Солдаты взламывали магазины и раздавали товары крестьянам по очереди. Ещё характерно то, что погром не носил ярко выраженного антиеврейского характера (он не имел кровавой тенденции, т.е. убитых среди еврейского населения не было), хотя были разграблены исключительно еврейские магазины. Грабя, солдаты твердили: «Мы отбираем всё у них. Городские достаточно себе награбили».

Комендант милиции Баков ничего не сделал, чтобы остановить погром. Он будто бы приказал милиции стрелять, но тайно велел стрелять в воздух. Это прибавило смелости погромщикам, и погром шёл полным ходом. В итоге разграблено 700 еврейских лавок и магазинов (товары на сотнях тележек увозились в сёла). Двое солдат из числа погромщиков были случайно убиты, когда их приятели, проходившие мимо, стреляли вовнутрь магазина, полагая, что там пусто. Также стоит отметить, что в погромной агитации участвовали городские чиновники.

Погромы в Звягеле. Положение в Звягеле

В январе-апреле 1919 г. в Звягеле и округе происходил целый ряд мелких погромов. Теперь банды петлюровцев заходили в жилища и грабили еврейское имущество. Были также единичные жертвы. Особенно невыносимым было положение в сёлах возле Звягеля. В последнее время ужасные погромы произошли в Житомире, Бердичеве и других городах. Но всё же Звягель страдал мало. Это было отчасти из-за того, что местный комендант Падалко, когда угрожала опасность погрома, брал у еврейского населения огромные суммы денег и большое количество товаров, раздавал их озверевшим войскам петлюровцев и благодаря этому спас евреев от смерти. Но такое положение привело к систематическому обнищанию еврейского населения. Торговля и ремесло полностью остановились. Выезд из города был невозможен, так как убийства евреев были обычным явлением.

Большевики в Звягеле

Петлюровские банды, почувствовав, что им придётся отдать город большевикам, находившимся в то время вблизи города, вырезали всех евреев в сёлах вокруг Звягеля. А в самом Звягеле во время первого седера Пейсах 5619 г. они вырезали семью Лурье с 6 рабочими его кожевенного завода.

22 апреля положение радикально изменилось, после того, как большевики, находившиеся в Житомире, заняли Звягель. Они сразу же создали ревком и затянули туда

---

1 В отчёта М.Сегала на английском языке – в пятницу утром

некоторое число местных евреев. Военнослужащих у большевиков было немного, что придавало смелости их противникам. Эти враждебные выступления, в свою очередь, вызвали обострение репрессий со стороны большевиков. В итоге, в начале июля до большевиков дошли слухи о готовящемся нападении на ревком. В воскресенье, 6 июля, когда христианское население собралось в церкви, в ревком сообщили, что в церкви ведётся антибольшевистская агитация. Чтобы защитить себя, большевистское войско окружило церковь и стреляло по ней, рассеяв таким образом собравшуюся толпу.

Нападение на большевиков

Через день, 8 июля¹, войско из 3000 организованных крестьян из окрестных сёл, вооружённых палками, напало на ревком, забрало все деньги и вырезало 115 большевиков. Остальные большевики разбежались, и город остался без власти. Всю ночь стали хулиганы искать по домам «евреев-большевиков» и устроили страшный погром. Большое количество евреев повели за город, на другой берег Случи, приказали им выкопать яму 15-20 аршин длиной, раздели догола, отрубили руки и бросили живьём в яму. При этом происходили ужасные сцены. Погибло до 500 евреев. Я сам простоял всю ночь, ожидая своей очереди. В 2 часа поступила команда сохранить оставшимся евреям жизнь, но держать их под арестом. Хотя не все повстанцы подчинились приказу, многих это спасло от смерти. Руководителем банды повстанцев был Погорелов, бывший царский подполковник. 8 июля он издал указ, согласно которому евреи должны сдать оружие.

Печальный случай произошёл из-за некого Менделя Китай-Бабы, выроodka, служившего в «чрезвычайке». Повстанцы требовали, чтобы евреи его нашли и сами убили. Этого выроodka нашли где-то на чердаке, и пришлось самим убить его во дворе синагоги.

11 июля² Погорелов как будто остановил погром, но потребовал за это от еврейского населения 50 лошадей, большое количество соли и сахара. Евреи всё это предоставили. Кроме убитых за городом в течение трёх дней (8, 9 и 10 июля), большое количество евреев погибло также в своих домах. Много убитых было в сёлах и ближних местечках.

Большевики в городе. Кровавые события в Каменном Броде

11 июля³ в городе наступила тишина, когда прибывший из Житомира бронепоезд с отрядом большевиков выпустил 10-12 снарядов, сильно напугав повстанцев. В тот же день Погорелов бежал из города, захватив с собой 10-12 миллионов советских рублей. Но на станции Чуднов его узнали большевики и убили. Однако это не помешало повстанцам из местных крестьян и рабочих продолжать своё хулиганство. Так, 10 июля, в четверг, они истребили буквально всё мужское еврейское население (127 человек) в местечке Каменный Брод, где находился фаянсовый завод.

Погромная агитация

16 июля в Звягель из Житомира вошёл отряд из 200-300 большевиков. Оставшееся еврейское население, зная, что большевики из-за своей малочисленности могут скоро уйти, и желая избежать резни со стороны повстанцев, основали вместе с христианским населением Звягеля общий тайный комитет. Целью комитета было предотвращение

---

1 В отчёта М.Сегала на английском языке – 7 июля

2 В отчёта М.Сегала на английском языке – 9 июля

3 В отчёта М.Сегала на английском языке – 10 июля

дальнейшего кровопролития. Евреи неоднократно просили большевистскую власть не убивать погромщиков. Однако в городе против евреев велась очень сильная агитация, результатом чего было около 100 жертв. С каждым днём положение становилось всё более опасным. Вместо убитого Погорелова руководство повстанцами взял на себя подонок Стояновский. Все последующие убийства совершались по его приказам.

26 июля вернулись большевики. Банда повстанцев, которая до сих пор пребывала в другой части города, теперь переправилась через реку, в Чижовку, примерно в 12 верстах от города. В тот день в Звягель прибыло большое количество красноармейцев. Город стал постепенно приходить в себя. Но очень скоро его жителям было суждено пережить трагедию, самую ужасную из всех предыдущих.

Делегация к повстанцам

17 августа большевики покинули Звягель. Город временно остался без власти. Гражданский комитет послал тогда делегацию к банде Стояновского. В её состав входили д-р Вольский, ксёндз Кучинский и аптекарь Людвиг Махан. Делегация просила не устраивать погром. Стояновский ответил на это, что ни одного еврея живым не оставит. Когда делегация отправилась к повстанцам, а большевики покинули город, через реку переправилась банда хулиганов. В Нидере они грабили, убивали мужчин, бесчестили женщин, однако в центр города не заходили.

Петлюровцы из Восточной Галиции. Конtribusiя

17 августа¹ в город вошло большое отделение петлюровцев из Шепетовки (прибыли из Восточной Галиции). Они миролюбиво потребовали, чтобы им в течение 2-3 часов предоставили 100 тысяч рублей, 25 пудов соли, сахар и 100 пудов хлеба. Евреи начали вести переговоры. Они указывали, что город уже свыше месяца отрезан от села, и не в состоянии даже самих себя прокормить. Много детей умирает с голода, а взрослые отдают самую дорогую одежду за кусок хлеба. После долгих переговоров удалось откупиться за некоторую сумму денег, примерно 15 пудов соли, немного сахара, которые собрали среди своих.

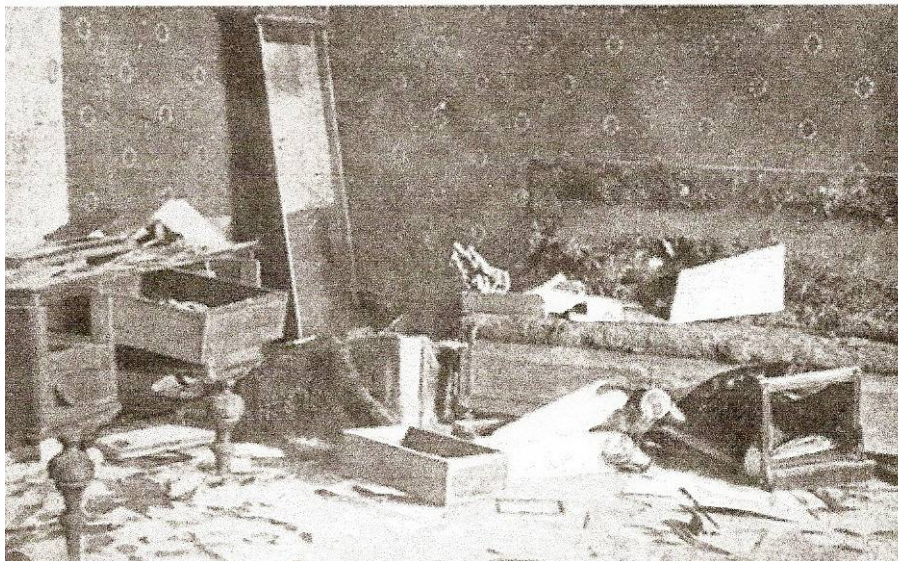
Пожар

18 августа² в Звягель прибыл Стояновский со своей бандой. Евреи приветствовали его музыкой, желая утихомирить банду. А на другой стороне реки, за городом, в это время располагались большевики. Услышав о том, что происходит в еврейском квартале, они из пушек выстрелили несколькими зажигательными снарядами. Начался большой пожар, сопровождавшийся ужасным штормовым ветром. Примерно через 6 часов $\frac{3}{4}$ еврейских домов (около 3000), свыше 1000 магазинов, несколько аптек, 36 синагог и бес-медрешей сгорели дотла. Большая часть еврейского населения осталась голой, босой и без крыши над головой. Началось паническое бегство.

---

1 В отчёта М.Сегала на английском языке – 16 августа

2 В отчёта М.Сегала на английском языке – 19 августа

Комната после погрома

В течение нескольких дней после этого в городе было сравнительно тихо. 23 августа петлюровцы с бандой Стояновского ушли из города, и город вновь остался без власти. С другой стороны реки, из Лубчицы и Жадковки, переправлялись банды крестьян, грабили и убивали оставшихся без крова евреев. Каждый день было 5-6 убитых, и некому было их хоронить. Часть евреев бежала через село Ярунь в Корец. По дороге многих из них грабили и убивали. 26 августа в город вошла банда крестьян под руководством бывшего служащего Кочергина и грабила без всяких помех. Они нападали на оставшихся без крова, самых бедных погорельцев, не имевших возможности бежать, вытащили 47 человек из полуразрушенных домов и убили. И в богадельне, где находилось 40 стариков, было убито 23. По рассказу Этэлэ, полусумасшедшей женщины из богадельни, с помощью «эц хаим»* они задушили старика, сидевшего над Геморой. Этого еврея нашли затем с «эц хаим» во рту и полуразорванным свитком Торы.

Страшный голод и сыпной тиф

Местечки Берездов, Тучин, Красностав и др. были переполнены беженцами из Звягеля. Властвовал страшный голод и сыпной тиф. Ежедневно умирало 25-30 человек.

26 августа я тоже бежал из Звягеля. По дороге меня ограбили, и в Рогачёв я прибыл совсем раздетый. Местный еврей дал мне пальто, и я пустился дальше в Полонное.

Американская помощь

27 августа в Корец вошли польские войска. Вскоре после этого сюда приехал представитель «Джойнта». Он дал 25000 марок для звягельских бездомных и обещал прислать одежду.

Погромы в Звягеле в 5679 г.

А.

Воскресенье, 8-го тамуза 5679 г.¹

Из-за выходного дня в городе нет движения. Лавки закрыты. Правда, после прихода советской власти они закрыты и в будние дни. Ведь торговлю отменили как пережиток прошлого. А в будни много шума и движения. Новые правители, советские служащие, снуют, мчатся целыми днями по улицам: кто на лошади, кто пешком. У каждого папка под мышкой. Спешат в свой ревком, завком, продком, как ангелы в «У-нэтанэ токэф»*. Но сегодня «комы» отдыхают, и в городе господствует тишина.

Школьная улица после пожара в 1919 г.

И вдруг недалеко от нашего дома, на площади возле церкви, начинается движение. Сначала я не обратил на это внимание. Ведь каждое воскресенье здесь собираются крестьяне. Но движение усиливается, толпа растёт, и я начинаю тревожиться: до меня уже доходили слухи о крестьянском восстании в округе. Кто знает, что это означает? А через какое-то мгновение меня зовут к телефону. Со мной говорит один знакомый украинец, который просит срочно прийти к нему. У него ко мне есть очень важное дело, но это не телефонный разговор.

Придя к нему, я застал в доме ещё несколько знакомых. Хозяин довёл до моего сведения, что новый декрет советской власти об отделении церкви от государства вызвал сильный гнев у христианского населения. Им ясно: это приведёт к господству евреев над религией. Они утверждают, что дальнейшая регистрация рождений, браков и смертей, которая до сих пор велась раввинами и попами, отныне будет передана ревкому, то есть «мошке» и «йоське». Состоялось собрание христианского населения, на котором он присутствовал. Приняли решение: если ревком не изменит своего решения, будет пролита еврейская кровь ... В заключении хозяин предложил: вы, евреи, должны повлиять на Ицка, чтобы он отказался выполнять этот указ.

«Ицко», еврейский парень, которого он упоминал, занимал высокое положение секретаря ревкома. Звягельские евреи вспоминали о нём с ненавистью и гневом из-за его революционной деятельности. Нам было хорошо известно, что он не захочет даже выслушать наше обращение. Тем не менее, мы избрали делегацию из трёх человек,

---

¹ 6 июля 1919 г.

которая поспешила на встречу с ним. Он встретил их насмешливо и ответил по-русски: «Ничего, несколькими пулемётными очередями мы разгоним их ко всем чертям!»

Мы прекрасно понимали, что нам угрожает большая опасность и пытались вести переговоры с христианскими авторитетами, но всюду наталкивались на ядовитую атмосферу: те не желали выслушивать наши доводы.

---

4 часа пополудни. На площади перед православной церковью и католическим костёлом собираются толпы христиан. Среди них много интеллигенции, подстрекающей массы и обвиняющей во всём евреев ... Издалека появляются «Ицикл» и его компания в сопровождении солдат караула, верхом на лошадях. Через минуту они врываются в толпу, начинается стрельба. «Ицикл» сдержал своё обещание ...

Б.

Вторник, 10-ое тамуза¹. В западной части города слышны частые выстрелы. Власти отвечают, и стрельба с обеих сторон усиливается. Толпа, которую разогнал «Ицикл» со своей командой, воодушевила крестьян округи, и те начали восстание.

Многие евреи надеются, что с ними ничего плохого не случится. Знают ведь мужики всех городских. Им хорошо известно, что те немногие из евреев, которые были связаны с большевиками, давно убежали из города. Так чего бояться? ... И всё же усиливается меланхолия. Приходят вести: солдаты караула большевиков перешли на сторону повстанцев. По-боевому настроены только еврейские коммунисты и китайцы, которых по одному убивают на улицах. Вот лежит посреди улицы сын р.Нухима Тверского, внук макаровского ребе, известный коммунист.

Стрельба затихает. Один из соседей приглашает меня на миньян. Никто из нас не знает, почему прекратилась стрельба. Через окно я вижу, как по улице идут четыре человека с белыми повязками на рукавах. По-видимому, город находится в руках повстанцев. Я сообщаю об этом молящимся. Все торопятся закончить молитву и идти домой. Я немного промедлил и остался у соседа. Зная о своих небольших «грехах», боюсь показываться на улице, чтобы меня не выдали повстанцам. Через полчаса вижу через окно: отцовский дом окружён «белыми» солдатами. Они стучат в дверь. Папа и все остальные домочадцы выходят им навстречу. А через минуту я вижу, как избивают моего брата. Сестру, которая защищает его, оттолкнули. Винтовка нацелена на отца. Мама падает в обморок. Детишки валяются на земле и ужасно кричат. Я пытаюсь выпрыгнуть через окно, однако ноги отяжелели и не двигаются. Сильная рука (не знаю, чья) крепко держит меня и тянет назад. Больше я ничего не помню ...

Я слышу голос своей сестры, которая говорит мне, что с родителями и детьми ничего не случилось. Из нашего дома забрали Меера и ещё троих парней ... Отдан приказ арестовывать всех молодых, и они выясняют, кто из них коммунист. Ничего, их освободят. Существует специальная следственная комиссия, в которую вошли хорошие христиане ... Больше от сестры мне ничего не удалось разузнать. Под вечер я приободрился, поднялся и пошёл домой. На улице мужчина (конечно, еврей) подвергает себя опасности, а женщина вне опасности. Снова и снова идут мои сёстры в тюрьму, разыскивая наших арестантов, и никого из них не находят.

---

1 8 июля

На всех улицах льётся еврейская кровь. Убитых собирают в больницах, никого просто так не пускают туда. Ведут колонны евреев. Куда? Никто не знает. Мучители дико хохочут и издеваются над пленными. Повстанцы врываются во все дома, ищут, грабят и разрушают. Наш дом не оставляют в покое. Одна банда уходит, другая заходит. И каждый раз мне нужно оправдываться: я не стрелял по церкви и не свергал Николая с престола, не участвовал в коммуне и не развешивал в их церквях портреты «жидов Левина (Ленина) и Лейбы Троцкого». На всех допросах они направляют на меня револьвер. Перед вооружёнными до зубов внуками Хмельницкого я – бессильный червь. И в душе моей кипит страстное желание сжаться как змея и душить их, душить ...

Наконец, и меня ведут, правда, одного. Надо мной тоже издеваются и вот-вот прикончат ... В эту минуту подходит знакомый «гой», и по его предложению меня отводят в тюрьму, заполненную избитыми и ранеными евреями. Вскоре сюда прибывает следственная комиссия. Меня и ещё нескольких, схваченных «по ошибке», освобождают. Я возвращаюсь домой. Меня встречают слёзы радости и печали. Где Меер (брат мой блаженной памяти)? Где Йоэль? Что с арестованными Михелем Шапиро и Эстерманом, искавшими убежище у нас в саду. Мы не знали, что ещё на рассвете их кровь скрыла земля ...

Несчастные женщины, потерявшие детей матери, дети-сироты бродят по улицам. В глазах у них страх, а в устах мольба: не знает ли кто-нибудь, не слышал ли, что с их родными, где они? ...

В.

Ночь. Кругом мёртвая тишина. И вдруг слышен предсмертный крик. Снова тишина, и снова крик. Мой старый отец погружает тяжкие размышления в «Зогар». Кажется, на его лице лежит печать страшных страданий, предшествующих приходу Мессии. Мама вздыхает. Одна мысль, словно тяжёлый камень, угнетает её: где Меер?... А через некоторое время лицо её вновь озаряется надеждой и верой: она ещё увидит его ... Мой младший брат, 11-летний мальчик, плачущим голосом читает псалмы. Другие детишки лежат в обнимку как котята в тёмном углу ...

Слышен лошадиный топот и скрип колёс. Тихо стучат в дверь. Это не стук Эйсавы. Голос Яакова успокаивает нас. Дверь открывается, и входят раввин Корф и двое видных домохозяев. Лица гостей бледные. Раввин рассказывает дрожащим голосом: его вызывал атаман. Тот полон гнева к «жидам-коммунистам» и требует, чтобы евреи сдали находящееся в их руках оружие. В доме шойхета (моего отца) спрятан пулемёт. По свидетельству одной христианки, она видела своими глазами, как мы устанавливали пулемёт и стреляли по повстанцам. Завтра нас будут обыскивать. Раввин закончил свой рассказ и ушёл. Что же будет с нами завтра? ...

Раннее утро. Резни нет конца. Еврейских парней непрерывно уводят из домов и убивают на глазах у всех. В поисках пулемёта погромщики врываются в наш дом и хватают меня, чтобы убить. В это время к нашему дому подходят знакомые русские парни, которые свидетельствуют, что с коммунистами у меня нет ничего общего. Во второй раз я был спасён от смерти. В этот момент раздаётся выстрел, и на моих глазах убивают другого еврея.

Г.

По ходатайству раввинов, христианские священнослужители опубликовали воззвание к народу: «во имя Отца и Сына и Святого Духа» прекратить резню, собраться в церквях и

признать свою вину в невинно пролитой крови. Правда, это воззвание не оказало сильного воздействия на убийц, но немного подняло дух евреев. Начались переговоры с новыми правителями. Сначала правители не хотели даже выслушать еврейских представителей, приходили на встречу с ними с хлебом-солью, но под конец дали согласие на публичную клятву в синагоге. Евреи должны поклясться, что не имеют оружия и будут им покорны.

Четыре часа дня. Под раскатами грома и проливным дождём, потоки которого смешивались на улицах с еврейской кровью, выходит из синагоги шамес с белым флагом в руках в сопровождении раввинов, цадиков и знатных евреев. Шамес шагает впереди и призывает: «Евреи, в синагогу!» И евреи торопливо выходят из домов, присоединяясь к этой процессии.

Но куда направляется процессия? Наяву ли это? Большая толпа евреев останавливается возле церкви. Делегация раввинов и цадиков заходит в дом попа. Через некоторое время они выходят вместе с попом, и он, священник Эйсав, облачённый в рясу, читает проповедь народу Яакова! ...

В Большой синагоге. Целая община с нетерпением ожидает прихода атамана, чтобы поклясться в своей верности и выслушать его жалостливо-утешительную речь. И вот пришёл могущественный атаман маленькой республики. Поднявшись на биму, он густым басом начинает говорить о том большом разрушительном духе, который укоренился в еврейском народе ещё со времён Авраама, Моше и Давида. Но он уверен в себе и в желании нас, евреев, изгнать из себя этот злой дух. Оратор задаёт вопрос, на который ждёт ответа. И вся община отвечает ему: «Так, верно, батько!» Начинается церемония. Все дают клятву верности, которая сопровождается стонами, криками и рыданиями. «Жидовский гвалт» режет нежный слух атамана, и он велит своим людям успокоить толпу. А те знают, как это сделать.

Д.

Десять дней продолжается резня. Наконец, получено разрешение собрать убитых, извлечь тела из ям и перевезти на еврейское кладбище.

Пятница, 20-ое тамуза¹. Мы вынуждены поскорее закончить эту работу и не имеем возможности даже разглядеть как следует трупы для их опознания. Весь день на кладбище везут телеги, нагруженные убитыми. Навстречу им из кладбища к местам убийств двигаются залитые мозгами и кровью телеги, чтобы собрать остальные трупы. С пяти часов утра мы роём могилы и торопимся закончить погребение до наступления субботы. Большая толпа мужчин и женщин стоит возле трупов. Каждый ищет своего. Папа подзывает меня и указывает на чей-то труп. Я останавливаюсь, смотрю на убитого и молчу. Неужели сердце моё окаменело? Разве этот кусок глыбы, напоминающий то ли земляной холмик, то ли груды почерневшей извести, был несколько дней назад живым человеком? Я наклоняюсь и смотрю. Это не плоть и не кровь.

Порезанное мясо ...

– Но, – говорит мне папа дрожащим голосом, – посмотри-ка на эту тряпку. Не его ли это рубашка?

Дрожь пробегает по моему телу, и я наклоняюсь ниже. Рука прикасается к кускам мяса. Меня охватывает болезненный жар. Я весь содрогаюсь, и страшный крик вырывается из моего сердца:

– Мой брат! ...

---

1 18 июля

Е.

9 ава¹ «красные» вновь заняли город. Но ясно, что долго они не продержатся. За ними по пятам гнались польские войска. Целью «красных» была задержать продвижение поляков и обеспечить отступление своих войск на Житомир. И действительно, после завершения отступления они ушли из Звягеля.

В тот же день в город ворвалась банда и за несколько часов вырезала около 50 евреев. Под вечер убийц изгнали отряды петлюровцев. А на следующий день «красные» обстреляли город зажигательными снарядами. В течение трёх часов он был объят пламенем. Сгорели центральные улицы, базар, все лавки, синагоги и бес-медреши.

Через пять дней петлюровские отряды начали отступать из города. Большинство евреев боялось оставаться наедине с бродившими вокруг города бандами и, бросив своё имущество на произвол судьбы, бежало в близлежащее местечко Ярунь.

В итоге, примерно 1200 человек было убито в самом городе и около 600 в близких селениях.

В хешване 5680 г.² поляки опять заняли город. Многие беженцы вернулись в свои дома. Но в это время началась страшная эпидемия тифа, многие болели также воспалением лёгких, и от меча Ангела Смерти в течение трёх месяцев (хешван, кислев и тейвес*)³ погибло не менее 1000 человек.

---

1 5 августа

2 Между 25 октября и 22 ноября 1919 г.

3 С конца января 1919 г. до середины января 1920 г.

Дов Анцелевич, сын раввина из Мозыря Минской губернии

Погромы в Звягеле в 1919 году

Трудно писать сейчас о том, что происходило 34 года назад. Но увековечение памяти о пережитом во время пребывания в Звягеле после октябрьской революции и воскрешение образов горожан считаю своим священным долгом.

Большевики, захватившие тогда почти всю Россию, проникли также вглубь Украины. Петлюровцы отступили, и Звягель перешёл в руки большевиков. Захват не стоил нам на этот раз многочисленных жертв. Большинство еврейского населения, запасшись продуктами питания на чёрный день, было готово к приходу большевиков. Население округа было смешанным: большинство составляли украинцы, часть – немцы и поляки. Все таили ненависть к «советам» из-за многочисленных конфискаций, от которых страдали, главным образом, крестьяне. Началась антисемитская агитация, следствием которой было вооружённое нападение на город. Этому предшествовало нападения и убийства евреев в сёлах и на дорогах. Однажды город захватили банды повстанцев. Завоеватели сразу принялись за дело: на улицах валялись убитые, колонны измученных вели как скот на убой. Некоторых повели за город через мост, приказали им выкопать для себя ямы и похоронили живьём. Многих евреев заключили в тюрьму, и они ждали там приговора. Я предложил своему соседу, Пейсаху Кутману, еврею-жертвователю и образованному человеку, рискнуть жизнью и выйти на улицу ради спасения людей. Старик согласился, но спросил простодушно: как можно спасти в этом аду? Я предложил сформировать делегацию из раввинов и видных людей общины, направиться к командиру повстанцев и просить его прекратить террор, который им тоже наносит ущерб. Одевшись и произнеся видуй, я попрощался со своей семьёй как идущий на верную смерть. Вместе с р.Пейсахом мы прошли Садовую улицу и зашли в дом раввина Корфа, который пребывал в плену апатии и тревог. Раввин присоединился к нам, и мы пошли к цадику р.Шлёмкэ. По бокам улиц и напротив Чернобыльской синагоги валялись убитые, тротуары запачканы кровью. Погромщики вели на казнь группы евреев. Встретив нас, они остановились и хотели арестовать. К счастью, за нас заступился один знакомый местный «гой» из числа повстанцев. Я попросил его дать нам солдата для сопровождения, и мы благополучно добрались до дома раввина Шлёмкэ. По дороге к нам присоединился р.Пинхас Бараш, милый престарелый еврей. Рэб Шлёмкэ выглядел разбитым и подавленным. После того как мы изложили ему свою просьбу, он воспрянул духом и присоединился к нам. В сопровождении приставленного к нам солдата мы свернули во двор Большой синагоги и встретили там сотни повстанцев, большинство которых было вооружено ножами, и крестьян с мешками, наполненными награбленным. Наш солдат смешался с бандитами и исчез. Мы остались одни. Убийцы арестовали нас и потребовали выдать им укрывающихся коммунистов и местонахождение их склада боеприпасов. Бесплезными были все наши объяснения, пока, наконец, они не согласились, что я, самый молодой из нашей группы, принесу им ключи от Большой синагоги для проведения обыска. По их словам, там спрятано оружие. Примерно два часа мы оставались на месте. Над нами нависла смертельная опасность. Но пришёл один из главарей банды и приказал освободить нас. Мы взяли с собой свиток Торы, поднос с хлебом-солью и пошли по главной, Корецкой, улице к дому немца Шульца, где находился штаб повстанцев. В состав делегации вошли раввин Корф, цадики р.Михелэ и р.Шлёмкэ, а также р.Гедали Шихер, р.Пейсах Кутман, р.Пинхас Бараш и я. Мы поручили р.Пинхасу Барашу выразить

свои пожелания. Возле штаба толпились словно хищники вооружённые солдаты. Рэб Пинхас произнёс речь перед командиром. Последний обратился за советом к толпе: как поступить с нами? Ответили: взять нас в заложники, пока не будут раскрыты места укрытия коммунистов и их склады оружия. Если в течение 24 часов их требование не будет выполнено, нас повесят в центре города и призовут убивать всех евреев. Мы пришли в ужас, но какая-то высшая сила ободрила нас. Я подошёл к командиру и попросил разрешения выступить перед толпой как подсудимый, приговоренный к смерти. Он согласился и вышел вместе со мной на балкон. Я собрался с духом и обратился к ним, как к давним соседям, пытался убедить, что у нас нет ничего общего с насилием, которое совершалось против них. Мы готовы собрать местных евреев в синагоге и потребовать от них перед Святой Торой сдать всё оружие. Обещаем также предать анафеме тех, кто не повинуется нашему приказу. Когда я закончил свою взволнованную речь, офицер, по всеобщему согласию, велел крестьянским старейшинам дать нам руку в знак союза и примирения, и те послушались его. Я пригласил командира на собрание евреев в синагоге для согласованной декларации, и тот обещал прислать своего представителя. От штаба делегация направилась к православному священнику, а затем к ксёндзу. Последний раскрыл нам секрет: если бы не делегация, погромщики истребили бы всех евреев. Он обещал собрать общину и запретить насилие. И действительно, ксёндз собрал прихожан в костёле и корил их до тех пор, пока те не развеались и не вознесли руки в знак раскаяния в совершённых злодеяниях.

Затем мы послали людей в еврейские дома с приказом раввината и правления общины прийти в три часа в Большую синагогу на собрание. В установленное время на биму поднялись раввины, руководители общины и представитель военного командования. Член правления общины, г-н Меер Шлаен, выступил с речью перед публикой, а раввины призывали под угрозой анафемы сдать всё оружие, находящееся в еврейских домах. После этих выступлений успокоенные члены общины разошлись по домам и вернулись к своим делам. Большую помощь оказывал нам ксёндз благодаря своему сильному влиянию на власти и крестьян.

Примечание

Мне известно о делегации, направлявшейся к главарю банды на второй день погрома, в среду. На моих глазах в вышеуказанный день евреи шли по улице, где я жил. Во главе процессии шагал р.Шлёмкэ блаженной памяти.

См. М.Бонэ «Погромы в Звягеле 5679 г.» (М.Б.)

Хуна-грузчик и Кашук («Давар», №3, хешван 5708 г.¹)

Грузчики не хотели принимать Хуну в свою компанию. Так уж велики в местечке заработки? И вообще, откуда взялся этот краснолицый? Кто его прислал, из какой тюрьмы он бежал? Видно, хочет этот богатырь отнять заработок у кошерных евреев.

Действительно, Хуна был похож на богатыря. Даже Пиня с длинной широкой бородой и большими нескладными конечностями лишь глядел в его налитые кровью глаза. Глядел враждебно, с завистью, но не пытался состязаться с этим великаном. Чёрнявый Гершл, среднего роста, самый сильный, самый наглый и самый лютый из них, тот самый Гершл, который брал мзду со своих приятелей, даже когда не участвовал в работе, сжимал кулаки, как будто собирался их тренировать. Он оправдывался и успокаивал приятелей: – Погодите же, погодите. Нужно только ловить момент. В конце концов, он – один, а нас десять.

Маленький рыжеватый Вэлвэлэ, обожавший маленьких детей, сидел себе и беспомощно улыбался. Куда ему тягаться?

Итак, Хуна приходил каждое утро и останавливался напротив компании грузчиков, сидевших на своём постоянном месте. Он не повязывал на бёдра фартук из мешковины и не надевал связку толстых верёвок, как было принято у местных грузчиков. Только одна толстая верёвка кокетливо висела у него на плече, гармонируя с надетой набекрень шапкой и выбритым подбородком. Этот человек, наверно, получал удовольствие от своей силы, мира Божьего и всех созданий, трепещущих перед Его ликом. Но подобно животному, чувства были даны ему для постоянной охраны этой силы от неприятелей и врагов. Сила и небытие: велико ли расстояние между ними? Удар в определённое место – и баста! Это примитивное чувство знало всегда о смерти, подстерегающей со всех сторон. Не болезнь, реальность которой не постигает мозг, не голод, утоляемый разными путями, не нищета, которая не страшна бедному, а смерть от рук человеческих. Её нужно остерегаться постоянно, бороться с ней и умирять. Хуна изучал эту науку всю жизнь: либо ты бьёшь, либо тебя бьют.

– Гершелэ, давай поспорим, кто разгрузит товар Сэндэра: я или вы? – провоцирует он главаря, чернявого Гершелэ.

Гершелэ рычит неразборчиво. Он не хочет ещё раз испробовать вкус кулаков Хуны. Но пока Пиня тяжело поднимается и развязывает связку верёвок, прежде чем Гершелэ отдаст команды, а Вэлвэлэ засеменит мелкими шажками, Хуна сам, без чьей-то помощи, катит в тёмный погреб вторую бочку растительного масла. И тогда начинается выяснение отношений с лавочником Сэндэром, галдёж, проклятия, а иногда и драка. Но больше половины платы за работу причитается Хуне.

В конце концов, грузчики убедились, что лучше принять Хуну в свою компанию, иначе тот лишит их заработка. А может, это и к лучшему, что Хуна стал главарём вместо лентяя Гершла, умеющего только выжимать из них последние соки. Лучше Хуны нет товарища по работе. Самое тяжёлое он берёт на себя, просто и без щегольства, как бы расплачиваясь таким образом за свою огромную силу. А вечером все получают поровну, без ссор. Рыжий Вэлвэлэ перестал бояться «Лютого» (так они называли между собой Гершла) и проникся к Хуне симпатией.

---

1   Октябрь 1947 г.

Только одно смущает грузчиков: Хуна не ведёт себя как другие евреи. Кто он такой и откуда? Где его жена и дети? Видно, что он – дикарь, босяк. Все они – богобоязненные евреи. По субботам сидят дома с жёнами и детьми у себя в Нидере, возле реки, где проживает беднота. Они снимают свою замасленную, обсыпанную мукой одежду, надевают субботний костюм, молятся вместе со всеми в своей синагоге и радуются празднику. А он, Хуна, растянувшись на скамейке в городском саду, спит в своей будничной потёртой одежде и своим видом пугает гуляющих там по субботам хрупких девиц. С отвращением удаляются они от логовища этого «зверя». Тем не менее, Хуна пытался несколько раз попасть в общество. Как-то всунул он свою косматую голову в окно синагоги самых уважаемых домохозяев, но его с позором выгнали. А однажды со всеми остальными грузчиками пришёл на кидуш по случаю новоселья одного работодателя. Большой Пиня надел длинную капоту, повязал на шею красный платок. Наглый Гершл начистил до блеска длинные сапоги, которыми щеголял в жаркие летние дни. Борода его, очищенная от муки, была как будто смазана чёрной ваксой. Маленький Вэлвэлэ сидел себе скромно на углу стола, накрытого для них в прихожей. Он желал быть удостоенным внимания маленькой девочки, дочери хозяев, которая стояла на пороге и с недоумением глядела на странных грузчиков, пьющих сегодня «лехаим» как все люди. Только Хуна не казался странным. Вид у него был обычным. Он даже не сел за стол, а выпил три-четыре стакана и удалился. Ему здесь было мало места, да и сила утратила ценность. Здесь было место для остроумных шуток Гершелэ, вновь ощущавшего себя главарём. И Хуна покинул шумное веселье. Водка и святость субботы, придававшие им храбрости и нахальства, к нему не имели никакого отношения.

И всё-таки Хуна стал своим человеком в городе. На базаре привыкли к его растрёпанной внешности, и торговцы не боялись поручать ему ответственную работу. Исчезли опасения, как бы он во время драки не задушил своего товарища по работе. Наоборот, ему поручали охрану магазинов и лавок от воров и хулиганов, и ночью еврейский лавочник спокойно спал. «Всё в порядке, – размышлял он. – Хуна охраняет меня».

Но это утешение было тщетным. Произвол царил и днём, и ночью, и Хуна-богатырь тоже был бессилён против смен режимов и всего связанного с этим. После трёх дней боя Красная Армия отступила на противоположный берег реки и обстреляла оттуда город, плотно заселённый евреями. А когда из подполья вышла армия «белых», те стали искать, кто из евреев стрелял, и устроили страшную резню, после чего опять бежали в леса. А по ночам в город заходили отряды с той и другой стороны. Ни один из них не приносил избавления. И вновь в город вошла «белая» армия. На этот раз она вступила в переговоры с руководством еврейской общины. Они хотят править по закону, вроде бы разыскивают коммунистов и требуют помощи от общины. Им объяснили: партийные убежали ещё перед отступлением армии. Но власть не желает слушать: выдайте нам виновных! Неизвестно, кто шепнул властям имя Кашука. Может быть, это была месть одного из крестьян, ставшего когда-то жертвой козней этого мошенника. Действительно, Кашук был не простым мошенником: слава о нём ходила в городе и всей округе. Этот «перл», которого извлёк откуда-то издалека для своей дочери один богатый домохозяин, сделал её несчастной до конца жизни. Этот молодой человек с точёным профилем, тонкими усиками и кольцами на пальцах умел втереться в чужое доверие. Он играл в карты с начальником полиции, продавал фальшивые облигации. Выдавая себя за врача, выписал лекарство больной крестьянке. А когда та зашла в аптеку, то стала всеобщим посмешищем: «врач» прописал ей «свежую рану за пять грошей». Однажды Кашук «забыл» о том, что у него есть жена и дети, и женился в близлежащем городе на богатой вдове. Когда обман был раскрыт, его выгнали с позором и проклятиями. Он вернулся

домой к жене, которая после смерти обедневшего отца жила большой нужде. Беспризорные дети росли без Торы, а отец странствовал ради своих сомнительных дел. Иногда он приносил драгоценности и снова исчезал на длительное время, а семью оставлял в беде. Бывало, полиция приходила искать в доме этой несчастной имущество, украденное у помещиков. Стыд и срам!

Таким человеком был Кашук, подвергавший сейчас опасности всю еврейскую общину. Власти сделали всех евреев ответственными за его деяния и требовали предать Кашука в их руки. Для них он был не плутом и мошенником, не конокрадом и соблазнителем девственниц, а вождём коммунистов. Крестьяне жаждали расправиться с ним. В городе царил страх. Окружили дом ребе. На Синагогальной улице полно вооружённых крестьян, ставших обученными дисциплине солдатами. Но евреи города знают цену этой дисциплины. Ходят слухи, что Кашук прячется на чердаке дома раввина. Если его найдут там, раввин будет обвинён в соучастии и связи с коммунистами. Матери заламывают руки, дети плачут, мужчины произносят молитву спасения. Но вот говорят, будто видели, как Кашук спускался с крыши дома раввина в соседний двор, пробирался из одного закоулка в другой, перелез через забор и исчез на крыше дома священника. Евреи облегчённо вздохнули. Слышны крики: «Держите его! Хватайте!» И началась охота на «зверя», пытавшегося выбраться из сада.

Хвала Обитающему на небесах! Кашук схвачен в саду священника, а не в доме раввина. Ему связали руки и повели оцарапанного, грязного во двор Большой синагоги. Толпа испуганных евреев сопровождает эту процессию. Солдаты привязывают Кашука к столбу забора, устанавливают стражу и направляются к дому раввина. Стоят подавленные евреи и с трепетом наблюдают за тем, как вооружённые с головы до ног солдаты-здоровилы ведут низкорослого тощего раввина. Солдаты поставили раввина метрах в пяти от Кашука. Один из них протягивает раввину винтовку и приказывает: – Стреляй! Стреляй в эту собаку, пусть он умрёт от твоей руки!

Лицо раввина бледнеет как у мертвеца. Винтовку он не берёт. Вдруг ноги его подкашиваются. Он опускается на колени и падает без чувств.

– Коммунисты! Все вы коммунисты! – кричит солдат. – Если ты не убьёшь его через три минуты, мы покажем вам, как надо убивать. – И его уста извергают поток проклятий и ругательств. – Даём вам только три минуты. Никто отсюда не двинется.

Раввин очнулся от обморока и сел на землю. Губы его что-то шепчут, но слов не слышно. Смертельный страх охватывает людей, стоявших в тот ясный полдень напротив жестоких, готовых на убийство солдат.

Из толпы евреев протиснулся Хуна-грузчик. Медленным, но уверенным шагом приближается он к солдату, протягивает руку за винтовкой и опускается на одно колено. Своим большим телом Хуна ставит преграду между осуждённым и раввином. Прижав к плечу приклад, он прицеливается.

– Опомнись, Хуна, – угрожающе воскликнул осуждённый, – я с тобой ещё расквитаюсь.

Хуна ни на что не обращал внимания. Как всегда, он выполнял свою работу неукоснительно.

Бегство из Звягеля в 1919 году

р.Борух Зукин

1919 год был тяжёлым в Звягеле, особенно для детей. Я, тогда ещё маленькая девочка, помню скопления народа возле нашего дома, стоявшего в центре Корецкой улицы, напротив городского сада. Возле нас жили два врача, которые ходили по городу и узнавали обо всём происходящем или назревающем. Одним из них был д-р Островский, еврей, а вторым – д-р Петрулевич, поляк, но друг нашей семьи. Режимы каждый раз менялись, и не было стабильной власти, которая оградила бы евреев от грабежей и убийств со стороны повстанцев. Все были охвачены страхом. Каждый стук в дверь вызывал панику и бегство через окно в укрытия.

Однажды д-р Петрулевич сообщил моему отцу блаженной памяти, что евреям нашего города грозит смертельная опасность со стороны «белых» повстанцев. Мы передали эту новость нашим близким соседям и решили бежать из города. Ночью оставили дом со всем имуществом и бежали в близлежащее местечко Ярунь. Прибыли туда измученные и подавленные. Большая помощь, оказанная жителями местечка, ободрила нас немного. Несколько дней спустя распространились слухи, что повстанцы намереваются совершить резню в Яруне. Беженцы решили двигаться дальше, в местечко Корец. Весь этот длинный путь мы шли пешком, голодные и томимые жаждой. По пути проходили несколько украинских сёл. Многие крестьяне плевали нам в лицо. Но были и те, кто, сочувствуя нашим страданиям, плакали, качали головой и угощали куском хлеба. Наконец, мы прибыли в Корец. Беженцы пошли искать для себя пристанище в домах местных жителей. Был создан комитет по распределению хлеба беженцам. И вместе со всеми я тоже протягивала руку, чтобы получить кусок хлеба для утоления голода. Этот поступок, который я некоторое время скрывала от своих близких, глубоко-глубоко отложился в моей памяти. Из Корца мы переехали в Межирич и через короткое время вернулись в сожжённый Звягель.

Мой отец блаженной памяти на краю гибели

Это было в 1920 году¹, когда советские войска захватили наш город. Власть ГПУ была

1 Очевидно, здесь речь идёт о событиях 1919 г.

деспотичной. Они проводили конфискацию домов и мебели для канцелярий, арестовывали капиталистов. Страх напал на жителей нашего города. К нашему несчастью, они конфисковали также здания, с двух сторон граничащие с нами, и устроили там канцелярии ГПУ. Мои родители тоже получили приказ о выселении, дабы оградить свои канцелярии от посторонних глаз. Но вот один из руководителей ГПУ, еврейский студент из Киева, пришедший осматривать квартиру, пожалел нас и конфисковал для себя только одну комнату. Он приказал обнести два дома, граничащие с нашим двором, высокой изгородью из проволоки, и местным жителям было запрещено приближаться к ней. Мы были весьма признательны этому парню и старались сделать его пребывание в нашем доме приятным. Он сблизился с нами, и через него моему отцу блаженной памяти, Боруху Зукину, удалось сделать много добра людям, страдавшим от нового режима.

Однажды наше местечко окружили повстанцы. Советские войска стали отступать. Стрельба не прекращалась весь день, многие прятались в укрытиях. После захвата города повстанцы потребовали выкуп золотом. Горожане, по мере своих возможностей, отдавали всё, что у них оставалось. Но через несколько дней повстанцы, не довольствуясь деньгами и золотом, стали возводить разного рода клевету на евреев нашего города. Их уводили за мост на Житомирской улице и убивали без суда. Местные евреи дрожали от страха. Никто не знал, что ждёт его завтра.

В нашем фруктовом саду в маленьком домике обитала дворничиха, пожилая христианка. Она приносила нам воду, мыла полы, убирала двор и шоссе. Эта женщина была как бы членом нашей семьи и знала обо всём происходящем у нас. Однажды в наш дом явилась группа молодёжи из окрестных сёл и обвинила отца в связях с «советами». В доме начался переполох. Никакого выкупа они не хотели. С воплями отчаяния мы прощались с папой, которого повели на казнь в направлении моста. Но старая дворничиха услышала крики и побежала за погромщиками с криками:

– Убийцы, ведаете ли вы, что творите? Этот человек – ваш друг. Многих из вас он спас от ГПУ. Я ручаюсь за него и требую освободить немедленно.

Услышав эти слова, те пощадили папу. Нашей радости не было предела, и мы не знали, как отблагодарить старушку.

Мама

Моя мама, Лея Зукин блаженной памяти, дочь раввина из Лугин, поддерживала своего мужа в добрых делах. Помню, как в канун Пейсах в наш дом приходили нищие за пасхальной мукой. Мама приветливо заводила их в дом и желала им в будущем году из иждивенцев превратиться в жертвователей. В канун дин-торы*, когда мой отец, р.Борух-Бенцион Зукин, исполнял обязанности второго даена у шойхета р.Вольфа Бибера блаженной памяти, она всегда желала ему справедливого суда. По субботам, когда папа, возвращаясь из синагоги, приводил домой ойраха*, улыбка озаряла её лицо. С любовью принимала она и ешиботника, который постоянно ел у нас в определённые дни недели. Мама никогда не жаловалась, когда отец, посещая богачей местечка и собирая у них пожертвования, оставлял её дома одну. Не было слышно от неё и нареканий на материальную нужду после прибытия в Эрец-Исраэль. Известие о смерти единственного сына частично парализовало её. Но и тогда мама старалась не беспокоить отца, чтобы тот мог продолжать общественную работу в мошаве*. Да будет благословенна память о ней и пусть послужит примером для других женщин.

Б.Длугач

Как мы спаслись в 1919 г. во время погрома?

Летом 1919 г. вспыхнули восстания против советской власти. Погромщики выдвинули единственный лозунг: бей жидов и коммунистов! Когда около православной церкви возник пожар, зазвенели церковные колокола, чтобы собрать погромщиков. Их подстрекали к мести евреям, замышляющим сжечь церковь. Евреи закрывали лавки и бежали. Мама пришла домой бледная и озабоченно посмотрела на меня и мою сестру. Папы не было дома. Все мы окаменели от страха и не знали, что делать. Вдруг возле нашего дома остановилась подвода. Зашёл молодой украинец, часто заходивший в мамину лавку, и спросил: «Чем я могу вам помочь?» Мама задумалась. Наконец, она упаковала немного вещей, дала нам несколько монет и велела ехать с этим крестьянином. Попрошавшись с ней, мы спрятались на подводе и уехали из города. Тишина полей и лесов успокоила нас. В селе нас приветливо приняла жена крестьянина. Но в полночь она разбудила нас, повела в погреб и велела на рассвете уходить. Мы бесцельно бродили среди полей, спали в колосьях пшеницы, стараясь избегать проторенных дорог и держаться подальше от селений. В конце концов, нас обнаружили крестьяне, но, услышав, что мы – дочери госпожи Длугач, оставили в покое. Так мы блуждали дней восемь, а потом знакомый крестьянин отвёз нас домой. Маму любили за её доброту, о чём было известно во всей округе. Она давала займы крестьянам, помогала им советами, предоставляла свой дом для отдыха и трапезы. В 1944 г. немцы убили маму и папу. Место их погребения неизвестно. Да будет благословенна память о них.

Медсестра Соня

Из медицинских работников нашего города особняком стоит передо мной образ медсестры Сони. Она прибыла в городскую больницу вместе с потоком беженцев в 1918 г. Я была тогда ученицей школы медсестёр и стажировалась во время каникул в еврейской больнице. Работали мы вместе с другими медсестрами. В городе тогда свирепствовала эпидемия тифа, особенно среди солдат, прибывавших с фронта. Днями и ночами медсестра Соня самоотверженно ухаживала за солдатами, большинство которых лежало на полу на грязных, кишевших вшами соломенных тюфяках, и не обращала внимания на опасность. От большого напряжения она заболела и встретила свою смерть в этой больнице. Почти никто из персонала не знал её фамилии.

Заведующий больницей, д-р Островский, старался достать медицинское оборудование, и это отнимало у него много времени и сил. Д-р Чернобыльский, один из врачей больницы, не успевал даже осмотреть многих больных, которые неслись потоком с фронта и из города, и учил нас работать самостоятельно. В тот же период в больницу приходил Ноях-«дэр ройфэ»¹, не имевший диплома врача и общего образования, но работавший фельдшером и готовивший разного рода лекарства в своей личной лаборатории.

---

1 Ноях-лекарь (идиш)

Фельдшер Н.Винарик (слева) и З.Зайчик

Воспоминания

В памяти моей всплывает период смены режимов в нашем городе. Шла война между войсками Петлюры и Красной Армией. Но объектом общей ненависти были гонимые и беззащитные евреи.

Большевики предъявляли претензии, будто мы помогали солдатне Петлюры. Когда пришли петлюровцы, русские соседи указывали пальцами на нас как на большевиков и пособников Красной Армии. Таким образом, мы оказались между молотом и наковальней и не знали, что день грядущий нам готовит.

Помню, как однажды пришли войска повстанцев и стали хватать евреев. Убийцы вели их через мост, приказывали рыть себе могилы и хладнокровно расстреливали по одному. Я со своими родными бежала к нашему соседу-священнику, чтобы спрятаться в одном из его погребов. Но он прогнал нас с гневом и оскорблениями. В один из тех ужасных дней схватили меня и ещё троих моих товарищей. Нас повели за город. Мы знали, что там нас ожидает верная смерть. Никто не надеялся вернуться оттуда живым. Нас поставили в шеренгу, лицом «к стенке». Каждый ждал своей очереди. Правда, я была одета в форму сестры милосердия, что служило защитой при разных режимах. Но на этот раз они не приняли это во внимание, и меня, как и всех других, осудили на смерть. В последний момент я увидела, что все, кто стоял возле меня, упали. Зная, что скоро придёт моя очередь, я набралась смелости и побежала. Убийцы, очевидно, были чем-то заняты, и это спасло мою жизнь.

А вот ещё один случай. Когда в городе стало известно о массовом убийстве, стали добиваться разрешения извлечь тела из могил и перезахоронить их на еврейском кладбище. После неоднократных уговоров священник согласился ходатайствовать перед властями. Когда трупы извлекли из общей ямы (это было через десять дней после убийства), для их опознания были приглашены родственники. Шойхет р.Вольф Бибер опознал среди убитых своего сына.

П.Мармер

Новоградволынск (Звягель) (Из отчёта о положении звягельских беженцев)

Погромы против евреев начались в июле 1919 г., когда крестьяне округа начали организовывать повстанческие банды под руководством группы офицеров во главе с Погореловым, который принадлежал к кругам генерала Деникина. Банды создавались открыто в окрестностях города. В состав верхушки советской власти входили только два еврея: Киршон и Мельник. Остальные – Зелинский, Чернов, Мискуп, Филиппов, Курняк, Баранов и Корчаков – неевреи. Вдобавок к тому, отношение еврейских рабочих города к новой власти было весьма равнодушным. Поскольку особенно тяжёлые преследования ЧК изливались, главным образом, на горожан, можно было предположить, что гнев повстанцев будет направлен на свержение главных кругов, виновных в совершении переворота. Руководители повстанцев вначале так и обещали поступить. Но фактически пострадали от погромов только евреи.

В ночь на 9 июля банды «белых» повстанцев численностью около 10000 человек начали атаковать город. Советские войска защищались всю ночь, а на рассвете бежали в сторону Коростеня. Не обнаружили «советов» в городе, бандиты излили весь свой гнев на евреев. В самом городе было убито тогда 273 еврея, в близлежащем Каменном Броде – 280 и в близкой округе ещё примерно 100, всего – 653 еврея, в основном, мужчины. Грабежей не было.

На следующий день установилось спокойствие¹, и «белые» (как они себя называли) правили в городе 4-5 недель. Все их приказы и воззвания выходили на русском языке и с очевидной русской ориентацией. Но вот началось общее отступление советских войск, и в городе появились 4-й и 5-й Таращанские полки, а также 7-й и 9-й полки, носившие названия Новоград-Волинских. В течение двух дней своего пребывания в городе они грабили все магазины и дома, а затем отступили в сторону Житомира. Часть из них окопалась на берегу реки Случь и взорвала единственный мост через реку на Житомирской улице. С того дня в городе не было никакой власти. Небольшие советские отряды переправлялись в лодках ночью в город, убивали евреев, которых встречали на окраинах города, грабили всех, кого находили на дороге. Прибывший в город бронепоезд «Вільна Україна» несколькими выстрелами прогнал эти отряды на другую сторону реки. В тот день в город вошла украинская кавалерия, торжественно встреченная толпой горожан и духовым оркестров. На следующий день в город вошёл командный состав второго Сечевого полка. Когда оркестр заиграл украинский гимн, большевики с другого берега Случи стали обстреливать город зажигательными снарядами. Обстрел продолжался 44 часа, и за это время сгорело примерно 800 домов и 2000 магазинов и лавок со всем их содержимым. Все горожане, побросав имущество, бежали в сторону местечка Ярунь. Когда пожар утих, многие беженцы вернулись назад и искали себе пристанище в уцелевших домах.

Через два дня украинские войска начали отступать. Стоявшие за рекой советские войска получили возможность возобновить наступление и разграбить то, что осталось после пожара. Погромы продолжались 5-6 дней. Тогда были убиты 11 стариков в богадельне, а также жена владельца типографии Кармазина и ребенок Корф, над которыми

---

¹ В действительности, резня в домах и на улицах продолжалась в полную силу и на следующий день. Убивали евреев, которые пытались выйти наружу, людей из домов уводили на убой (М.Бонэ)

погромщики издевались и в течение шести дней не разрешали хоронить, пока собаки не погрызли их трупы. В течение шести дней крестьяне-погромщики увозили всё, что нашли в городе. Разбив стены и полы в домах, они затем разрушили молитвенные дома, Большую синагогу и старый бес-медреш, банки и кооперативы. В те дни было убито 83 человека и около 100 ранено.

Город был покинут, и его жители рассеялись в близлежащих местечках: в Корце 4500-5000, в Красноставе – 1000, в Берездове – примерно 1000, а также в Яруне, Эмильчине, Городнице. Суммарное число беженцев Звягеля составляет в настоящее время примерно 13000-14000 человек, которые живут в ужасных условиях: голодные, без белья, одежды, обуви и каких-либо средств к существованию. Теснота в жилищах приводит к эпидемиям сыпного тифа. В одном только Корце около 400 человек болеют тифом. О них вначале самоотверженно заботилась маленькая община, которая помогала расселить беженцев. Но сейчас они не в силах оказывать помощь. Известны также случаи злоупотреблений со стороны некоторых деятелей, в числе которых местный врач. Таково положение беженцев и в других местечках. И если летом можно было бороться с нуждой, то теперь, с приближением осени и суровой зимы, положение стало невыносимым. Мы нуждаемся в государственной общественной помощи больших масштабов. Иначе грозит, Боже упаси, полное вымирание.

Благодаря борьбе с нуждой и болезнями положение постепенно нормализуется. В Корце, где находится большинство беженцев, они связались с американской делегацией во главе с г-ном Моргентау* и английской делегацией во главе с сэром Стюартом Сэмюэлем*, которые обещали им свою помощь. Но пока что она очень незначительная, и беженцы возлагают всю надежду на центральную украинскую власть и особенно на еврейское министерство. В ходе расследований, которые велись украинской следственной комиссией под руководством атамана Коновальца, выяснилось, что евреи относились с презрением и ненавистью к советской власти и встречали духовым оркестром войска украинских повстанцев.

Сейчас необходимо: создать бесплатные столовые для беженцев; открыть детские дома и снабдить их как следует; дать небольшие субсидии ремесленникам и торговцам для приобретения орудий труда или небольшого торгового снаряжения; распределить среди беженцев, которые стали голыми, всё, чего они лишены – бельё, одежду и обувь.

В заключении этого меморандума мы хотим надеяться и верить, что еврейское министерство поспешит нам на помощь и выполнит незамедлительно нашу просьбу.

Подписал от имени правления беженцев при еврейском министерстве
П.Мармер

Подписи подтверждены государственным отделом контрразведки
Р.Шевельбойм

Подписано Центральным Комитетом пострадавших от погромов
Число 10/12, регистрационный номер 15

Получено из архива «Джойнта» в Институте “YIVO” – Нью-Йорк

А.Й.В.

Каменный Брод

Примерно в 30 верстах от Звягеля расположено местечко Каменный Брод, которое было почти еврейским. Фактически, это было село, но считалось местечком и насчитывало примерно 350 еврейских семей. Здесь были раввин, синагога и общинные учреждения. Почти все евреи были рабочими большого фарфорового завода Зусмана. Немногие христиане местечка и округи тоже добывали средства к существованию на заводе. Они поставляли для него камни, глину, кирпичи и везли на станцию готовые изделия. Многие представители рабочего класса были приверженцами «Бунда». Попытки организовать сионистское общество не удалось. Дом раввина был открыт для местных жителей, орхим и общественных деятелей.

Согласно информации, собранной А.Д.Розенталем («Решумот», том 3-й, 5682 г.¹), события развивались следующим образом:

«Во время гражданской войны и восстания гайдамаков в Украине в один из дней тамуза 5679 г.² в местечко пришли несколько человек, одетых в военную форму и вооружённых винтовками. Они созвали крестьян на тайный сход, где, по-видимому, было принято решение убить местных евреев. После этого крестьяне пригласили евреев на собрание, на котором должен был присутствовать комендант, проживавший в доме одного крестьянина. Всех явившихся евреев, примерно четырёхста мужчин, сразу же окружили и повели их в близлежащий лес. Там их ждали другие крестьяне, знакомые и соседи евреев, вооружённые винтовками и топорами. Евреев выстроили в шеренги и начали убивать. Одни были убиты выстрелами, другие – топорами, и их порубили на части. Отцов убивали на глазах у сыновей, а сыновей – на глазах отцов. Следует отметить, что в то время как крестьяне вели евреев в лес, некоторые из них поняли, что им грозит беда, и замыслили напасть на крестьян. Но ребе, который тоже был среди них, отговорил от этого, сказав: «Ведь все эти крестьяне – наши знакомые и соседи. Разве можно представить, что они замыслиют против нас зло?» В местечке был еврейский фельдшер, сионист, популярный в народе, который не пошёл на собрание. На следующий день после резни, когда убийцам стало известно о бегстве фельдшера, они искали его, но не нашли. Пошли к вдовам и сиротам, занимавшихся погребением убитых, и пригрозили им расправой, если те не выдадут фельдшера. Дочь фельдшера показала, где скрывается отец, но фельдшер опередил убийц и застрелился. Убийцы мстили трупу, резали его на части».

Передо мной сидит девочка-сирота лет семи из Каменного Брода. Она рассказывает простодушно: «В четверг взяли папу. В пятницу умерла мама. По окончании субботы заболела тифом сестра. Затем сдохла корова.» - «А ты?» – спрашиваю я. – «Я? – отвечает девочка. – Ничего».

Всё вышеупомянутое выглядит весьма странно. По-видимому, есть много истинного в том, что рассказано в книге Хазановича (с.45). В первой половине июля 1919 г. в Каменный Брод ворвалась группа крестьян-повстанцев во главе с штабс-капитаном Романюком. Они взяли 250 евреев в качестве заложников и решили вести их в Рогачёв (недалеко от Каменного Брода), где находился лагерь повстанцев. Колонну сопровождало

1 Вторая половина 1921 – первая половина 1922 гг.

2 Июль 1919 г.

тридцать крестьян. По дороге кто-то пустил слух, что «из Полонного и Барановки на погромщиков надвигается пятьсот жидов». Стража сразу стала стрелять и убила всех 250 евреев.

Согласно некоторым источникам, погибло абсолютное большинство евреев местечка, лишь немногие спаслись от смерти. Погромщики-убийцы праздновали победу.

Когда в Каменном Броде была установлена советская власть, началось расследование преступлений. Однако неизвестно, были ли наказаны убийцы. Тогда в местечке вновь начали сосредотачиваться евреи, работавшие, как и до резни, на фарфоровом заводе.

С тех пор вести оттуда больше не просачивались, и поэтому неизвестно, какой была жизнь в Каменном Броде при новом режиме. А 19 лет спустя его захватила нацистская Германия, и евреи местечка, как и все евреи Волыни, стали жертвами геноцида 5701-02 г.¹

---

1 1941-42 гг.

Катастрофа и после неё

Виселица в новом квартале возле железнодорожной станции в Звягеле.¹
Снимок найден у немцев. Получено из архива при Институте «Яд Вашем» в Иерусалиме.

«И проклятье тому, кто поёт нам про мечь!
Мести нет, слишком страшны страданья:
Как за детскую кровь казнь отмерить и счесть?
Сатана б не нашёл воздаянья.»

Х.-Н.Бялик «Над бойней»

Мойше Гильденман

Звягель в 1920-1945 гг.

После установления в 1921 г. границ между Польшей и Советской Россией евреи так называемой Восточной Украины были отрезаны от окружающего мира. Волынские евреи после первой мировой войны были сильно истощены физически и материально. Частая смена власти, погромы банд белых повстанцев и Петлюры привели евреев к тому, что собственными силами они были не в силах встать на ноги и обратились за помощью к своим родственникам и друзьям в США. Американские евреи охотно откликнулись на это обращение и при посредничестве «Джойнта» и «Гайаса» щедрой рукой посылали своим страждущим братьям в Украине деньги, продукты питания и одежду. Эти учреждения хлопотали перед правительством, чтобы получить разрешения на въезд и дать возможность волынским евреям эмигрировать. Как известно, для каждой страны существовала квота на въезд в США. Во время войны русская квота не была использована, и теперь можно было получить сертификат без особого труда. Эту возможность использовали тысячи еврейских семей, эмигрировавших к своим

¹ На самом деле, виселица была установлена у входа в сквер в центре города

родственникам и друзьям, с которыми уже много лет не виделись. Большим было отчаяние евреев, оставшихся на советской территории. Они не имели возможности не только воссоединиться со своими американскими родственниками, но даже вести с ними переписку. Американские евреи обратились к своим знакомым, жившим на территории Польши, с просьбой связаться с их родственниками по ту сторону границы, каким-то образом вывезти их оттуда и переправить их в США. За проведение этой рискованной операции они обещали большие суммы денег.

В тот период между Польшей и Советской Россией установились весьма своеобразные торговые отношения. Польские власти выдавали концессии на «дома гандлёвы» («торговые дома»), которые открывали свои склады в приграничных сёлах. Советский покупатель представлялся польским пограничником, и те вели его в склад «домов гандлёвых». После закупки нужных товаров та же охрана доставляла его назад к границе. Советские пограничники, конечно, знали об этой контрабанде, но смотрели на неё сквозь пальцы, поскольку получали от покупателей приличный куш. Концессионерами складов были поляки, бывшие офицеры армий Пилсудского и Галера, либо богатые землевладельцы, чьи имения остались на советской территории. Они проживали в Варшаве, Кракове и других больших городах и проматывали там деньги, которые присылали им еврей-торговцы, фактические хозяева этих складов. Эти торговцы были из Корца, Острога и Ровно. Значительную часть торговцев составляли также звягельские евреи, бежавшие из города после погромов и большого пожара в 1919 г. Чтобы расширить объём торговли, нужно было иметь надёжных агентов на советской территории. Это лучше всего удавалось звягельским евреям, работавшим в «домах гандлёвых».

Когда эти торговцы узнали, что в центре «Гайаса» в Варшаве находятся сертификаты и большие суммы денег для евреев, живших на советской территории, они стали их разыскивать и переправлять в Польшу. Задача была не из лёгких, так как среди разыскиваемых находились пожилые люди и маленькие дети, которых нужно было вести в обход как советских, так и польских пограничников. Роль проводников выполняли крестьяне-контрабандисты из корецких хуторов, чьи хозяйства располагались на польской стороне вблизи границы. Иногда группа попадалась, и людей арестовывали, судили. Чтобы избежать пограничников, контрабандисты вели евреев через леса и болота. Бывали случаи, что беженцы, блуждавшие по дремучему лесу, поздней осенью переходившие по тонкому льду ручьи, простуживались и заболели. Так, житель Звягеля Купершмид продолжительное время лежал в Корецкой больнице, и, в конце концов, ему пришлось ампутировать обе ноги. За нелегальное пересечение границы грозило трёхмесячное заключение. Но корецкие евреи проявляли много сочувствия к беженцам, прятали их от полиции и помогали уехать в Варшаву. Среди спасённых евреев были также жители Звягеля и окружающих местечек.

Примерно в 1927 г. «дома гандлёвы» были ликвидированы, и все связи с оставшимися в Звягеле евреями оборвались. В 1931-35 гг. связи возобновились при следующих обстоятельствах. Речка, протекающая на окраине села Сторожева,¹ служила границей между Польшей и Советской Россией. Ежегодно 6 января, на Крещение, на льду речки устраивались молебны, на которых разрешено было присутствовать крестьянам окрестных сёл на польской и советской территории. С помощью писем или курьеров находившиеся в Польше евреи давали знать своим родственникам в России, чтобы те 6 января прибыли в район Сторожева. После больших хлопот они доставали пропуски и подходили к речке, где под надзором энкавэдистов происходила встреча родственников и друзей, которые уже давно не виделись. Душераздирающие сцены разыгрывались во

---

1 Речка Корчик, приток Случи

время этих встреч. Никто ведь не знал, встретятся ли они ещё раз.

Что нам, жителям Корца, известно о жизни звягельских евреев в 1920-1939 гг.?

После пожара 1919 г. большая часть их покинула Звягель. Во время эпидемии брюшного тифа, свирепствовавшей зимой 1919-20 гг., погибло более тысячи евреев. Т.о., осталось, примерно 8000 евреев. В 20-е годы советская власть построила к северу и востоку от вокзала так называемый «военный городок».¹ Он состоял из нескольких сотен двухэтажных зданий, в которых были расквартированы солдаты двух пехотных полков, а также офицеры с семьями, среди которых было много евреев. Это способствовало экономическому развитию города. Частные ремесленники и различные поставщики откупали у местных крестьян участки земли, на которых строились дома.

В тот период звягельских евреев можно было разделить на три категории.

Первая – **молодёжь** – довольно быстро приспособилась к советскому режиму и пользовалась привилегиями, которые давало советское законодательство, особенно бесплатным образованием. Окончив в Звягеле средние школы, большинство разъезжалось в большие города для поступления в высшие учебные заведения. После учёбы очень немногие из них возвращались в родной город.

Вторая – **люди среднего возраста**. Бывшие торговцы в большинстве своём становились служащими кооперативов и государственных предприятий. Ремесленники создавали артели и с большим трудом зарабатывали на скромную жизнь. Еврейская общественная и культурная жизнь совсем вымерла. Люди встречались только на семейных торжествах или на похоронах. Несколько синагог, которые уцелели после пожара, власть превратила в клубы или библиотеки.

Третья – **иждивенцы**. Так называли стариков, которые из-за своей нетрудоспособности находились на содержании детей. Они были единственными, кто не давал погасить искру еврейства в Звягеле. Известны случаи, когда эти старые немощные евреи восставали против распоряжений властей. Один из таких «могикан», с которым я встретился весной 1946 г., рассказал мне такую историю. Советская власть хотела превратить в комсомольский клуб единственную сохранившуюся синагогу на Корецкой улице, в здании которой раньше находилась ешива «Ор Тора». Не помогли ходатайства в разные инстанции, и однажды утром в синагогу пришла группа комсомольцев, чтобы выбросить на улицу инвентарь вместе со свитками Торы. Пара десятков старых евреев в талесах и тфилинах стали перед орн-койдеш и заявили, что только через их трупы комсомольцы доберутся до священных свитков. Молодёжь, среди которой было немало еврейских паренёв, возможно, внуков этих пожилых евреев, которые так достойно защищали свою святыню, оказалась в неловком положении и не знала, что делать. Когда некоторые из них пошли в райисполком и описали ситуацию, им посоветовали временно оставить в покое старых «фанатиков». Несколько недель после этого эпизода евреи дневали и ночевали в синагоге. И лишь убедившись в том, что молельне уже не грозит опасность, они сняли блокаду.

---

1 сентября 1939 г. вспыхнула война между Польшей и Германией, и через две недели большая часть Польши была занята армиями Гитлера. С ужасом ожидали евреи Западной Украины немецкой оккупации. Но велико было наше удивление, когда ночью 17 сентября

---

1   Время и место постройки «военного городка» указаны неточно

вместо немцев в Корец вступила Красная Армия. Согласно договору между Сталиным и Гитлером, «советы» оккупировали Западную Украину до реки Буг. Несмотря на то, что занятая «советами» территория стала теперь неотъемлемой частью Советского Союза, пограничный надзор на бывшей польско-советской границе не ослабевал. Чтобы пересечь её, требовалось специальное разрешение. Но получить пропуск уже было не так тяжело, и время от времени звягельские евреи посещали своих родственников и друзей, проживавших на бывшей польской территории.

Вскоре после захвата Украины «советы» приступили к строительству автострады Киев-Львов. Во всех городах и местечках, расположенных вдоль этого шоссе, они открыли технические конторы. В Звягеле находился главный склад разных материалов, предназначенных для строительства мостов на отрезке дороги Корец-Звягель. «Советы» мобилизовали меня как инженера-мостостроителя, и в связи с этим мне приходилось часто бывать в Звягеле. Тяжёлое впечатление произвело на меня первое посещение Звягеля в конце октября 1939 г. За те 20 лет, что я его не видел, город изменился до неузнаваемости. Улицы грязные, тротуары во многих местах разбиты, давно не ремонтировавшиеся дома выглядели заброшенными. Окна домов на главной улице забиты кусками фанеры. Особенно печально выглядел город вечером. Редко где горела керосиновая лампа. Ночные фонари не были зажжены. Только у входа в кинотеатр (единственный в городе) тускло горел свет, и там можно было встретить молодёжь, стоящую в очереди за билетом. На остальных улицах редко можно было увидеть прохожего. Та же печаль, что на улицах, господствовала и в домах, в которых я бывал. Приближалась зима, и единственной заботой звягельских евреев были поиски дров или угля, чтобы согреть холодные дома. Простая жизнь самых бедных слоёв населения в бывшей Польше выглядела роскошью по сравнению с нищетой, господствовавшей в Звягеле. Евреи Звягеля интересовались жизнью евреев в странах Запада и очень завидовали своим землякам, успевшим заблаговременно эмигрировать на Запад.

Гитлеровская оккупация

22 июня началась советско-германская война. Захватывая один город за другим, гитлеровские войска с молниеносной быстротой продвигались вперёд. 28 июня они уже были в Ровно. Большой была паника у корецких евреев в связи с приближением немцев, особенно в ночь с 28 на 29 июня, когда все органы советской власти покинули город, оставив несколько энкавэдистов для поддержания порядка. Корецкие евреи искали транспортные средства, чтобы добраться до Звягеля, откуда надеялись эвакуироваться по железной дороге. 28 июня я находился в Звягеле в связи с эвакуацией лагеря польских военнопленных, работавших на строительстве мостов. У звягельских евреев большой паники не было, на что оказали влияние следующие причины. Во-первых, власть дала в их распоряжение достаточное количество грузовых вагонов, а все государственные предприятия вместе со служащими, среди которых было много евреев, эвакуировались на своих собственных грузовиках по шоссе в Житомир. Во-вторых, звягельские евреи надеялись, что немцев надолго задержит «линия Сталина». Так называли фортификационные сооружения из железобетона, тянувшиеся вдоль реки Случь, которые советская власть построила вскоре после установления польско-советской границы в 1920 г.¹ Поэтому звягельские евреи не спешили покидать город. 29 июня был сильный налёт немецкой авиации на железнодорожную станцию, который продолжался полчаса. Погибло несколько десятков корецких и звягельских евреев, были разрушены четыре

---

1 В действительности, эти сооружения строились в середине 1930-х гг.

поезда, предназначенные для вывоза государственного имущества и эвакуации гражданского населения. Это послужило главной причиной того, что примерно 2000 евреев не успели покинуть город. «Линия Сталина» не могла долго сдерживать штурм немецкой артиллерии и авиации, и 30 июня ею овладели гитлеровские войска. Примерно в тот же день немцы вступили в Звягель.¹ Этот день можно считать началом уничтожения звягельских евреев.

Немцы, осуществляя свой хорошо продуманный план уничтожения еврейства, не применяли одни и те же методы на всех оккупированных территориях. Евреев Царства Польского они не спешили уничтожать, и последнюю партию из Лодзинского гетто вывезли в Майданек и Трешлинку лишь в апреле 1944 г. Евреев Западной Украины, вплоть до бывшей советско-польской границы, включая Корец, уничтожали в два захода. Первая большая акция прошла в канун Швуэс 1942 г.², т.е. почти через год после оккупации этих территорий. А вторая акция, которая фактически была окончательной ликвидацией, началась в первый день Сукойс 1942 г.³

Зато евреев, живших на советской территории (к востоку от прежней границы), немцы начали уничтожать сразу же после захвата. Исключением были крупные промышленные центры, где из-за нехватки людей в качестве бесплатной рабочей силы использовались евреи. Например, Харьков и его окрестности немцы заняли ещё в ноябре 1941 г. и вскоре создали два лагеря: один – для русских военнопленных, а второй – для физически крепких евреев. Евреи работали на знаменитом тракторном заводе. Лишь 15 сентября 1943 г. были уничтожены 15 тысяч харьковских евреев. То же самое происходило в Кисловодске и Краснодаре, где немцы создали импровизированные гетто, откуда евреев направляли на принудительные работы на окрестные заводы и в угольные шахты. Ликвидация последних 5000 евреев была осуществлена лишь 5 июля 1943 г.

В Звягеле больших заводов не было, и немцы в труде евреев не нуждались. Уничтожение началось сразу после захвата города. Первыми убивали солдаты фронта, которые врвались в еврейские дома, грабили и убивали.

---

1 Звягель был оккупирован 8 июля 1941 г.

2 21 мая

3 26 сентября

Снимок из архива при Институте «Яд Вашем» в Иерусалиме под названием «Изгнанники в Новоградволыньске»

Вскоре среди украинцев распространилась весть о том, что немцы убивают евреев, и в город примчались банды убийц, вооружённых топорами и ломami. Не забыли они захватить с собой и мешки, а некоторые прибыли на подводах и после убийства завладевали всем имуществом жертв. Потомки Хмельницкого, Гонты и Железняка, затопивших в 5408-09 гг.¹ Волынь и Подолию реками невинной еврейской крови, теперь вновь получили возможность утолить свою ненависть к еврейскому народу. Это также нашло выражение в злодеяниях по отношению к несчастным евреям Звягеля и местечек вокруг него. Дикие оргии продолжались три дня, пока не был назначен немецкий ортскомендант вместо военного коменданта. Тогда же была создана украинская районная администрация и украинская «шуц-полицай». Ортскомендант посылал по городу военные патрули, которые разгоняли банды украинских убийц и грабителей и собирали оставшихся евреев в деревянных казармах в конце Полонской улицы. Несколько дней продолжались розыски скрывавшихся евреев. В этих розысках большую помощь оказывали местные жители. Собранных евреев уводили группами к дворцу Мезенцева, который был традиционным местом уничтожения ещё со времени петлюровских погромов 1919 г. Там их заставили выкопать ямы и расстреляли. Часть евреев расстреляли у крутых берегов речки Смолки, а остальных – в Пилиповичской роще, вместе с частью евреев из местечек Яруня и Емильчино. Таким образом, было убито примерно 2000 звягельских евреев. Несколько десятков евреев немцы оставили для обслуживания оккупантов и выполнения разных грязных работ, к чему их «благородные» руки не хотели прикасаться. Эти евреи находились при комендатуре под надзором группы немцев, возглавляемой печально известным Булем. О нём речь пойдёт ниже.

---

1 1648-49 гг.

Корецкий еврей Бунек Гильденман, шофёр по профессии, направлялся в конце июля 1941 г. с группой немцев в Звягель на конфискованном грузовике. На Корецкой улице дорогу загородила большая толпа людей, военных и гражданских, и ему пришлось остановить автомобиль. Перед глазами Бунека Гильденмана предстало ужасное зрелище. Со стороны Гутинской улицы, возле каменного дома Шмуля-Дувида Мармера, появилась двухколёсная тележка. На ней лежала бочка, а на бочке сидел немец. Тележку тащила молодая женщина. Её тело покрывала лишь разорванная окровавленная сорочка. Немец непрерывно хлестал длинным кнутом по обнажённым плечам и голове несчастной женщины. Толпа сопровождала это зрелище громким хохотом и насмешливыми замечаниями. Бунек затем узнал, что имя этой женщины – Докторман, но чем она провинилась, узнать он не смог.

Ликвидация последних 18 звягельских евреев

Об этом рассказал мне в январе 1946 г. житель Звягеля Йосиф Гуральник, который в начале войны эвакуировался, а после освобождения города вернулся назад. Представленную ниже мерзкую картину описал ему сосед-христианин, видевший всё собственными глазами. Как я ранее упоминал, надзор над оставшимися в живых евреями осуществлял немец Буль. Он был очень строг, за малейшую оплошность избивал их до смерти или натравливал своего постоянного провожатого – большого волкодава. Бывали случаи, когда Буль убивал нескольких евреев во время работы.

В августе 1941 г. в Звягеле появились объявления: «В ближайшее воскресенье в 12 часов дня в городском саду состоится народное гулянье с участием оркестра пожарников. Приглашаются все горожане. Вход свободный».

Ещё до назначенного часа городской сад был битком набит празднично одетыми горожанами. Ровно в 12 часов через главные ворота вошёл оркестр пожарников, а за ним под усиленной охраной ввели 18 евреев со связанными цепями руками. Завершал процессию немец Буль со своим большим псом. Он приказал евреям стать полукругом. Оркестр заиграл марш. Буль отвязал пса и, указывая на одного еврея, крикнул: «Принести мне нос того грязного еврея!» Собака набросилась на несчастного и откусила кусок лица. Затем Буль приказал принести руку второго еврея, часть тела третьего еврея, и собака послушно выполнила команды убийцы, к большому удовлетворению собравшейся толпы. Душераздирающие крики несчастных заглушали звуки оркестра и смех зрителей. Мenee чем за полчаса от 18 евреев осталась масса окровавленных тел. После этого их погрузили на подводу и увезли за пределы города для захоронения.

Звягель после второй мировой войны

Звягель был освобождён Красной Армией в январе 1944 г. Как только эта весть дошла до звягельских евреев, находившихся в эвакуации в разных уголках Советского Союза, они начали собираться в обратную дорогу. Впервые приехав в освобождённый Звягель осенью 1945 г., я застал там примерно 3000 евреев. Большинство из них поселилось в центре города, главным образом, на Житомирской, Корецкой и левой стороне Гутинской улицы. На периферии и боковых улочках евреи боялись проживать. Во-первых, в окрестностях города орудовали бандеровцы, которые вели партизанскую войну против «советов» и находили убежище у крестьян предместий. Евреев и коммунистов они ненавидели в равной степени. Во-вторых, многие еврейские дома были заняты крестьянами из Сусел и других сёл, которые даже не думали их освобождать. А в центре города они испытывали страх перед властью и выселялись из чужих домов. Помню такой

случай. Братья Курляндчики, служившие офицерами в Красной Армии, вернулись после войны в Звягель. Они обнаружили, что в их доме, находившемся в узкой улочке, возле бывшего бетонного завода Пагеля, проживает крестьянин. На многочисленные просьбы освободить дом тот отвечал отказом. Лишь после обращений к властям дом был возвращён Курляндчикам. Перед выселением крестьянин в отместку выломал все рамы в окнах и развалил печку. Была зима, стройматериалы достать тогда было невозможно, и до весны братья не могли вселиться в свой дом.

Евреи чувствовали себя чужими в родном городе. В домах их родственников и друзей проживали крестьяне, принимавшие активное участие в уничтожении владельцев этих домов. Убийцы с чистой совестью и без страха пользовались награбленным имуществом и с ненавистью смотрели на «недобитков», как они называли уцелевших евреев. Власть очень вяло реагировала на жалобы евреев на жестокое обращение со стороны иноверцев, а также на просьбы освободить их дома. Из-за такого отношения властей и связанного с этим наглого поведения местных убийц и грабителей звягельские евреи совсем пали духом и жалели о своём возвращении. Ещё хуже была обстановка в маленьких местечках, где бывали даже случаи убийства целых еврейских семей. Это стало причиной массового исхода оттуда евреев и их переезда в Звягель. Побывав в Звягеле в последний раз в апреле 1946 г., я встретил там много еврейских семей из Яруня, Рогачёва, Городницы и других местечек.

Тяжёлым было материальное положение звягельских евреев после войны. Имущество, которое они имели до войны, было разграблено или уничтожено. Приходилось всё создавать заново. Поскольку государственный аппарат ещё не функционировал как следует, все бывшие служащие были безработными. Ремесленники объединялись в артели и тяжело трудились, а остальные евреи голодали. Они стали выносить на улицу и продавать крестьянам домашнюю утварь, одежду и обувь в обмен на муку и масло. Эта меновая торговля постепенно превратилась в стабильное занятие большинства евреев.

В бывшей Варшавне* на месте сгоревших домов находилась так называемая «толкучка», куда евреи выносили на продажу свой скарб. Вначале власть смотрела сквозь пальцы на этот «чёрный рынок». Но когда объём торговли расширился, городская администрация установила определённую плату за право торговать старыми вещами. Позже она разделила всю территорию на пронумерованные места. За определённую плату каждый житель мог купить постоянное место, на котором ему разрешалось поставить столик или даже построить будку. Христиане, завидуя «лёгкому заработку» евреев, тоже покупали места и ставили будки. Продавать им было что: у каждого имелось много награбленного еврейского добра, которое выставлялось без страха и стыда. На прилавках у них лежали шёлковые талесы, серебряные подсвечники и ханукальные светильники. На вопрос: где они это взяли? – те отвечали, что выменяли у немцев на масло и яйца. На «толкучке» постоянно царил напряжённый настрой. Христианские торговцы притесняли еврейских торговцев, выдвигали против них разные обвинения, часто провоцировали драки, стараясь отравить и без того нелёгкую жизнь. Для этой цели использовались возвращавшиеся с фронта военнослужащие Красной Армии. Украинцы спаивали солдат и натравливали их на евреев, как это было зимой 1945 г., когда пьяный офицер ворвался на еврейскую свадьбу и стал стрелять, ранив жениха и многих гостей.

Однажды я был свидетелем такого инцидента. Возле меня на базаре стояли молодой прижимистый украинец и пожилая еврейка. Оба принесли продавать масло. В тот день на базаре был спрос на масло. Украинец хотел купить у еврейки масло, чтобы остаться единственным продавцом. Еврейка не соглашалась с предложенной ценой. Тогда украинец вспылал: «Сейчас ты увидишь, проклятая жидовка, что я тебе сделаю». Рядом стоял грузовик с солдатами и офицерами, которые возвращались домой из Польши.

Украинец подошёл к офицеру и что-то сказал шёпотом. Офицер тут же обратился с вопросом к еврейке: «Откуда у тебя это масло?» Еврейка ответила, что сбила его из молока своей коровы. Офицер стал глумиться над ней, обвинял во лжи, утверждал, что масло она достала обманом у местных крестьян. Под конец он силой вырвал из рук еврейки масло. Увиденное взволновало меня. Я схватил офицера за руку и сказал ему: «Фронтовик, не делай худа этой еврейке. Она овдовела, детей убили». Эти суровые слова потрясли офицера. Раскайвшись в содеянном, он оставил её в покое. Подобные случаи были повседневным явлением.

Совсем иначе представляли звягельские евреи свою дальнейшую жизнь после четырёх лет скитаний по самым заброшенным уголкам Советского Союза. Находясь в чужих домах, среди чужих народов, они мечтали о возвращении в свой город, в котором родились и провели большую часть жизни. Тогда, наконец, наступит для них спокойная жизнь. Но действительность не оправдала ожиданий. Всюду встречали они враждебные взгляды убийц, которые становились ещё более кровожадными и ненавистными. Власть не взяла евреев под защиту и очень вяло реагировала на совершаемые против них злодеяния. В официальных кругах такое поведение объясняли тем, что властям пришлось испытать много несчастья от бандеровцев, и защита евреев могла бы вызвать ещё больше раздражения у тех украинцев, которые симпатизировали националистам. Возможно, что яд, оставленный Гитлером на оккупированных территориях, добрался и до власти, во главе которой стояли должностные лица русского и украинского происхождения.

О сильной подавленности звягельских евреев может свидетельствовать тот факт, что к апрелю 1946 г., т.е. за год и четыре месяца после освобождения города, они не предприняли никаких усилий к установлению памятника или, по крайней мере, обнесению временной оградой братских могил, в которых покоятся примерно 2000 их собратьев. Я более чем уверен, что это не сделано и по сей день. Пройдёт ещё несколько лет, и могилы сравняются с землёй. По ним пройдёт украинский плуг, и не сохранится память о последнем поколении евреев Звягеля, погибших мученической смертью.

Господь воздаст за их кровь. Да починут они в мире!

Звягель в упадке

Мирный договор между Россией и Польшей от 22 октября 1920 г. утвердил переход Звягеля в состав Советской России. Это вызвало изменения в составе его населения. В ночь перед передачей города «советам» наиболее активная часть жителей и вместе с ней социально-культурные учреждения покинули город и переехали в Польшу. Численность населения, которое и без того было истощено погромами и частой сменой режимов, значительно уменьшилась.

С упрочением в стране советской власти и переходом экономики от «военного коммунизма» к нормальному состоянию в город стали возвращаться многие жители. Они сталкивались уже с новыми, совершенно чуждыми им людьми, прибывавшими сюда со всех просторов России.

Звягель превратился в приграничный город и занял важное стратегическое положение в обороне Советской России. Советско-польская граница проходила в 25 км от города, и всё это пространство было покрыто густыми лесами, скрывавшими несколько сёл. К востоку от города течёт широкая река Случь, прокладывающая путь среди высоких скал и сосновых рощ. Это замечательное сокровище охраняет город от дурного глаза.

«Советы» дали верную оценку положению города и вкладывали большие усилия для превращения его в один из наиболее важных приграничных форпостов. Издалека в город привозили рабочих, инженеров и техников, служащих и военных. Звягель стал притягательным центром для жителей широких просторов России. В этом городе, восставшем из руин и принявшем новый облик, с изменившимся населением, которое приспособилось к новым порядкам, существовала маленькая община старых евреев, реликтов, хранивших «тлеющие угли». В то время им было тяжёлее всех: советская конституция не разрешала общественные богослужения. Все синагоги и бес-медреши были конфискованы, превращены в рабочие клубы или приспособлены для других общественных нужд. В школах запрещалось преподавание иврита. Сионистское движение жестоко подавлялось, а его участники ссылались. Несмотря на это, национально-сионистская деятельность велась подпольно, и её отпечаток был заметным. Она вышла за тесные рамки старшего поколения и проникала в другие круги, где, казалось, была совершенно чуждой. Велось обучение детей, действовали курсы для взрослых, сохранялась связь с центрами сионистского подполья. Делались попытки, большей частью удачные, перехода границы и репатриации в Эрец-Исраэль.

Следует отметить выдающихся людей, старожилы Звягеля 20-30-х годов, которые трудились и сеяли внутри не признававшего святынь еврейского населения семена национального возрождения. Как муравьи собирали они семена и приносили в подполье. Дьявольское нашествие не дало им возможности пожинать плоды ...

Дошедшие до нас вести свидетельствуют о доблести, проявленной жителями Звягеля, в особенности молодёжью, в борьбе с нацистскими оккупантами. Советское правительство сделало много для спасения еврейского населения от когтей нацистов, и большая его часть эвакуировалась вглубь России. Но многие остались в городе, и им довелось испить до конца горькую чашу. Звягельские евреи самоотверженно боролись с нацистами, которые несли потери.

Свидетельством тому служит письмо одного юноши из Звягеля, опубликованное в «Форвертс»*. Оно

включено в книгу «Кидуш га-шем»¹, выпущенную под редакцией Ш.Нигера издательством «Ламед»:

«Это происходило в конце 1941 г. Мост по Житомирской улице был полностью разрушен. В городе снова появились нацисты. Они заняли Суловскую улицу и близлежащие дома на Полонской и Житомирской улицах и оттуда начали свои злодеяния.

Сначала отдали приказ комитету еврейской общины предоставить рабочую силу. Это требование было направлено против стариков и детей. Фактически, таковым был состав населения. Другие возрастные группы либо покинули город, либо были мобилизованы в армию.

Нацистские звери полагали, что им будет легко издеваться над беззащитным населением. Но они испытали горькое разочарование. Словно из-под земли, в ночном мраке появились подпольщики, убивали немцев, сжигали их склады и жилые дома. Однажды они подожгли Суловскую улицу, и немцы, проснувшись ночью, бежали в панике как с терпящего бедствие корабля. Нацисты не имели возможности потушить пожар, который охватил Житомирскую, Полонскую и близлежащие улицы, и отступили в местечко Коростышев. Евреи воспрянули духом и смогли похоронить убитых.

Еврейская самооборона Звягеля, проявившая себя ещё в 1905-1919 гг., показала свою силу нацистам и уничтожала убийц. В документе, находившемся у командира Звягельского нацистского гарнизона, говорится, что в результате сопротивления евреев было уничтожено более половины лошадей и транспортных средств, а также более двух третей солдат.

В начале 1942 г. в Звягель проникли жители Корца, Кременца и окружающих местечек, которые мужественно сражались с немцами. Они также занимались спасением уцелевших, часть которых впоследствии достигла Эрец-Исраэль.

Однажды оставшихся в городе стариков и старух, которым тяжело было ходить, сосредоточили на территории, где раньше стояла Чернобыльская синагога. Почти все они держали на руках детей, чьи родители были убиты. Оттуда их повели к старому еврейскому кладбищу. Жертвы стояли наготове, сцепив зубы и не издав ни вздоха. Глаза их были полные гнева к убийцам. Звучала песня «Ани маамин»², которая во время Катастрофы заменила «Шма Исраэль».

Но вот произошло чудо. Вдруг появились с топорами в руках два еврея-грузчика, работавшие возле железнодорожной станции, и начали убивать нацистов. Разумеется, их расстреляли на месте. Но эта кровавая драма вдохновила 16-летнюю девушку обратиться к оккупантам с пламенными словами: «Люди-звери! Мы оплатим вам не только «око за око». Не будет вашим душам покоя. Наша невинная кровь будет требовать воздаяния. Эта кровь будет кипеть в волнах бури и не затихнет, пока мы не разрушим ваши города и дома до основания» ...³

Под натиском Красной Армии и партизан нацисты в начале 1945 г.⁴ ушли из города. Постепенно сюда стали возвращаться оставшиеся в живых горожане и восстанавливать разрушенное.

В то же время часть звягельчан пробивала себе дорогу в страны Запада в надежде достичь Эрец-Исраэль. Удалось это немногим.

Евреи Звягеля, проживавшие здесь на протяжении 250-300 лет, внесли большой вклад в духовное наследие народа и написали блестящую страницу в его истории.

---

1 «Мученическая смерть» (ивр.)

2 «Я верю» (ивр.)

3 Описанные здесь события выглядят маловероятными

4 В действительности, 3 января 1944 г.

А.Ури

Нацисты в Звягеле

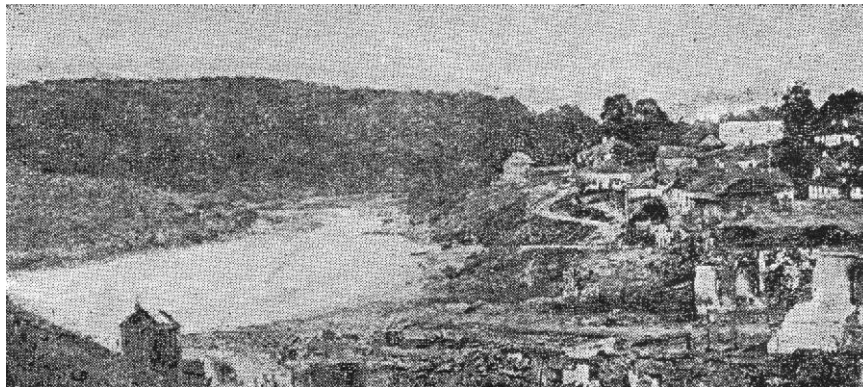
(по рассказу Хаи Розенштейн-Пиркис, дочери Зейделя-стекольщика, и её дочери Марим)

До начала второй мировой войны наша семья жила в Корце, недалеко от Звягеля. 1 сентября, после германского нашествия на Польшу, мы, спасаясь от страшных налётов авиации, вместе со многими другими бежали в русскую зону, в Звягель, где ещё было тихо. Там наша семья оставалась до начала нападения на Россию – 22 июня 1941 г.

В тот день как с ближних мест, так и с бывшей территории Польши началось массовое бегство евреев в Звягель, откуда они вместе с эвакуируемыми учреждениями надеялись добраться до Киева и дальше вглубь России. Власти обещали эвакуировать мирных жителей и собирали служащих учреждений с их семьями. Однако через несколько дней немецкие самолёты разрушили железнодорожную станцию со всеми вагонами и грузовиками, и власть перестала заниматься эвакуацией гражданского населения. Даже многие семьи служащих получили отказ. Была паника, все пустились бежать пешком или на подводах через окрестные местечки Барановку, Полонное, Соколов в сторону Житомира и далее до Киева. Благодаря тому, что обе мои дочери работали в государственных учреждениях, мы 27 июня с большим трудом втиснулись в последний военный эшелон. Поезд еле полз и каждый раз останавливался. Люди вынуждены были искать укрытия от налётов авиации. К счастью, дорога ещё не была разрушена, и через двое суток мы прибыли на одну из станций возле Киева. Несколько дней спустя нас отправили на грузовой барже вниз по Днепру, и через день мы добрались до Днепропетровска. Город был разрушен, и нас вскоре эвакуировали на Дон, а оттуда – в Узбекистан. Там мы находились до конца войны и много страдали от голода и тяжёлых болезней, а ещё больше – от недоброжелательного отношения со стороны местных жителей. Люди падали как мухи и не получали от них никакой помощи, даже сострадания ...

Большинство тех, кто бежал на подводах и пешком, до Киева так и не добрались. Неожиданно они были окружены прорвавшимися немецкими частями. Их погнали назад в Звягель, несколько дней продержали в Нидере, в разрушенных зданиях возле старой бани, а затем погнали через мост на Житомирской улице к дому Мезенцева, заставили копать себе яму, расстреливали или бросали туда живьём. Массовое убийство этой группы беженцев произошло в последние дни июля 1941 г., примерно через месяц после начала нападения на Россию.

Кузнечная улица в Нидере

Во время этой казни произошёл следующий инцидент. В городе схватили дочь Бенциона Сегала, владельца крупорушки. Она уже давно была замужем за русским служащим, выкрестилась и имела взрослых детей. Полагая, что ей как христианке нечего бояться, осталась в городе. Один сосед донёс, что она еврейка. Не помогли свидетельства мужа, детей и нескольких соседей о её вероисповедании. Немцы издевались над ней и бросили вместе со всеми живьём в яму. Вырвавшись оттуда, она закричала: «Слушайте, звери! Вы никогда не отмоетесь от преступлений. Я горжусь, что я еврейка, и презираю вас. Проклятие Божье ляжет на вас и не даст покоя. Наша невинная кровь будет требовать отмщения и не успокоится до тех пор, пока не разрушатся до основания ваши дома» ... Её расстреляли. В те дни в Звягеле не осталось ни одного еврея.

Часть беженцев, которым удалось продвинуться дальше, была схвачена вблизи Киева. Немцы заставили их рыть себе могилу в чистом поле. Среди беженцев была также сестра моей невестки, дочь Ицыка Киликиевского,¹ которая бежала пешком с двумя дочурками: одной было 16 лет, а другой, Шейне, около 10.² Во время расстрела мать заслонила собой младшую дочку, и обе упали в яму. Но девочку пули не задели, и она осталась лежать под трупом матери. Убийцы засыпали яму лишь тонким слоем земли, чтобы на следующий день заполнить её новыми жертвами. Ночью, когда все ушли, девочка выкарабкалась из ямы. Она была совсем голой и, найдя детское пальтишко, набросила его на себя. Бежала через поле куда глаза глядят и вскоре упала без сознания. Через какое-то время Шейна услышала во мраке чьи-то шаги. К ней подошёл крестьянин, возвращавшийся домой с работы. Девочка в слезах рассказала ему о том, что с ней случилось. Он сжалился над ней и взял к себе домой. У крестьянина и его жены не было своих детей, и они решили удочерить её и заботиться как о собственном ребёнке. Через некоторое время её послали даже на учёбу в Киев,³ где она находилась до лета 1944 г. В Киев тогда начали стекаться эвакуированные, которые возвращались домой. Девочка сильно тосковала по родному дому и стала просить у своих приёмных родителей разрешения поехать в Звягель, чтобы узнать о судьбе остальных родственников. Крестьянин сочувствовал ей и дал согласие, но жена не хотела её терять и отговаривала от поездки. Но после неоднократных уговоров она всё же разрешила ей ехать при условии, если та пообещает вернуться назад. После долгих мучений девочка добралась до Звягеля, но не нашла там ни одного еврея. Те, кто издалека казались ей похожими на евреев, избегали показываться на людях. Иноверцы, занявшие еврейские дома, насмехались над

1 На самом деле, эта женщина (Хася Киликиевская) была матерью невестки (жены брата) Хаи Розенштейн-Пиркис

2 Старшей дочери, Зине, было в то время около 30 лет, а Шейне – 13.

3 Не соответствует действительности

ней, когда она спрашивала о своей родне. Наконец, ей удалось получить адрес своего немого дяди, брата отца, Ицыка,¹ сына шапочника Хайкеля Киликиевского. Вскоре после убийства родных он убежал в лес к действовавшим недалеко от Звягеля партизанам, среди которых было немало евреев. Там доблестный Ицык подрывал мосты и железные дороги, а в конце войны получил медали от высшего военного командования. Он проживал в одной развалюхе на Житомирской улице.² Неожданная встреча с ребёнком сильно поразила партизана. Он сразу же привёл её к нам (прошло несколько дней после нашего возвращения в Звягель). Мы тогда получили также весть от сестры, которая возвращалась домой и добралась до Киева. Девочка уже не хотела нас покидать, но настаивала на выполнении обещания и поехала вместе с дядей назад к своим спасителям. Её просьбы, в конце концов, оказали на них воздействие. Крестьяне согласились на её отъезд и дали на дорогу несколько мешков зерна и овощей. Так она осталась у родни в Звягеле.

Когда мы вернулись в Звягель в начале 1944 г., в нём было лишь несколько еврейских семей, вернувшихся из эвакуации: Лейбл Бальнеров (из семьи портного Янкеля Гершенгорна), доктор Зуник с женой, Авербух и мы, Розенштейны, из семьи Зейделя-стекольщика, а также некто из семьи Сралис, проживавшей на Корецкой улице. Некоторое время нам негде было жить, поскольку иноверцы заняли все оставшиеся еврейские дома и не хотели уходить оттуда. Прибывавших евреев они встречали с ненавистью. Как те посмели вернуться? Они полагали, что со всеми евреями уже покончено, и удивлялись, снова видя их перед собой. Власти чувствовали себя ещё неуверенно, не хотели раздражать местное население и игнорировали требования евреев. Несмотря на это, до конца 1944 г. в городе скопились нескольких сотен еврейских семей, и они постепенно устраивались рабочими на заводах и в мастерских, а также государственных служащими.

В то время в городе было не более четырёх синагог: Большая синагога, в которой находилась большая мастерская³, маленькие синагоги возле моста по Житомирской улице и на Корецком шоссе, а также Чернобыльская синагога на Гутинской улице, в которой был комсомольский клуб. Все остальные синагоги, как и вся Школьная улица, были разрушены, за исключением дома цадика р.Мордкелэ, восстановленного его внуком Йосэлэ. Сохранились также несколько больших каменных домов Шмуля-Дувида Мармера, Лейзера Цимлс Штейндела⁴, Бенциона Гофмана, городской сад и большое здание напротив, в котором прежде находилось полицейское управление, а также частично одна сторона Гутинской улицы.

Оставшиеся свитки Торы были спрятаны в укромных местах, поскольку посещать общественные моления люди боялись. Однако пожилые евреи рано утром, перед уходом на работу, тайком собирались в нескольких домах для богослужений. Знали об этом немногие.

Приняв решение выехать за границу для репатриации в Эрец-Исраэль, мы боялись рассказывать о своих планах даже родственникам и друзьям. Одобрил наш отъезд только старый отец, р.Зейдель, который мечтал о том, что хоть кто-то из его детей будет жить в Эрец-Исраэль. Остальные родственники испытывали страх перед скитаниями.

Стоит вспомнить следующий эпизод. Перед отъездом мой муж встретился со знакомым, высокопоставленным евреем из НКВД. Тот сначала разозлился, узнав о том,

---

1 На самом деле, Ицык Киликиевский – её старший брат

2 Не соответствует действительности

3 Здание этой синагоги было полностью разрушена в 1944-45 гг.

4 В действительности, дом Штейндела был полностью разрушен ещё в 1919 г.

что наша семья хочет эмигрировать из России: «Зачем? Вам здесь чего-то не хватает?» Но вдруг он понизил голос и сказал: «Знаю, друг мой, Вы хотите ехать в Па-ле-стину. Так езжайте скорее, пока об этом не узнали. Удачи Вам, воссоздайте там настоящую еврейскую семью и живите с Вашими гордыми детьми счастливо на нашей исторической родине ... Дай Боже и мне добраться туда через несколько лет и встретиться с Вами!» – протянул на прощание руку и быстро исчез. Эти слова поразили нас и заставили ускорить отъезд. Мы добрались до Эрец-Исраэль, хорошо устроились и очень счастливы.

Звягель

По месту рождения я не волынец. Впервые ступил на волынскую землю в 1940 г. как беженец. Но волынский ландшафт, волынские евреи, их прелестный сочный идиш покорили моё сердце.

Судьбе было угодно, чтобы я увидел начало и конец разрушения волынского еврейства. Но впечатление, которое произвели на меня эти тяжёлые годы, было огромным. Как я не стараюсь подчеркнуть свой «полонизм», своё польское происхождение, верят мне с трудом. Критики говорят мне, что я волынец. В моём идиш чувствуется волынский привкус. Итак, я стал одним из волынцев.

Как уже было сказано, впервые я ощутил волынский аромат в 1940 г. Прибыл на Волынь не так, как все беженцы из Польши. Ехал я через Житомир, Звягель и Сарненский железнодорожный узел до Ровно. История была такая. Из Белостока я приехал в Гомель. Прожив там почти год, побывал в Киеве и оттуда решил рвануть в Ровно. Понятно, что это рискованное путешествие было нелегальным. Но об этом напишу, возможно, в другой раз. В Житомире и Звягеле я не останавливался, только бросил мимолётный взгляд на эти города. Один-два дня оставался на пограничной станции Олевск. В обедневших еврейских местечках моё внимание привлекла здоровая еврейская молодёжь, опечаленная тяготами того беспокойного времени. Она оставила в моей душе неизгладимое впечатление.

Когда вспыхнула советско-германская война, я находился в Сарнах на курсах учителей. Прodelал путь пешком до Ровно, а из Ровно – в Тучин, где находилась моя семья. В первые дни войны Волынь была похожа на брошенный на произвол судьбы улей. Сонные съевшиеся лица украинцев с тусклыми взглядами преобразились за одну ночь. В их глазах пылал огонь. Я распознал будущих убийц.

«Убегайте, евреи! Бегите куда глаза глядят! Бегите от своих соседей и от немцев!» – говорил я в те дни.

Мечтой ровенских, костопольских, тучинских, людвипольских евреев был Звягель. Ровно уже сильно бомбили. Итак, мы пустились в бывший пограничный город, который двадцать с лишним лет как будто пребывал в летаргическом сне и не развивался. Наоборот, из Звягеля людей больше выслали. «Советы» полагали так: меньше народа – больше безопасности. Поэтому, когда мы прибыли туда, город был полупустым. Никто не пускал нас через порог. В каждом видели шпиона. Мы околачивались без дела до вечера. Только когда стемнело, нас приютила одна еврейская семья: женщина лет тридцати с лишним, дети. Помню, это было в переулке за железной дорогой. Хозяйка была рада нам и делала всё возможное, чтобы помочь гостям.

Здесь я провёл два дня. Молчаливые евреи с добрыми глазами. Люди с замками на устах. Беседу мы вели взглядами. Время от времени я слышал еврейский стон. Эта тревога передалась и нам.

Внешне всё выглядело здесь так, как и прежде: те же дома, те же деревянные избышки. Еврейской молодёжи, как и в Ровно и других еврейских городах, я не видел.

Таким для меня был Звягель в июне 1941 г.

Звягель в апреле 1944 г. был совершенно другим. Нет евреев. Сгорели целые улицы. Украинцы красиво одеты. Я вижу на них еврейскую одежду. Много русских военнослужащих, но мало евреев. Я их почти не вижу. Никто не хочет выставлять напоказ свою еврейскую физиономию. Значит, боятся. На ухо шепчут об убитых бандеровцами в городе, за городом, на дорогах.

Возле вокзала кто-кто подходит ко мне и говорит по-русски: «Не крутитесь здесь! Нельзя с Вашей внешностью гулять по Звягелю. Послушайте мой совет!» Я гляжу на этого человека и молчу. Что ему сказать?

В военной парикмахерской сидят люди и ждут своей очереди. Возле меня русский капитан. Проворный парикмахер, то ли поляк, то ли украинец, танцует вокруг нас с бритвой. Он рассказывает капитану, почему немцы убивали евреев:

– Немцы любят яйца и курочек, и евреи у нас на это охочи. Немцы испугались, что останутся без яиц и кур, и поубивали евреев.

Я вскакиваю со стула и хочу броситься на парикмахера:

– Ты – нацист, немецкий агент! Ты сеешь вражду между народами! Наверное, сам тоже убивал!

Капитан молчит, но обеспокоен. Это видно по его нервным движениям на стуле. Наконец, он обращается ко мне:

– Солдат, из какого ты отделения? Где твой пропуск, чтобы гулять по городу ...

Видимо, он не заметил моих погон, которые опять вошли в моду. Погон не было видно, потому что они были накрыты полотенцем для бритья.

Я сорвал с себя полотенце и сказал:

– Капитан, я не потерплю нацизма в освобождённом Звягеле! Я еврей и офицер. Не перед тобой буду я отчитываться о своём нахождении в городе. Пойдём в штаб и там поговорим!

– Дайте работать парикмахеру! Чего ты горячишься? Не мешай работать! – поддержали его остальные солдаты. Я увидел, что нахожусь в одиночестве, хлопнул дверью и ушел.

После этого встретил одного еврея, и тот своим рассказом о разрушениях надорвал моё сердце. Надо бежать отсюда. Но как?

Той же ночью я поехал дальше. Когда я думаю о том времени, на память приходит тот звягельский еврей. Где он сейчас? Кто он? Вопрос остаётся без ответа.

Тель-Авив. 25 января 1954 г.

Уничтожение евреев Барановки

Когда нацисты вошли Барановку, они организовали особое гетто. Всех евреев выгнали из своих домов, втиснули в несколько изб и запретили выходить на другую улицу без специального разрешения. Христианскому населению было запрещено иметь какие-либо связи с евреями. Каждый день выходили новые приказы, невыполнение которых грозило смертной казни. У евреев отбирали золото, драгоценности одежду. Им было запрещено учиться и молиться. Они должны были делать только то, что им велют.

Каждый день евреев гнали на тяжёлую грязную работу. Через несколько дней убийцы собрали часть мужчин, втокнули в тесную избу, где было насыпано битое стекло, и заставили танцевать босыми ногами. Затем их, истекающих кровью, выгнали наружу и погнали дальше. У некоторых выбили глаза и зубы. Замученные до полусмерти, они рыли себе могилы и были похоронены в них живьём.

После каждой резни убийцы обещали сохранить жизнь остальным, если те будут вести себя как следует и точно выполнять приказы. Но резня продолжалась. Они не хотели убивать всех сразу. Сначала мучили жертв, били и унижали, постепенно лишая их человеческого достоинства. Самые лучшие и самые красивые люди превращались в слабые безвольные тени-автоматы. А последние приказы были особенно страшными. У матери забирали ребёнка и убивали у неё на глазах, разрывали надвое или хоронили живьём. Слыша душераздирающие крики детей, некоторые матери с воплями истерики бросались к ним в ямы.

Уцелели лишь те немногие, которые были эвакуированы советской властью. Сейчас они рассеяны по всей России. Возвращаться некуда. Остались считанные дома, напоминающие старое забытое кладбище.

В Житомирской области

(Отрывок из «Форвертс», Нью-Йорк, от 10 мая 1944 г.)

Еврейский офицер Красной Армии описывает уничтожение нацистами всех евреев Барановки и Любара.

«... По рассказу майора Зямы Островского, ни один еврей не остался в живых в местечках Барановке и Любаре, в которых до прихода нацистов проживало значительное еврейское население, – передаёт представитель ИТА* в Москве 9 мая. – Вернувшись на днях с фронта, он посетил оба местечки и разговаривал со свидетелями, присутствовавшими во время нацистской резни.

Резня в Барановке началась 19 июля 1941 г., когда штурмовые отряды выгнали за пределы местечка несколько сотен евреев и расстреляли их. Среди жертв были 68-летний Мильцин, кассир Барановской сберкассы, 72-летний Гурфинкель и 74-летний Мойше Рибалов. „Жители местечка рассказывали мне, – сообщил майор Островский, – что спустя две недели вода в реке Случь недалеко от места расстрела была красной от еврейской крови.”

Вторая резня произошла через две недели. Жертв затолкали на грузовики и вывезли за пределы Барановки. Свидетели видели, как штурмовик проткнул штыком старую еврейку Сару Цимашанскую, поднял её и швырнул в один из грузовиков.

19 августа 1941 г. нацисты вывели свыше 200 евреев за 7 км от Барановки к участку левее Дубровского шоссе. Несчастных построили в ряды, приказали копать себе могилы, а затем расстреляли. Позже они проводили облавы в окрестных сёлах в поисках евреев, прятавшихся у крестьян. 6 января схватили 594 еврея. Пойманных вывели из местечка к месту недалеко от Звягельского шоссе. Голых детей до 12 лет привезли на подводах и расстреляли. Один рабочий завода по фамилии Ковальчук рассказал Островскому, что многие дети были погребены живьём в братской могиле вместе с их расстрелянными родителями.»

Партизанское отделение «дяди Миши»

(Из книги «Милхемет га-партизаним»¹ – издательство «Эйנות», Тель-Авив)

В лесах Житомирщины, недалеко от Звягеля, и в соседних областях пользовалось известностью имя уроженца Корца, инженера Мойше Гильденмана («дяди Миши»), командира русско-еврейского партизанского отделения.

После резни корецких евреев во время «большой акции», произошедшей в канун Швуэс 5702 г.², он потерял жену и дочь. Оставшись с единственным сыном Симхой (прозванный Лёнкой), решил бежать в лес к партизанам, однако ждал подходящего случая.

23 сентября 1942 г. было замечено, что к полицейской управе подъехало несколько грузовиков с полицейскими, которые устанавливали охрану вокруг гетто. Это означало, что медлить больше нельзя. Ему вместе с сыном и ещё десятью евреями, среди которых были две женщины, удалось незаметно выйти из гетто и переправиться возле села Устье через реку Случь. Был у них тогда лишь один револьвер с 4 патронами. Они скрывались в глубине лесов возле села Ушакова. Эта группа затем стала ядром так называемой «евгруппы» – еврейского партизанского отделения под руководством «дяди Миши». В поисках оружия они нападали сначала на лесных сторожей, добыли русскую винтовку и револьвер. Имея на вооружении несколько винтовок и револьверов, устроили засаду группе полицейских, проезжавших в окрестностях Рокитного для мобилизации украинской молодёжи на работу в Германию, убили 6 полицейских, добыли 6 винтовок, 2 револьвера и 3 ручные гранаты. Дальнейшие нападения на небольшие полицейские управы обогащали их арсенал. В своё отделение они принимали других евреев, бродивших в окрестных лесах. Через несколько недель у них было достаточно оружия для снаряжения новых партизан.

Поскольку в лесах ещё не было русских партизан и бесчинствовали бандеровцы, группа переместилась в Полесье. По пути из Клесова в Рокитное её окружили немцы.

1 «Партизанская война» (ивр.)

2 21 мая 1942 г.

Большинство партизан погибло, а те, кто спаслись, действовали некоторое время в районе Высоцка, позже перешли в Житомирскую область. Тогда (13 января 1943 г.) была создана «евгруппа» под названием «Дядя Миша».

После встречи с соединением Сабурова большинство евреев-партизан Сабурова было переведено в «евгруппу дяди Миши». В 1943 г. «дядя Миша» получил приказ из Москвы мобилизовать в своё отделение украинскую молодёжь. Со временем евреи стали меньшинством и составляли не более 30-35% отделения. Несмотря на это, его название и руководство оставались прежними. Отделение «дяди Миши» атаковало и рассеяло войска противника в сёлах Розважеве, Александровке, Норинске, Веледниках, разрушило мост через реку Тетерев возле Брусилова (февраль 1943 г.) и железнодорожный мост возле Олевска (март 1943 г.). Во время взрыва кинотеатра в местечке Наровле (21 июня 1943 г.) были уничтожены все находившиеся там немецкие военнослужащие.

Незадолго до освобождения края они атаковали противника в Новых Шепеличах, возле Чернобыля, и после шестичасового боя выбили его из местечка. Эта победа имела большое значение, позволив Красной Армии переправиться через Припять и продолжать наступление.

Среди бойцов «дяди Миши» выделялась отважная 17-летняя Сара-Либа Зигман, или, как её называли партизаны, Люба. Особенную популярность она завоевала после того, как собственноручно стреляла в районного начальника полиции Коростеня Петра Цуканова, бывшего лейтенанта Красной Армии, который попал в немецкий плен, закончил спецшколу «гестапо» и принимал активное участие в операциях немецких войск против партизан.

В годы войны Люба испытала множество метаморфозов. Родилась она во Львове, в 1941 г. училась в Московской консерватории. Из-за нехватки рабочей силы её вместе с другими студентами послали в Брянскую область в колхоз. Когда в село вошли немцы, она как еврейка очень боялась за свою жизнь. В сельсовете ей удалось получить удостоверение личности на имя Любы Андросовой, якобы дочери хозяина, у которого она проживала. Её, как и всю сельскую молодёжь, мобилизовали на работу в Германию. Через некоторое время она была освобождена от работы как непригодная к тяжёлому физическому труду. На обратном пути Люба сошла с поезда возле Ровно, ушла в лес и встретила с партизанами «дяди Миши».

В отряде она влюбилась в еврейского партизана Йосэлэ, у которого было партизанское прозвище «Монах». Когда её избранник сердца был убит группой полицейских Цуканова во время выполнения диверсии на железной дороге, Люба сообщила руководству партизанского отряда о своей готовности идти в Коростень и убить Цуканова, из-за которого партизаны несли большие потери. В конце концов, она под видом русской девушки, возвращающейся из Германии в своё село на Брянщине, устроилась домработницей у Цуканова и завоевала его доверие. Находясь в его доме, Люба передавала в отряд через связного важную информацию о планах полиции и предотвратила таким образом потери среди партизан. В одном из сообщений она докладывала, что Цуканов едет завтра в десять часов утра на своей машине из Коростеня в Емильчино для встречи с руководством отряда «бульбовцев». Перед отъездом Люба просила Цуканова взять её с собой. Цуканов, мечтавший весело провести время с русской девушкой, охотно согласился. Партизаны устроили ему засаду на дороге. После первых выстрелов автомобиль остановился, и Цуканов вместе с Любой пустился бежать к близлежащей роще. Когда он потянул её вглубь рощи, Люба выхватила револьвер,

который вытащила у него во время поездки, и застрелила Цуканова.

Отряд «дяди Миши» освободил сорок евреев (столько осталось через четыре месяца от 220 человек), работавших в лесопильной мастерской возле местечка Веледников. Большинство евреев погибло от тяжёлого труда и недоедания, либо было расстреляно управляющим лесопилки, немецким садистом Фридрихом Крифалем. О страданиях евреев сообщила партизанская связная Галя, работавшая поварихой у охраны.

Из-за скудного вооружения напасть на мастерскую, которую охраняло большое число полицейских, было почти невозможно. Также было опасение, что на помощь охране быстро придёт немецкий гарнизон из Веледников. Но когда Галя сообщила, что немцы готовятся ликвидировать в ближайшие дни сорок евреев и вместо них дать работу русским военнопленным, командование решило больше не мешкать и любой ценой освободить обречённых на смерть. Через связную Галю и при участии бригадира еврейских рабочих командование разработало подробный план нападения на лесопилку той ночью.

Около полуночи «дядя Миша» с группой партизан приблизился по глубокому снегу к воротам мастерской и спрятался в укромном месте, ожидая перерыва у рабочих. Ровно в полночь раздался звон колокола на перерыв, и два выстрела «бесшумки» уложили двух охранников. Их место заняли два партизана, надевшие тёплые шинели убитых. Через 20 минут в мастерской снова донёсся шум пил и машин. Первые четыре еврея, подошедшие к воротам с пустой вагонеткой, рассказали, что управляющий Фридрих за невыполнение рабочей нормы наказал их, лишив часа отдыха. Поэтому из мастерской смогли вырваться только 24 еврея, толкавшие вагонетку с древесиной к машинам, а другие 16, работавшие возле пилорам, вынуждены были оставаться на своих местах. Но командир не хотел бросать на произвол судьбы остальных и послал к трём евреям, толкавшим вагонетку, партизана, который должен был бросить гранату в управляющего Фридриха. Но было поздно. Фридриха убил стекольщик Шмуль, который уже давно жаждал отомстить убийце своего единственного 16-летнего сына.

Шмуля вместе с сыном привезли в мастерскую из местечка Барановки, возле Звягеля, после того как их большую семью убили немцы. Однажды, когда они грузили бревно в вагонетку, оно выскользнуло и покалечило сыну правую ногу. Присутствовавший при этом садист Фридрих вытащил револьвер и застрелил несчастного, который больше не был пригоден к работе. С тех пор Шмуль впал в ужасную меланхолию и при встрече с Фридрихом постоянно шептал: «Дорого заплатишь ты, убийца, за моего несчастного ребёнка». Когда ему сообщили о побеге, он сказал: «Мне больше не хочется жить. Я останусь, чтобы отомстить ему. А вы идите с миром, и да поможет вам Бог ...»

Той ночью, когда оставшихся 16 евреев охватило отчаяние, Шмуль сказал: «Не бойтесь, я вас освобожу».

Прошло немного времени, и он неверно положил бревно. Увидев это, Фридрих рассвирепел: «Вредители! Проклятые евреи!» – и, размахивая палкой, подбежал к Шмулю. Неожиданно Шмуль набросился на Фридриха и увлёк его вместе с собой под нож работающей пилорамы. Через мгновение перерезанные тела еврейского богатыря и немецкого убийцы остались лежать на пилораме.

Тридцать девять евреев бежали через ворота в лес и исчезли в ночном мраке вместе с партизанами.

«Дядя Миша», который после побега в лес два года был руководителем партизан на Волыни, свидетельствует, что украинцы не делали почти ничего для спасения евреев. Как

раз наоборот, большинство из них принимало активное участие в уничтожении евреев. После каждой немецкой «акции» они по своей инициативе торопились разыскать тех, кому удалось скрыться, грабили и убивали. Неоднократно украинцы передавали несчастных в «гестапо», получая в качестве вознаграждения два килограмма соли (очень редкий и дорогой товар в годы войны) за каждую еврейскую голову.

После освобождения «дядя Миша» был на приёме у маршала Ворошилова, который предложил ему как инженеру работу в тылу. «Дядя Миша» ответил, что хочет дойти до Берлина и там на месте расквитаться с Гитлером. Затем он проходил офицерские курсы в Павловом Посаде, был направлен в инженерные войска и закончил войну в Берлине в звании капитана.

Сын Симха (Лёнька) служил начальником разведки отделения и, несмотря на юный возраст, проявил отвагу и боевую инициативу. Отец и сын были удостоены множества медалей и высоких знаков отличия за деятельность в лесах и службу в Красной Армии. Сейчас оба находятся в Израиле.

М.Гильденман

Нападение на немецкий батальон

(Из книги «Милхемет га-гетаот»¹, издательство Дома борцов гетто)

Снег уже растаял, и только с некоторых заснеженных веток, которых достигли лучи весеннего солнца, капала вода. Партизаны сменили тяжёлую зимнюю одежду на летнюю. Им уже не сиделось, как бывало зимой, возле костров, и они свободно прогуливались по лагерю или лежали распластавшись на холмах, наслаждались солнечным теплом и предавались лёгкой беседе. Украинцы рассказывали о предстоящих полевых работах, своих семьях, оставшихся далеко за линией фронта, жёнах, которые сейчас, наверняка, тяжело трудятся на посевных работах. Все беседы проникнуты сильной тоской по родному дому.

Возле меня сидело несколько евреев-партизан. Борис Гольдфарб лежал на затылке. Его большие умные глаза устремлены в небо. Мотэлэ из Бережницы долго спорил с Сашей-одесситом о том, отдадут ли великие державы после войны Палестину евреям. Саша, который при всей своей атлетической фигуре был немного флегматичным, полагал, что оставшиеся в живых евреи смогут безопасно жить на старых местах. Однако Мотэлэ с этим не соглашался и страстно заявлял, что народ без земли, без государства – вообще не народ. Во всех спорах и беседах он выражал сожаление, что не выехал до войны со своей группой в Эрец-Исраэль, и не мог простить своим родителям за то, что те не разрешали ему туда ехать. Сейчас они покоятся в братской могиле где-то возле Звягеля, Сарн или в лесу. Но Мотэлэ гордился тем, что находится среди партизан, мстит немцам, и не терял надежды когда-нибудь добраться до Эрец-Исраэль.

Дорога в Александровку

На небе гоготали дикие гуси, прилетевшие из жарких стран. Партизаны прекратили спор и наблюдали за стаями птиц, паривших высоко над лесом. – Скоро они прилетят к своему берегу, вернутся в гнёзда. У них есть дом, – сказал сам

1 «Война гетто» (ивр.)

себе Мотэлэ и глубоко вздохнул. Все умолкли.

Менахем Финк сидел вдали и полоскал алюминиевый котелок.

– Ты кошеруешь* пасхальную посуду? – спрашивает его с улыбкой Борис. – А маца у тебя есть?

Тем временем, к нам подходит Зейдель Грин с автоматом на плече. В руке он держит кусок хлеба и ест его с аппетитом. Зейдель был связным и только что вернулся из одного партизанского отделения.

– Дядя Миша, – обращается он ко мне, – я расскажу тебе интересную новость. К «сечевикам» пришли два поляка из Кракова. Их как квалифицированных рабочих немцы послали на Харьковский тракторный завод. По пути они сбежали в лес. Поляки рассказывают, что 10 дней назад были в Варшаве. Там начались упорные бои в еврейском гетто. Молодёжь смело сражается. Немцы применяют все виды оружия, гетто полыхает со всех сторон. Подпольные польские организации помогают борцам гетто. От пуль евреев-бойцов пало много немцев, украинцев и литовцев. Евреи знают, что у них нет шансов победить, но продолжают бороться.

Партизаны слушали рассказ Зейделя затаив дыхание.

– Ожил дух Маккавеев*, – заметил Борис Гольдфарб. – Только не за победу они борются, а за честь народа.

– Жаль, что Варшава так далеко, и мы не можем им помочь. У нас ведь сейчас много оружия, – откликается мой сын.

В то время мы обладали большим запасом оружием, которое было спрятано под землёй.

– К сожалению, прямо помочь им мы не можем, – ответил я. – Нужно провести дерзкую операцию и дать немцам хорошо прочухаться. Тем самым мы выразим свою солидарность борцам Варшавского гетто, отомстим за погибших.

И вот мы решили напасть на немецкий караульный батальон в Александровке. Батальон занимал жилые дома в центре села, был хорошо вооружён и насчитывал приблизительно 200 человек. Дома были окружены мощными стенами, состоящими из двух рядов брёвен и толстого слоя земли между ними. В четырёх концах села стояли деревянные вышки, на которых днём и ночью несли караульную службу солдаты с пулемётами, готовые в любую минуту обрушить огонь на любойдвигающийся объект.

В этой временной крепости были ворота, а возле них – немецкая охрана с охотничьими собаками. С лёгким оружием проникнуть туда было невозможно. Тем не менее, мы наметили операцию на 30 апреля.

В пять часов после полудня семьдесят партизан с пулемётом, двумя пушками и большим количеством ручных гранат двинулись в путь. Подойдя к селу, устроили для себя укрытие в сосняке.

По дороге проехала в сторону Александровки крестьянская телега, запряжённая худой клячей. На мешках сидел партизан Мойше Милер, прозванный «Поповым» из-за длинной бороды. Лошадь тащила нагруженную телегу, которая медленно приближалась к караулу. «Попов» хорошо знал украинский язык, местные обычаи и был похож на настоящего украинца. Возле села он спрятал шапку под мешками, намотал вожжи вокруг руки и притворился пьяным крестьянином, которого морит сон. Тем временем, телега остановилась в нескольких метрах от ворот. «Попов» прикинулся дурачком, показал на свою непокрытую голову и крикнул по-украински, что потерял шапку. Делая вид, что ищет шапку, вынул из верхнего мешка зелёный бикфордов шнур с железным крючком на конце. На другом конце находится детонатор, соединённый с заряженной миной на дне телеги. Сверху лежит мешок со взрывчаткой. «Попов» нагибается, как будто осматривает переднее колесо, и незаметно цепляет на него крючок. Он спокойно кладёт вожжи на

спину лошади и, якобы разыскивая потерянную шапку, идёт назад той же дорогой. Немец кричит ему что-то вслед, но «Попов» удаляется, не оглядываясь.

Взрыв должен произойти от движения колеса, к которому прицеплен крючок. При этом натягивается бикфордов шнур и вырывается железный провод, вставленный в предохранитель мины.

Через несколько минут после возвращения «Попова» раздался страшный взрыв. Наш дозорный, сидевший на высокой сосне, сообщил, что на военных объектах противника видны густые клубы дыма и большое пламя. Затем мы услышали грохот взрывающихся боеприпасов в складах и продолжительные ружейные залпы.

Я разделил партизан на две группы. Одну возглавил мой сын, вторую – я. Сын получил приказ войти в село с другой стороны, перерезать телефонные и телеграфные провода. Обе группы, каждая своим путём, одновременно подошли к месту дислокации батальона. Нападение было настолько неожиданным, что немцы, занятые тушением огня, не успели взяться за оружие. Сначала мы стреляли с большой осторожностью, чтобы не попасть в украинцев, подававших вёдра воду для тушения пожара. Но после первых же выстрелов украинцы побросали вёдра и разбежались.

Мы приступили к ликвидации батальона. Мой сын Лёнька (так звали его партизаны) вошёл со своей группой через взорванные динамитом ворота. Немцы в страхе бежали и падали замертво один за другим. Некоторые из них, боясь попасть в руки партизан, бросались в огонь. Вскоре весь двор наполнился мёртвыми и тяжело ранеными гитлеровцами. Все здания были объаты пламенем, за исключением офицерского клуба и читального зала в другом конце двора. Там уцелевшие немцы забаррикадировались и отстреливались из окон.

Пока Лёнька преследовал убежавших немцев, я со своей группой атаковал клуб. Но под градом пуль нам пришлось отступить. Мы пробовали ещё раз штурмовать здание, но и на этот раз безуспешно. Во время второй атаки три наших товарища получили ранения. Мы спрятались под двумя грузовиками, стоявшими в 20 метрах от клуба, и провели короткое совещание.

– Я подбегу и брошу в окна гранаты, – сказал Саша.

На нас обрушился массированный огонь, и Саша упал посреди двора как подкошенный. Тут же разорвались одна за другой ручные гранаты. Раздался пронзительный крик. Мы побежали в клуб и увидели трясущихся от страха немцев. До сих пор я не замечал столько пыли у своих соратников-партизан. Словно волки, ринулись они на немцев с криками: «Мсть! Мсть!» Мы разнесли вдребезги офицерский клуб, сожгли все книги и газеты в читальном зале. Через несколько минут всё здание было объато пламенем. Выйдя из клуба, мы увидели, что мой сын и ещё несколько партизан грузят мешки с сахаром и мукой на большую немецкую телегу, запряжённую двумя бельгийскими лошадьми.

Мы забрали с собой двух убитых и пятерых легко раненых товарищей (среди них был Саша, раненный в обе ноги). Проходя через село, прихватили также местного старосту, пресмыкавшегося перед немцами. Его жене мы оставили письмо для командира батальона фон Гельмана, который сразу после взрыва бежал в Овруч, чтобы сообщить генералу дивизии о нападении партизан. Вот содержание письма: «Барон фон Гельман, весь еврейский народ Гитлер не уничтожит. Зато весь твой батальон в Александровке мы уничтожили. Командир еврейской партизанской группы дядя Миша».

А.Ури

Рассказ партизана Симхи Гильденмана

Симха и Мойше Гильденманы

28 июня 1941 г. немецкие войска достигли Корца, а на следующий день – Звягеля. 30 июня они преодолели укрепления «линии Сталина», как называли укрепления Красной Армии, построенные «советами» на берегу реки Случь. На бывшей польской территории не торопились с уничтожением евреев, не лишали их всех прав и не требовали носить клеймо позора: вначале белую нашивку с голубой звездой Давида, а несколько месяцев спустя – жёлтый знак на груди и спине. Советские войска стояли возле бывшей границы и стреляли в каждого, кто пробовал проскользнуть через неё. Евреям Звягеля и округи разрешили бежать вглубь России. Но уже в первый день нападения бомбили железнодорожную станцию и уничтожили транспортные средства. Большинство беженцев, которые передвигались на подводах или пешком через близлежащие местечки в сторону Житомира, были окружены между Житомиром и Киевом. Часть из них была уничтожена на месте, остальных выслали в Звягель и там истребили. Город и его окрестности уже тогда были очищены от евреев.

Осенью 1941 г., работая вместе с отцом в лесах Пищова, я часто встречал одного еврея из Яруня. Он был колхозником и, по его словам, с детства занимался земледелием. В это же время я также встречался с русскими солдатами, которые бежали из немецкого плена, бродили в лесах и находили убежище в партизанских отрядах. Через них я установил связь с партизанами и вместе с несколькими молодыми товарищами оказывал помощь одеждой и обувью, которых им не хватало.

Родители не знали тогда о моей подпольной работе. Лишь после первого массового уничтожения, произошедшего в канун Швуэс¹ 1942 г., во время которого на наших глазах были схвачены и убиты мама и младшая сестра 13 лет, я раскрыл эту тайну отцу и старался убедить его бежать вместе с нами в лес к партизанам.

Но отец не мог в тот трагический период рвать связи с евреями местечка и пока не решался на этот шаг. Он только агитировал их собирать деньги на покупку оружия для самообороны. Корецкие евреи, избежавшие первой акции, выступили против, полагая, что им не грозит уничтожение в близком будущем. Они также боялись, как бы эта агитация не

---

1 21 мая

разозлила врага и не ускорила их гибель. Помню, как на одном большом собрании, на котором сдавали деньги для контрибуции, возложенной на еврейскую общину, отец призвал выделить часть денег для покупки оружия, которое можно было тогда приобрести у поляков и доставить партизанам в окрестные леса. Но его не стали слушать.

Отец всё же колебался до наступления кануна Сукойс² 1942 г. Нам стало известно о готовящемся немцами окончательном уничтожении евреев местечка. Тогда отец, наконец, решил уходить вместе с нами к партизанам. Мы, три человека, оснащённые одним пистолетом с 6 патронами, ускользнули тогда из местечка, окружённого войсками немцев и украинцев, и ушли в лес. За короткое время к нам присоединилось ещё несколько юношей.

Мы пришли в окрестности местечка Людвиполя, но не встретили ни одного партизанского отряда и были тогда единственной группой, начавшей действовать в лесах в районе Звягеля. Передвигались в окрестностях Эмильчина, Подлубов, Новой и Старой Гуты, нападали иногда на сёла и запасались необходимой пищей, добывали постепенно оружие и стали нападать из засады на поезда и колонны противника. В это время мы взорвали 3 поезда, в которых было много снаряжения и войск.

В Звягеле и его окрестности, которые были тогда очищены от евреев, господствовали украинцы, сотрудничавшие с немцами. Они занимали квартиры евреев, грабили их имущество и убивали.

Скитаясь по лесам, нам удалось в окрестностях Веледников установить связь с партизанскими отрядами, которые дали нам снаряжение. Со временем они включили нас в особую роту под командованием отца и назвали её «ротой дяди Миши». В этой местности мы провели несколько удачных боевых операций. О некоторых из них уже рассказывал покойный отец.

Следует отметить, что это вхождение было для нас нелёгким. В некоторых отрядах мы сталкивались с явным антисемитизмом. Они держались от нас подальше, строили насмешки, и мы не получали необходимого оружия.

Однажды мы напали на немецкую роту. Над нами нависла угроза уничтожения. В нашем подчинении находились русские партизаны, которые отказывались наступать. Настал решающий момент, и я первым поднялся в атаку. Отец, который был тогда командиром роты, схватил винтовку и, угрожая расстрелом за неповиновение приказу, заставил их наступать. Атака удалась, и мы уничтожили целую немецкую роту, захватили много снаряжения и нескольких пленных. После боя они обнимали меня и повели к командиру соединения. Я был награждён орденом.

Один из офицеров потом подошёл ко мне и похвалил, сказав, что впервые видит еврея-героя, не похожего на всех остальных ленивых евреев. Услышав эту болтовню, я не смог сдержаться и ударил его в лицо. Офицер пожаловался на меня командиру, но тот оправдал моё поведение и отклонил жалобу.

Когда я, будучи боевым офицером Красной Армии, прибыл в Корец, мне сообщили, что в окрестных лесах прячется несколько евреев. Я делал всё возможное, чтобы разыскать их. Спасшиеся пытались вернуть свои жилища, в которых теперь жили украинцы. Однако те отказывались их освободить. Я обратился к местному командиру, русскому офицеру, который участвовал со мной в тяжёлых боях и с которым мы подружились, указал ему на тех, кто служил офицерами в полиции, убивал собственноручно евреев и грабил их имущество. Командир прикинулся дурачком и спросил: «Скажи мне, пожалуйста, что они делали против советской власти. За какую вину я их должен арестовать?» Я ещё раз перечислил ему все их злодеяния. А он вновь

повторяет с неестественной наивностью свой хитрый вопрос. От него я вышел с чувством горького разочарования и отвращения.

Такое отношение поднимало дух погромщиков, которые вначале скрывались, боясь наказания. Они снова буянили против уцелевших евреев, называли их «недобитками» и жалели, что не успели истребить полностью.

А вот ещё один случай. Во время поездки в родное местечко Корец в армейской форме я встретился с одним украинцем, который был другом нашей семьи, учился со мной в школе и который собственноручно убивал на наших глазах мою маму и сестру. На нём была одежда из нашего дома, а лицо выражало ликование. Весь охваченный дрожью, я подошёл к нему, окликнул по имени и изложил всю историю: дружбу с нашей семьёй, приятельские отношения со мной в школе и убийство им на моих глазах мамы и сестры. А он прикинулся дурачком и, запинаясь, сказал, что не знает меня. Я опять указал ему на одежду, украденную в нашем доме, а он всё твердил, что не знает меня. Я больше не мог терпеть, выхватил пистолет и застрелил его на месте.

В это время собралась толпа. Мне стали угрожать, но я преодолел страх и сказал: – Не вздумайте меня тронуть. Я – офицер Красной Армии. Позовите офицеров, и пусть они меня арестуют. А того, кто осмелится меня тронуть, убью на месте.

Пришли два офицера. Я протянул им пистолет, армейское удостоверение, портупею и сдался.

Местный военный комендант был русским из Подмосковья, который подружился со мной после нескольких совместных боёв. Когда я дал ему свидетельские показания и сообщил подробности этого происшествия, он был поражён и сказал по-дружески: – Мне хорошо понятны причины, вызвавшие твою вспышку. Думаю, что сам поступил бы, как ты, если бы со мной такое произошло. Но что теперь делать, как реагировать после того, как ты совершил преступление в армейском мундире и нарушил воинскую дисциплину? Ты, странный нервный еврей, защищаешь честь своего народа. У нас в Подмосковье я никогда близко не встречался с евреями. Только слышал, что они – мошенники, не имеющие достоинства, трусы, готовые раболепствовать перед сильными. И вот я впервые вижу перед собой гордого еврея, осмелившегося отомстить убийце матери и сестры. Удивительно!

Поразмыслив, комендант отдал распоряжение офицерам заключить меня пока под домашний арест в воинской части и не вести к военному прокурору.

Я продолжал поиски спасшихся евреев, помогал им вернуть свои жилища и опоздал на повторную явку в армейское командование. Когда меня привели туда, строгий угрюмый офицер попросил изложить ему в свободной форме обстоятельства, побудившие мою вспышку и причину опоздания.

Оглашая подробности и описывая своё душевное состояние, я видел перед собой роскошно одетого, ликующего убийцу матери и сестры. Военный прокурор, побледнев, взял меня за руки и отвёл в соседнюю комнату. На его глазах появились слёзы. Там он расплакался и:

– Такова, брат мой, наша судьба, – воскликнул он. – Но мы, евреи, должны прийти в себя. Довольно сокрушаться! Нужно подавить гнев, не допустить глумления над собой. Я не буду налагать на тебя наказание, но освободить не могу.

За опоздание меня отправили в штрафную роту. Через несколько месяцев я был освобождён и вернулся на прежнюю воинскую службу.

Герои освободительной войны

Парни дорогие с лопатой в руках,
Пашущие, сеющие и охраняющие дороги.
Да освятится здесь память о них, неизвестных,
Отныне и на веки вечные
И да будет увязана всегда и везде
С бороздами отечества и тайниками души друзей.

Ш.Шалом

Яков Рэйцман

Менахем Рэйцман

Юноши и девушки, рискующие своей жизнью во время освободительной войны, были выходцами из народа. На их долю выпали большие испытания, которые они с честью выдержали. Именно это поколение дало своему народу Государство Израиль. Молодёжи того периода были присущи безграничная преданность, товарищество и взаимовыручка. Все эти черты нашли своё выражение в биографии Менахема.

Менахем Рейцман родился 5-го нисана 5685 г. (30.03.1925) в Ровно. Мать, Лея (дочь Дувида Межирицкого), была родом из Звягеля. Отца звали Эли. В 1935 г. Менахем вместе с родителями приехал в Эрец-Исраэль, учился в народной школе под названием «Ахад-Гаам» в Тель-Авиве и закончил её в 1939 г. Много довелось ему выстрадать, пока он не освоился среди своих сверстников из Эрец-Исраэль и не сблизился с ними духовно. Мальчик рос в напряжённой атмосфере событий 1935 г. В маленькой заметке, опубликованной в школьной газете, он писал о святости погибших в этих событиях и провозгласил, что «их путь обязывает не отступать и продолжать дело до конца». Из народной школы Менахем перешёл в коммерческую среднюю школу «Геула», которую окончил в 1942 г. Он также принимал участие в вооружённых формированиях «Гаганы»

(1939-43). В 1942 г. закончил высшие военные курсы в Хульде и был назначен командиром ГаДНЫ* в Тель-Авиве. До 1945 г. служил также в частях «Мишмар га-молэдэт»¹.

После окончания военной службы перед ним стояла проблема: что делать дальше? Но он долго не раздумывал. Внутренняя сила толкала его учиться и передавать знания другим. В 1945 г. он поступил в учительскую семинарию в Тель-Авиве, где быстро завоевал признание и симпатию со стороны учителей. После года учёбы занялся преподаванием. Ему была дана возможность учительствовать в городе, но он предпочёл село и стал учителем народной школы в поселении Кинерет. Здесь начинается новая глава в его жизни. Он любит своих учеников и является для них не только учителем и воспитателем, но и старшим товарищем. По его инициативе, ребята избирают себе учреждения судопроизводства и исполнительные органы. Это было нечто вроде «Педагогической поэмы» Макаренко. Успехи в области воспитания укрепили в его сознании необходимость новшеств. Он решил заняться воспитанием беспризорных детей в рамках «Гаганы». Часто сам пускался в предместья Тель-Авива и собирал их по одному для создания ячеек организации. В его планах было создание для них специального воспитательного учреждения.

Для осуществления этих идей он решил расширить своё педагогическое образование и поступил в 1946 г. в Иерусалимский университет, но не нашёл здесь полного удовлетворения. Менахем испытывал отвращение к чрезмерному материализму и поискам «цели», поскольку хотел служить идее, не предполагающей личных выгод. На каникулах решил обогатить свой жизненный опыт реальным трудом и пошёл работать на стройку. Каким счастливым чувствовал он себя после нескольких месяцев работы в трудовом коллективе!

В конце 1947 г. Менахем снова приезжает в Иерусалим. Здесь его застаёт резолюция 29 ноября.² Он радуется вместе со всеми, однако понимает, что путь ещё долг, потребуются большие жертвы. В его сознании зреет необходимость самопожертвования.

После окончания командирских курсов в 1947 г. его во время эскалации арабских выступлений назначили командиром взвода в Иерусалиме. Менахем отличался бережным отношением к своим товарищам по службе, старался помочь каждому и был при этом очень скромным. Прежде чем принять решение, строго и самокритично анализировал каждый свой шаг, стремился хорошо изучить все сопутствующие обстоятельства. Но в принятых решениях был жёстким, ненавидел сделки с совестью и умел отстаивать свои убеждения. Он постоянно был со своими бойцами, учил их преодолевать душевные слабости и приспособляться к тяжёлым условиям войны, вёл их вперёд и служил личным примером. «Маленький Рацу», как называли его соратники по оружию, снискал у солдат всеобщее уважение и любовь.

В первый раз встретился он со смертью в январе 1948 г., когда служил в Кфар-Эцион, отбивая первое арабское вторжение. Затем следуют бои за иерусалимские пригороды Кирьят-Анавим, Моца, Кастель и Арза, Новый город и Старый город. Ему выпала большая честь освобождать одну за другой улицы Иерусалима. Завоевание горы Сион вызвало у него слёзы радости. Его письма того периода проникнуты сильной жаждой жизни, но выражают готовность стоять до конца перед лицом смертельной опасности. Он просит родителей и друзей сохранять спокойствие, ибо цель достигается только высшим самопожертвованием. Кровь павших товарищей закаляла его душу. После каждой потери он с волнением писал в дневнике: «Дай Бог, чтобы родители выдержали, когда придёт мой

1 «Стража родины» (ивр.)

2 Имеется в виду резолюция Генеральной Ассамблеи ООН об отмене английского мандата на Палестину и создании на её территории двух независимых государств – еврейского и арабского

черёд ...» Сердце его предчувствовало. 5 ияра было провозглашено Государство Израиль, а в субботу, 13 ияра 5708 г. (22.05.1948), Менахем погиб в бою, защищая Рамат-Рахель. В последние минуты он сказал товарищу, прибежавшему к нему на помощь: «Оставь меня и продолжай бой. У тебя сейчас другая, более важная задача».

Его похоронили на кладбище в Шейх Бард 1, а затем перевезли на гору Герцля в Иерусалиме.

Исроэль Гурвиц о М.Рэйцмане

Был ли я поражён? Нет! Я был готов к этому, все мы были готовы. Ты был командиром, хорошим и верным командиром. На фронте упорно сражался за Иерусалим.

Десять лет жизни ты посвятил обороне страны и отдавал ей много времени и энергии. Тысячи твоих воспитанников, разбросанных по всей стране, заряжены тем же духом борьбы, самосознания и упрямства.

Ты был примерным воспитателем. Воспитывал каждого, кто находился возле тебя, и, прежде всего, самого себя. Руководил и обучал без усталости, прокладывая себе дорогу.

Ты хотел обучать. В Кинерете проявились твои воспитательные способности. Ты стремился воспитывать молодёжь окраин и стоять во главе такого учреждения. Но тебе не удалось претворить в жизнь свои замыслы. Уверен, если бы ты был с нами, то достиг бы цели упорным и последовательным трудом.

В университете обходился без чьей-то помощи и тоже не отлынивал от обязанностей. А когда пришло время защищать страну, ты выполнил свой долг.

На пути твоего отряда были Иерусалим, Кфар-Эцион, Рамат-Рахель ... Здесь ты пал. Я пробую вообразить, как это произошло. Уверен, что тебя сокрушило упорство: надо защищать позицию, и будь что будет! Благодаря тебе, мы пришли сюда.

Был ли я поражён, Менахем? Нет! Мы были готовы к удару. Делом ты воздвиг памятник своей чистой душе.

Из дневника Менахема

21.7.45, где-то

Разве ведомо было тебе чувство слабости? Я имею в виду душевную. В эти мгновения сжимается сердце, и ты готов бросить всё и бежать. И если спросишь: куда? – ответу: от себя и подальше.

17.8.45, где-то

Жизнь священна. Высшей ступенью в сотворении мира была святость. Без святости нет смысла и значения в жизни. И любовь, существующая в жизни, священна. Грубые инстинкты и злые люди оскверняли и оскверняют её, превратили в страсть. Наше поколение – это поколение страсти, а не любви. Мы опустились. Любовь должна оставаться священной. Если в твоём сердце есть святое чувство, не нужно его разменивать на мелкую страсть. Почему так легко опуститься и так тяжело подняться?

27.11.45, Кинерет

Что касается преподавания – не беспокойся! Я хотел больше воспитывать, чем обучать. Чувствую, что моё назначение – быть воспитателем. Я им теперь предоставил автономию. Установил звенья, отвечающие за огород и двор, Еврейский Национальный Фонд, класс, газету, спорт, клуб. Каждое звено обязано выдвинуть план, трудиться и совершенствоваться. Разумеется, это только начало, но я полон надежды.

Сейчас всё больше и больше времени провожу с детьми. Ведь пяти часов учительской работы, главным образом, не в селе, недостаточно. Нужно быть вместе с ними, привлекать их к полезным делам. И они, дети, загораются, работают с энергией, а я получаю удовольствие.

Вчера учился пахать. Вышел в поле и пахал. Мой учитель, молодой парень, сказал, что у меня неплохо получается. Планирую изучить доение и т.д.

20.2.46, Кинерет

... Я боролся вчера и сегодня с нападками дурного настроения. Чувствую, как оно берёт верх. Я борюсь с ним. Кому лучше: чувствительному или бесчувственному? Хорошо ли быть таким впечатлительным?

2.3.46, Кинерет

Йеидия убит ... Нет, я не буду много писать об этом. Боюсь странной мысли, которая может прийти мне в голову. Он стоит как живой передо мной. Я сидел, писал Исроэлю и не плакал. Вкратце подбадривал, призвал учиться у него и крепиться. Я получил письмо и горько плакал, не мог успокоиться. Разве суждено нам так умирать? Исроэль пишет, что я не удивлюсь, когда услышу об этом. Но я не хочу умирать!! Есть у меня ещё идеалы, стремления и планы. Мне так ещё хочется учиться и понимать. И вместе с тем, как я могу оставаться преданным дорогой идее национального освобождения и не быть готовым умереть?? Йеидия убит!!

9.2.47, где-то

У меня в голове туман от нашего политического положения. Завтра возьмусь за что-то реальное, созидательное, стану строителем и не знаю, что у нас происходит. Я подтвердил: в таком случае и при этих обстоятельствах буду в опасном месте.

Ты думал когда-нибудь о смерти? Конечно, и я тоже. Уместно было бы написать нечто вроде завещания. Но я устал, очень ... А завтра иду строить новую точку в диком опасном месте. Мне обещали «горячую», весёлую ночь ... Ведь я приеду повидаться и не ... Хочу излить свою душу, чтобы это дошло до них и до тебя!

13.4.47, Тель-Авив

Я объяснял, что совесть толкает меня. Для требуемой роли желающих немного (намерение послать учителей в лагеря Европы). Десять из сорока. Могу ли я строить эгоистически-карьеристский расчёт, когда настал великий час? Считаю верным своё решение пойти добровольцем, а не говорить, что меня не звали, не было приказа. В таких случаях важно, конечно, идти. Время зовёт, и дело важнее учёбы. Нужно жертвовать собой и, более того, перестать сомневаться, быть решительным!!

Итак, я решил. Завтра подам прошение в Иерусалиме и, если меня утвердят, уйду в ближайшее время. Право продолжать учёбу в университете гарантируется. Надеюсь вернуться и закончить. А может, нет? Северяне страдали всегда, были жертвами своих правил и идеалов. Я не хочу бежать от себя. Если меня заставят, я пожертвую! Только не отречься от знаний, взглядов и совести. Я хочу идти по зову сердца. Знаю, что у тех, кто идут по зову сердца, путь не усыпан розами. Таким, и мне в том числе, достаются, конечно, только шипы. Но зато будет моральное удовлетворение.

Иерусалим, период войны

Я учусь сейчас в университете. Здоров, невредим и напряжён. Шаблоны и привычки усиливают усталость. И всё-таки не покидает ощущение, что всё это ради чего-то. Что делается рядом с тобой? Как вообще в Тель-Авиве? Слышал, что убитых хватает. Хорошо, что у меня нет чувства страдания и сверлящей боли.

Сентиментами родину не обретёшь

Если ты увидишь моего дорогого брата, передай ему, чтобы он успокоил родителей. Я не опозорю фирму (по крайней мере, так полагаю) и надеюсь, что и он прочно стоит на ногах. Именно сейчас меньше всего думают о смерти ... Мы все, и я в том числе, хотим жить.

1.1.48, Иерусалим

Иногда думаю о своём будущем. При том условии, что всё пройдёт благополучно, и я останусь невредим. Будущее через несколько лет кажется мне туманным. После шума университет удалился от меня, и я вновь увлечён тем старым бытом, к которому некоторое время питал отвращение. Эти проблемы – почти те же проблемы резкой смены красок. Игра сейчас в жизни. Но игра не устроена. Совершены преступления. Люди находятся не на своём месте, и ты споришь о том, что должно быть ясным с первого взгляда. Положение выглядит намного серьёзнее, чем в газетах, поскольку тебе известны недостатки, которые затрагивают вопросы жизни и смерти.

Нужно относиться к делу со странной дрожью, которая пробирает тебя, когда слух режут дисгармонирующие звуки оркестра, с воодушевлением и серьёзностью к жизни ...

1948, апрель

Я не в Иерусалиме. Нахожусь далеко, отрезан от него. На мне лежит большая ответственность. Боевое крещение я уже прошёл и, кстати, чудом уцелел. Рядом со мной погиб товарищ. Сердце окаменело, ни одной слезинки. Сил было мало. Не хватало

боеприпасов, оружия и живой силы. Я отчаиваюсь, а ты немного удручён. Если мы победим (я обязан верить в победу), потери будут очень большими. Матери будут оплакивать сыновей, любимые девушки – своих парней, потому что идёт тотальная война за жизнь или смерть. Если бы ты видел, как полчища арабов обрушились на наши позиции. Я вынужден был беречь каждый патрон, а они беспрерывно стреляли.

Условия тяжёлые: дождь и холод, продукты испорчены. Нет связи с городом. И при этом ты должен улыбаться и ободрять.

Поймёшь ли ты? Я слышал, как после тяжёлых потерь командиры стали говорить о судьбе и учёте каждого патрона. Не хватило у меня смелости заставить их молчать. Был момент, когда думал с безразличием, что пришёл уже конец. Они штурмовали, а нас было мало. Мы сражались героически, до последнего патрона, и было немного жаль. Спасла нас контратака подкрепления, во время которой погибло двое. Странно, они погибли ради того, чтобы ты жил. И тебе не жаль ...

Жаль мне родителей. Мне кажется, что самый тяжёлый удар они получают, если погибнет один из их сыновей. Нет, я не пораженец, но видел, что это не детская игра ... Возможно, после этого будут петь и рассказывать героический эпос о павших. Возможно, новое молодое поколение будет воспитываться на этом. Но какая польза? Мёртвые есть мёртвые.

А Тель-Авив, как обычно, шумит, веселится и ликует. Я здесь очень-очень тоскую, немного устал. Какие глупцы те дети, которые играют в войну. Это – ошибочная, мерзкая романтика. На этом заканчиваю. Нет времени для личных дел, потому что условия очень тяжёлые, и это только начало. Да будет мир! Если увидимся снова после войны, то сможем пожать руки и улыбаться (улыбаться и снова улыбаться). Будет хорошо, не так ли? ...

Давид Каспи

Элиэзер-Липа Каспи (Зильберман)
(погиб на посту в Проздоре* Иерусалима 27 сивана 5712 г.¹)

Элиэзер родился 12-го дня месяца шват* 5684 г.² Сначала учился в школе «Тарбут» в Корце, возле Звягеля, а с 9 лет – в школе «Тарбут» в Ровно. Ещё в детстве выделялся твёрдым характером, отвагой и бурным темпераментом. Будучи низкорослым, он не отступал перед теми, кто был выше и сильнее его. На сверстников это производило хорошее впечатление. Когда поэт Х.Н.Бялик посетил школу «Тарбут» в Ровно, маленький Поли привлёк его внимание, и поэт заинтересовался происхождением этого низкорослого шалуна.

Когда ему было 11 лет, он вместе с семьёй репатриировался в Эрец-Исраэль и стал учеником в школе Палестинского Еврейского Колонизационного Общества* в Петах-Тикве. Отлично учился, много читал, увлекался спортом, особенно плаванием, и получил много наград за достижения в разных видах спорта. В 1936-37 гг., когда происходили кровавые нападения в районе Петах-Тиквы, принимал участие в «Гагане». В возрасте 13 лет закончил народную школу и, несмотря на тяжёлое экономическое положение родителей, продолжил учёбу в гимназии им. Ахад-Гаама в Петах-Тикве. Интересовался, прежде всего, гуманитарными науками, особенно историей. Также был активным членом «Га-Поэль» и «Га-Ноар га-овэд»*.

После окончания гимназии перед ним стояла серьёзная дилемма: продолжать учёбу, которая давалась ему легко, без большого напряжения или идти работать, чтобы помочь родителям, находившимся в очень стеснённом материальном положении. Элиэзер выбрал работу. Но родители, высоко ценили его интеллектуальные способности, заставили продолжить учёбу. Он поступил в учительскую семинарию в Иерусалиме, учился в очень тяжёлых условиях, почти без всякой материальной поддержки, и закончил учёбу с отличием. Там за литературную работу его наградили Премией Елина.

В 1945 г. начал педагогическую деятельность учителем школы «Нес-Циона» в Тель-Авиве. Он сразу показал большие педагогические умения и поразил коллег и инспекторов особым подходом к ученикам и талантом воспитателя. Никогда не довольствовался достигнутым и постоянно совершенствовался в своей профессии. Читал много литературы по психологии и педагогике, углублял познания в английском языке и думал постоянно о.

1 20 июня 1952 г.; в тексте на иврите указана другая дата гибели – 27 кислева 5712 г. (26 декабря 1951г.)
2 18 января 1924 г.

продолжении образования. Для этой цели жил экономно, складывал грош к грошу и через два года поехал на учёбу в Лондон. Проучившись около года в университете, он получил весть о смерти отца и поспешил домой, чтобы быть рядом с матерью.

Элиэзер вернулся в свою школу. Когда началась освободительная война, он как офицер-инструктор мобилизовался в войска авиации. Подчинённые очень ценили его. После окончания войны продолжал преподавание в школе, создал семью и, казалось, обрёл покой. Но эта работа не приносила больше удовлетворения, и он решил связать свою дальнейшую судьбу с кадровой армией.

С тех пор Элиэзер денно и ночью трудился на должности офицера контрразведки. Вскоре он был повышен в звании до капитана, а немного времени спустя стал майором Армии Обороны Израиля. Много работал над собой, тренировался и закалялся, готовясь к грядущим испытаниям в своей жизни. Казалось, что усталость и бессилие были ему неведомы. Редкое свободное время он проводил со своим маленьким сыном Авиадом, которого очень любил.

Весной 5712 г.¹ Элиэзер оказался среди избранных, направленных на специальные курсы усовершенствования, и был этому очень рад. Объезжая Иерусалимские горы в период учёбы на курсах, он подорвался на mine.

---

1 1952 г.

Йосиф Духно (из книги «Изкор»)

Йосиф родился 25 декабря 1926 г. в Герцлии. Его отец работал на цитрусовой плантации, а также в собственном земледельческом хозяйстве. Мальчик, любивший природу и земледелие, помогал своим родителям на плантации. Закончил народную школу в поселении, любил конструировать авиамодели, изобретать кустарные механизмы для орошения. Продолжал учёбу в профессиональной школе им. Макса Файна в Тель-Авиве. После окончания школы работал в Герцлии механиком и электромонтёром. По словам коллег, был искусным и прилежным работником. Активно участвовал в подпольной работе «Гаганы».

После провозглашения ООН еврейского государства пошёл служить добровольцем. Из молодёжи поселений Шарона был сформирован особый отряд. Находясь в лагере вблизи родного поселения, использовал любой случай, чтобы держать связь с родителями, часто навещал их или посылал успокоительные записки.

Принимал участие в нескольких сражениях на центральном фронте. А когда усилились бои по дороге в Иерусалим, его вместе с отрядом перебросили туда. Под конец участвовал в действиях «Бин-Нуна» и погиб в Латрунской битве 25 мая 1948 г.

17 ноября 1949 г. его тело вместе с телами павших в этом бою товарищей было перезахоронено в военном секторе кладбища на горе Герцля в Иерусалиме.

Йегоше Вайсман
(сын уроженцев Звягеля Эстер и Аврума Вайсмана)

23 тишрей 5708 г.², в тот день, когда ему исполнился 21 год, пал Йегоше в бою возле Рамаллы вместе с 15 бойцами, окружёнными сотнями арабов.

Родители не имели возможности баловать своего младшего сына. Семья из четырёх душ проживала в одной комнате в Бухарском квартале Иерусалима, и он с детства впитывал в себя вкус бедности. Несмотря на это, родители стремились дать ему хорошее воспитание. Сначала он учился в известной в Иерусалиме школе «Тахкемони», типичной тогда для общины ультрарелигиозных евреев Иерусалима, а затем – в средней школе. Но учёба его не привлекала. Его влекло к прямому контакту с многочисленными друзьями, которых он завёл в спортивных играх. Наш дом превратился в место сбора. Он оставил среднюю школу и после некоторых колебаний вступил в группу подготовки в кибуце Маоз Хаим в долине Бейт-Шеан. Тяжёлой была для него и родителей разлука, но перевесили перспективы создать основу для самостоятельной жизни. Однако и там его душа не находила покоя. Он не мог оторваться от родительского дома, друзей и спортивной работы в «Га-Поэль»*. Тогда стала заметным различие наших характеров. Во время частых прогулок по полям хозяйства я старался убедить его в красоте жизни кибуца. Но чувствовалось, что, несмотря на доверие ко мне и желание следовать моему совету, он не испытывал здесь никакого удовлетворения, и мне пришлось согласиться с его решением вернуться домой, в Иерусалим.

Началась вторая мировая война. Над Эрец-Исраэль витал страх вторжения армии Роммеля. Йегоше, тогда 16-летний, жаждал пойти добровольцем в еврейский легион. С большим трудом мы удержали его от этого шага. Но нам не удалось предотвратить его вступление в ряды полевой полиции. В ней он служил примерно год вместе с более старшими евреями и британцами и своей верностью обязанностям, сильным характером и сердечностью завоевал их сердца. Часто страдал в глубине души от определённых антисемитских проявлений британских полицейских и смело реагировал на них, вызвав тем самым уважение к себе. Британцы также питали симпатию к его дарованиям в спорте и сильному духу в спортивных играх. Став немного старше, он перешёл в полицию еврейских поселений и был послан на курсы командиров. Но его не привлекала военная карьера, и Йегоше с нетерпением ждал своего увольнения.

¹ В тексте на идиш – Давид Вайсман

² 26 октября 1947 г.

Он нашёл себе тогда «душевный простор» в спорте. Я как зритель много раз с удивлением следил за хладнокровными обдуманно́ми действиями Йегоше, самого молодого в команде, в играх против известных команд. Он не использовал спорт в корыстных целях и не желал менять свою баскетбольную команду «Га-Поэль» (Иерусалим) на другую, хотя ему предлагали намного лучшие условия.

В 1947 г., когда спортивная делегация Эрец-Исраэль побывала на первом фестивале демократической молодёжи в Праге, Йегоше как баскетболист был включён в её состав. Но и там он не переставал тосковать по стране и дому. Большой была его тревога из-за ухудшения положения на родине. Встреча с уцелевшими после войны представителями еврейской диаспоры Европы оставила у него глубокое впечатление. Внешний мир, раскрывшийся перед ним, расширил его кругозор. В его письмах, полненных сильной тоски, тревоги о будущем и глубокого анализа окружающей жизни, я ощущал произошедшие в нём большие душевные перемены.

После возвращения на родину он некоторое время работал опалубщиком и укреплял своё материальное положение. Чувствовал себя счастливым, получив возможность возместить родителям их труд, и был полон надежд исполнить большинство своих желаний. Сейчас он решил перейти на тренерскую работу в «Га-Поэль», возглавлял различные команды. Но вот усиливалась опасность войны, начался призыв добровольцев.

В своих письмах ко мне он выражал большую радость, охватившую тогда весь Иерусалим, по поводу резолюции ООН от 29 ноября, и сообщил о своём желании идти добровольцем. С тех пор я каждый день с дрожью искал в газетах имена погибших. От него получил тогда лишь считанные короткие письма и узнал о больших опасностях, которые его подстерегают. Письма родителей ко мне выражали большую тревогу за его жизнь. И действительно, за короткое время Йегоше принял участие во многих боях: в Старом городе, Шейх Джарах, Гартув¹, Ромема и Атарот – вплоть до гибели в горах Иерусалима.

Ему был лишь 21 год. А ведь он так надеялся и мечтал!

---

1   Ныне Бет-Шемеш

* * *

Мендель Бибер

Раввин и председатель суда в Звягеле 200 лет назад

(Выдающийся раввин и учитель р.Авраам, председатель суда общины Звягеля)

Он был сыном хасидского богослова, учителя и раввина, внуком почтенного человека и богача р.Юзпы. Рэб Аарон умер ещё при жизни своего отца, и его сын, р.Авраам, воспитывался в доме деда р.Юзпы, который женил его на дочери раввина-гаона, автора «Лэкэт Йосеф». Затем р.Авраам был принят председателем суда святой общины Звягеля и стал одним из великих раввинов своего времени. В начале книги «Горал Йегоше» (напечатана в Жолкве в 5513 г.¹) приводятся обновления Торы для «Берешит», «Трума»*, «Мецора»* и «Дварим» раввина-гаона р.Авраама, председателя суда общины Звягеля, зятя гаона, автора «Лэкэт Йосеф». В пинкасе погребального братства 5498 г.² написано «... для раввина из Звягеля». Из его сыновей я нашёл главу, учителя и раввина, рэба Исроэля. В избирательной урне 5586 г.³ среди глав рода, габаев упоминался «учитель и раввин р.Исроэль, сын раввина из Звягеля». Имя р.Авраама я находил много раз, но имена его сыновей больше не встречал. Но мой друг, раввин, престарелый мудрец р.Йосиф Коэн-Цедек в дополнениях к книге «Толадот мишпахат Гинцбург»⁴ (страница 224, параграф 19) цитирует, что у гаона, раввина Авраама, председателя суда общины Звягеля, был сын по имени Йосиф, который занимал его место. Йосиф породил богача р.Залмана Либерса. Он предполагает целую цепь его потомков. Но я не видел смысла переписывать сюда их имена. Раввин-гаон р.Авраам скончался здесь, в нашем городе Остроге, при жизни своего деда, р.Юзпы, когда тот писал в своём завещании (параграф 9): «Для правнуков, оставшихся от моего покойного внука Авраама блаженной памяти. Хотя известен большой капитал, который вложен для его отца, моего сына, покойного Аарона ещё при жизни. То, что я дал сыну моему, внуку моему покойному, передаю правнукам моим, детям покойного раввина Авраама блаженной памяти, в здравом рассудке всё наследство, которое есть у меня в святой общине Дубно. Всё принадлежит им».

На надгробии р.Авраама, стоящем в одном ряду с надгробием деда, р.Юзпы, славу его выражают такие слова: «Здесь похоронен славный сын зари/ от чрева зари/ был поднят избранник Божий/ лучший из общины/ и такова мера/ другой был Авраам/ он – почёт великого выдающегося раввина, нашего великого учителя р.Авраама, который был председателем суда общины Звягеля, сын учителя и раввина р.Аарона блаженной памяти праведника, умер в среду, 8-го ияра 5522 г.⁵»

1 Вторая половина 1752 г. – первая половина 1753 г.

2 Вторая половина 1737 г. – первая половина 1738 г.

3 Вторая половина 1725 г. – первая половина 1726 г.

4 «История семьи Гинцбург» (древнеевр.)

5 1 мая 1762 г.

Корреспонденции из русско-еврейской газеты «Рассвет»

№8 – 22.07.1860 г.

На Волыни, как и в большей части остальных западных губерний, господствующими нациями, как известно, являются поляки и евреи.¹ Они приспособились к совместной жизни, ибо не могли обойтись друг без друга, несмотря на большие различия между ними.

Важно опровергнуть давно сложившееся ошибочное мнение о том, что евреи западных губерний занимаются только посредничеством и не играют никакой роли в производительном труде. Какого ещё созидательного труда можно требовать от тех, кто ведёт в упомянутых губерниях сельское и индустриальное хозяйство? Редко когда владелец завода производит либо покупает что-то важное без посредничества, инициативы и труда своего еврейского агента. Более того, все его домашние и хозяйственные потребности всегда удовлетворяют евреи. Таким образом, можно утверждать, что работа евреев охватывает очень широкий круг торговли, фабричного производства и сельского хозяйства.

Вопрос, однако, в том, какой круг местного населения Волыни занимается ещё торговлей? Чтобы ответить на него, мы должны опять подчеркнуть, что основная часть населения Волыни – поляки и евреи. Изредка увидишь здесь русских, немцев или других. Они являются здесь меньшинством, за исключением губернского города Житомира, и не заняты в важных созидательных областях. И поляки не заняты в них, поскольку не способны управлять большими и малыми хозяйствами, а также торговлей

Волынь производит большое количество зерна, особенно пшеницы, значительная часть которой вывозится за границу. Здесь также имеется около 500 винокуренных заводов, потребляющих много ячменя и дающих заработки тем, кто трудится в этой отрасли. Широко простирающиеся леса Волыни имеют большое торговое значение не только внутри губернии, но и, главным образом, за её пределами, например, для судостроения.

Из отраслей лесной индустрии стоит упомянуть обработку смолы, которая экспортируется за границу и служит источником заработка многих граждан. Нужно также отметить торговлю солью и особенно большую торговлю мануфактурой, которая охватывает многих торговцев.

Следует также добавить содержание почтовых станций, корчем и ночлежных домов, аренду многих сахарных и винокуренных заводов, которые они построили и которыми управляли – и вы, конечно, согласитесь, что евреи нашего края выполняют многосторонние хозяйственные функции. Так кто же является главным двигателем всех главных отраслей хозяйства этого богатого края, если не евреи?

Б.Аршавский, Новоградволинск

№63 – 27.01.1861 г.

Во второй корреспонденции из нашего города г-н Гурвиц жалуется на отсутствие гигиены в городской богадельне, в частности, на отсутствие медицинского надзора за больными, которые там вырождаются и умирают, а также на уклонение еврейских детей от посещения казённого училища, открытого по инициативе маскилим из кругов

---

1 Не соответствует действительности

Лилиенталя*. Когда родителям стало известно, что нет закона, принуждающего еврейских детей посещать это училище, и что уклоняющимся не грозит никакое наказание, они очень радовались и устраивали пиршества в молитвенных домах.

Сионисты под арестом и на скамье подсудимых в царской России

После усмирения в России революционного движения 1905 г. царская тайная полиция усилила надзор за сионистскими группами в городах черты оседлости. Участились обыски в домах сионистов, аресты.

Несмотря на ужесточение преследований, сионистское движение росло и развивалось. Разными путями, открыто и замаскированно, в городах и местечках создавались сионистские общества. При помощи странствующих сионистских проповедников, а также газетных статей сионистского содержания и специальных агитационных книг велась широкая пропагандистская работа.

Нелегко было заниматься сионистской пропагандой. Тайная полиция следила за каждым шагом подозреваемых. Собрания запрещались, каждое печатное слово находилось под строгой цензурой, а цензор (разумеется, еврей) был чрезмерно строгим. Однако приверженцы сионистской идеи, не взирая на риск, активно участвовали в движении.

К числу важных мероприятий, организационно укреплявших сионистское движение, относился созыв окружных конференций, которые проводил ЦК сионистов России до первой мировой войны. Одной из таких конференций, была сионистская конференция Воьны, состоявшаяся в местечке Полонном, примерно в 50 км от Звягеля. В качестве делегатов на ней принимали участие наши товарищи Азриль Ури из Звягеля и Гедале Леви из Эмильчина (см. А.Ури «Звягель»).

Как было сказано, окружные конференции имели большой успех. В России возникла сильная сионистская организация. О сионистской конференции Воьны стало известно тайной полиции. Начались обыски в домах сионистов и подозреваемых в сионизме. За ними последовала волна арестов, допросов и приговоров.

Наш товарищ Гедале Леви, выходец из Эмильчина, предоставил, по нашей просьбе, свои воспоминания о следствии и суде:

«В годы царизма русские следователи не использовали ещё тех методов, которые приняты сейчас. Обыски и допросы тогда не сопровождалась пытками, а иногда следствие проходило довольно забавно. Вот несколько примеров.

Как один из подозреваемых в участии в нелегальной окружной конференции сионистов Воьны, состоявшейся в своё время в местечке Полонном, я вместе с несколькими товарищами был заключён в тюрьму и привлечён к суду. Аресту предшествовал внезапный обыск, устроенный в моём доме жандармами.

Во время обыска у меня нашли портрет Мойше-Лейба Лилиенблюма, на котором была наклеена марка Еврейского Национального Фонда. Сотрудники тайной полиции увидели оскорбление чувств русского народа в том, что еврейскую марку приклеили к портрету «Льва Николаевича Толстого» ... У меня нашли несколько номеров сионистского еженедельника «Рассвет», выходившего на русском языке. Хотя это было легальное издание, редакция всё же предупреждала читателей о том, что они занимаются политикой. Тайная полиция посчитала нужным предостеречь меня, чтобы я держался подальше от «Рассвета», и выписала мне для чтения еженедельник «Пчеловодство».

Расследование вёл в губернском городе Житомире следователь суда по особо важным делам. На допросе он задавал мне вопросы о продаже «шекелей», сборе денег для

Еврейского Национального Фонда и заселения Эрец-Исраэль в канун Йом-Кипур. Мой ответ был принят им с пониманием. В конце допроса следователь потребовал от меня письменного обязательства явиться в суд и добавил, что тоже стал бы сионистом, если бы был евреем.

Процесс состоялся в Звягельском уездном суде. На скамье подсудимых, кроме меня, сидели Аврум Шапиро блаженной памяти, религиозный еврей и шойхет, Лейб Шпильберг из Острога, Бенцион Барзилай-Айзенберг из Ровно (их уже нет в живых). ЦК сионистов России направил для нашей защиты двух знаменитых адвокатов: г-на Бакста из Киева и г-на Гольденберга из Вильны. Прокурор требовал судить обвиняемых по всей строгости закона и наказать их заключением в крепости, по крайней мере, на один год.

После того как защита доказала, что сионизм не угрожает благополучию и безопасности страны, что сионисты не имеют ничего общего с теми, кто стремится расшатать существующий строй, что их главная цель – внедрение среди еврейского народа идеи политической независимости путём возвращения на землю предков, в Эрец-Исраэль, суд смягчил наказание, приговорив обвиняемых к трёхмесячному заключению за участие в незаконном собрании. В связи с юбилеем – 300-летием царствования дома Романовых – заключение было сокращено до трёх недель.»

Историческое описание сиротского дома № 4, основанного 10 мая 1920 г. в Звягеле (Отрывок из отчёта «Джойнту» в архиве «Института YIVO» в Нью-Йорке)

После пожара и погромов по улицам Звягеля бродило много детей-сирот, чьи родители либо умерли от тифа, либо были убиты. Сироты страдали от голода, холода и нужды, слонялись оборванные и почти голые. Их грязные тела были покрыты язвами, из-за чего многие умирали. После вступления в город поляков американская миссия открыла несколько сиротских домов. Положение улучшилось, но не совсем. Первую помощь получили только младшие дети. А поскольку таковых было очень много, всех не могли принять.

Жизнь детей в возрасте от 10 до 15 лет оставалась, как и прежде, невыносимой. Целыми днями находились они в комитете, прося какой-нибудь помощи. Нельзя было больше ждать, пока придут необходимые средства. Поэтому решили открыть сиротский дом без всяких средств, чтобы сироты не валялись на улице. Как радостно приветствовали меня дети! Не скрою, что работать в таких условиях первое время было нелегко.

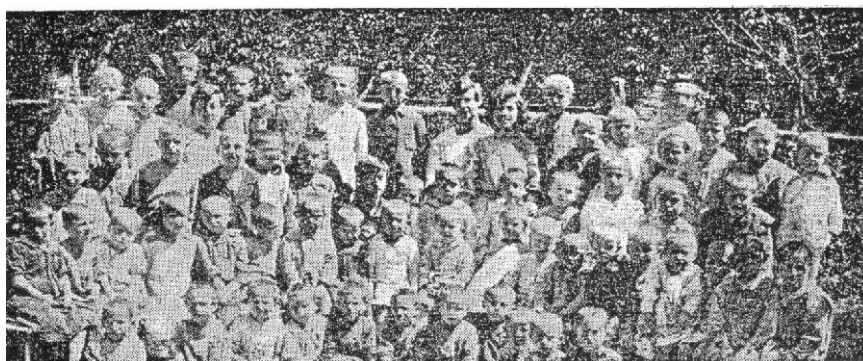
Сиротский дом №4, 1920 г.

Сиротский дом не был устроен как следует. Вначале дети спали на полу без матрацев и одеял, часто жаловались на боль в костях. Мне оставалось только утешать их тем, что терпеть осталось недолго. Но, к большому сожалению, мы так и не получали помощи. Начался уход поляков. Самые тяжёлые испытания выпали на то время, когда город несколько раз переходил из рук в руки. В сиротском доме не было продуктов, и дети страдали от голода. Физически более слабые часто падали в обморок. Это продолжалось дней десять, пока не установилась советская власть. В это время мы напрягали все силы и использовали разные средства, чтобы дети не умерли. Часто ходили с детьми в ближние сёла, чтобы получить какие-нибудь продукты: картошку, муку, крупу и др. Вернувшись домой, не находили дров, чтобы сварить еду. Снова шли в лес и собирали сухие ветки. Нередко случались конфликты с крестьянами. После установления советской власти мы получили небольшое количество продуктов. Дети больше не голодали, но одеть их не удавалось. В этом отношении их положение не улучшалось. Когда нужно было стирать их одежду, дети вынуждены были оставаться голыми. Так мы мучались, пока не началось наступление поляков, которые вошли в город. Тогда пришла помощь из Ровно. Но вскоре поляки должны были уходить. Мы хорошо помнили все предшествующие мучения и

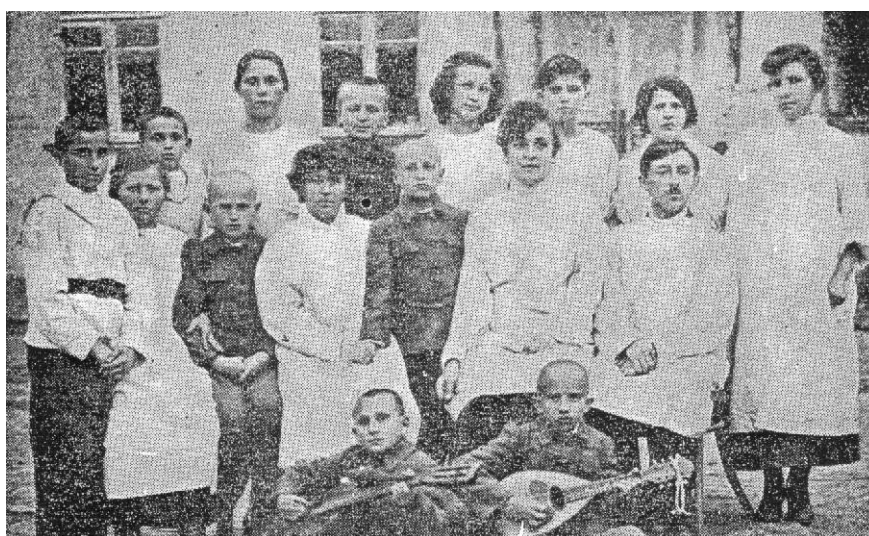
поэтому решили эвакуироваться, не считаясь со связанными с этим трудностями. Уже было холодно, а у детей не было ни одежды, ни обуви. Переезд из Звягеля в Ровно не поддаётся описанию. В силу сложившихся обстоятельств детям пришлось оставаться два дня под открытым небом. Уже прибыв в Ровно, мы, не имея квартиры, поселились в бес-медреше и валялись 10 дней на грязном полу. После долгих поисков, наконец, удалось получить помещение, правда, очень маленькое и неудобное.

Питанием и одеждой дети были обеспечены. Их нынешнее положение по сравнению с предыдущим настолько улучшилось, что они чувствовали себя счастливыми. Сиротский дом полностью снабжался центральным комитетом американской миссии. Многие дети уже выросли и учатся работать в разных мастерских. Было бы весьма желательно открыть мастерскую при сиротском доме. Большинство детей очень талантливы, и это помогло бы им со временем начать самостоятельную жизнь.

Заведующая сиротским домом №4
2 марта 1921 г.

Один из сиротских домов в Звягеле, 1920 г.

Группа сирот и персонал в Ровно, 1920 г.

Сироты, которых в 1923 г. г-н Гершман привёз в Торонто (Канада)

«Ибо мощь и блеск яркого Солнца
нёс он в своей душе, и мрак и тайну
ночи; но жаждой глаз его была
только Заря, мерцание рассвета –
его стихия, предутренний сумрак –
песнь его жизни ...»

(Х.Н.Бялик «Свиток о пламени»)

М.Бонэ

Послесловие (События 1914-1920 гг.)

Нельзя смотреть сквозь пальцы на то, что в книге, несмотря на огромные усилия, вложенные в сбор и подборку материала, есть недостатки. Звягель на самом деле гораздо больше славился своими делами и имел гораздо больше видных людей, чем это видно из книги. Нам это известно. Располагая теми силами и средствами, мы не могли сделать больше того, что сделали. Поэтому удовлетворимся достигнутым, успешно доведём дело до конца и скажем: «Поступай так же».

Но и в этих рамках наш труд не был бы полным, если бы в нём отсутствовало описание короткого периода 1914-1920 гг., богатого на события и происшествия, когда «восшумели народы, двинулись царства»¹, периода первой мировой войны, беспорядков, страданий, бедности и всякого рода бедствий, обрушившихся на город. Именно в то время в Звягеле активизировалась маленькая группа молодёжи. Она вела пропагандистскую и культурно-воспитательную работу среди значительной части своих сверстников, всюду несла с собой дух жизни. Эта героическая группа юношей и девушек представляла разные социальные слои. Из неё оформилась группа халуцим, проявивших отчаянную доблесть в мутных волнах погромов. Организованными и рассчитанными действиями они успели сами уйти от разрухи и вывезти (насколько это возможно) то, что можно было вывезти, спасти то, что можно было спасти, пока не добрались до надёжного убежища. Они первыми достигли Эрец-Исраэль как организованная группа и были удостоены участвовать в строительстве обновлённого Эрец-Исраэль перед приёмом десятков тысяч репатриантов, став одними из первых рабочих и активистов третьей алии. Эта маленькая группа появилась не сама по себе. Ей предшествовали мечтатели и создатели. Итак, следует указать на почву, на которой она возникла, и на фон, на котором действовала.

Безмятежно и спокойно протекла для них жизнь в городе в детские и юношеские годы. Они несли на себе отпечаток типичного еврея как суббот и праздников, так и будней. В абсолютном большинстве это были «евреи синагоги», среди которых немало знатоков святого Писания, людей знатного происхождения, торговцев, промышленников, предпринимателей, ремесленников, учителей, маскилим, меламедов, раввинов, шойхетов

1 Тегилим (Псалмы) 46:7

и прочих служителей культа, которыми благословлено каждое местечко черты оседлости. Великодушные евреи, замечательные особым еврейским умом, мягкими и приятными нравами. Педантичные и строгие евреи-фанатики. Огонь святости пылал в их глазах.

Короче говоря, у старшего населения жизнь текла в привычном русле. Евреи жили спокойно и в достатке. Доход получали привычный: одни в изобилии, другие – далёкий от изобилия. Они были жертвователями, оказывали нуждающимся помощь, называемую нынче взаимопомощью. Своей благотворительностью обрели известность в округе. Эти евреи не видели в делах и заработке главную цель жизни. Они стремились к утончённости, душевному вознесению, и давали этому выход в напевах молитв в синагоге, субботних и праздничных песнопениях во время застолий дома. Даже люди преступного мира, число которых было небольшим, не раз подавляли свои желания и отменяли «операции», когда в них пробуждалась частичка еврея. Некоторые из них проявляли самоотверженность ради спасения еврейских душ и их имущества (читай прелестные зарисовки А.Ури и Беллы Ставит). Эти евреи хранили искры сияния, теплилившиеся в них, их отцах и отцах отцов на протяжении многих поколений, и зажигали свет во мраке изгнания и чужбины. Молодёжь тянулась к этому свету и получала удовольствие от обилия тепла, которое они распространяли вокруг себя.

Город был благословен молодёжью разных оттенков. Преобладала трудящаяся молодёжь, которая занималась ремеслом своих отцов: либо в лавке у прилавка, либо в мастерской – жестяной, токарной, столярной или кузнице. Было также много юношей-подмастерьев среди портных, сапожников, штукатуров, маляров или верёвочников. Немногие служили подмастерьями в изысканных ремёслах, например, у фотографов, золотых дел мастеров и часовщиков.

Сверху: Х.Нудельман, М.Гарбер.
В середине, сидят: Ушер Шнайдерман, Менаше Сахарбройт.
Внизу: Хаим Лифшиц, Ушер Эрлих

Девушки занимались шитьём и торговлей. Но тогда их число было небольшим. Не к чести еврейской семьи было посылать дочь на заработки. Лишь самые бедные дочери и девушки-сироты работали на кого-то или нанимались служанками (этой профессией занимались, главным образом, бедные женщины, которые овдовели и остались без средств к существованию). Дети состоятельных горожан, которых называли «балэбосами», а также служителей культа (раввинов, даенов, шойхетов и т.п.) представляли собой особый круг молодёжи. С работой они не были связаны, т.к. «хлеб им был дан и из дней надёжных». И если бы даже захотели идти на работу, их бы осрамили решительным отказом по поручению родителей, которые видели в этом нанесение ущерба своему общественному положению. Поневоле или не поневоле на их долю выпало занятие Торой и просвещением для достижения определённой цели. Получить образование для еврейской молодёжи, чтобы достичь определённой цели, до первой мировой войны было нелегко. Среди всех ограничений и запретов, которые налагались на евреев в России, существовала процентная норма приёма в государственные учебные заведения. То есть, число евреев в средних и высших школах было ограничено определённым процентом. Те, кто стремились к просвещению, вынуждены были совершенствоваться вне стен школы: брали уроки у частных учителей и готовились к экзамену на аттестат зрелости. Они представляли особое сословие в еврейской молодёжи, известное как сословие экстернов. Немногим удалось пробить себе дорогу в учебные заведения при помощи личных связей и взяток. Часть занималась также в Звягельской ешиве и талмуд-горе. Этой просвещённой молодёжи, обладавшей значительностью мыслителя, предназначались важные функции в будущем.

Подобно старшему населению, молодёжь тоже стремилась к утончённости и душевному подъёму. Она не находила удовлетворения в повседневной серой жизни и искала выход для избытка скрытой внутри энергии в компаниях, играх, развлечениях и т.п. Это стремление к разрядке было общим для всех кругов молодёжи и находило особое выражение во время субботнего и праздничного отдыха. В такие дни на улице было полно гуляющих. Зимой катались на коньках, бросали снежки, а летом плыли на лодках по Случи. Кроме того, собирались в домах, устраивали вечеринки, танцевали.

Эта мощная энергия, берущая начало из чистых родников юной привлекательности, искала для себя выход в добровольных делах, которые выполнялись как будто сами собой. Им не предшествовала никакая агитация, и в разъяснении они тоже не нуждались. В дружеской беседе за прилавком магазина мануфактуры Пини Губина во время полуденного перерыва говорили о том о сём, о «цели», ремесле и т.п. У продавца возникла идея. Был основан комитет помощи под благозвучным названием «благотворительный комитет», который в состоянии произвести впечатление. И действительно, это произвело впечатление, привлекло внимание и вызвало симпатию в обществе. Комитет тайно оказывал помощь, особенно молодым парам во время венчания. Бениамин Гольдман блаженной памяти и Малка Спичка (да будет она жива) были членами этого комитета. А кто задумал выпечку мацы? Несколько юношей и девушек решили стать волонтерами и заняться выпечкой мацы для малоимущих. Что же они сделали? На первых порах побуждали к пожертвованию состоятельных людей, которые купили квартиру с печкой большой ёмкости, дрова. После этого засучили рукава, надели фартуки, лили воду, месили тесто, топили печку и пекли мацу.

Это было одним из проявлений прекрасной щедрости, охватившей всю молодёжь Звягеля и не знавшей примера ни в одном из ближайших городов и местечек. Эта добровольность была принята с признательностью и благоговением со стороны всех горожан, включая ультраортодоксов и служителей культа, которые сначала смотрели на

это мероприятие недоброжелательно из опасения излишней близости между двумя полами, которую невозможно избежать во время работы. Но достаточно было одного посещения дома, где выпекалась маца, даенами в сопровождении цадиков, чтобы сердца их были покорены самоотверженным трудом молодёжи и радостными лицами клиентов. Увидев большую пользу этого мероприятия для нуждающихся, они стали глядеть на него благосклонно и, более того, сами послали своих сыновей и дочерей на выпечку мацы.

Следует отметить, что у тогдашней молодёжи не было наставников и проводников, так как интеллигенция высокого интеллектуального уровня надолго не задерживались в городе, не имея здесь опоры. Те, кто стремился к высшему образованию, были вынуждены уезжать в большие города или эмигрировать. Кроме того, нужно учитывать, что тогда в местечках черты оседлости преобладали многодетные семьи, насчитывавшие примерно 10 и более душ, и лишь немногие состояли из 2-4 душ. Не каждая семья могла содержать всех детей. Это было ещё одной причиной исхода взрослых детей из города в поисках заработка. Часть из них эмигрировала ради уклонения от службы в армии. В таких условиях молодёжь оставалась без направляющей руки сверху, и её действия были совершенно спонтанными.

Стоят: Й.Шлаен, Ш.Гольдман, З.Синай.
Сидят: Б.Гольдман, Й.Гуз, У.Будман

Социально активной была сионистская молодёжь. Другие движения в Звягеле в обсуждаемый период не существовали ни официально, ни подпольно. Наш товарищ и земляк Азриль Ури, который был одним из руководителей сионистского круга, писал подробно об этом в начале книги. Этот круг привлёк к работе несколько юношей и девушек, воспитывал их в сионистском духе и обучал популяризации сионизма в городе. Их посылали собирать пожертвования в Еврейский Национальный Фонд на свадебных вечеринках, продавать марки Фонда и распространять сионистскую литературу и другие предметы агитации, побуждать к пожертвованиям прихожан. И не только продажей марок и сбором денег ограничивалась тогда деятельность сионистской молодёжи. На неё была возложена очень важная миссия: внести в еврейский дом запах Эрец-Исраэль. В первый год выхода в свет в городе был распространён 21 экземпляр «Га-поэль га-цаир», тогда как в Киеве, Варшаве, Лодзи вряд ли удалось достичь этого числа. Молодёжь также

заботилась о распространении книг и брошюр, которые выходили в Эрец-Исраэль в разных изданиях, например: десятки экземпляров издательства «Лэам» (от «Га-поэль га-цаир»), сборники «Яфэт», «Га-омэр»* и т.д. Правда, не довелось сионистской молодёжи долго греться в лучах славы своих старших наставников, поскольку те «повернулись каждый в свою сторону».

Для полной ясности нужна живая картина в действующих лицах.

В число постоянных активистов сионистского круга, занимавшегося действительно сионистскими делами, входили следующие лица: мой дядя р.Аврум Шапиро, Айзик Арбетман, Арон Ставницер, Йосиф Горинштейн, Ицхок Костров, Мойше Гехт и ещё несколько евреев, которых я не помню. Все эти люди – торговцы и предприниматели, кроме моего дяди, который был по профессии шойхетом и контролёром. Эти люди среднего возраста были увлечены просвещением. К ним присоединилась группа парней и девушек во главе со Шмулем Шлаеном блаженной памяти и (да продлятся его годы) Азрилем Ури (тогда Маляром), включая Йегоше Хижина, Мотла Орловского, Шмуля Ингала, Дувид Липенгольца, Арона Розенфельда, Мотла Курляндчика и др. Понятно, что инструктаж новых членов находился в руках молодых и продолжался до тех пор, пока те были связаны с городом. Но, как уже было сказано, их судьба была подобна судьбам всех молодых интеллектуалов: они уезжали один за другим. Шмуль Шлаен репатриировался в Эрец-Исраэль, Азриль уехал в Киев. Мотл Орловский и Шмуль Ингал тоже покинули город. Дувид Липенголец эмигрировал в Америку.

Йегоше Хижин, часовщик по профессии, имел симпатичную жену. Его однокомнатная квартира в самом центре города стала местом наших встреч. Можно сказать, что в ней пребывал сионистский дух. Возле окна, выходившего на главную улицу, Йегоше выделил себе рабочий уголок по ремонту часов. Ему помогал юноша Аврум, сын меламеда Нахалы (Нахмана). Наши посещения не мешали Йегоше, даже если происходили в рабочее время. Он продолжал работать и занимал нас беседой. И не было случая, чтобы наш приход вызвал у него неудовольствие. Здесь мы находили упомянутые выше газеты и литературу из Эрец-Исраэль: «Га-поэль га-цаир», «Га-омэр», сборники «Яфэт», книги «Лэам», а также сборники «Изкор». Словом, это был дом, от которого пахло Эрец-Исраэль. Сам Йегоше был из бедноты и жил плодами своего труда. Он всегда был рад принять нас в своём доме, любил поговорить на общественные и сионистские темы, разясняя своей простой логикой и народным подходом многие занимавшие нас проблемы. Жаль только, что Йегоше не решился пробывать вместе с нами дорогу в Эрец-Исраэль.

Наш сионистский круг постепенно овладел всеми инструментами для завоевания улицы. К нам присоединились учащаяся молодёжь: Шмуль Горин, Аврум Хазан, сыновья Дувид Мижирецкого, а также Ицхок Мижирецкий, сын Аврумчика, младшего брата рэба Дувид.

Шмуль Горин поразил всех нас, старших и молодёжь, когда мы праздновали Симхес-Тойре в доме р.Мойше Двериса. С юношеским пылом и большим пафосом произносил он тогда речь на русском языке. Все были очарованы 17-летним юношей в пенсне и форме гимназиста. Это были отточенные, подобранные со вкусом слова о необходимости усиления воспитательной и пропагандистской работы среди молодёжи, дополнительного внедрения национального сознания. Кто этот юноша и как сюда попал? Выяснилось, что он пришёл вместе со своим товарищем Аврумом Хазиным, тоже гимназистом, который был приглашён на вечеринку Симхес-Тойре вместе с ещё несколькими юношами. Нам стало известно, что Шмуль Горин, один из лучших учеников гимназии, получил знак отличия первой степени (Аврум Хазан имел такой же знак отличия). Он происходил из бедноты, рос в нужде, не получил традиционного воспитания и был далёк от еврейского

традиционного быта.

С тех пор он сблизился с кругом сионистской молодёжи, быстро завоевал сердца всех и стал главным оратором. Годы спустя его имя появилось первым в списке кандидатов на местные выборы. Его вступление в сионистский круг способствовало росту числа его членов и обогащению содержания нашей работы.

Понятно, что главная наша деятельность ограничивалась тогда сферой воспитательного обучения. Мы были всё ещё далеки от политической деятельности, хотя к ней тоже проявляли интерес. Нам было известно о конференции в Полонном, о которой рассказывает в начале книги наш товарищ Азриль Ури, избранный делегатом на конференцию. Знали мы и о приезде товарища Цви Йегуды. Но только немногим выпала честь слушать в доме Лейки Островской (теперь Рутберг) его рассказ об Эрец-Исраэль. С тревогой следили мы за арестами сионистских деятелей в Звягеле, дяди Аврума Шапира блаженной памяти и (да продлятся его дни) Гедали Леви, и судебными процессами над ними (читай воспоминания Г.Леви «Сионисты под арестом и на скамье подсудимых»).

И вот совсем неожиданно началась первая мировая война. Хаос овладел всеми сферами жизни. Мобилизации, бездорожье, войска, колонны беженцев, наводнивших прифронтовые города и местечки, в том числе и Звягель. Военнообязанные среди нас (18-21 год), дезертировавшие из армии, и те, кто не был мобилизован, спустились в укрытия.

Не будет преувеличением отметить здесь следующее. Во всех подъёмах и провалах, происходивших в жизни еврейского населения нашего города в годы первой мировой войны и в период беспорядков, суматох и погромов после неё, большим было участие молодёжи в защите жизни, спасении еврейского имущества и оказании помощи пострадавшим. Этой молодёжи удалось направить свою энергию и юношеский пыл в конструктивное русло.

После начала первой мировой войны в городе исчезли все, кто по возрасту считались военнообязанными. Т.е., мужчин 18-50 лет почти невозможно было встретить на улицах города. В общественной жизни города возникло вроде пустого пространства. Именно этот чуткий материал, созидающий и живой, исчез, превратился в ничто. Город был охвачен унынием и тоской. В сердцах людей царил пустота. Но инстинкт общественного существования, подобный инстинкту самосохранения, видимо, тоже имеет силу биологического закона. Это можно сравнить с тем, как при параличе определённой части человеческого тела начинает развиваться другая часть тела, чтобы каким-то образом выполнять функцию парализованной части. Подобное произошло в жизни общества в нашем городе. Возникли две ячейки молодёжи раннего возраста (так называемый «юный слой»), объединявшие школьников и гимназистов, детей ремесленников и домохозяев. Одной руководили Хана и Йонатан Шлаен. Хана занималась изучением задач общества и нации, исследованием сионистской идеи. Во вторую, под руководством Нотэ Шнайдермана, входил автор этих строк. Эта ячейка молодёжи существовала в виде кружка по изучению языка иврита и ивритской литературы, ТаНаХа и истории евреев. Между двумя ячейками существовали контакты и сотрудничество. Первая взяла за основу сионистскую идею в теории и практике, а вторая ещё не созрела для восприятия сионистской идеи, но «жаждала еврейского слова», находя удовлетворение в главе ТаНаХа и ивритском рассказе. Руководители этого круга старались, чтобы воспитуемые сами пришли к сионистской идее.

Обе ячейки собирались вместе по субботам (в летние дни на другой стороне Случи, а зимними вечерами в доме Рухл Гехтман) и слушали выступления портного и культурного человека Шлёмкэ Гуза, по состоянию здоровья освобождённого от воинской службы, о литературе и культуре (читай Й.Шлаен «Шлёмкэ Гуз»). Он тоже считал долгом внести

свою долю в заполнение образовавшейся пустоты ...

Пользуясь случаем, хочу отметить благословенную деятельность Шлёмкэ Гуза блаженной памяти. Ему, уроженцу местечка, недоставало систематичного образования. Но он имел опыт в жизненной практике, хорошо разбирался в литературе той эпохи (русской и на идиш) и делился с нами своими знаниями. Хотя Шлёмкэ был бундовцем и участвовал в демонстрациях 1905 г., с его стороны не было попыток «вдохнуть нам свой дух». Своей целью он видел культурную деятельность.

Семя, посеянное в годы войны, дало прекрасные плоды. Возникла организованная сионистская молодёжь. После февральской революции она первой заняла улицы, что вызвало гнев и зависть у других партий. Сионистская молодёжь, которая действовала как легальная организация, влилась в ряды «Цеирей Цион». Во время выборов городского комитета сионистской организации она была представлена в нём тремя членами из семи. «Цеирей Цион» выделялись во время празднований, которые устраивались в честь русской революции. Также она была представлена в законодательных и исполнительных учреждениях города, комитете общины, ивритской школе и т.д. Была создана группа «Ге-Халуц», которая готовилась к репатриации в Эрец-Исраэль.

Тем временем, война продолжалась. Многие из «юного слоя» постепенно перешли в старший слой. На них уже лежала обязанность призыва. Уклониться при свободном революционном строе не может быть и речи. Ряды вновь опустели. Тот факт, что двери средних и высших учебных заведений настежь открывались перед евреями, также способствовал опустошению рядов. Но вот ряды заполняет новая молодёжь, наши воспитанники из талмуд-торы, городских училищ и гимназии. Движение не прекращалось, оно становилось интенсивнее. Усиливалось ивритское движение.

В рядах этой молодёжи возник кружок любителей сцены, создавший драматическую труппу. Хотя этой труппе не был присущ сионистский отпечаток, все её члены и актёры из сионистской молодёжи. Большого успеха имела постановка «Ди шхитэ»¹ Якова Гордина*, главными актёрами в которой были Перельмутер и Хайке Гехт. Также с большим успехом ставили на сцене «Ди фамилиэ Цви»² Давида Пинского и «Ди нэвэйлэ»³ Переца Гиришбейна* и др. Дерзновенное мероприятие было осуществлено автором этих строк с помощью Ханы Шлаен. После большой подготовки на сцене городского театра была поставлена пьеса для детей на иврите «Мехират Йосеф»⁴ Ицхока Каценельсона*. 15 актёров были учащимися талмуд-торы, в которой автор этих строк работал учителем. По овациям, которые зрители устроили маленьким актёрам, можно сделать вывод, что постановка удалась.

Звягель стал региональным центром сионистской организации Волыни. Здесь состоялась уездная сионистская конференция, в которой принимали участие множество делегатов и представители сионистского центра. От имени местного отделения «Цеирей Цион» конференцию приветствовал поэт Ицхок Ламдан блаженной памяти.

Главной задачей конференции было составление плана действий перед выборами в Учредительное собрание, местные органы власти и еврейские общины. Сионисты отстаивали тогда идею национально-персональной автономии: все еврейские дела (воспитание, здравоохранение, социальная помощь, религия, культура и другие услуги, в которых нуждается культурное общество) должны вестись самими евреями. В отличие от них, «Бунд» довольствовался лишь национально-культурной автономией и еврейской культурой на свой лад – идишистской культурой.

---

1 «Резня» (идиш)

2 «Семья Цви» (идиш)

3 «Падаля» (идиш)

4 «Продажа Йосифа»

Следует отметить здесь, что ещё до начала уездной конференции, на сцене театра немого кино «Люкс» (о звуковом кино тогда ещё не было известно) перед сотнями слушателей с интересным докладом о муниципальных проблемах выступила наш товарищ Хана Шлаен (теперь – Слоним, сомневаюсь, исполнилось ли ей тогда 17 лет). Между прочим, владел вышеупомянутым кинотеатром верный сионист г-н Хазанов, который тоже внёс вклад в сионистское движение, хотя и не был его активистом. Ещё до первой мировой войны он послал одного из своих сыновей на учёбу в Яффскую гимназию (теперь гимназия «Герцлия» в Тель-Авиве).

Нашему городу выпало счастье. В то время русское правительство строило железную дорогу Гришино-Ровно, и Звягель стал центром строительства. Работа была передана подрядчику Мелуфу, известному сионистскому деятелю, и тот устроил в своей конторе многих единомышленников, в том числе поэта И.Карни (тогда Воловельского), выдающегося сионистского деятеля Арье Пинеса, М.Рабиновича и др. Их пребывание в городе способствовало процветанию сионистского движения и облегчало наш труд. Молодёжь смогла тогда заняться организационной и культурной работой.

Так протекала жизнь в течение двух лет после начала революции. С завоеванием России большевиками Украина отделилась от Великороссии, разорвалась также связь с сионистским центром в Москве. Происходили изменения в настроениях еврейского населения, исчезли мечты. Говорили, что в России господствует красный террор. Конфискуют частную собственность. Евреи разорены. Притесняют сионистское движение. При центральной власти возникает Евсекция, замышлявшее зло против сионизма. По её распоряжениям, арестовывают сионистов, закрывают ивритские газеты. Запретили изучение языка иврита. К нам в Украину это зло с севера пока не пришло, но покой потерял. Мы страдаем от смены власти. Правда, власть в Украине формально социалистическая: Петлюра, украинский эсер – глава правительства, Винниченко, социал-демократ – министр иностранных дел и т.д. Однако достаточно глянуть на лица солдат украинской национальной армии, и тебя пробирает дрожь. Ты видишь перед собой разгневанные, полные ярости лица украинских гайдамаков, вооружённых с головы до ног. Правда, пока они ещё сдерживают гнев. Но ты чувствуешь, словно сидишь на вулкане, и в любую минуту лава может вырваться. И верно, до нас начинают доходить тревожные слухи о грабежах, насилии и убийствах на дорогах. Сердце наполняется тревогой. Правда, сидит, еврей в «социалистическом» правительстве. Иди, изливай ему свою душу! Разве это поможет? Он тоже находится среди скорпионов ... Существует украинская Рада, подобие парламента, откуда просачивается открытая ненависть к еврейскому народу ... Мы тревожимся о будущем.

Почти на 8 месяцев в Украине установлен германский оккупационный режим с гетманом Скоропадским. Сионистское движение тогда дышало свободно и развивало широкую деятельность. Правда, не было ещё речи о репатриации в Эрец-Исраэль, но можно было заниматься подготовкой к репатриации. Положение ухудшилось с уходом немцев и установлением новой власти в Украине. В ряде городов и местечек разразились погромы. В нашем городе тоже были беспорядки. Правда, до убийства не доходило. Вооружённые отряды еврейских парней стояли сплочёнными рядами против погромщиков и рассеивали их. Но с тех пор небо над городом начинает хмуриться ...

Подавленность и отчаяние проникают в сердца евреев. В домах и дворах готовят укрытия на время беды. Воздух насыщен ядом, и в сердцах пульсирует страх перед завтрашним днём. Стремительно растут цены. Весь регион опутан бандами погромщиков. Город отрезан. Вся Россия находится в водовороте хаоса, в пожаре гражданской войны: Колчак Юденич, Деникин, Врангель. Кроме этих белогвардейских войск, сражавшихся за свержение большевистского режима, создавались банды погромщиков и грабителей под командованием различных атаманов. Действовали они на ограниченных территориях и цель ставили одну – грабёж, который сопровождался убийствами. Всюду, где только ступала их нога, происходило разрушение еврейских общин.

Наш город смог держаться в период бесчинства банд только лишь благодаря бдительности сионистской организации, особенно части её молодёжи («Цеирей Цион»). Чуткая по своей природе и кипучая по характеру молодёжь не сдавалась! Она стояла на страже, хранила бдительность и сумела сорвать замыслы злоумышленников. Представителю этой молодёжи, нашему товарищу Азрилю, было поручено явиться в центральные учреждения губернских властей по поручению самообороны. После срочной помощи житомирской самообороны бедствие в нашем городе было предотвращено (подробности в статье А.Ури в начале книги). Но вот наступило 20 апреля 1919 г.

Пейсах 5679 г.¹ Город завоёван большевиками. Они стояли в городе примерно три месяца. За это время, правда, евреям стало легче с физической точки зрения, хотя единичные убийства не прекращались и тогда. Однако была парализована всякая еврейская общественная деятельность. Большевики оказывали давление на часть домохозяев города, «буржуазию», конфисковывали деньги и имущество, налагали контрибуции. Наши члены «Цеирей Цион», которые фактически были провозглашены противниками режима и которым была запрещена всякая партийная деятельность, всё же сохраняли между собой связи. Они считали необходимым проникать в городские учреждения, основанные большевистской властью, куда некоммунисты имели доступ. Например, в комбеды. Комитет отвечал за безопасность района, обязан был снабжать гарнизон продовольствием, одеждой и мебелью, оказывал юридические услуги. На него было возложена конфискация денег и имущества для военных нужд. Наши товарищи в комитете поступали справедливо, с большой заботой занимались делами евреев, проявляли осторожность, чтобы не восстановить против себя христианское население. Им приходилось бороться в комитетах с коммунистами, не придававшими значения подстрекательству против евреев со стороны христианского населения.

Только одно, и это было очень важным, не удалось нашим товарищам: отменить известный циркуляр, выпущенный ревкомом относительно регистрации родившихся и умерших в особом отделе, который возник для этой цели при ревкоме. Это привело к резне 5679 г. (смотри: М.Бибер «Погромы в 5679 г.»)

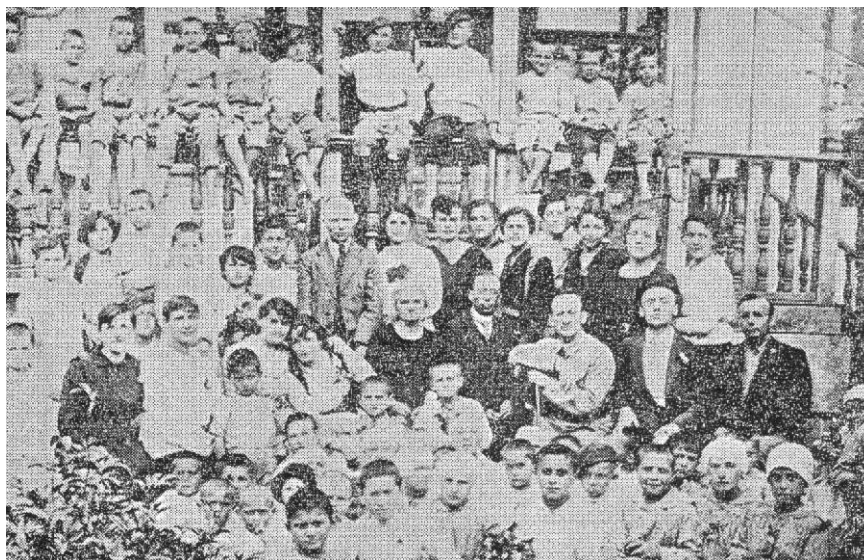
Резня 5679 г. рассеяла уцелевших горожан на все четыре стороны. Еврейская молодёжь трудились и на развалинах сожжённого города, побуждала состоятельных оказывать помощь. Был сформирован комитет помощи, заботившийся о бездомных,

---

1 15-22 апреля 1919 г.

голодающим и больных. Возникли богадельни, детские дома, ивритская школа. Многие из тех, кто покинул Звягель после резни и пожара, снова начали возвращаться. Город начал восставать из руин. Некоторое время он находился в руках большевиков, более продолжительный период – в руках украинцев. Польские войска под командованием маршала Пилсудского захватили город в мае 1920 г.¹ и удерживали его до октября того же года (во время двухнедельной паузы² город находился опять в руках большевиков). С подписанием перемирия между Россией и Польшей 22 октября 1920 г. город перешёл к большевикам.

Суббота, 21 октября 1920 г., под вечер. Польская армия готовится к эвакуации, чтобы утром на рассвете передать город большевикам. Когда об этом стало известно, мы решили перевести за границу наши культурные и благотворительные учреждений. Это касалось, прежде всего, детских домов.

Сиротский дом в Звягеле. В центре А.Пастернак, А.Й.Правутинер и Меир Зильберман

Наш товарищ Азриль Ури снова получил задание вывезти учреждения. Рискуя жизнью, он сумел благополучно добраться до Ровно, связался там с представителями «Джойнта», убеждал их в необходимости самой срочной помощи и вернулся через два дня с достаточными денежными средствами. Это дало возможность нам, первой организованной халуцианской группе, уехать самим и вывезти необходимое.

Помню ночь нашего исхода. На несколько подвод погрузили детей, мебель, игрушки, инструменты и прочее имущество. После захода солнца из города вышла группа из нескольких десятков юношей и девушек. Они шли пешком в направлении местечка Корца, которое, согласно договору, принадлежал полякам. За Корцем следовали Ровно, Ковель и ... Эрец Израэль.

Период путешествий представлял собой длинную цепь событий и происшествий. Мы шли целую ночь. Леса по обе стороны шоссе настолько сгущали мрак, что не видны были даже двигавшиеся спереди подводы с детьми. «Процессия» наткнулась на заграждения пограничной заставы в 5-6 км от Корца. Польские пограничники никого не пропускали. Переговоры с ними ни к чему не привели. Только когда стало известно, что слева от

1 В действительности, ещё в январе 1920 г.

2 Большевики находились в Звягеле с 27 июня до 27 сентября 1920 г.

шоссе, на холме, в глубине леса находится командование пограничников, туда направилась делегация в составе Азриля Ури и автора этих строк. После долгих утомительных переговоров и порядочной взятки офицеров удалось переубедить, и они разрешили «процессии» продолжать путь ...

В Корце группа задержалась ненадолго и вскоре прибыла в Ровно. Просторная квартира на улице Вартовой 26 стала жильём для нашей группы, насчитывавшей около 20 человек. Члены «Цеирей Цион» в Ровно проявили большую заботу о членах группы, беспокоились о предоставлении им работы. Особенно следует выделить товарищей Аватиhi, Гиршфельда, Эйдесеса, Динеса и Гармеля. В Ровно существовал комитет помощи беженцам Украины во главе с Феферманом. Автор этих строк представлял в этом комитете беженцев своего города. Большую помощь мы получили от нашего земляка г-на Зелига Каца, сына рэба Менаше-графомана (в своё время учитель каллиграфии для евреек). Зелиг Кац, тогда 22-летний парень, солдат американской армии и посланец «Джойнта», сделал много хорошего для нас. Он финансировал нашу поездку почти на 80% и сделал для нас много других добрых дел. Сейчас он в Израиле, и пусть эти слова будут выражением благодарности за его старания.

Члены комитета «Цеирей Цион» в Ровно на вечеринке расставания с автором этих строк перед его репатриацией в Эрец Исраэль

Но на этом мы не успокоились. Спустя некоторое время группа прибыла в Варшаву. Там в отделе труда при Палестинском бюро (начальник – д-р Корнгрюн блаженной памяти, секретарь – г-н Х.Барлас) посланцы из Эрец-Исраэль занимались организацией третьей алии. Наш товарищ И.Левинштейн блаженной памяти был заведующим отдела, рядом с ним работал товарищ Шмулик Аптер из Тель-Йосефа. С помощью товарища Исроэля Мириминского (И.Маром), стоявшего во главе движения «Цеирей Цион» в Польше, наших товарищей удалось устроить в Варшаве. Часть товарищей послали в Ломжу, остальных – в Белосток. Они должны были находиться там до получения разрешения на репатриацию в Эрец-Исраэль и оформления загранпаспортов. Все документы для членов нашей группы прибыли в начале марта 1921 г., а в ночь на Пурим 5681 г.¹ мы сидели вместе в отдельном вагоне поезда, следующего в Вену. В вагоне находился знаменитый в Польше раввин Ковельский из центрального комитета «Мизрахи». Он читал нам Мегиллат Эстер.

В Вене группа задержалась несколько дней, после чего случайно попала на грузовой корабль, отплывавший из Триеста в Индию и бросавший якорь в портах Адриатического,

1 В ночь на 24 марта 1921 г.

Эгейского и Средиземного морей. 16 дней плыл корабль, а в воскресенье на рассвете, 9 нисана 5681 г. (17 апреля 1921 г.) бросил якорь в 2-3 км от города Яффо, среди устилавших берег утёсов и скал.

В воскресенье утром мы сошли с корабля, и нас сразу направили в карантин. Там мы провели три дня, а в среду после полудня с ликованием пошли в порт Яффо. После выполнения всех формальностей Палестинское бюро направило нас в дом репатриантов в квартале Аджамы города Яффо.

В приподнятом настроении праздновали мы первый Пейсах¹ в Эрец-Исраэль. Сразу после прибытия группа занялась своим устройством. Да будет здесь высоко оценена большая помощь нашего дорогого товарища Нисана Бен-Давида, представителя второй алии, который первое время после прибытия Эрец Исраэль давал нам советы и наставления, тратил время, совершая вместе с нами экскурсии по поселениям Иудеи и Шарона.

Как члены «Га-Поэль га-Цеир» и «Ахдут га-Авода», мы быстро установили связь с центральными комитетами обоих движений, и те взяли на себя заботу о нашем устройстве. Нашу группу очаровала идея всеобщей коммуны рабочих Эрец-Исраэль, которая нашла конкретное выражение в трудовом батальоне им.Йосифа Трумпельдора. 17 членов нашей группы выразили желание вступить в трудовой батальон. Однако перед этим нам пришлось пройти первое боевое крещение. По окончании праздника Пейсах в Яффо вспыхнули погромы. Напали на дом «Ге-Халуц» и убили свыше 30 халуцим. На второй день были убиты Бренер и его друзья в арабском доме, который сейчас увековечен в «Кирьят-Шалом». Члены нашей группы были сразу мобилизованы на защиту кварталов Яффо. Ицхак Канав (тогда Каневский), один из защитников Тель-Хая, послал сюда группу примерно из 20 человек. В её составе были товарищи Давид Лерман, Эфраим Дерех, Бениамин Гольдман блаженной памяти и автор этих строк. Помню, как только мы прибыли на «объект» в немецкий квартал Яффо, увидевшие нас издалека арабы рассеялись в разные стороны. В доме нас было только двое: автор этих строк и Бениамин Гольдман ...

С установлением в стране порядка и возвращением жизни в нормальное русло наша группа уехала в Петах-Тикву и работала на строительстве железной дороги Петах-Тиква – Рош-га-Айин. Через два месяца мы переехали в Галилею и работали на прокладке шоссе Тверия – Табиха вдоль берега озера Кинерет. В Галилее установили связь с нашими товарищами Азриелем Ури, который тогда работал в Рош-Пине и Пории, и Йонатаном Шлаеном, которому строительная компания сразу после прибытия дала работу по его профессии в правлении предприятий строительства.

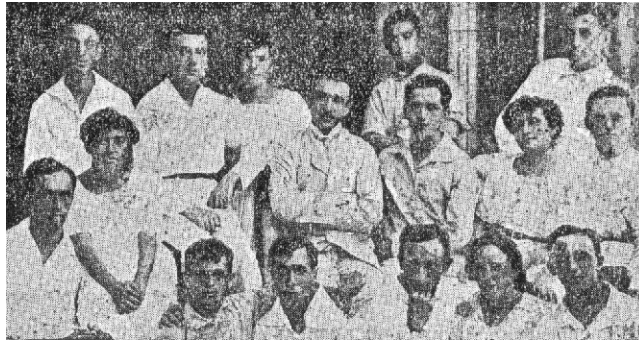
С началом зимы 5682 г.², через 6-7 месяцев после нашей репатриации в Эрец-Исраэль, трудовой батальон закончил работу в районе Кинерета и начал обучать рабочих-строителей. Наша группа, единственная во всём батальоне, занималась продолжительное время обтёской камня в Иерусалиме. Из неё также вышли инструкторы в этой отрасли: братья Синай (Котляр) и Израэли блаженной памяти.

Десятки, а может быть и сотни домов были построены из камней, обтёсанных членами нашей группы, в том числе здания университета и санатория «Арза». Здесь мы исполним приятный долг, отметив дружескую помощь, которую оказывал товарищ Яков Бен-Дов. Он открыл перед нами настежь двери своего дома и много сделал для нас. Неоценима также преданная материнская забота его подруги жизни, г-жи Розы Бен-Дов блаженной памяти, чей фитиль жизни преждевременно оборвался.

---

1 23-30 апреля

2 1922 г.

Наша первая группа. Стоят: А.Котляр-Синай, Симха Бибер, Шифра Гольдман блаженной памяти, Мордехай Бибер (Бонэ), Михаил Вайнштейн блаженной памяти, Эфраим Дерех, Этя Бибер, А.Бен-Барух, Яков Бен-Давид, Малка Спичка-Векслер, Давид Векслер блаженной памяти, Ш.Израэли блаженной памяти, Марим Барац, Зуся Синай, Дов Дверес, Бенцион Хайман блаженной памяти

Измельчилась бы картина от изображения на ней всех дел группы в начале её пребывания в Эрец-Исраэль. Но без гордости и хвастовства она может занести в свой актив определённый вклад в строительство страны, прокладывая дороги для последующих поколений. Мы благодарны своим предшественникам в нашем городе и путеводителям в жизни, вождам поколения, которых, к сожалению, больше нет с нами. И «благословен Он, отделивший нас от заблуждающихся ...»¹

С большим удовлетворением отмечаем мы собрание наших земляков в далёкой Калифорнии (Лос-Анджелес), которые не забыли свой родной город Звягель. 5 апреля 1954 г.
 1. Натан Бурштейн; 2. Удл Бурштейн; 3. Черна Гинзбург (Барановка); 4. Симха Ротенберг; 5. Хая Ротенберг; 6. Морис Гликман; 7. Гитрис Гликман; 8. Мойше Урсис (Романов); 9. Аня Урсис; 10. Луис (Йомтов) Шнайдман; 11. Маня Шнайдман; 12. Бериш Перельмутер; 13. Люба Перельмутер; 14. Эстер Заклад (Романов); 15. Хаим Маркус; 16. Мела Маркус (Пулин); 17. Бэрл Меламед; 18. Лиля Меламед; 19. Танберг (Рогачев); 20. Рухл Бекер; 21. Давид Диаманд (Барановка); 22. Фрида Диаманд; 23. Гари Бронфман (Рогачев); 24. Соня Бронфман; 25. Удл Аннопольски; 26. Шмуль Правутинер; 27. Хая Правутинер; 28. Михл Кожушман; 29. Милтон Шпильберг; 30. Этл Шпильберг; 31. Шимон Леви Шалит; 32. Элин Шалит; 33. Рухл Вальдман; 34. Етэ Гофман (Каменный Брод); 35. Мина Смоляр (Каменный Брод); 36. г-жа Файнман (Корец); 37. Йойна Грин /Гриншпан/; 38. Хана Грин; 39. Люба Гершавски; 40. Мотл Вальдман (Тучин); 41. Хана-Лея Вальдман; 42. Берта Буркин (Бараша); 43. Хайка Бургер (Барановка); 44. Сара Зальцман; 45. Гари Урисман.

1 Отрывок из шахрес будней

Собрание памяти земляков, посвящённое 35-летию погромов 1919 г. – 29.08.1954 г.

Первый ряд (слева): 1.Нухим Лернер, сын Йегоше Бенис; 2.А.Гофман, сын Бенциона Гофмана; 3.Розенштейн; 4.Лейб Бибер, сын Вольфа-шойхета; 5.Бетя Фишман, внучка Пейсаха Кутмана; 6.Ушер Эрлих – Бен-Йосеф; 7.Бейла Клигман-Барац; 8.Дов Клигман; 9.Арон Клигман; 10.Бениамин Гольдман, сын Нахмана-Аврума Бенюминс; 11.Йерухам Марейда; 12.Шмуль Каплан, сын Ривена-«эплмахера»¹; 13.Мойше Блиммен (Корец); 14.Аврум Финкельштейн.

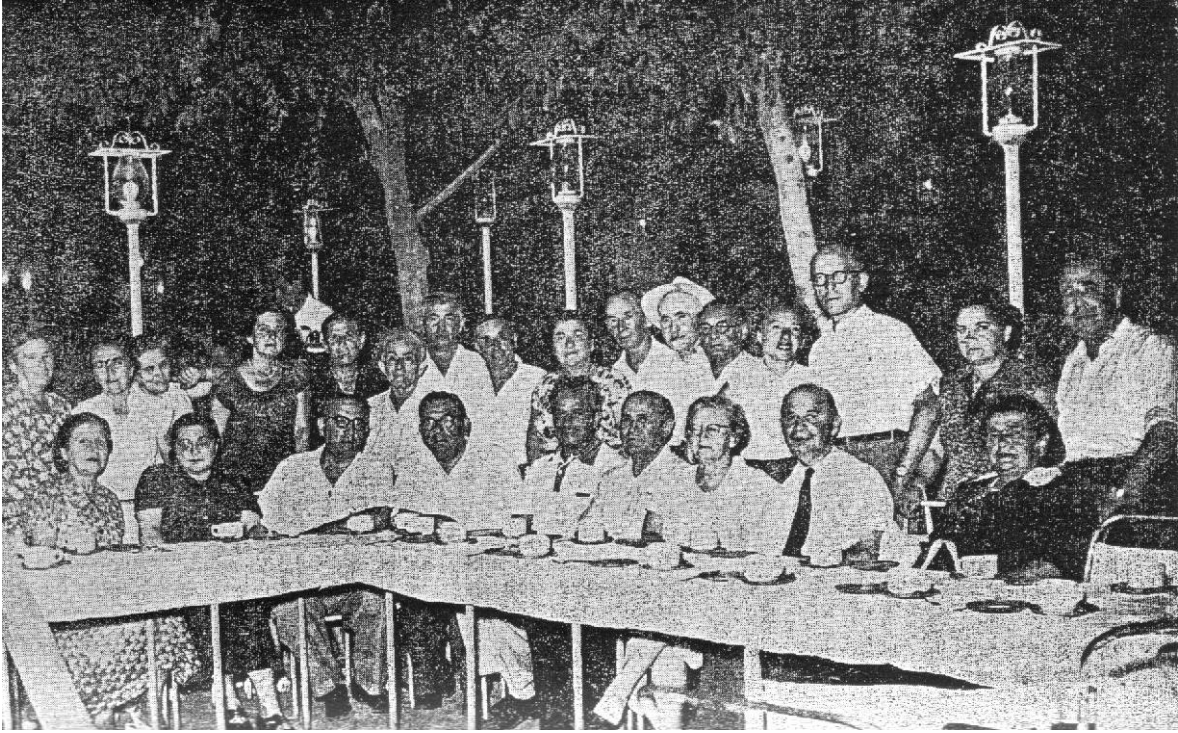
Второй ряд (слева): 15.Лейка Рутберг-Островски; 16.Пинхас Полонский; 17.Белла Ставит-Ставницер, дочь Арона Ставницера; 18.Ада Мижирицкая-Ставницер, дочь Арона Ставницера; 19.Лея Рейцман-Мижирицкая, дочь Дувида Нухимс; 20.Сура Фельдман-Зукин, дочь Боруха Зукина; 21.Марим Клейнфельд-Зукин, дочь Боруха Зукина; 22.Шмуль Клейнфельд, её муж; 23.Ш.Ципор, сестра Яакова Бен-Меира; 24.Шошана Аронов-Кушнир; 25.Даниэль Бронштейн, сын Мойше-комиссионера; 26.Двейра Цифански, дочь Мойше-комиссионера; 27.Аврум Бару, сын Шайке-даена; 28.Ципора Бен-Давид, дочь Йоэля-даяна; 29.Зусе Синай-Котляр.

Третий ряд (слева): 30.Марим Полонски-Маргулис; 31-32.Менахем, сын Зайвеля Шлаена, и Зайвель Шлаен; 33.д-р Авраам Ман, брат Бенциона Гофмана, из Нью-Йорка; 34.д-р Яаков-Меир Леви из Неселони, возле Звягеля; 35.М.Бонэ-Бибер, сын Вольфа-шойхета; 36.Азриль Ури-Маляр-сын Пини Аврумкес; 37.Йонатан Шлаен, сын Ушера Эликс; 38.Элиягу Садэ-Лаван, сын Йоэля-даена; 39.Мойше Гильденман, партизан «дядя Миша» (Корец); 40.Дов Бернштейн – сын Мойше-комиссионера; 41.Арон Бен-Борух – Гольдфарб, сын Боруха-«путерника»²; 42.Мойше Бен-Арци, Ландойэр.

Четвёртый ряд (слева): 43-44.Рухл и Ципора Бибер, дочери Вольфа-шойхета; 45.Буня Адири-Герцвольф, внучка Ханины-«эсикмахера»³; 46.Хана Шлаен, дочь Ушера Эликс; 47.жена д-ра Яакова Леви; 48-49.Рахель Левин и Гися Ури, внучка и жена А.Ури; 50.Блюма Дерингер-Маляр, дочь Пини Аврумкес; 51.Т.Садэ-Лаван, жена Элиягу Садэ-Лаван; 52.Агува Гольдфарб, дочь Боруха Гольдфарба; 53.Марим Синай-Барац, жена З.Синай.

Пятый ряд (слева): 54.Тоба Каган-Бараш, внучка Йегоше Бенис; 55.Блюма Хаклаит-Трембовольская, внучка Вольфа Лейзис; 56.Хаим Лифшиц, сын Мотл Зайвелс; 57.Нисан Бен-Давид; 58.Юна Барман-Ставницер, дочь Арона Ставницера; 59.Сура Исраэлит-Трембовольская; 60.Малка Халфуни-Спичка; 61.Марим Ландойэр

1 Скупщик яблок (идиш)
2 Скупщик масла (идиш)
3 Производитель уксуса (идиш)

Встреча с выходцами из нашего города, гостями госпожи Ш.Гофман и мистера Ф.Крамера 3 декабря 1954 г.

Сидят (справа налево): Э.Дверес (Бибер), А.Бару, Г.Ури, Аз.Ури (Маляр), Филип Крамер (Бостон), М.Бонэ (Бибер), Й.Шлаен, З.Шлаен, Шейндл Гофман /Нью-Йорк/.

Стоят (справа налево): Д.Дверес, Т.Каган-Бараш, Д.Бронштейн, Х.Бронштейн, Э.Садэ-Лаван, З.Шлаен, М.Шлаен, А.Бонэ, Ошер Эрлих, Ш.Каплан, Б.Гольдман, Г.Каплан, М.Кармазин, Б.Черницер, Хана Слоним-Шлаен, Сара Израэлит.

С ВЫХОДОМ В СВЕТ КНИГИ

Как один из тех, кто имеет отношение к изданию книги памяти общины, хочу отметить преданность и любовь, которую проявили товарищи Азриль Ури, Мордехай Бонэ (Бибер) и Йонатан Шлаен, чтобы дать землякам эту драгоценную книгу, важную не только для нас, но и для наших детей и будущих поколений.

Эти три товарища были не только инициаторами, но также исполнителями мероприятия. Они не жалели сил и времени для сохранения памяти о нашем несчастном городе, совершенно стёртом с лица земли и его видных людях. Равнодушие со стороны части земляков не ослабило их энергию, а лишь заставило активизировать свою деятельность. Кроме кропотливой работы по сбору материала, они занимались поисками средств для печатания книги.

Мне представилась возможность просмотреть материал, переданный в редакцию для публикации. Во время чтения на меня нахлынули воспоминания детства и юности. Этим я хочу подчеркнуть, что книга как бы восстанавливает забытое прошлое. Несмотря на сорок лет жизни в Эрец-Исраэль, все картины, представленные в книге, предстают будто живые перед моими глазами: разрушение города Таращанским полком, пожар, первый день после пожара. Над развалинами ещё клубился дым, а толпы мужиков в праздничной одежде празднуют свою «победу» над евреями. Они направляются к церкви по улице. Хотя это уже не улица. Два ряда домов по обе стороны улицы больше не существуют. Никто не выражает сожаления о катастрофе, постигшей целую общину. А вот вторая жуткая картина: весь город сорвался с места. Длинная колонна людей, состоящая из стариков, женщин и детей – кто с котомкой на спине, кто без неё – занимает всю ширину улицы, затем торопливо поворачивает на Ярунь и движется через село Майстров в сторону Корца. Позади слышна стрельба. Город брошен на произвол местных грабителей, совершающих нападение на дома возле реки. И вновь убийства и грабежи. Это – грустные воспоминания. Но вместе с тем испытываешь радость за тех, кто вышел из этого водоворота, достиг берегов Эрец-Исраэль и стал его первостроителем. Теперь они – граждане суверенного Государства Израиль.

Выполняя приятную обязанность, выражаю благодарность нашим товарищам Азрилю, Моте и Йонатану. Думаю, что каждый, в чьих руках окажется эта книга, присоединится к моим словам.

Пояснения к именам и терминам

Аарон бен Яаков из Карлина, или Аарон Великий – (1736-1772) – основатель карлинской династии цади́ков, пионер хасидизма в Литве

Аарон из Чернобыля – (1787-1872) – цадик из хасидской династии Тверских, старший сын цадика Мордехая из Чернобыля

«Авиэзер» – неоконченная автобиографическая повесть М.-А.Гинцбурга, написанная в стиле исповедей Руссо. В ней изображён внутренний мир еврейского ребёнка и остро критикуется хедер. Вышла из печати в 1864 г.

Ав – одиннадцатый месяц еврейского календаря (июль-август)

9 Ава – см. Тишебов

Авраам ибн Эзра – (1089-1164) – поэт, комментатор ТаНаХа, астроном, философ, врач и грамматик испанского периода

Авримэлэ – уменьшительно-ласкательная форма имени Авраам, Аврум

Авторитеты Галахи – мудрецы, авторы комментариев и ответов на религиозные вопросы

Агада – жанр талмудических и раввинистических притч и нравоучительных рассказов на религиозно-этические и исторические темы. Наиболее известна пасхальная Агада, которая повествует об исходе из Египта

Адам Гакоэн – ивритский романтический поэт Гаскалы Авраам-Давид Гакоэн Левензон (1789-1848)

Адар – двенадцатый месяц еврейского календаря (февраль-март)

Айзенштадт Мойше-Элиэзер – (1869-1943) – раввин в СПб, автор статей о воспитании и образовании на иврите, идиш и русском

«Айил мешулаш» – руководство по тригонометрии, геометрии и алгебре, написанное Виленским гаоном «Айит цавуа» (букв. «Перекрашенный коршун», перен. «Волк в овечьей шкуре», «Ханжа») – социальный роман в 3 томах на иврите А.Мапу, вышел в 1857-64 гг.

Алия – репатриация евреев в Израиль

«Аль парашат дерахим» («На распутье», ивр.) – название вышедшего в 1895 г. первого собрания статей Ахад Гаама

«Ал хет» («за грех», ивр.) – первые слова признания грехов, произносимого во время молитвы на Йом-Кипур; сопровождаются ударами кулаком по груди.

Ан-ский С. – псевдоним еврейский писателя, публициста и фольклориста Шлойме-Зайнвила Рапопорта (1863-1920). Писал на идиш и русском. Руководитель Еврейской этнографической экспедиции.

«Арба Турим» («Четыре ряда», древнеевр.) – галахический труд в четырёх частях кодификатора Яакова бен Ашера (ум. 1340)

Ариэль – богатырь; в ТаНаХе символизирует Иерусалим, храм; в стихотворении Равребе, видимо, утренняя звезда, ангел восхода солнца.

Аронович Йосиф – (1877-1937) – еврейский писатель-публицист, вождь рабочего движения в Эрец Исраэль, один из создателей партии «Га-поэль га-цаир» и редактор её печатного издания

«Арух га-шалэм» – словарь талмудических терминов в 8 томах А.Когута, опубликован в 1878-92 гг.

Ахад-Гаам /Гинцбург Ошер/ – (1856-1927) – известный еврейский писатель-публицист и философ

«Ахдут га-Авода» – сионистская социал-демократическая партия в Палестине, основана в 1919 г. в соответствии с халуцианскими идеалами; в 1930 г. вместе с Га-Поэль га-Цаир вошла в Мапай.

«Ахэр» («другой», ивр.) – здесь аналогия с мишнаистским мудрецом П в. н.э. Элишей бен Авуйя, который получил это прозвище после того, как отошёл от иудаизма. Согласно раввинистской легенде, он вошёл в „сады мистического созерцания“ и в итоге стал „другим“.

«Ахиасаф» – еврейское книгоиздательство на иврите, возникшее в Варшаве в 1893 г. по инициативе Ахад-Гаама

Ашкенази – крупнейшая субэтническая группа евреев, возникшая в Германии и расселившаяся по всей территории Центральной и Восточной Европы

«Ашрей» («Счастливы», ивр.) – хвалебные гимны; компиляция из двух стихов Книги Псалмов (84:5 и 144:15) и Псалма 145. Читается трижды в день.

Аш Шолем – (1880-1957) – еврейский писатель, писал на идиш

Баал Шем – см. Бешт

Бава Мециа – средняя часть Талмуда

Бавли /Рашгольский/ Гилель – (1893-1961) – еврейский поэт и педагог, писал на иврите

«Базэцн ди калэ» (« усаживание невесты», идиш) – расставание невесты с девичьей жизнью
Балемер – возвышение в синагоге, с которого читается Тора
Бал-такса – откупщик налога на кошерное мясо
Бальфур Артур-Джеймс – (1848-1930) – премьер-министр Великобритании в 1902-05 гг., министр иностранных дел в 1916-19 гг.
Бальфура декларация – документ от 2 ноября 1917 г., в котором правительство Великобритании обязывалось содействовать созданию национального очага еврейского народа на его исторической родине
Балэбос («хозяин дома», идиш) – самостоятельный, солидный человек, глава семьи
Балэ-гуф – тучный, грубый человек. Арье балэ-гуф – герой одноименного рассказа Х.Н.Бялика
Бараш Ашер – (1889-1952) – еврейский писатель, писал на иврите
Бар-мицва – обряд совершеннолетия для мальчиков. Совершается в первую субботу после исполнения 13 лет.
«Барху» («Благословите», древнеевр.) – часть утренней молитвы, приглашение к совместной молитве
Бейт-дин (ивр. «дом суда») – раввинский суд, действующий в строгом соответствии с законами Торы; законодательный орган.
Белкинд Исраэль – (1861-1929) – один из основателей движения Билу; предавался идее перевозки из Украины в Палестину детей-сирот, чьи родители погибли во время погромов.
Бельтов – псевдоним российского философа, теоретика марксизма, одного из лидеров меньшевиков
Г.В. Плеханова
«Бемидбар» – четвертая книга Пятикнижия («Числа»)
Бен-Авигдор – псевдоним ивритского писателя Авраама Лейба Шалковича (1866-1921), издававшего ряд произведений на иврите под названием «Сифрей агора», или «Копике библиотек»
Бенцион С. – псевдоним еврейского писателя Симхи-Алтера Гутмана (1870-1932). Писал на иврите и идиш, основал вместе с Бяликом и Равницким издательство «Мория»
Бердичевский Миха-Йосеф /Бин-Горион/ – (1865-1921) – еврейский писатель, публицист, фольклорист, исследователь религии; выступал против «духовного сионизма» Ахад Гаама
Бердичевский ребе – раввин Леви Ицхак из Бердичева (1740-1809) – один из величайших хасидских духовных вождей (цадигов) «первого поколения»
«Берешит» – литературный журнал на иврите, Москва-Ленинград, 1926 г. (напечатан в Берлине, вышел только один номер)
Берман Исраэль – (1877-?) – писатель и публицист, писал на иврите и идиш
Бернар Лазар – (1865-1903) – выдающийся публицист и общественный деятель Франции
Бернфельд Шимон – (1860-1940) – еврейский историк-публицист, раввин, исследователь Библии
Бес-медреш, или бет-гамидраш («дом учения», древнеевр.) – молитвенный дом, место для молитв и учения.
Бесчинства «хапунов» – похищение еврейских мальчиков для службы в русской армии
Бес-дин – раввинский суд
«Бет-Берл» – название образовательного центра в селении Цофит в Израиле
Бешт – аббревиатура от Баал Шем Тов (ивр. «обладатель доброй славы»). Исраэль бен Элиэзер Баал Шем Тов (ок.1700-1760) – странствующий проповедник и чудотворец, основатель хасидизма
Бибер Менахем-Мендель – (1848-1923) – историк и писатель, автор книг об Остроге, писал на идиш и иврите
Бибер Шлоймэ – (1875-1931) – еврейский писатель и публицист из Острога, автор исторических романов и мемуаров на идиш, один из лидеров еврейской партии «Фолкспартей»
Бикел Шлоймэ – (1896-1969) – эссеист и литературный критик, писал на идиш
«Бикур холим» – общество посещения больных, опекавшее также еврейские больницы
«Бикурей га-итим» – просветительский ежегодник на иврите и немецком, Вена, 1821-32 гг.
«Билу» – палестинофильская организация в России, возникшая в 1882 г. с целью создания образцовой земледельческой колонии в Эрец-Исраэль
Бима – см.Балемер
«Биркат коганим» («благословение когенов», древнеевр.) – священникам Иерусалимского Храма (когенам) Тора заповедала благословлять народ Израиля. В определенное время утром и на исходе дня когены поднимались на ступени у восточной стены Храма и произносили благословение, воздымая руки, подобно Аарону в скинии. После разрушения Храма этот обряд перешел в синагогу.
Бирштейн Мойше – (1885-1952) – журналист, редактор бостонского журнала «Идишер фирер», писал на идиш
«Бицарон» – ежемесячник на иврите по литературе и иудаике, Нью-Йорк, с 1939 г.
Борух Косовер – ученик р.Менахема Менделя Витебского, цадик, каббалист XVIII в., много сделавший для популяризации учения каббалы и хасидизма
Борухов Аарон-Михаил – (1869-?) – секретарь Палестинского общества в Одессе, публицист, писал на

иврите

Ботошанский Яаков – (1895-1964) – еврейский писатель, публицист и литературный критик, писал на идиш
Брайнин Рувим – (1862-1939) – еврейский писатель, журналист и публицист (на иврите и идиш), основатель американского «Гистадрут иврит»

Брандес Георг /Коэн Мориц/ – (1842-1927) – датский литературный критик и писатель

Братство «Омрей тилим» – во многих городах существовали общества, члены которых обязывались время от времени, преимущественно по субботам, собираться в синагоге и сообща читать псалмы.

Браудес Реувен-Ашер – (1851-1902) – еврейский публицист и романист, писал на иврите

Брацлавский ребе – раввин Нахман из Брацлава (1772-1811), внук Бешта

Бренер Йосиф-Хаим – (1881-1921) – еврейский писатель, писал на иврите

«Бридэр ун швэстэр» («Братья и сёстры», идиш) – первые слова песни «Ди Швуэ» («Клятва») на слова С. Ан-ского, которую называли «марсельезой еврейских рабочих»

Бройдес Авраам – (1907-?) – поэт, секретарь ивритской ассоциации писателей Израиля в 1928-64 гг., редактор бюллетеня ассоциации «Даф»

Бруцкус Юлиус – (1870-1951) – сионистский политик, врач, профессор еврейских наук в СПб, долгое время редактировал сионистские журналы «Восход» и «Разсвет»

Буки бен Йогли – литературный псевдоним лектора Института востоковедения в СПб, члена редколлегии российской Еврейской Энциклопедии, председателя Общества любителей древнееврейского языка писателя, врача и учёного Йегуды-Лейба Каценельсона (1847-1917)

«Бунд» («союз», идиш) – «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», еврейская социалистическая партия, представлявшая, главным образом, ремесленников западных областей Российской империи. Основана на нелегальном съезде в Вильне в 1897 г.

Бусел Йосиф – (1891-1919) – один из организаторов киббуцного движения в Эрец-Исраэль, лидер «Га-Поэль га-цаир»

«Бэур» («комментарий», ивр.) – модернистский перевод и комментарий Библии школы М. Мендельсона

Бялик Хаим-Нахман – (1873-1934) – величайший еврейский поэт, писатель, эссеист и переводчик, писавший на иврите

«Вайкра» – третья книга Пятикнижия («Левит»)

Варшавня – бывший еврейский квартал Звягеля в районе Большой и Малой Варшавской улиц

Вебер Михл – (1859-1907) – писатель-естествовед на идиш и иврите, сотрудник газеты «Га-Цфира»

Вейц Йосеф – (1890-1972) – ивритский писатель и общественный деятель, член совета директоров Еврейского Национального Фонда

Видуи – исповедь умирающего; молитва, в которой еврей обращается к Б-гу с признанием своих прегрешений и с просьбой о прощении

Виленский гаон – раби Илия бен Шломо-Залман (1720– 1797) – самый почитаемый раввин среди евреев Восточной Европы, человек высокой морали и энциклопедических знаний. Яростно противостоял хасидскому движению и активно боролся с его распространением в Литве.

Вино на четыре стакана – во время пасхального седера предписывается выпить не меньше четырёх бокалов вина

«Восход» – еврейский ежемесячник на русском языке, 1881-1906 гг., СПб

Восхождение к Торе – приглашение прочесть отрывок из Торы

«Га-Адама» – литературный ежемесячник на иврите, Яффа, 1919-21 гг.

«Гаарец» – израильская сионистская ежедневная газета, с 1919 г.

Габай – староста синагоги; у хасидского цадика – помощник, секретарь, посредник между цадиком и хасидами.

Гавдала – обряд, совершаемый на исходе субботы для отделения субботы от наступающих будней

«Гагана» – еврейская подпольная военная организация в Эрец-Исраэль с 1920 до 1948 г.

«Га-дат вэ га-хаим» («Религия и жизнь») – роман на иврите Р.А. Браудеса, описывающий борьбу за религиозные реформы в литовском еврействе в 1869-71 гг.

ГадНа – аббревиатура молодёжной военной организации допризывников

«Га-Доар» – 1) литературный еженедельник на иврите, Нью-Йорк, с 1921г.; 2) израильский ежеквартальник министерства почт, с 1952 г.

«Га-Дор» – литературный еженедельник, иврит, Краков, 1900-04 гг.

«Газит» – ежемесячник литературы и искусства, издавался в Тель-Авиве в 1932 г.

«Га-Зман» – литературный ежемесячник на иврите: Краков, 1890-91; Варшава, 1896; СПб, 1903-05; Вильна, 1905-15; Тель-Авив, 1930, 1941-44.

«Гайас» (HIAS) – аббревиатура от „Hebrew Immigrant Aid Society“ – организация по оказанию помощи евреям из Восточной Европы, основана в 1902 г. в Нью-Йорке.

«Гайнт» – ведущая ежедневная газета на идиш, Варшава, 1908-39

Галаха – нормативная часть иудаизма, религиозный закон

Галель («Хвала», древнеевр.) – так названы в Талмуде и в раввинских источниках главы СХІІІ-СХVІІІ из книги Псалмов, которые произносятся в молитве в праздничные дни.

Гальперн Ехиель бен Шломо – (1660-1746) – литовский талмудист и историк

Галкин Шимон – (1898-1987) – еврейский поэт, новеллист, литературный критик и издатель, писал на иврите

«Га-Мабит» – ежедневная литературная газета на иврите, Вена, 1878 г.

«Га-Мавдил» («Разделение», древнеевр.) – стих, который произносят на исходе субботы

«Га-Магид» – первая еврейская газета на иврите, 1856-1903, Лык-Берлин-Краков, ежедневно

«Га-Меасефим» – обозначение группы литераторов, выпускавших в 1783–1811 гг. первый ежемесячник на древнееврейском языке «Га-меасеф»

Гамеири /Файерштейн/ Авигодор – (1886-1970) – еврейский писатель и переводчик, писал на иврите

«Га-Мелиц» – первая ивритская газета в России, выходила в 1860-70 гг. в Одессе и 1871-1903 гг. в СПб; сначала была еженедельной, а с 1886 г. стала ежедневной.

«Га-Меорэр» – сионистский ежемесячник на иврите, Лондон, 1906-07 гг.

«Га-Ноар га-овэд» – организация рабочей молодежи Израиля, создана в 1926 г.

«Ган-прахим» – литературный журнал на иврите, издавался в Вильно в 1882-1893 гг.

«Га-Олам» – орган Всемирной сионистской организации на иврите, Кёльн-Вильна-Одесса-Лондон-Берлин, 1907-14, 1919-50 гг.

«Га-Омэр» – литературный журнал на иврите, 1907-08 гг.

Гаон – выдающийся раввин, гений

«Га-Писга» – раввинистический ежегодник, издавался в 1895-1902 гг. в Вильно.

«Га-Поэль» – израильское рабочее спортивное общество, с 1926 г.

«Га-Поэль га-мизрахи» – партия верующих рабочих в Израиле, возникла в 1921-22 гг. из движения Мизрахи». Стремилась осуществить сионистские идеалы халуцим в религиозных рамках.

«Га-Поэль га-цаир» («Молодой рабочий») – 1) сионистская рабочая партия, основанная в Петах-Тикве в 1905 г.; её руководящими идеями были национальное возрождение, "завоевание труда" и обновление иврита, как языка культурного творчества и повседневной жизни. 2) печатный орган на иврите партий «Га-Поэль га-цаир», МАПАИ и «Авода», Яффа – Тель-Авив, 1907-50 гг.

Гаскала – возникшее в XIX в. движение за распространение просвещения среди еврейского населения России

«Га-Ткуфа» – литературное периодическое издание на иврите, 1918-50 гг.; Москва-Варшава-Берлин-Тель-Авив-Нью-Йорк

«Га-тоэ бэ-дархей га-хаим» («Блуждающий по путям жизни») – роман в 3 томах на иврите П.Смоленкина, вышел в 1868-70 гг.

«Га-Тхия» – литературный ежемесячник на иврите, Нью-Йорк, 1913 г.

«Га-Хинух» – старейшее (с 1910 г.) педагогическое периодическое издание на иврите в Израиле, ежемесячник, затем – ежеквартальник.

«Га-Цфира» – ежедневная газета на иврите, Варшава, 1862-1928 гг.

«Га-Цофэ» – ежедневная газета на иврите, издававшаяся в Варшаве в 1903-05 гг.

«Га-Шахар» – литературный ежемесячник на иврите, Вена, 1868-84 гг., ведущее периодическое издание того периода

«Га-Шилоах» – один из ведущих литературных ежемесячников на иврите, 1896-1926 гг., Краков-Варшава-Одесса-Иерусалим

«Гедим» – литературный журнал-двухмесячник на иврите, Тель-Авив, 1922-28 гг.

Гейльприн Ехия бен Шломо – (1660-1746) – литовский талмудист и летописец, раввин, глава Минской ешивы

Гемора – составная часть Талмуда. Свод дискуссий и аналитических комментариев к тексту Мишны.

Гемора-меламед – см. Меламед

Герцль Теодор – (1860-1904) – австрийский журналист, основоположник политического сионизма, провозвестник создания государства Израиль

Герцог Ицхок-Айзик га-Леви – (1888-1959) – религиозный авторитет, главный раввин Палестины и Израиля

«Ге-халуц га-цаир» («Юный халуц», ивр.) – сионистско-социалистического нелегальное молодежное движение в Советской России

Гешури Меир-Шимон – (1897-?) – исследователь еврейской (особенно хасидской) музыки, один из

создателей в 1958 г. Израильского института сакральной музыки

Гилель – (ум. в 10 г. н.э.) – раввин из Вавилона, великий законоучитель эпохи царя Ирода и основатель фарисейской школы

«Гильйонот» – израильский литературный ежемесячник на иврите, 1933-54 гг.

Гингольд Пинхас – (1893-1953) – лидер рабочего сионистского движения в США, издатель педагогического журнала «Идише дэрцейлунг», руководитель национального комитета еврейских школ.

Гиндес Матитьягу – (1894-1957) – активист еврейского национального движения в Украине и Польше, журналист, председатель Фонда Еврейского Агенства в Польше, директор «Банк леуми» в Иерусалиме, посол Израиля в Уругвае

Гинзбург Саул – (1866-1940) – журналист и фольклорист, издал большое собрание еврейских народных песен, издавал вместе с Ш.Рапопортом ежедневную газету на идиш «Фрайнд»

Гинцбург Давид, барон – (1857-1910) – ориенталист, один из издателей «Еврейской Энциклопедии», учредитель курсов востоковедения в СПб

Гинцбург Исер – (1872-1947) – еврейский писатель и журналист, писал на идиш

Гинцбург Мордехай-Аарон – (1795-1846) – еврейский писатель, писал на иврите

Гиришбейн Перец – (1880-1948) – еврейский драматург и романист, писал на идиш

Гиришенберг Самуил – (1866-1908) – выдающийся художник, автор многих картин по еврейской тематике

Гистадрут – Всеобщая федерация профсоюзов Израиля, создана в 1920 г.

«Гистадрут иврит» – американская организация, оказывающая поддержку изучения иврита, публикации книг и периодики, развитию культуры на основе иврита; создана в 1917 г.

«Гитахадут» – сионистская социалистическая партия, сформировалась в 1920 г. союзом Палестинской рабочей партии, «Га-поэль га-цаир» и большинством групп «Цеирей Цион» в диаспоре

Гитин – талмудический трактат о расторжении брака

Глава недели – по еврейской традиции, в течение года каждую субботу читают одну из 54 частей («паршиот»), на которые разделено Пятикнижие

Глатштейн Яков – (1896-1971) – еврейский поэт, новеллист и критик, писал на идиш

Глюкль фон Гамельн – (1646-1724) – автор мемуаров на идиш, в которых великолепно описывается повседневная жизнь германских евреев второй половины XVII – начала XVIII в.

«Году» («Благодарите», ивр.) – начальная часть утренней молитвы, псалом

Гой – нееврей, иноверец (идиш)

«Голдэнэ юх» – («золотой бульон», идиш) – куриный бульон, подаваемый на свадебном ужине после венчания

Голинкин Мордехай – (1875-1965) – дирижёр Мариинского оперного театра в Петрограде, пионер израильской оперы

Голомб Авраам /-Исаак/ – (1888-1982) – еврейский писатель и педагог, писал на идиш

Голус, или галут – («изгнание», идиш и ивр.) – самоназвание еврейской диаспоры

Гольдштейн Михаил /Моисей/ Леонтьевич – (1868-?) – адвокат в СПб, учредитель и член ЦК "Еврейской народной группы". Получил большую популярность благодаря выступлению в громких политических процессах, заведовал юридической организацией по делам о погромах 1905 г.

Гони га-Меагель – знаменитый чудотворец периода Второго Храма (I в. до н.э.)

Гордн Яков – (1853-1909) – еврейский драматург, реформатор еврейского театра, публицист, писал на идиш, один из руководителей еврейского театра в Нью-Йорке

Гордон Давид-Аарон – (1856-1922) – один из основателей, идеолог и духовный руководитель халуцианского движения в сионизме

Гордон Йегуда-Лейб, аббр.ЙеЛаГ – (1830-1892) – выдающийся еврейский поэт и поборник просвещения, писал на иврите

Горовиц Пинхас-Леви – (1731-1805) – раввин во Франкфурте-на-Майне, каббалист и автор комментариев

Горовиц Шмуэль-Шмельке бен Цви – (1726-1778) – раввин и каббалист, приверженец Межиричского магида

Горовиц Йешайя бен Авраам га-Леви, или «святой га-ШеЛо» – (ок.1565-ок.1630) – раввин, каббалист и общественный деятель, автор «Шней Лухот га-Брит»

Городецкий Шмуль-Аба – (1871-1957) – еврейский историк и писатель, исследователь хасидизма

Готлобер Авраам-Бер – (1810-1899) – еврейский писатель и поэт, писал на иврите и идиш

Гошана Рабба – седьмой день праздника Суккот

Грец Генрих – (1817-1891) – выдающийся еврейский историк из Германии, автор 12-томной «Истории евреев с древних веков до настоящего времени».

Грош - полкопейки

Грузенберг Оскар Осипович – (1866-1940) – выдающийся российский адвокат

Гурвиц Исаак /Исаак-Айзик бен Арье Цви га-Леви/ – (1860-1924) – журналист, доктор философии,

популяризатор марксизма

«Давар» – ежедневная газета, орган израильского объединения профсоюзов на иврите, издаётся с 1925 г.
Даен, или даян – член раввинского суда, помощник раввина
Дардаки-меламед – обучали детей 4-5 лет только чтению по складам
«Двир» – ивритское издательство, основанное в Берлине в 1922 г., с 1924 г. – в Тель-Авиве
«Джойнт» – крупнейшая в мире еврейская благотворительная организация. Основана в США в 1914 г. для помощи евреям, пострадавшим в первой мировой войне
«Ди голдэнэ кэйт» – литературный ежеквартальник на идиш, Тель-Авив, с 1949 г.
«Ди копикэ библиотек» («Библиотека-Копейка») – издательство, публиковавшее сионистскую литературу на идиш и русском, основано в Одессе Й.Б.Сапиром
Дибук – в еврейских поверьях злой дух, вселяющийся в человека и овладевающий его душой
Дин-тора – еврейский религиозный суд
«Дни» – ученики ешивы получали даровые обеды по установленным дням недели в домах обывателей
Допустимые пределы ходьбы – в субботу запрещено выходить за пределы города дальше известной черты за городом, на расстоянии 2000 локтей от крайних домов
«Дор дор вэ-дорэшав» – главное произведение в 5 томах по истории еврейской традиции исследователя Талмуда и историка А.Г.Вайса, опубликованное в 1871-91 гг.
«Дос Ворт» – ежемесячник на идиш в США, 1921-25 гг.
Дрентельн Александр Романович – (1820-88) – российский государственный деятель, киевский генерал-губернатор. В обширной записке от 1882 г. предлагал запретить евреям проживание в сёлах.
«Дроше гешанкн» – подарки новобрачным (идиш)
Друянов Алтер /Авраам-Аба Ошер/ – (1870-1938) – еврейский публицист, фольклорист и сионистский деятель России, редактор «Га-Олам» и «Решумот», писал на иврите и идиш
Дубнов Шимон – (1860-1941) – крупный еврейский историк, публицист и общественный деятель
Дувидл из Тального – (1808-1882) – цадик из хасидской династии Тверских, сын р.Мордехая из Чернобыля
«Дэр идишер кэмпфэр» – еженедельник движения «Паолей Цион» на идиш, Нью-Йорк, 1906-20 гг.
«Дэр момент» – ежедневная газета на идиш, Варшава, 1910-39 гг.
«Дэр фрайнд» – ежедневная газета на идиш, СПб-Варшава, 1903-14 гг. (с 1906 г. выходила под назв. «Дос лэбн»)
«Дэр телеграф» – ежедневная сионистская газета на идиш, Варшава, 1905-06 гг.
«Дэр Эмес» – советская еврейская газета на идиш, Москва, 1918-39 гг.

Еврейский Колониальный банк – первый сионистский банк; основан в 1899 г. в Лондоне
Еврейский Национальный Фонд – организация, основанная в 1907 г. в Великобритании с целью покупки земли и залеснения Эрец-Исраэль
Евсекция – созданная в 1918 г. наряду с другими национальными секциями еврейская коммунистическая секция РКП (б). Главной задачей было распространение коммунистической идеологии в еврейской среде.
ЕКОПо (Еврейский Комитет помощи жертвам войны) – общество, созданное в России в 1914 г. для оказания помощи евреям-беженцам
Елин Давид – (1864-1941) – просветитель, писатель и общественный деятель Эрец-Исраэль, писал на иврите
Ермолка – маленькая круглая шапочка без околыша, прилегающая к голове. Традиционный головной убор религиозного еврея
Ешиботник – ученик ешивы
Ешива – высшая талмудическая школа

Жаботинский Зеэв /Владимир/ – (1890-1940) – писатель, публицист, идеолог и основатель ревизионистского движения в сионизме

Закай Давид – (1886-?) – еврейский писатель, писал на иврите
Замут (или Жемайте) – в эпоху литовско-польского владычества княжество, потом земля. Под этим названием в еврейско-литовской истории фигурировала область, занимавшая всю Ковенскую губ., западную часть Витебской и северную часть Виленской губ.
Зангвил Исраэль – (1864-1926) – еврейский писатель, лидер сионистского движения в Великобритании
Зейдель Ровнер /Мороговский Яаков-Шмуль/ – (1856-1942) – хазан, композитор и дирижёр
Змирес – застольные субботние песнопения
Зогар (букв. «Сияние», древнеевр.) – одна из основных книг Каббалы, имевшая почти канонический статус у евреев Восточной Европы, особенно в хасидских кругах

Зуся из Аннополя /Мешулам Зуся/ – (умер ок.1800 г.) – ранний хасидский вождь, ученик Межиричского магида, один из самых популярных героев хасидских сказаний

«Идише вэлт» – ежедневная газета на идиш, Кливленд, с 1913 г.

«Идишер комунистишер фарбанд» – см.Комфарбанд

Идишкайт – принадлежность к еврейскому народу (идиш)

Иерухам Малый – прозвище Иерухам Блиндмана (1798-1891) – знаменитого хазана и дирижёра синагогального хора

Институт “YIVO” («Идишер Висеншафтлихер Институт») – институт еврейских исследований, основан в Вильно в 1925 г., с 1940 г. – в Нью-Йорке.

Израэли /Черноморский/ Бенцион – (1887-1954) – один из основателей поселения Кинерет, занимался культивированием бананов в Иорданской долине

Исроэль из Козениц – (ок.1835-1815) – хасидский раввин, каббалист и проповедник, «Козеницер магид»

Иссахар – один из 12 сыновей Яакова в Библии

ИТА – Еврейское Телеграфное Агенство

Ихил-Михл Злочовский – (1726-1786) – «магид из Злочова», хасидский вождь, один из первых распространителей хасидизма в Галиции, сын Ицхака из Дрогобыча, ученик БеШТа

Ишурич Ефим /Хаим/ – (1885-?) – еврейский литературный критик, библиограф, общественный деятель, занимал руководящие должности во многих еврейских организациях

Ияр – восьмой месяц еврейского календаря (апрель-май)

«Йа рибон алам алмайя» («Господь, Владыка мироздания», древнеевр.) – название стиха из субботних песнопений (змирес)

ЙаШаР из Кандии – (1591-1655) – аббревиатура имени Йосефа Шломо Дельмедиги, раввина, философа, математика и астронома из Кандии (Гераклион, Кипр)

ЙегаЛел – см. Левин Йегуда-Лейб

«Йегошуа» – Книга Иисуса Навина

Йегуда Галеви – (1080-1142) – крупнейший еврейский поэт средневековья, знаменитый философ и врач. Автор нескольких сотен лирических стихотворений и поэм на иврите

«Йесодей тума вэ-тагара» («Основы скверны и ритуальной чистоты», ивр.) – исследование о ритуальной чистоте древних евреев врача и писателя Й.-Л.Кацнельсона, опубликованное в 1903 г. в «Га-Зман»

Йеушон Б. /Юстман Мойше-Бунем/ – (1889-1942) – еврейский журналист и новеллист, писал на идиш

Йецер-оро – злое побуждение, дурное начало в человеческой душе

Йомим нойроим («грозные дни», древнеевр.) – 10-дневный период молитв и покаяния между

Рош-а-Шонэ и Йом-Кипур

Йом-Кипур, или Судный День – день поста в еврейском месяце Тишри в начале осени; самый святой день в году у евреев

«Йом-тов блэтлах» – литературное издание на идиш, Варшава, 1894-96 гг.

«Йоре Деа» – одна из четырёх частей «Шулхан Арух» о законах убоя скота и птицы, некошерной пище и различных запретах

Йорцайт («годовщина», идиш) – годовщина смерти близкого родственника

Йосеф Каро – (1488-1575) – учёный раввин и каббалист из Палестины, автор сводов законов иудаизма

«Шулхан Арух» и «Бет-Йосеф»

Йоффе Мордехай – (1899-1961) – еврейский поэт (идиш), переводчик и литературный критик

Йоханан из Ротмистровки – (1802-1885) – цадик из хасидской династии Тверских, сын цадика Мордехая из Чернобыля

Каббала – мистическое направление в иудаизме. Стремится к постижению скрытого тайного смысла Священного Писания, разгадке тайн мироздания и достижению непосредственного общения с Всевышним.

Кадиш – поминальная молитва

Казённая шкальня – государственный магазин по продаже водки

«Кала рабати» – группа малых талмудических трактатов, входящих в раздел «Незикин» Мишны

фон Калер Эрих – (1885-1970) – философ и историк литературы

Камец – одна из огласовок в иврите, даёт звук «а» (в сефардском варианте), «о» или «у» (в ашкеназийском варианте)

Кантор Йегуда-Лейб – (1849-1915) – писатель, раввин и общественный деятель

Каплан Элизер – (1891-1952) – один из создателей и лидеров социалистического сионистского движения

«Цейрей Цион» в России, министр финансов Израиля в 1948-52 гг.

Капорэ-индл – (букв. «курица искупления», идиш) – обычай резать курицу или петуха в качестве искупительной жертвы в канун Йом Кипур

Капота – долгополая верхняя мужская одежда

Карни (Воловельский) Йегуда – (1884-1949) – еврейский поэт, писал на иврите

Кассо Лев Аристидович – (1865-1914) – российский государственный деятель, министр народного просвещения в 1911-14 гг. Проводил жёсткую политику в отношении студенческого движения.

Кац Бениамин – (1905-?) – еврейский поэт и прозаик, писал на идиш

Кац Бенцион – (1875-1958) – писатель и журналист, писал на иврите; с 1903 г. редактор «Га-зман», в 1916-18 гг. – «Га-олам»

Кацнельсон Йегуда-Лейб – см. Буки бен Йогли

Кацнельсон Бэрл – (1887-1944) – лидер рабочего движения и политик в Эрец Исраэль

Кацнельсон Ицхок – (1886-1944) – поэт и драматург, писал на иврите и идиш

Квuca – см. Кибуц

«Кедушат Леви» («Святость Леви», древнеевр.) – книга проповедей цадика Леви Ицхака из Бердичева (1798)

Кибуц – коллективное сельскохозяйственное поселение в Израиле

Кигелэ (мн.ч.- кигелэх) – запеканка из мацы

Кидуш («освящение», древнеевр.) – освящение праздника или субботы, которое производят, произнося над бокалом вина специальное благословение

«Кидушин» – талмудический трактат о браке

Кислев – третий месяц еврейского календаря (ноябрь-декабрь)

Китл (мн.ч. – китлэн) – праздничная мужская одежда в виде белого халата

Кихлик – сдобная булочка с корицей и сахаром

Клаузнер Йосиф-Гедали – (1874-1958) – литературный критик, автор книг по истории ивритской литературы, сионист

Клезмер – народный музыкант. Клезмерские капеллы играли, как правило, на свадьбах

Клемансо Жорж – (1841-1920) – премьер-министр Франции в 1906-09 и 1917-20 гг.

Клипа (букв. «скорлупа», ивр.) – сторона, противоположная Святости

Клойз, или клэйзл – небольшой молитвенный дом у хасидов, объединявший прихожан по принципу принадлежности к той или иной профессии или тому или иному направлению в иудаизме

Клугер Шлоймэ бен Йегуда Аарон – (1785-1869) – талмудист и галахист, раввин-магид из Брод, аббревиатура: МаГаРШАК

«Кнэсет Исраэль» – литературный ежегодник на иврите, Варшава, 1886-88 гг.

Коген («жрец», древнеевр.) – потомок священников Иерусалимского храма. На них до сих пор распространяются особые запреты (нельзя жениться на разведённой женщине, находиться в одном помещении с покойником и др.)

Коген Нафтали – (1649-1718) – выдающийся раввин и каббалист, автор комментариев

Когут Александер – (1842-94) – раввин и учёный-талмудист

«Кол Нидрей» (арам. «все заветы») – молитва, произносимая в начале Йом Кипур. В ней содержится освобождение от всех обетов и клятв, необдуманно взятых кающимися.

«Колосья» – еврейский детский журнал на русском языке, основан ок. 1900 г.

Комфарбанд – Еврейский Коммунистический Союз Украины, образован в мае 1919 г. в результате слияния бундовских и объединённых социалистических организаций

«Кондиция» – работа в селе в качестве меламеда на сезон с проживанием и содержанием

Конки Авраам бен га-Леви – раввин из Палестины XVII в., приверженец Саббатая Цви

Корона Торы – украшение на свитке Торы в виде позолоченной или серебрянной короны с гранатами и колокольчиками

Кошерный – ритуально чистый, т.е. соблюдающий предписания и обычаи иудаизма

Кошеровать пасхальную посуду – для праздника Пейсах используют отдельную посуду или кошеруют обычную с помощью огня или погружения в кипящую воду

«Красная Новь» – ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал, Москва, 1921-42 гг. Первый советский «толстый» литературный журнал.

Красный Пинхас – (1881-1939) – один из руководителей «Фолкспартей», член Президиума Малой Рады, министр по еврейским делам Директории

Кресель Гецель – (1911-?) – ивритский лексикограф и библиограф, автор 2-томной энциклопедии ивритской литературы

Крохмаль Нахман – (1785-1840) – выдающийся еврейский философ и историк, один пионеров Гаскалы

Кружение в день Симхес-Тойре – в этот день в синагогах обходят семь раз вокруг бимы со свитками Торы в руках

«Кузари» («Книга хазара») – сочинение, написанное в 1141 г. на арабском языке великим еврейским поэтом Йегудой Галеви из Испании. В форме диалога мудрого еврея с хазарским царём трактует суть иудаизма как мировоззрения и религии

Кук Авраам Ицхак – (1865-1935) – раввин и философ, в 1921 г. стал первым главным ашкеназийским раввином в Эрец-Исраэль

Кулеш – густая крупяная похлёбка

«Культур-Лига» – общее название еврейских культурно-общественных организаций, созданных представителями еврейской творческой интеллигенции в 1918 г. Ставила целью развитие образования, литературы и театра на языке идиш, а также еврейской музыки и изобразительного искусства.

«Кунтерес» – еженедельник на иврите, орган партий «Ахдут га-авода» и «Мапай», Тель-Авив, 1919-29, 1940-44 гг.

Лавров Пётр Лаврович – (1823-1900) – российский философ, социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества

Лаг-Боймер – весенний праздник еврейского месяца ияр в честь победы над римлянами реба Акивы и его учеников во время восстания Бар Кохбы (132-135 гг. н.э.) В этот день принято устраивать веселье на лоне природы, разжигать костры, стрелять из лука.

Ламдан Ицхак – (1899-1954) – еврейский поэт, писал на иврите

Ламед-вовник – один из 36 тайных праведников; согласно народной легенде, каждое поколение имеет определённое число праведников, заслугами которых держится мир

Лассаль Фердинанд – (1825-1864) – германский социалист, философ и публицист, руководитель Всеобщего германского рабочего союза

Латутник – тот, кто латает одежду или обувь

Лебенсон Мика-Йосеф – (1828-1852) – один из самых выдающихся еврейских поэтов Гаскалы, писал на иврите

Левандовский Луи – (1823-1894) – дирижёр синагогального хора и композитор синагогальной музыки из Германии

Леви-Ицхак из Бердичева – см. Бердичевский ребе

Левин Йегуда-Лейб, аббревиатура «ЙегаЛеЛ» – (1845-1925) – еврейский поэт-публицист, писал на иврите

Левинзон Ицхак-Бэр – (1788-1860) – выдающийся писатель и поборник просвещения русского еврейства

Левнер Исроэль-Бениамин – (1862-1916) – еврейский писатель (иврит) и педагог, редактировал и издавал детский журнал «Га-Перахим»

Лекерт Гирш – (1880-1902) – эсер, казнён за неудачное покушение на жизнь Виленского губернатора

«Лексикон фун дэр идишер литератур, прэсэ ун филологии» – биографический словарь еврейской литературы, прессы и филологии на идиш Залмана Рейзена в 4 томах, Вильнюс, 1926-29 гг.

Лернер Хаим-Цви бен Тодрос – (1815-1889) – грамматик иврита и педагог, учитель древнееврейского языка и грамматики в Житомирском раввинском училище

Лесин /Вальт/ Авраам – (1872-1938) – еврейский поэт и журналист, писал на идиш; с 1913 г. и до смерти редактор ведущей еврейской газеты США «Цукунфт».

Лехаим – здравия, означающая «За жизнь!», «Будем здоровы!» (древнеевр.)

Лещинский Шмуль – (1887-1952) – литературный критик на идиш и иврите

Либиенблюм Мойше-Лейб – (1843-1910) – еврейский писатель, критик и журналист, один из лидеров движения Гаскалы в его последней стадии, писал на иврите

Либиенталь Макс /Менахем/ д-р – (1815-1882) – деятель просветительского движения среди евреев России

«Линас га-цедек» – общество пособия бедным больным евреям

«Литвак» – у украинских и польских евреев кличка еврея из Литвы и Белоруссии

Лот – русская мера веса, равная 12,8 г

«Луах Ахисаф» – литературный альманах-ежегодник на иврите, Варшава, 1893-1904 гг.

Луис Ламед Фонд (The Louis a. Esther Lamed Fund) – создан после второй мировой войны в Детройте (США) для поощрения развития еврейской культуры новыми проектами, субсидиями и стипендиями

Лулав – букет из листа финиковой пальмы, связанного с двумя ивовыми ветвями и тремя миртовыми. Его держат в руках во время утренней молитвы на праздник Сукойс

«Лухот» – см. «Луах Ахисаф»

Лэках – пряник, бисквит

«Мабарот» - литературный ежемесячник «Га-Поэль га-цаир» на иврите, Тель-Авив-Яффа, 1919-21 гг.

Магарам Шиф, или Меир бен Яков га-Коэн Шифф – (1605-1641) – раввин из Германии и комментатор Талмуда

МаГаРШа, или раввин Шмуэль Элиезэр Эйделис из Люблина – (1560-1631) – автор комментария «Хидушей галахот» («Новации в законах»), публикуемого во всех изданиях Вавилонского Талмуда

МаГаРШал, или Шломо бен Ехиель Лурия – (1510-1573) – знаменитый талмудист, главный раввин Острога и Вольни, основатель раввинской школы в Остроге

Магид – проповедник в синагоге

Мазе Яаков – (1859-1924) – сионистский лидер, писатель, один из создателей общества «Гарбут», казённый раввин Московской общины

«Мазкерет ли-гдолей Остро» («Память великих людей Острога») – историческая монография на иврите М.М.Бибера, издана в 1907 г. в Бердичеве

Мазл тов! («доброй судьбы», древнеевр.) – традиционная еврейская здравица, особенно на свадьбе и при рождении ребёнка

Майзель Нахман – (1887-1966) – еврейский литературный критик, историк и редактор, писал на идиш

Маймон /Фишман/ Йегуда Лейб – (1875-1962) – раввин и лидер религиозного сионизма

Макаровер клоиз – хасидская молельня приверженцев цадика из местечка Макарова

Маккавей – семья священников, глава которой Матитьягу и пять его сыновей подняли в 167 г. до н.э. победоносное народное восстание против греко-сирийского царя Антиоха XIV Елифана

«Малбим» – комментарии к Торе выдающегося талмудиста и экзегета Меира-Лейба бен Иехиля-Михела Кемпнера /Малбим/ (1809-1879)

Мамзер – незаконнорожденный, «ублюдок»

Ман Мендель – (1916-1975) – еврейский писатель, поэт и публицист, писал на идиш

Манделькерн Шлоймэ – (1846-1902) – еврейский поэт, лексикограф и переводчик, писал на иврите и русском

Мандельштам Макс /Эммануил/ – (1839-1912) – врач-офтальмолог и деятель сионистского движения, профессор Киевского университета, заведующий частной глазной клиники

Мане Мордехай-Цви – (1859-1886) – еврейский поэт и публицист, писал на иврите

Мапу Авраам – (1808-1867) – создатель современного романа на иврите, один из представителей движения Гаскалы

Маркон Ицхак Дов-Бэр – (1875-1949) – еврейский учёный, исследователь караимов, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки в СПб, преподаватель высших курсов востоковедения в СПб, профессор Белорусского ун-та в Минске

Марраны – испанские и португальские евреи, принявшие в XV в. христианство по принуждению, но тайно продолжавшие в течение поколений соблюдать иудаизм

«Масады» – литературный ежегодник на иврите, Нью-Йорк, 1933, 1936 гг.

Маскил (мн.ч. – маскилим) – просвещённый еврей, сторонник движения Гаскалы

Махзор – сборник праздничных молитв

Маца – пресные хлебцы, которые пекут на Пейсах

Мегиллат Эстер – свиток Эстер, одна из книг Библии, в которой описаны события, связанные с праздником Пурим

Межирицкий Магид – (1710-1772) – раввин Дов-Бэр из Межирича, один из первых учеников

Баал Шем Това и наиболее почитаемых хасидских духовных вождей /цадигов/. Его называли «великий магид»

Мезах /Сегал/ Йегоше га-Леви – (1834-1917) – еврейский писатель и публицист, писал на иврите и идиш

Мезуза – продолговатая прямоугольная деревянная или металлическая коробочка, в которую вложен кусок пергамента или бумаги с текстом отрывков из книги Дварим (6:4-9 или 11:13-21) и словом «Шадай».

Крепится к верхней трети дверных косяков. В народе считалась надёжным оберегом от нечистой силы.

Мелавэ-малка – вечерняя трапеза после окончания субботы

Меламед – учитель в хедере. Меламеды подразделяются на элементарных (дардаки-меламедов), преподавателей еврейского языка (арбувия-меламедов) и преподавателей Талмуда (гемора-меламедов)

Менакер – работник мясной лавки, очищающий мясо от жил, согласно ритуалу

Менахем-ав – см. Ав

Менахемия – поселение в Нижней Галилее

Менделе – см. Менделе Мойхер Сфорим

Менделе Мойхер Сфорим – (1835-1917) – литературный псевдоним классика еврейской литературы на идиш и иврите Шолома-Якова Абрамовича

Мендельсон Мозес – (1729-1786) – крупнейший еврейский философ нового времени, литератор, просветитель, духовный основоположник движения еврейского просвещения Гаскалы из Германии

«Мерказ», или «Централ» – еврейское литературное издательство, образовавшееся в 1911 г. в результате слияния издательств «Тушия», «Прогресс», «Шимин» и «Шерберк»

«Мецора» – название главы из Книги Вайикра («Левит»)
Мешуллах (мн.ч. мешуллохим) – посланец общины, пропагандирующий значение ешив и благотворительных учреждений и собирающий средства на их содержание
Мидраши – общее название сборников раввинистских толкований Библии
«Мидраш Раба» – один из главных мидрашей периода III-XI вв. н.э., не вошедших в Талмуд
«Мидраш Эха» (др.названия: «Эха Раббати», «Мегилат Эха», «Мидраш Кинот») – мидраш к Книге Плача, одно из древнейших произведений мидрашитской литературы; автором его считается раввин Кагана.
«Мидраш Танхума» – гомилетический сборник раввинистических толкований к Торе
«Мизрах» («восток», древнеевр.) – орнаментальное изображение Иерусалимского Храма, еврейской геральдики или символики на восточной стене комнаты
Мизрахи (от «мерказ рухани» – «духовный центр», ивр.) – религиозное сионистское движение
Миква – бассейн для омовения с целью духовного очищения от ритуальной нечистоты
Минков Нахум-Борух – (1893-1958) – еврейский поэт, критик и литературный историк, писал на идиш
Минха и майрив – из трёх ежедневных богослужений в синагогах последние два обычно проходили совместно: одно – перед самым заходом («минха»), а другое – сразу после захода солнца («майрив»)
Миньян – минимум десять совершеннолетних мужчин не моложе 13 лет, необходимый кворум для коллективной молитвы
Миснагид («противник», древнеевр.) – ортодоксальный еврей, не принявший учение хасидизма
Мишна – основная часть Талмуда; свод законов, дополняющих и объясняющих т.н. Устную Тору
«Мишна Тора» – сочинение еврейского философа Рамбама, посвящённое систематизации еврейских законов, известно также под названием «Яд хазака»
Могилёвер Шмуль – (1824-1898) – выдающийся талмудист, раввин, проповедник, лидер палестинофильского движения Ховевей Цион в России и основатель религиозного сионизма
«Момент» - см. «Дэр Момент»
Моргентау Генри, старший – (1856-1946) – финансист, дипломат и общественный деятель США. В 1919 г. возглавил назначенную президентом Вильсоном по предложению польского премьер-министра Падеревского комиссию для ознакомления с положением польского еврейства после волны погромов, прокатившихся по стране в конце I мировой войны.
Мордехай-Мордуш из Жолкиева – (умер в 1817 г.) – выдающийся талмудист, раввин, автор комментария к новеллам Магарам Шиф
«Морэ га-нэвухим» – («Наставник колеблющихся», древнеевр.) – сочинение Рамбама (Маймонида), ставящее задачу примирить иудаизм с философией Аристотеля. Этот рационализм и открытость «чуждым учениям» навлекли на Маймонида резкую критику ещё при его жизни
«Морэ нэвухе га-зман» – («Наставник колеблющихся этого времени»), – 2-томное произведение на иврите Н.Крохмаля, посвящённое вопросам религиозной философии и истории еврейской культуры
Мотэлэ из Чернобыля – цадик Мордехай Тверский (1770-1837), сын цадика Менахема-Нахума из Чернобыля
Мошав – тип сельского кооперативного поселения в Израиле
Моше ибн Эзра – (1070-1138) – еврейский поэт и философ из Испании
Моэл – специалист, совершающий обряд обрезания
Мукдони А. /Капель Александр/ – (1878-1858) – публицист, театральный режиссёр и критик, писал на идиш
Музензон Бенцион – (1878-1942) – педагог, исследователь проблем воспитания, руководитель гимназии «Герцлия» в 1912-41 гг.
Мусэф, или мусаф – дополнительная молитва в субботу и на праздники
«Мфицей Гаскала» – Общество для распространения просвещения между евреями в России, основано в СПб в 1863 г.
Мясо в молоке – согласно Торе и Талмуду, мясная и молочная пища никогда не должны смешиваться, даже в желудке. Посуда для одной и другой пищи должна быть отдельной.

Нафтулэ Герц га-Коген из Острога – см. Коген Нафтали
Нахум из Чернобыля – (1730-1798) – цадик Менахем Нахум Чернобыльский, ученик Бешта и р. Дов-Бэра Межиричского, родоначальник Чернобыльской династии цадиков
Наши мудрецы – основоположники Талмуда
«Неила» – заключительная молитва на Йом-Кипур
Несхиз – еврейское название местечка Несухойжи
Неугасимый огонь – постоянно горящая в синагоге и днём, и ночью свеча
Нецив, или Нафтали Цви Йегуда Берлин – (1817-1893) – глава Воложинской ешивы и авторитетный раввин
«Нива» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный журнал, СПб, 1870-1918 гг.
Нигер /Чарный/ Шмуль – (1883-1955) – еврейский литературный критик, писал на идиш

Нидер – бывший квартал еврейской бедноты в Звягеле, спускающийся к реке Случь. В переводе с идиш означает «низ».

Нисан – седьмой месяц еврейского календаря (март-апрель)

Нисан Белзер /Спивак Нисан/ – (1824-1906) – хазан и композитор

«Новый Восход» – апологетический русско-еврейский еженедельник, СПб, 1910-18 гг.

Нордау Макс – (1849-1923) – один из основоположников мирового сионистского движения, публицист

Ойрах (мн.ч.: орхим) – субботний гость, нищий или странник, которого прихожанин приглашал после молитвы в синагоге к себе домой справить субботу

Ольгин /Новомейский/ Мойше-Йосиф – (1878-1939) – еврейский писатель, публицист и переводчик, писал на идиш

Омед – см.Балемер

«Онкелос» – перевод Торы на арамейский язык

Опатошу Йозеф /Опатовски Йозеф-Меир/ – (1887-1954) – еврейский писатель, писал на идиш

«Ор га-хаим» – комментарий к Торе раввина бен Хаима Моше ибн Атара из Марокко (1696-1743), выдающегося каббалиста и сторонника повторного поселения евреев в Палестине.

Орн-койдеш – высокий деревянный шкаф у восточной стены синагоги, в котором хранятся пергаментные свитки Торы

Орхим – см. Ойрах

Палестинское бюро – представительство Центрального Иммиграционного Бюро Палестины в странах диаспоры после первой мировой войны, распределявшее иммиграционные сертификаты среди еврейских репатриантов

Палестинское Еврейское Колонизационное Общество – организация, созданная Еврейским

Колонизационным Обществом после первой мировой войны для управления еврейскими колониями Эрец-Исраэль

«Паолей Цион» («Трудящиеся Сиона», ивр.) – общественно-политическое движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической направленностью

«Пардэс», или «Га-пардэс» – литературный журнал на иврите, Одесса, 1892-96 гг.

Паройхес – богато украшенный занавес, закрывающий дверцы орн-койдеша

Пейсах (русское название: Еврейская Пасха) – праздник, посвящённый исходу из Египта

Пейсы – локоны на висках, которые ортодоксальные евреи никогда не стригут

Перец Ицхок Лейбуш – (1851-1915) – еврейский писатель, писал на идиш и иврите

Перски Даниэл – (1887-1962) – гебраист, просветитель и журналист

Пинес Дан – (1900-1961) – генеральный секретарь легального и нелегального движения «Ге-Халуц га-цаир» в СССР в 1920-х гг., редактор издания «Ге-Халуц»

Пинкас – книга записей еврейской общины или какого-нибудь общества или братства, например хевро кадишо. Так как в пинкасы вносились все примечательные события, они являлись своего рода летописями

Пинский Давид – (1872-1959) – еврейский прозаик и драматург, писал на идиш

Пинхас из Корца /Шапира/ – (ок.1726-1791) – цадик, ученик Бешта, один из самых ранних хасидских вождей, имел прозвище «Святой»

Пинхас из Франкфурта-на-Майне – см. Горовиц Пинхас-Левви

«Пипл рилиф» /People's Relief Committee/ – американская организация, созданная в 1915 г. для оказания помощи евреям, пострадавшим в первой мировой войне

Полиш – прихожая в синагоге

Порат Израэль – (?-?) – раввин, гебраист и талмудист, один из руководителей еврейской общины Кливленда

«Пробуждение» – двухнедельный литературно-художественный журнал, издавался в СПб с 1906 г.

Проздор Иерусалима («коридор», «проход», ивр.) – теснина в предгорьях, через которую вела дорога от Средиземного моря к осаждённому Иерусалиму

Псуким (ед.ч. посек) – библейские стихи

Пурим – весёлый праздник, посвящённый событиям, описанным в Книге Эстер. Сопровождается пирушками и весёлыми представлениями, разыгрываемыми на библейские сюжеты. Отмечается в четырнадцатый день месяца адар (конец февраля – начало марта).

Пуримшпил – шуточный спектакль в праздник Пурим

Пятиалтынный – монета или сумма в 15 копеек

Пятилинейная лампа – керосиновая лампа с фитилём в пять линий

РАБад, или Авраам бен Давид из Поскьера – (ок.1125-?) – выдающийся талмудист из Франции, автор

критических замечаний («Га-сагот») на труды Рамбама
 Рабейну Там, или рабби Яков бен Меир – (1100-1171) – автор толкований (тоссафот) к комментариям Раши
 Рабинович Цви Гирш – (1832-1889) – еврейский писатель и педагог, писал на иврите
 Рабинович Шаул-Пинхас – (1845-1910) – ивритский писатель и историк, издавал ежегодник «Кнэсэт
 Исраэль»; аббревиатура: ШЕПЕР
 Рабинович Яков – (1875-1948) – еврейский публицист, издавал журнал «Гедим» на иврите
 Рав Цаир /Черновиц Хаим/ – (1870-1949) – исследователь Талмуда и раввин, в 1905 г. основал в Одессе
 современную ешиву
 Равич Мелех /Бергнер Зехарье-Хонэ/ – (1893-1976) – еврейский поэт и эссеист, писал на идиш
 Равребе Ихил – (1883-1939) – востоковед-гебраист, переводчик
 Разделяющая трапеза – трапеза перед постом
 Разумный Эфраим-Залман – (1866-1904) – хазан в Кишинёве и Одессе, лирический тенор, композитор
 синагогальной музыки
 Рамбам, или Моше бен Маймон, или Маймонида (1135-1204) – философ и галахический комментатор
 испанского периода. Считается величайшим среди средневековых еврейских мыслителей.
 «Рассвет» – 1) еврейский еженедельник на русском языке, Одесса, 1860-61; 2) сионистский еженедельник на
 русском языке, СПб, с 1907 г.
 Раши, или раввин Шломо бен Ицхак из Труа, Франция (1040-1105) – самый знаменитый комментатор
 Танаха и Вавилонского Талмуда
 Ребе («мой господин», древнеевр.) – форма обращения к учителю, наставнику, в частности титул хасидских
 цадиков
 Ребецн – раввинша (идиш)
 Рейнак Жозеф – (1856-1921) – французский политический лидер, журналист и историк
 Рецуэс – (ед.ч. рецуэ, идиш) – ремешки для крепления тфилин
 «Решит хама» – («Начала мудрости», древнеевр.) – назидательное сочинение каббалиста Элиягу Видаса
 (1550-1588) из Палестины
 «Решумот» – фольклорное периодическое издание на иврите, 1918-30 гг., Одесса-Берлин-Тель-Авив
 Рибалов Менахем – (1895-1953) – литературовед, автор очерков об ивритской литературе, редактор
 еженедельника «Га-Доар»
 РИБЛ – см. Левинзон Ицхак-Бэр
 Розенфельд Гирш – (1884-1960) – еврейский публицист и переводчик, писал на идиш
 Розенфельд Моррис /Моисей-Яков/ (1862-1923) – пионер еврейской поэзии в США, писал на идиш
 Рош-а-Шонэ, или Рош-Гашана («Голова года», древнеевр.) – Новолетие, начало года по еврейскому
 календарю, религиозный праздник
 Рэб – уважительная приставка к имени мужчины, применявшаяся в местечковой среде
 Рэб Мордкелэ – третий звягельский цадик Мордке Гольдман (1825-1900)

Саббатай Цви – см. Шабтай Цви
 Сапир Йосиф Борисович – (1869-1935) – сионистский лидер, писатель и издатель
 Сарвер – распорядитель свадебного стола
 Свитки Торы – пергаментные свитки Пятикнижия Моисея
 Свиток Эстер – см. Мегиллат Эстер
 «Свобода и Равенство» – центральный орган "Фолксгрупэ", выходивший в СПб в 1907 г.
 Седер – установленный порядок торжественной трапезы, ритуалов и молитв в первую ночь праздника
 Пейсах
 «Седер га-дорот» – историко-хронологический труд Ехиеля бен Шломо Гейльпринца, издана в 1769 г.
 «Сезон» – полгода
 Сефарды – потомки евреев Пиренейского полуострова, а также все евреи Востока, имеющие особенности в
 языке и литургии
 Сибирияков /Спивак/ Лев Михайлович – (1870-1938) – оперный певец, бас, солист Мариинского театра,
 профессор Варшавского музыкального института
 Сиван – девятый месяц еврейского календаря (май-июнь)
 Сигал Яков-Ицхак – (1896-1954) – еврейский поэт, писал на идиш
 Сидур – молитвенник, включающий ежедневные и субботные молитвы
 Симхес-Тойре, или Симхат-Тора («радость Торы», древнеевр.) – праздник в честь завершения ежегодного
 цикла чтения Торы и начала нового чтения. Отмечается на следующий день после окончания праздника
 Суккот.
 Сион – символическое и поэтическое наименование Земли Израиля

«Сифрей Агора» – дешёвая библиотека рассказов и повестей на иврите, издаваемая в 1891-93 гг. писателем Бен-Авигдором

Слиозберг Генри – (1863-1937) – российский адвокат, глава еврейской общины СПб

Слихес, или слихот («извинения», древнеевр.) – специальные покаянные молитвы, которые произносят в день поста, в последнюю неделю перед Рош-га-Шана, в течение 10 дней покаяния, а также в случае тяжёлых заболеваний и во время засухи.

Слонимский Хаим Зелиг – (1810-1904) – известный учёный, основатель и редактор «Га-Цфира»

Смиха – посвящение в раввины, диплом, позволяющий занять раввинский пост. Обычно скреплялся подписями двух-трёх авторитетных раввинов.

Смоленкин Перец – (1840-1885) – ивритский романист, издатель и публицист, основатель и редактор журнала «Га-шахар», один из лидеров Гаскалы

Смолер Мина – (1898-?) – еврейская писательница и общественный деятель, писала на идиш

Соколов Нахум – (1859-1936) – еврейский писатель, пионер современной ивритской журналистики, президент Всемирной Сионистской Организации

Соловейчик Хаим, или р.Хаим Брискер – (1853-1918) – раввин-талмудист, один из руководителей Воложинской ешивы

Спектор Ицхок-Эльханан – (1817-1896) – раввин из Литвы, сторонник движения «Ховевей Цион»

«Старший стол» – разные возрастные группы ешивы (классы) занимались за разными столами

Стемпеню – герой юношеского романа Шолом-Алейхема, клезмер

Стендер – пульт, подставка

Страшун Шмуль бен Йосиф – (1794-1872) – выдающийся талмудист из Литвы

Сукка – специальный шалаш, в котором полагается жить или хотя бы проводить часть времени в течение праздника Сукойс

Сукойс, или Суккот (русское название: Кущи) – осенний праздник в память о пребывании евреев во время Исхода в пустыне

Сэмюэль Герберт Луи, виконт – (1870-1963) – министр внутренних дел Великобритании, первый Верховный комиссар Палестины в 1920-25 гг.; первый еврей, служивший министром в британском правительстве

Сэмюэль Стюарт, сэр – (1856-1926) – английский парламентарий, в 1919 г. по поручению британского правительства возглавил комиссию для ознакомления с положением польского еврейства

«Сэфер га-брит» («Книга завета», древнеевр.) – полемическое произведение писателя XII в. из Прованса Йосефа Кимхи в форме диалога между евреем и христианином

«Сэфер га-икарим» («Книга принципов», древнеевр.) – известный трактат о принципах иудаизма философа XV в. Йосефа Албо из Испании

«Сэфер га-Шана ли-Егудей Америка» – литературный ежегодник на иврите, Нью-Йорке, 1931-49 гг.

«Сэфер йецира» («Книга Творения», древнеевр.) – мистическое произведение неизвестного автора, между II и VI вв.

«Сэфер Разиэль» – собрание мистических, космологических и магических произведений еврейских каббалистов XIII в.; (первые напечатано в 1701 г.

Та3, или Давид бен Шмуэль га-Леви – (1586-1667) – автор комментария «Турэ загав»

Такса – коробочный сбор

Талес – прямоугольное молитвенное покрывало из шерсти или шёлка с чёрными или голубыми полосками вдоль коротких сторон и кистями из нитей по углам. Их одевают мужчины на утреннюю молитву

Талес-котн – нижняя сорочка без рукавов с кистями (цицес) по углам, которую ортодоксальные еврей-мужчины постоянно носят под одеждой

Талмуд-тора – общинное еврейское училище для мальчиков-подростков

Тальновская молельня – название молитвенных домов часто связано с приверженностью прихожан той или иной династии хасидов. Посетителями Тальновской синагоги были приверженцы династии цадиков из местечка Тального. На идиш её называли «Тальнер клайзл».

Тамуз – десятый месяц еврейского календаря (июнь-июль)

ТаНаХ – слово составлено из начальных букв еврейских названий книг: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания). Еврейское название Библии

«Тания» – основополагающий труд по философии хасидизма первого главы хасидов ХАБАДа рабби Шнеура-Залмана из Ляд

Танна ("повторяющий", "сообщающий", араб.) – мудрец Торы, занимавшийся разработкой и систематизацией Устной Торы. Завершение эпохи танаев – создание кодекса Мишны в III в. н.э.

«Тарбут» («культура», ивр.) – культурно-воспитательная организация на основе языка иврит и сионистской идеологии; после февральской революции 1917 г. создавала школы, детские сады, учительские семинарии,

публиковала периодические издания и учебники

Тахрихим – шитое полотно, в которое заворачивают тело умершего еврея перед погребением

«Гашлих» – обряд символического сбрасывания грехов в воду. Совершается в первый день Рош-а-Шонэ.

Тверский Йоханан – (1900-1967) – еврейский писатель-новеллист, писал на иврите

Тейвес, или тевет – четвёртый месяц еврейского календаря (декабрь-январь)

«Телеграф» – см. «Дэр Телеграф»

Тель-Хай – еврейское поселение в Эрец Исраэль, созданное в 1917 г. Во время его защиты от нападения со стороны арабских повстанцев в 1920 г. погибли Й. Трумпельдор и семь его товарищей

Территориалисты – течение в еврейском национальном движении, стремившееся к созданию автономного еврейского поселения на значительной территории, где евреи будут составлять национальное большинство и заниматься «продуктивным», в первую очередь, сельскохозяйственным трудом; оформилось после VI сионистского конгресса в 1903 г.

«Тикун» («исправление», древнеевр.) – хасидский обычай угощать водкой на йорцайт; участвующие в выпивке желают, чтобы душа умершего была «исправлена» от грехов, вознесена

Тишебов – («девятый день месяца ав», древнеевр.) – суточный пост в память о разрушении Иерусалимского Храма

Тишрей – первый месяц еврейского календаря (сентябрь-октябрь)

Тноим («условия», древнеевр.) – документ, который составляют перед свадьбой. В нем оговорено, какую помощь будут получать молодожены от родителей жениха и невесты, кто будет ставить хупу

Топчан – кухонный стол

«Тора ва-Авода» («Тора и труд», ивр.) – название всемирной конфедерации молодёжных и первопроходческих групп движения Мизрахи, учреждена в 1925 г. в Вене. В основе идеологии этого сионистского религиозного движения лежало единство Торы, народа и земли Израиля

Трефное – пища, не дозволенная еврейской религией к употреблению

«Трума» – название главы из Книги Шмот («Исход»)

Ту-би-Шват («пятнадцатое швата», древнеевр.) – еврейский полупраздник озеленения, новый год деревьев, отмечаемый 15-го числа месяца шват

Туров Нисен – (1877-1953) – писатель и педагог, руководитель школ Общества распространения культуры среди евреев (1914-19) и ивритских школ в Палестине, издатель «Га-хинух», «Гаарец» и «Швиле га-хинух»

«Тушиа» – книгоиздательство на иврите, преимущественно, для детей и молодёжи, основано в 1897 г. в Варшаве. В 1910 г., после объединения с рядом других издательств, было основано общее книгоиздательство "Централ".

Тфилин – прямоугольные чёрные кожаные футляры, в которых лежат написанные на пергаменте отрывки из четырёх мест Торы. Мужчины во время утренней молитвы крепят тфилин на левой руке и голове.

Тфилин Раши и Рабэйну Там – порядок, в котором должны быть уложены пергаментные полоски с библейскими надписями в головном ящичке, был долгое время предметом спора между комментаторами Талмуда Раши и Рабэйну Там. Некоторые наиболее благочестивые во время богослужения накладывают первую пару, приготовленную по указанию Раши, затем, сняв ее и не повторяя молитвы, накладывают вторую, изготовленную согласно Раббену Таму.

У восточной стены – почётные места в синагоге, где сидят главы общины и другие знатные лица

Удары гошанот – в день Гошана Рабба обходят семь раз алмемер с пучком вербных ветвей и бьют ими несколько раз оземь

«У-нэтанэ токэф» («Так поведаем о великой святости этого дня ...», древнеевр.) – гимн, произносимый перед освящением исхода Рош-а-Шонэ и Йом-Кипур

Урл (орл) – презрительно: «необрезанный, нееврей» (идиш)

«Устная Тора» – законы, передававшиеся из поколения в поколение и собранные позднее в Талмуде

Филактерии – см. Тфилин

Фихман Яков – (1881-1958) – еврейский поэт, критик и литературный издатель, писал на иврите

«Фолксгрупэ» («Еврейская народная группа») – национальная организация, образовавшаяся из некоторых элементов "Союза для достижения полноправия еврейского народа в России" в конце 1906 г.

«Форвертс» – популярная ежедневная газета на идиш, Нью-Йорк, с 1895 г.

Фрейлехс («веселье», идиш) – еврейский свадебный танец

Фришман Давид – (1865-1922) – еврейский писатель, поэт, журналист и переводчик, один из основоположников современной литературы на иврите

Фруг Шимон-Шмуль – (1860-1916) – еврейский поэт, писал на русском и идиш

ХаБаД – древнеевр. аббревиатура: Хохма («мудрость»), Бина («разум»), Даат («познание»). Одно из направлений хасидизма.

Хавэр («друг, товарищ», идиш) – постоянный партнер в учебе, с которым изо дня в день учат Талмуд или другие святы книги

Хазан – кантор

Хаим Цанцер – прозвище основателя хасидской династии в Западной Галиции, талмудиста Хаима бен Лейбуш Гальберштамма (1793-1876), раввина из Нового Сондза (Цанца).

Хала – плетёная булка для субботней трапезы

Халуц (мн.ч. халуцим) – первопроходец, активный участник еврейского заселения и освоения Эрец-Исраэль
Ханука – праздник, установленный в память об освящении Иерусалимского Храма. Отмечается восемь дней с 25 Кислева (декабрь).

«Хануке-гелт» – по обычаю, на четвёртый или пятый день праздника Хануки родители дают детям «ханукальные деньги» (на идиш: «хануке-гелт»)

«Хаперы» («ловцы», идиш) – специально нанятые евреи, буквально охотившиеся за еврейскими детьми для сдачи их в рекруты

«Харисат Троя» – перевод на иврит М.Й.Лебенсоном III и IV книг «Энеиды» Вергилия

Харосет – символическая приправа, употребляемая при пасхальной трапезе

Хасдаи Крескас – (ок.1340-ок.1410) – философ испанского периода, критиковавший аристотелианские увлечения Маймонида

«Хатам Софер» – сборник респонсов в 6 томах известного талмудиста Моисея Софера, Прессбург, 1858-64 гг.

«Хафец хаим» – книга нравоучительного характера раввина и талмудиста Израиля Меира Кагана, опубликованная в 1873 г. в Вильне

«Хатэот нэурим» («Грехи молодости», ивр.) – автобиографическая книга М.-Л. Лиленблома, вышедшая в 1876 г.

Хвольсон Даниил Абрамович – (1819-1911) – российский востоковед-семитолог, автор научного перевода Библии

Хевра кадиша («священное братство», древнеевр.) – погребальное братство, общественное объединение для помощи при похоронах.

Хедер – начальная еврейская религиозная школа для мальчиков

Херем – отлучение от общины и синагоги, налагаемое авторитетными раввинами на еретиков и отступников

«Херут» («Свобода», ивр.) – израильская националистическая партия, создана в 1948 г.

Хешван – второй месяц еврейского календаря (октябрь-ноябрь)

«Хибат Цион» («Любовь к Сиону», ивр.) – движение, предшествовавшее политическому сионизму; возникло в России во второй половине XIX в. Их приверженцы назывались «Ховевей Цион».

ХИДА, или Хаим Йосеф Давид Азулай – (ок.1724-1807) – библиограф, представитель раввинско-каббалистической литературы

«Ховевей Цион» – см. «Хибат Цион»

«Ховевей шефат-эвер» («Любители еврейского языка», ивр.) – это общество официально утверждено в 1907 г. с целью распространения древнееврейского языка и развития еврейской литературы

«Ховот га-левавот» («Обязанности сердец», древнеевр.) – систематическое нравоучение рабби Бахия бен Йосеф Ибн Пакула (II в. н.э.)

Хол-а-моэд – будни праздника, промежуточные дни между первыми и последними двумя днями праздников Пейсах и Сукойс

Хомец («квашеное», идиш) – пища, запрещённая по ритуалу во время Пейсах, т.е. хлеб и другие мучные продукты

Хумеш – Пятикнижие Моисеево

Хупа – свадебный балдахин, под которым происходит венчание

Цадик («праведник», идиш) – у хасидов раввин, духовный вожьд и святой человек, обладающий силой посредничества между Богом и людьми

Цвейфель Элиезер – (1815-1888) – известный еврейский писатель и педагог, писал на иврите и идиш

«Цеирей Цион» – («Молодой Сион», ивр.) – левая сионистская организация

Цейтлин Аарон – (1898-1973) – еврейский писатель, поэт и драматург, писал на иврите и идиш

«Централ» – см. «Мерказ»

«Цилцелей шма» – единственная литературная публикация на иврите, появившаяся в 1923 г. в СССР на иврите

Цинберг Израиль /Сергей/ – (1873-1939) – историк еврейской литературы, член редколлегии российской

«Еврейской Энциклопедии»

Цицес – специальные кисти, пришитые к углам талеса и талес-котн

«Цукунфт» – социалистический ежемесячник на идиш, Нью-Йорк, с 1892 г.

Черниховский Саул – (1875-1943) – выдающийся еврейский поэт, писал на иврите

Чернобылер клойз – молитвенный дом хасидов, приверженцев чернобыльской династии цадииков

«Шаагат арье» («Рыкание льва», древнеевр.) – книга респонсов гениального литовского талмудиста, раввина Арье-Лейба бен Ашера Гинзберга, опубликована в 1756 г.

Шабтай-Цви – (1626-1676) – основатель еврейской секты, объявивший себя Мессией

«Шабэс бэрэйшис» – первая суббота после осеннего праздника Суккот, с которой начинается новый годовой цикл чтения Торы. Название происходит от первого слова Книги Берешит: «вначале».

«Шабэс нэхамо» – «суббота утешения». Первая суббота после дня 9-го Ава, называемая так потому, что в тот день читают отрывок из Книги Пророка Исаии (гл.40), который начинается стихом: «Утешайте, утешайте народ Мой»

Шабэс-ойпс – фрукты или сладости, которые давали детям в субботу

«Шабэс шира» – «суббота песни», в которую читают раздел из книги Шмот, содежащий «Песнь моря»; предшествует зимнему празднику Ту би-шват или совпадает с ним

«Шабэс шува» – «суббота возвращения» или «суббота покаяния». В эту субботу, которая предшествует дню Йом-Кипур, утром читают отрывок из Книги Пророка Ошеа (Осии) со словами: «Обратись, Израиль ...»

Шадхен – профессиональный сват

Шазар Залман /Рубашов Шнеур Залман/ – (1889-1974) – сионистский публицист и израильский политик, с 1963 г. президент Государства Израиль

Шайлэс – вопросы, касающиеся религиозных законов

Шалэшудес – третья трапеза в субботу после полудня

Шамес – синагогальный служка

Шапиро Хава – (1879-1943) – еврейская писательница и публицистка, писала на иврите

Шапиро братья из Славуты – внуки цадика Пинхаса Корецкого, Пинхас и Шмуль-Аба Шапиро, владельцы типографии в Славуте, печатавшие Талмуд в первой половине XIX в.

Шарон (Сарон) – 1) местность в Израиле между горой Табор и озером Кинерет; 2) приморская равнина в Израиле от Кейсарии до Яффы

Шахрес (или шахарит) – утренняя молитва

Шват – пятый месяц еврейского календаря (январь-февраль)

Швуэс, или Шавуот – праздник дарования Торы на горе Синай. Отмечается 6 Сивана (май – июнь) – на пятидесятый день от начала праздника Песах

«Шевилей га-хинух» – педагогический журнал на иврите, Нью-Йорк, с 1925 г.

Шейнкин Менахем – (1871-1924) – сионистский лидер в России и Эрец-Исраэль, педагог, публицист

Шейх Бард — ныне квартал Гиват Рам в Иерусалиме

«Шекель» – здесь: членские взносы сионистской организации

«ШеЛо» (полное название: «Шней Лухот га-Берит» – «Две скрижали Завета», древнеевр.) – краткое изложение еврейской религии, популярное произведение в двух книгах раввина Йешайи га-Леви Горовица «Шем га-гдолим» («Имена великих», древнеевр.) – библиографический словарь Хаима Йосефа Давида Азулайя /ХИДА/, Ливорно, 1774-98 гг.

«Шемот» – предметы, носящие имя Бога, например: молитвенники, тфиллин

Шехина – сосредоточение Божественного присутствия в объектах реального мира

Шиксэ (мн.ч. шиксэс) – идиш: девушка-нееврейка

Шимони /Шимонович / Давид – (1886-1956) – еврейский поэт, писал на иврите

Шимшон Острополер /Самсон из Острополя/ – известный каббалист, автор ряда мистических произведений, частично изданных посмерто в XVIII в.

«Шир га-Ихуд» («Песнь о единстве Всевышнего», древнеевр.) – мистическая средневековая поэма о Божестве, которую поют в конце праздничной службы

Шломо бен Йегуда ибн Габироль /Авицеброн/ – еврейский поэт и философ XI в. из Испании

«Шма» – молитва, начинающаяся словами: «Слушай, Израиль (Шма Исраэль), Господь Бог наш, Господь один!» Её произносят четырёхжды в день на каждой из ежедневных молитв и дома перед сном.

Шмини-Ацерет – восьмой день праздника Сукойс

Шмуль из Каминки – цадик второй половины XVIII в., ученик и сподвижник Бешта

Шмуэль-Шмельке из Никольсбурга – см. Горовиц Шмуэль-Шмельке бен Цви

«Шней Лухот га-Брит» – см. «ШеЛо»

Шойхет – резник, который осуществляет забой скота и птицы согласно еврейскому диетарному закону; только мясо забитых шойхетом животных является кошерным.

Шнеур /Залкинд/ Залман – (1887-1959) – еврейский поэт и романтик, писал на иврите и идиш; вместе с Бен-Авигдором основал в Варшаве издательство «Гушиа»

Шнеур Залман из Ляд – (1745-1813) – цадик, основатель движения ХаБаД в хасидизме, ученик Межиричского магида

Шойфер, или шофар – бараний рог, в который трубят в синагоге в Рош-га-Шана и на исходе Йом Кипур. «Шофетим» – Книга Судей Израилевых

Шпольский старец – раввин Арье-Лейб из Шполы (1725-1812), один из первых цадиков и популярный целитель

Штаркман Мойше-Йоханан – (1906-1975) – библиограф, лексикограф, публицист, составитель библиографического словаря еврейской литературы

Штирнер Макс – (1806-1856) – немецкий философ-младогегельянец, сторонник идей эгоцентризма

Штраймл – мужская шапка, отороченная мехом, традиционный парадный головной убор

«Шулхан Арух» – путеводитель XVI в. по еврейскому Закону и руководство по соблюдению

обрядов каббалиста из Палестины Йосефа Каро. Был одним из самых популярных и широко используемых текстов у восточноевропейских евреев

Шульман Калман – (1819-1899) – еврейский историк, писатель и просветитель, писал на иврите

Шхита («убой», древнеевр.) – правила ритуального убоя скота и птицы в соответствии с требованиями кашрута

«Эйзегу нэшек» («Что есть лихва», древнеевр.) – глава V из талмудического трактата «Бава Мециа», содержащая законы о лихоимстве

«Эйн Яаков» – произведение учёного-раввиниста Яакова бен Шломо ибн Хабиба из Испании (1445-1515), в котором собраны сказания из Талмуда

Эйсав (Исав) и Яаков (Иаков) – сыновья Ицхака (Исаака) – символизируют, соответственно, нееврея и еврея.

Экстерн – человек, сдающий экзамены за курс учебного заведения, не обучаясь в нём

Элеазар бен Арах «Добросердечный» – танна второго поколения (I в. н.э.), наиболее выдающийся ученик р.Йоханана бен Закая

Элимелех из Лежайска – (1717-1787) – популярный цадик и один из основоположников хасидизма в Галиции, ученик Межиричского магида

Элул – двенадцатый месяц еврейского календаря (август-сентябрь)

Эмден Яаков бен Цви – (1697-1776) – раввин, галахический авторитет и каббалист из Германии; аббр. ЯаВеЦ

«Эмес» – см. «Дэр Эмес»

Энтин Йозель – (1875-1959) – еврейский журналист, просветитель и переводчик, писал на идиш

Эпштейн Ихил-Михл бен Аарон-Исаак га-Леви – (1829-1908) – раввин в Новогрудке и галахический авторитет

Эренпрайз Маркус /Мордехай/ – (1869-1951) – раввин и публицист

Эрец-Израэль – Земля Израиля (древнеевр.)

Эртер Ицхак – (1791-1851) – еврейский поэт-сатирик Гаскалы, писал на иврите

Этрог – плод цитрусового растения типа лимона; один из четырех видов растений, которые используются в службе праздника Суккойс

«Эц хаим» («древо жизни», древнеевр.) – деревянная рукоять от свитка Торы

Яаков-Ицхок из Люблина – (1745-1815) – цадик, один из основателей хасидизма в Польше и Галиции

Яаков-Йосиф бен Цви га-Коген из Полонного – (умер ок.1782 г.) – цадик и проповедник, первый теоретик хасидизма, ученик БеШГа

р.Яаков-Шимшон из Шепетовки – (умер ок.1801 г.) – раввин и хасидский вождь, ученик Межиричского магида и цадика Пинхаса из Корца

«Яалот» – стих из вечерней молитвы Йом-Кипур, каждая строка которого начинается словом «яалэ» («да взывает ...»), древнеевр.)

«Ялкут Шимони» – свод агадических толкований Священного Писания, извлечённых из Талмуда и Мидрашим, в двух частях. Составитель: Шимон Кара

Янкель-Ицхок из Макарова – (умер в 1892 г.) – цадик Чернобыльской династии

«L'echo sioniste» – сионистский еженедельник на французском, Париж, 1900-21 гг.